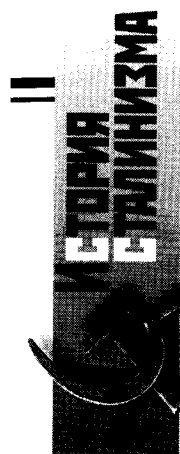

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

ГУЛАГ

ЭКОНОМИКА

ПРИНУДИТЕЛЬНОГО

ТРУДА

Москва
2008

УДК 929 (092)(082.1)
ББК 63.3(2)615-4; 65.24
Г 94

Ответственные редакторы
Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк

Г 94 ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 320 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1014-6

Данный коллективный труд посвящен малоизученным вопросам экономики принудительного труда, использовавшегося в ГУЛАГе в 1930-х – 1950-х гг. Авторы (историки из России, Великобритании, Германии и США) основывают свои исследования на больших массивах документов из ранее секретных архивных фондов советских карательных ведомств – ОГПУ, НКВД, МВД СССР. В первой части рассмотрены общие вопросы принуждения к труду в СССР в 1930-х – 1950-х гг., масштабы и структура лагерной экономики, эволюция системы ее управления. Показаны специфические методы сочетания принуждения и стимулирования труда заключенных ГУЛАГа, рассмотрен феномен коррупции в системе лагерей.

Во второй части книги экономика ГУЛАГа исследуется в региональных и отраслевых измерениях. Здесь основное внимание уделяется специфике использования принудительного труда в тех районах страны, где рабочая сила ГУЛАГа играла наиболее важную роль (на Дальнем Востоке, в Заполярье, в Карелии, а также в Сибири и на Урале). Авторы исследуют вопросы организации принудительного труда, его производительности и степени эффективности на архивном материале крупнейших объектов ГУЛАГа, включая Беломорканал, Норильский никелевый комбинат, Дальстрой (золотые прииски Магадана), а также в сельском хозяйстве и на лесозаготовительных работах. Привлекаются также архивные данные о труде военнопленных и спецпереселенцев.

Книга рассчитана как на специалистов по экономической и социальной истории СССР, так и на широкую читательскую аудиторию, желающую разобраться – на основе обширного документального материала – в сложной и трагичной истории использования принудительного труда в нашей стране в 1930-х – 1950-х гг.

УДК 929 (092)(082.1)
ББК 63.3(2)615-4; 65.24

ISBN 978-5-8243-1014-6

© Коллектив авторов, 2005
© Российская политическая энциклопедия, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга в значительной мере является результатом исследований архивных фондов советских карательных ведомств — ОГПУ, НКВД, МВД СССР, Главного управления лагерей (ГУЛАГа) и т.д. Сама возможность работы с этими документами, появившаяся в последние годы, существенно изменила историографическую ситуацию, открыла перед историками новые перспективы исследований. Однако, как вскоре выяснилось, для реализации этих перспектив требуются значительное время и усилия. Вопреки первоначальному упрощенным представлениям о возможности быстрого историографического скачка в случае открытия архивов, их освоение оказалось процессом длительным и трудным. Огромные размеры новых документальных комплексов, отсутствие опыта работы с ними и элементарных справочно-вспомогательных знаний заставили двигаться постепенно и гораздо медленнее, чем можно было предположить.

Конечно, ситуация не была одинаковой на всех направлениях изучения истории советского периода. В силу большого научного и общественного интереса, а также по политическим причинам наиболее активно публиковались документы и материалы о массовых репрессиях, лагерной системе, о жертвах террора, его организаторах и исполнителях, т.е., пользуясь известным обобщением А.И. Солженицына, по истории ГУЛАГа. За последние пятнадцать лет появились тысячи работ на эти темы¹. Многие из этих изданий играли важнейшую социально-политическую роль, хотя не имели особой ценности с научной точки зрения. Многие — например, книги памяти жертв политических репрессий (списки расстрелянных или сборники документов о репрессиях), выходявшие почти во всех регионах России и во многих республиках бывшего СССР, служат не только средством нравственного преодоления сталинизма, но являются также важнейшим историческим источником. Постепенно развивалась также научная историография проблемы. По понятным причинам она началась с исследования вопроса о численности жертв террора и контингентов лагерей, колоний, тюрем, спецссылки и т.д. Историки выявили и обобщили многочисленные данные ведомственной статистики, содержащиеся в

¹ Избранную библиографию и обсуждение результатов изучения проблем террора и советской карательной системы см.: *Cahiers du Monde Russe*. 2001. Vol. 42. № 2—4 (специальный выпуск, посвященный истории советских органов госбезопасности).

фондах ГУЛАГа, министерств внутренних дел и юстиции СССР. Дискуссии по поводу этой статистики способствовали критическому исследованию этого источника¹. Благодаря усилиям сотрудников общества «Мемориал» и Государственного архива Российской Федерации, были подготовлены важнейшие справочные издания о системе лагерей и карательных органов, о руководителях НКВД². Вышли в свет многочисленные сборники документов о массовых репрессиях, лагерной системе, спецсылке и т.д.³

В целом, главной характерной чертой процесса исследования истории ГУЛАГа в последние десять—пятнадцать лет было своеобразное «первоначальное накопление» новых, прежде всего, архивных источников и базовых знаний о структуре, деятельности советских карательных органов, системе их делопроизводства и т.д. Это, конечно, не означает, что в историографии ГУЛАГа отсутствует аналитическое направление. С одной стороны, ряд упомянутых справочников и сборников документов снабжены важными вступительными статьями. С другой — существует специальная литература по отдельным аспектам проблемы. Среди них прежде всего следует назвать многочисленные исследования истории

¹ Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // СОЦИС. 1991. № 6; Он же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. October 1993; Wheatcroft S.G. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930—1945 // Europe-Asia Studies, Vol. 48. № 8. 1996; Conquest R. Victims of Stalinism: A Comment // Europe-Asia Studies. Vol. 49. № 7. 1997; Wheatcroft S.G. Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data — Not the Last Word // Europe-Asia Studies. Vol. 51. № 2. 1999; Conquest R. Comment on Wheatcroft // Europe-Asia Studies. Vol. 51. № 8. 1999; Ellman M. Soviet Repression Statistics: Some Comments // Europe-Asia Studies. Vol. 54. № 7. 2002; и др.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1998; Кто руководил НКВД. 1934—1941. Справочник / Сост. Н.В. Петров, К.В. Скоркин. М., 1999; Лубянка. 1917—1991. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003.

³ ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. 1930—1941 / Сост. А.Ю. Жуков и др. Петрозаводск, 1992; Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30—50-е годы). Т. 1—2 / Под ред. Л.И. Гвоздковой. Кемерово, 1994; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930—1945 гг. Т. 1—4 / Под ред. В.П. Данилова, С.А. Красильникова. Новосибирск, 1992—1996; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917—1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 1—5 / Под ред. В.П. Данилова, Р. Манниг, Л. Виола. М., 1999—2000; Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938 / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2004 и др.

«большого террора», массовых репрессий 1937—1938 гг.¹ Благодаря усилиям большой группы историков, работающих в разных странах, это направление демонстрирует достаточно гармоничное сочетание выявления новых документов и их осмысления. Правда, этот пример составляет, скорее, исключение, чем правило. Большое количество различных аспектов истории ГУЛАГа, несмотря на существование серьезной источниковой базы, не стали еще предметом исследований. Так, достаточно немногочисленна исследовательская литература о спецсылке². Ощущается острый недостаток работ, базирующихся на региональном материале, позволяющих глубже понять повседневные реальности осуществления политики репрессий и развития пенитенциарной системы³. К числу малоразработанных относятся проблемы экономики принудительного труда, которым посвящен данный сборник статей, развитие лагерей как социального феномена особого типа и т.д.

Все это не означает, конечно, что необходимо резко повернуть историографический курс и, отказавшись от выявления и публикации новых документов, полностью переключиться на подготовку статей и монографий. Запоздалое и постепенное открытие архивов и необходимость, в силу этого, освоения огромных документальных комплексов в сжатые сроки заставляют решать эти две задачи — публикаторскую и исследовательскую — одновременно, не противопоставляя их, а стремясь максимально сблизить. Именно из такого понимания потребностей историографии исходил большой коллектив историков и архивистов, которые в последние годы занимались изучением документов советских карательных органов, используя возможности, открытые большим совместным проектом Государственного архива Российской Федерации и Гугеровского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет). Создание базы микрофильмов этих документов намного расширило их доступность для широкого круга историков, облегчило и сделало более интенсивным исследовательский процесс. Совмест-

¹ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Jansen M., Petrov M. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895—1940*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2002; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

² См., например: Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производственных сил на Кольском полуострове (1930—1936 гг.). Мурманск, 1993; Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930—1936. М., 1995; Красильников С. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

³ Среди немногочисленных исследований такого рода можно назвать: Еланцева О.П. Обреченная дорога. БАМ: 1932—1941. Владивосток, 1994; Бердинских В. Вятлаг. Киров, 1998; Широков А.И. Дальстрой: Предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000; и др.

ная подготовка семитомного документально-справочного издания «История сталинского ГУЛАГа», которое выходит в Москве в издательстве «Российская политическая энциклопедия», позволило продолжить изучение этого сложного и громоздкого комплекса документов.

Данная книга в значительной мере также является результатом упомянутого выше проекта¹. Исследование проблем принудительного труда в сталинскую эпоху велось параллельно в российских научных учреждениях и в Гуверовском институте. Первые результаты этой работы были опубликованы в издательстве Гуверовского института².

Предлагаемый вниманию читателей коллективный труд занимает особое место в имеющейся уже литературе по проблемам экономики ГУЛАГа. Во-первых, авторы использовали сотни архивных документов из ранее засекреченных фондов ГУЛАГа, ОГПУ, НКВД, МВД СССР. Во-вторых, впервые читателю предлагается системное изложение различных аспектов экономики лагерной системы, от становления системы принудительного труда в СССР и формирования лагерной экономики, превращения ГУЛАГа в самую крупную хозяйственную структуру страны с практически неограниченной мобилизационной способностью, до последующего упадка экономического монстра в конце 50-х годов. При этом стержневой темой книги является принудительный труд, его производительность и эффективность (скорее, неэффективность), а также применявшиеся администрацией лагерей методы сочетания «кнута» и «пряника» для повышения производительности подневольного труда заключенных.

Книга состоит из двух частей. Первая из них содержит пять глав, в которых дается общая характеристика лагерной экономики и принципов ее организации. В главе А.К. Соколова принудительный труд в сталинских лагерях рассматривается в широком контексте системы принуждения к труду в советской экономике 1930-х — середины 1950-х гг. О.В. Хлевнюк дает обзор экономики ОГПУ—НКВД—МВД СССР, ее масштабов, структуры, тенденций развития в течение указанной четверти века. С. Эртц (Германия), активно используя рассекреченные архивные материалы, подвергает детальному анализу эволюцию административной структуры и принципов управления лагерной системой. В главе Л.И. Бородкина исследуется регулирование принудительного труда в ГУЛАГе, практика его стимулирования, сочетающая специфичные «лагерные» стимулы и привычные для советской экономики методы мотивации ударного труда. Необычный ракурс исследований ГУЛАГа

¹ В рамках этого проекта подготовлены материалы глав А.К. Соколова, О.В. Хлевнюка, С. Эртца, Л.И. Бородкина, Дж. Хейнцена.

² *The Economics of Forced Labor. The Soviet Gulag* / P.R. Gregory, V. Lazarev, ed. Stanford: Hoover Institution Press, 2003.

содержит глава Дж. Хейнцена (США), который рассматривает коррупцию в лагерной системе, ее формы и масштабы.

Вторая часть сборника включает также пять глав. В них экономика ГУЛАГа анализируется в региональных и отраслевых измерениях. К. Джойс (США) дает характеристику экономической деятельности ГУЛАГа в Карелии в 1929—1941 гг. Автор затрагивает сюжеты, связанные с Соловецкими лагерями, строительством Беломорканала, становлением Беломорско-Балтийского комбината. Роль ГУЛАГа в развитии экономики Дальнего Востока в 30-е годы, связанная в основном с добычей золота и других ценных металлов заключенными Дальстроя, рассматривается Д. Норландером (США). Становление и хозяйственная деятельность другого крупного объекта экономики ГУЛАГа — Норильского никелевого комбината — предмет исследования Л.И. Бородинки и С. Эртца. В центре внимания авторов находятся вопросы организации и стимулирования труда заключенных в экстремальных условиях Заполярья. А.Б. Суслов проводит анализ эффективности и рентабельности принудительного труда (в сравнении с «вольным» трудом) на Урале как в сфере промышленного производства, так и в сельском хозяйстве. Наконец, С.А. Красильников рассматривает механизмы и результаты колонизации севера Западной Сибири в 1930-е гг., проводившейся на основе принудительного труда сотен тысяч спецпереселенцев, объединенных в спецартели.

Редакторы и авторы книги выражают благодарность за советы и помощь сотрудникам Государственного архива Российской Федерации и архива Гугеровского института под руководством Елены Даниэльсон. Они также признательны Джону Рэйзиэну, директору Гугеровского института за поддержку данного проекта.

Редакторы

ЧАСТЬ 1

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ: ЭКОНОМИКА СИСТЕМЫ

Глава I

**ПРИНУЖДЕНИЕ К ТРУДУ
В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ
1930-е — середина 1950-х гг.¹**

Принудительный труд

История ГУЛАГа тесно связана с использованием принудительного труда в советской экономике. Из прошлого известно много способов принуждения к труду, но в истории новейшего времени, наверное, они мало где столь широко применялись в государственном масштабе, как в Советском Союзе при Сталине. Причем использование труда заключенных было лишь одной из форм принудительного труда.

Решать производственные задачи, которые ставило сталинское руководство, и стимулировать людей к их выполнению можно было разными способами. В политэкономии есть понятие внеэкономического принуждения, когда приходится выполнять ту или иную работу на основе неэквивалентной компенсации за труд и использования таких способов принуждения как личная зависимость, прямое насилие, угроза насилия, различные формы репрессий, наказаний и всего прочего, что может придумать государство или владельцы средств производства и управляющие, чтобы заставить людей работать интенсивнее, больше и дольше. Соответственно, следом за Марксом, различают еще экономическое принуждение при капитализме, когда человек вынужден продавать свой труд в обмен на материальную компенсацию, обычно заработную плату. Образно обе группы стимулов называют политикой «кнута и пряника», «палки и морковки». Часто они ложатся в ос-

¹ Материал данной главы подготовлен в рамках работы по совместному проекту, поддержанному Гуверовским институтом. Использовались также разработки проекта «Мотивация труда в России. 1861—2000», осуществленного при содействии Международного института социальной истории (Амстердам) и финансовой поддержке фонда «Nederlandse Organisatie voor Wetenschappelijk Onderzoek». См. также работы: Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2000; Его же. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис. Конец 1930-х — середина 1950-х годов // Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004. Для воссоздания исторического фона эпохи использованы также книги: Соколов А.К. Курс советской истории. 1917—1940; Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории. 1941—1991. М., 1999.

нову экономических расчетов. Но хорошо известно также, что этим не ограничивается мотивация труда. Она может базироваться на представлениях о долге, на этических и моральных соображениях, на воспитании и убеждении. Все они, как правило, воздействуют на работника одновременно, определяя отношение к труду и уровень его производительности. Дело, стало быть, состоит в выявлении господствующей тенденции для каждого исторического времени.

Принуждение как способ привлечения к труду органически вытекало из советской доктрины, что нашло отражение в понятии всеобщей трудовой обязанности, внедряемой с момента установления власти большевиков, исходя из принципа «не трудящийся да не ест». Отсюда — преследования тех, кто, по большевистским представлениям, не был трудящимся, в том числе представителей «свергнутых эксплуататорских классов», работников умственного труда. Более того, и сами трудящиеся становились объектом принуждения. Освобождая, как им казалось, пролетариат от капиталистической эксплуатации, большевики рассчитывали на сознательность тружеников в строительстве нового общества, но из этого в силу объективных и субъективных обстоятельств ничего не вышло. С первых лет существования новой власти люди попали еще в более сильную зависимость от государства, чем в старой России. Отсюда комплекс мер принуждения, предпринятых в годы военного коммунизма. Как писал Н. Бухарин в «Экономике переходного периода» в 1920 г., «пролетариат в условиях переходного времени распространяет принуждение на самого себя». При этом большинство принудительных мер не были изобретены большевиками, а унаследованы ими из прошлого.

Известно, что в подсознании существует устойчивый стереотип о том, что русского человека можно заставить работать только «из-под палки», отголоски которого иногда присутствуют в общественном мнении и сегодня. Учитывая историческую преемственность, вполне логично было ожидать, что многовековая крепостная зависимость, всесилье государства и бюрократии, подавление свободы граждан и т.д. так или иначе скажутся на отношении к труду, особенностях его организации и формах принуждения (крепостное крестьянство, крепостные мануфактуры, посессионные казенные предприятия, принудительное распределение и снабжение, труд заключенных и ссыльных, отработки и т.д.). Не случайно термины «трудовая обязанность» и «трудовая повинность» употреблялись как синонимы. Были и нововведения, придуманные новой властью. Это — мобилизации, государственная организация специальных принудительных работ, трудовых лагерей, использование трудовых армий и пр. Одновременно большевистское государство провозглашало политику перевоспитания трудом, в которой многие авторы усматривают больше лицемерия, чем реализма, но, кажется, на первых порах большевистские комиссары были искренне убеждены в «целительной» роли принудительного труда. До сих пор не умолкают споры о том, в какой степени система трудовых отношений, присущая военному коммунизму, носила

вынужденный или доктринальный характер. Но несомненны два обстоятельства. Во-первых, переход к новой экономической политике в советской России в 1920-е гг. потребовал отказа от многих принудительных мер предшествующего времени. Во-вторых, военный коммунизм оставил глубокий след в экономической политике советского государства.

В трудовой практике 1920-х гг. государство продолжало прибегать к принудительным работам, хотя их размеры значительно сократились. Лица, приговоренные судом на срок более 1 года, должны были работать в домзаках, тюрьмах и исправительно-трудовых колониях (ИТК). Трудовые колонии были двух типов: открытого и закрытого. ИТК открытого типа создавались вне городов для борьбы с нищенством, проституцией, беспризорностью, бродяжничеством и строились на началах самоорганизации и самоуправления. ИТК и прочие исправительно-трудовые учреждения закрытого типа рассматривались как изоляторы для борьбы с уголовными преступлениями, но все исправительно-трудовые учреждения считались советскими хозяйственными организациями, которые ставят своей целью привитие трудовых навыков осужденным и рациональное использование их труда. Осужденные на срок менее года отбывали наказание без лишения свободы «в целях разгрузки тюрем и колоний». При советских органах создавались отделы (бюро) организации принудительных работ. Приговоренные к ним должны были получать 50% заработной платы (в отдельных случаях 75%). Отделы принудительных работ были обязаны создавать предприятия для осужденных на срок свыше 6 месяцев или организовывать общественно-полезные работы. Уголовное преследование как метод принуждения к труду в 1920-е гг. не имело широкого применения.

Вместе с тем в советском трудовом праве 1920-х гг. были сформулированы положения, существенно отличавшие его от права других стран и на долгие годы определившие специфику судебных решений в Советском Союзе. Последние выступали не как мера наказания, а как мера социальной защиты, т.е. комплекс принудительных мер, применяемых судами к преступникам как социально-опасным лицам. В связи с этим отрицалась эквивалентность (равноценность) наказания содеянному, а на первое место ставилась опасность преступления для общества. Этот принцип последовательно проводился в жизнь, определяя характер репрессий. На первое место ставилось объявление врагом народа, затем лишение свободы со строгой изоляцией, приговор к принудительным работам, поражение в правах, высылка из СССР, ссылка и высылка в пределах СССР, увольнение с работы, запрет на профессиональную деятельность, конфискация имущества, общественное порицание, штраф, а с конца 1920-х гг. — возможность загладить трудом причиненный вред. Совершенно очевидно, что при таком подходе происходит смешение различных видов и форм наказаний. На первое место выдвигается не уголовное, а политическое преследование. Это позволяет говорить об общей политической

направленности пенитенциарной политики советского государства. Любопытный факт: в 1930 г. в результате такой политики и оказываемого давления на суды 20% убийц, 31% насильников, 46% грабителей и 70% воров были осуждены к принудительным работам без содержания под стражей¹, в то время как осужденные по политическим статьям направлялись в места заключения с более строгим режимом, изоляцией и охраной. Это особенно относится к тому времени, когда в стране установилась сталинская диктатура, и рождение ГУЛАГа в 1929 г. не случайно совпадает с моментом ее утверждения.

ГУЛАГ в системе принудительного труда

ГУЛАГ сегодня рассматривается не только как символ политических репрессий, но и как главная черта общей репрессивной природы советского строя, основанного на насилии, подавлении прав личности, принудительном труде и пр. Как следствие, имеет место сильное преувеличение роли и места самого ГУЛАГа в жизни советского общества: в хозяйственной деятельности, политике, в жизни рядовых граждан. Формально система лагерей существовала в СССР с 1929 по 1960 г., хотя ее история переживала периоды взлетов и падений. Поэтому одной из задач данной книги является рассмотрение экономики собственно ГУЛАГа, который в наибольшей степени воплощает в себе образ принудительного труда. Узники ГУЛАГа часто сравниваются с армией «государственных рабов», лишенных элементарных человеческих прав.

Безусловно, само возникновение и развитие ГУЛАГа оказывало воздействие на все стороны жизни советского общества. Однако, помимо лагерей, было немало сфер жизни, где имели место методы принуждения к труду: в колхозах и совхозах, на стройках, заводах и фабриках, в армии, в советских учреждениях. Более того, имело место взаимопроникновение вольнонаемного и принудительного труда, когда заключенные («спецконтингент») трудились на гражданских объектах, и, наоборот, формально свободные граждане вынуждены были работать на гулаговских стройках и предприятиях. Неразрывно связано принуждение и с утверждением сталинской планово-распределительной системы. Такие понятия как плановая подготовка и распределение рабочей силы, мобилизации, оргнабор, распределение и снабжение продуктами, общественные призывы неразрывно связаны с принуждением, хотя последнее может выступать здесь в неявно выраженном виде (по форме — добровольное, по сути — принудительные). В силу этого, образно говоря, вопрос заключается в том, в какой мере всех граждан СССР можно считать узниками ГУЛАГа.

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1999. С. 18.

Расширение ГУЛАГа

Расширение ГУЛАГа началось в ходе форсированной сталинской индустриализации, провозглашения программы хозяйственного освоения северных, труднодоступных и малонаселенных районов, страдающих отсутствием и недостатком рабочей силы. С принятием пятилетнего плана появилась идея посылать заключенных туда, куда не хотели ехать вольнонаемные работники. Предполагалось также, что работа на объектах пятилетки будет способствовать перевоспитанию заключенных. Как говорилось в известной песне: «Десять лет трудовых лагерей подарил я рабочему классу. / Там, где были тропинки зверей, проложили Печорскую трассу».

В период нэпа реализация крупных проектов была не под силу в местах заключения. Поэтому возникает идея создания специальных больших лагерей и системы спецпоселений для высланных из деревни раскулаченных крестьян, других «чуждых» и «социально-опасных» элементов. 11 июля 1929 г. СНК СССР принял специальное постановление об использовании труда заключенных на Севере, на Урале, в Сибири, в Казахстане и на Дальнем Востоке. К моменту его подписания в стадии организации уже было несколько лагерных комплексов ОГПУ с количеством заключенных около 23 тыс. человек¹. Реализация плановых заданий требовала концентрации больших ресурсов, в первую очередь трудовых, на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов. Они должны были стать опорными пунктами колонизации новых районов. Предполагалось, что заключенные после окончания срока или досрочного освобождения, а ссыльные после восстановления в гражданских правах, останутся на новых местах на «вольном» положении. Таким образом, был взят курс на принудительную колонизацию.

Дальнейшее оформление различных секторов принудительного труда совпадает с утверждением централизованного планирования, и снабжения (выделения «фондов»), мобилизационного распределения трудовых ресурсов, с массовой коллективизацией и другими политическими кампаниями, проводимыми сталинским руководством. Важно понять: эти кампании, крикливые и шумные, напичканные идеологическими лозунгами, приобретали опасную логику саморазвития. Каждая такая кампания имела периоды зарождения, развертывания и спада, почти безошибочно прослеживаемые даже в официальных документах.

К 1932 г. в стране было создано уже 11 лагерей, а число заключенных в них составило 270 тыс. человек². В лагеря в основном отправлялись осужденные на срок от 3-х лет. Характер их трудоустройства оставался примерно тем же, что и в прежних местах

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1999. С. 24.

² Там же. С. 26.

заключения: та же самоокупаемость входящих в состав лагерей предприятий. Роль ОГПУ сводилась к функции поставщика и держателя рабочей силы, обеспечивающего ее поставку на основе контрагентских соглашений. Степень использования заключенных на оплачиваемых работах должна была составлять 60—65%.

Первой стройкой, имевшей военно-стратегическое значение, которая стала символом рождения ГУЛАГа, стал Беломорско-Балтийский канал (ББК). Здесь ГУЛАГ должен был «показать себя», продемонстрировать свои возможности по концентрации большого числа людей, массой и штурмом обеспечить выполнение плана. При этом главным критерием «успеха» становится не самоокупаемость (рентабельность) проведенных работ, а ввод объекта в назначенный срок при строго заданных лимитах, за исключением, может быть, привлечения рабочей силы. В целом задача строительства была выполнена. Какой ценой это было достигнуто — предмет специального рассмотрения. Будучи отработкой модели лагерной системы, ББК способствовал тому, что на другие лагерные объекты распространялись понятие срочности, повышения норм выработки, сверхурочные работы и т.п. К таковым относились Дальстрой, созданный для освоения золотоносных месторождений Дальнего Востока, и строительство Байкало-Амурской магистрали, вызванное обострением обстановки на восточных границах СССР. После введения в строй ББК значительная часть заключенных была перебросена в 1935 г. на строительство канала Москва—Волга. Лагерный труд был наполовину ручным, условия труда, питания и быта исключительно тяжелыми и, как результат, росла смертность заключенных. Так, за годы строительства ББК смертность увеличилась в 6 раз¹. Вместе с тем в лагерях сразу же обозначилась проблема, присущая экстенсивной советской экономике, — тотальный дефицит трудовых ресурсов.

На заключенных распространялись принципы социалистического соревнования, внедрялись всевозможные трудовые почины. Ударничество, по отчетам лагерного начальства, охватывало 95% заключенных. Получившие награды или удостоверение ударника имели право на досрочное освобождение и могли сами выбирать место жительства. Но многие, особенно пострадавшие по политическим обвинениям, вынуждены были оставаться на положении ссыльных в тех местах, где они отбывали сроки, под надзором комендатур.

В литературе, посвященной ГУЛАГу, борются две точки зрения. Одна заключается в том, что лагерные стройки и объекты создавались для того, чтобы занять растущее количество заключенных, вторая — что усиление репрессий было связано с потребностью выполнения плановых заданий с помощью принудительного труда. Однако документальных подтверждений ни той, ни другой точке

¹ Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: Социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1995. № 4. С. 62.

зрения нет. Вряд ли сталинское руководство четко осознавало все последствия тех или иных своих действий. Особенный рост лагерного населения произошел после принятия в 1932 г. ряда репрессивных законов (например, законы о хищениях социалистической собственности, о паспортизации и др.). Как бы то ни было, с 1933 г. лагеря становятся доминирующим типом организации принудительного труда. При этом постепенно сглаживаются различия между лагерями и прежними формами мест заключения, между ИТЛ и ИТК, а также спецпоселениями, что приводит к созданию общей системы ГУЛАГа под эгидой НКВД. В момент образования в середине 1934 г. единого НКВД в нем было уже 15 ИТЛ с числом заключенных 620 тыс. К тому времени общее число мест лишения свободы, подчиненных различным органам, составляло 274, а количество заключенных приближалось к отметке в 1 млн человек¹. Еще несколько лагерей было образовано в последующие годы. Если в 1933 г. их «население» увеличилось на 176 тыс., то в 1934 г. — на 455 тыс., в 1935 г. — еще на 330 тыс. и к 1937 г. в них содержалось 821 тыс. заключенных. В системе ИТК, более мелких и раскинутых по всей стране, к 1937 г. по данным НКВД находилось 375 тыс. заключенных². Кроме того, в стране к этому времени числилось примерно 700 тыс. человек, приговоренных к принудительным работам без лишения свободы.

Согласно советской политике, заключенные должны были своим трудом окупать свое содержание. Крайне запутанным является вопрос об оплате их труда. По закону (УПК 1933 г.) он должен был оплачиваться. На каждого заключенного заводились лицевые счета, как и на каждого советского гражданина. Но, как часто бывало, законы не соблюдались и противоречили ведомственным инструкциям. Оплата труда сильно зависела от финансового положения мест заключения. Могли выдаваться премии за хорошую работу, но всегда можно было сослаться на то, что содержание заключенного стоит больше, чем он заработал. На руки выдавались мизерные суммы для покупки некоторых элементарных вещей в местных ларьках (табак, конверты, зубной порошок и пр.), остальное выдавалось на руки при освобождении. Насчет того, сколько денег поступало в счет оплаты заключенных, источники пока молчат.

Камнем преткновения для многих исследователей стало различие содержащихся в лагерях политических и уголовных элементов. Нередко бывает так, что все заключенные огульно рассматриваются как жертвы политических репрессий. Дать точные данные о реальных и мнимых преступниках практически невозможно. Каждый случай осуждения должен рассматриваться отдельно и, разумеется, в контексте времени, но, несомненно, что,

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 34.

² Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы. С. 57; Его же. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. 1991. № 6. С. 13.

во-первых, значительную часть населения ГУЛАГа составляли лица, действительно совершившие уголовные преступления, во-вторых, доля «политических» в лагерях была выше, поскольку они чаще приговаривались к длительным срокам. Тем не менее, в литературе эти соображения зачастую игнорируются. Если никому не придет в голову рассматривать наказания за уголовщину в других странах в качестве политических репрессий, то следует признать, что сталинский режим дал основание для этого, подвеля политические обвинения под уголовные и создав систему трудовых лагерей. Не может найти морального оправдания и тот бесчеловечный и жестокий режим, который был установлен в лагерях и других местах заключения.

Еще одной формой принудительного труда были специальные поселения, с 1934 по 1944 г. — трудпоселки. В 1930—1931 гг. в них были сосланы 381 тыс. семей или 1,8 млн человек¹. В июле 1931 г. они были переданы из ведения местных и ведомственных органов под начало ОГПУ, а с 1934 г. стали элементом общей гулаговской системы. В большом числе ссыльные работали на Магнитострое, ставшем одним из символов сталинской индустриализации. Спецпоселенцы были ограничены в гражданских правах. В отношении условий и оплаты труда формально ссыльные имели равные права с вольнонаемными, за исключением необходимости возвращения ссуд, затраченных на первоначальное обустройство и 5-процентные отчисления от зарплаты на содержание органов надзора и коммандатур. Более половины спецпереселенцев отправлялись на Урал и в Западную Сибирь. На 1 января 1932 г. в спецпоселениях находилось 1,3 млн человек. В 1933 г. в них прибыло почти 400 тыс. «кулаков» и членов их семей, вдвое больше, чем в предшествующем году. Однако общее число спецпоселенцев в стране уменьшилось на 70 тыс. вследствие высокой смертности и массовых побегов.

По мере решения задач сплошной коллективизации «кулацкая ссылка» постепенно сокращается в своих размерах. В 1934 г. в трудпоселки прибыло 255 тыс., в 1935 г. — 246 тыс., в 1936 г. — 165 тыс., в 1937 г. — 128 тыс. человек. Однако на конец 1937 г. их общая численность составила только 878 тыс., т.е. почти на 450 тыс. меньше, чем на конец 1931 г., когда число спецпоселенцев достигло максимальной отметки².

ГУЛАГ и «ежовщина»

Совершенно очевидно, что массовые репрессии или террор 1937—1938 гг., названные в народе «ежовщиной» по имени тог-

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы // СОЦИС. 1990. № 11. С. 5. Эти данные вошли в недавно опубликованную этим же автором книгу «Спецпоселенцы. 1930—1960» (М., 2003).

² Там же. С. 6.

давшего наркома внутренних дел Н.И. Ежова и ставшие важной вехой в истории ГУЛАГа, носили, прежде всего, политический характер. Доля «политических», т.е. обвиненных по 58 статье УК, составила в этот период более половины репрессированных, а их удельный вес среди заключенных, даже по официальной статистике, скакнул с 12 до 34%¹. Некоторые авторы усматривают в событиях того времени первый кризис в системе лагерного принудительного труда. Это связывается с тем, что, помимо огромного количества расстрелянных в эти годы (682 тыс. человек), в лагеря хлынул невиданный ранее поток заключенных (в течение двух лет более 800 тыс. человек), с которым руководство НКВД якобы не справлялось. Понадобилась срочная организация новых лагерей, а с разбуханием старых — их разукрупнение. На конец 1938 г. в стране было уже 50 лагерных комплексов².

Помимо огромных жертв и страданий, события того времени для страны имели страшные последствия и служат главным аргументом для дискредитации советского прошлого. Многие из них прямо не касались трудовых отношений, но вносили в общество атмосферу страха и неуверенности, скованности, боязни говорить о недостатках, проявлять инициативу. Чтобы не попасть под донос и критику и не оказаться в числе репрессированных, нужно было соглашаться со всем, что скажут наверху, держать при себе, что думаешь в действительности.

Общая численность «контингентов» в системе НКВД, по данным на начало 1939 г. (по переписи населения) составляла 3,1 млн человек (осужденные и подследственные в тюрьмах, лагерях, колониях, трудпоселенцы)³. Примерно те же цифры дает текущая статистика НКВД. Согласно ей, на 1 января 1939 г. в тюрьмах содержалось 350 тыс. заключенных, в ИТЛ — 1,3 млн человек, в ИТК — 365 тыс., на учете отдела трудовых поселений ГУЛАГа состояло 990 тыс. человек⁴. По отношению ко всей численности населения СССР — 167 млн⁵, удельный вес, как видим, уже довольно значительный. Однако, если учесть численность рабочих, занятых на стройках, в промышленности, на транспорте и в других сферах (25 млн), куда большей частью относились заключенные и ссыльные, картина будет выглядеть таким образом, что каждый десятый работник страны на производстве был занят в ГУЛАГе. Большин-

¹ О характере массовых репрессий и о том, как это отражалось в статистических показателях в различных источниках подробнее см.: Соколов А.К. «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: Политика репрессий. М., 1999.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 45.

³ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 229—244.

⁴ Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы. С. 55—56.

⁵ Официально 170,6 млн, но большинство ученых считает, что около 3 млн составляла приписка.

ство заключенных было закреплено за промышленными наркоматами, транспортными и строительными управлениями, лесозаготовками. Значительное число занималось добычей золота, цветных металлов. Система ИТК распределялась следующим образом: 170 из них определялись как промышленные, 172 были закреплены за другими наркоматами и лишь 83 считались сельскохозяйственными¹. ИТК, таким образом, решали более мелкие производственные задачи.

Наибольшее количество лагерных заключенных было сосредоточено на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, в том числе в Бамлаге — 260 тыс., Севвостлаге (Колыма) — 138 тыс., Карелии, Архангельской области, Коми АССР. Далее шел пояс рассредоточения трудпоселений: Урал, Западная Сибирь и Казахстан².

Использование принудительного труда в 1930-е гг. позволяло решать многие задачи индустриализации. Трудом заключенных прокладывались каналы, железные дороги, возводились промышленные объекты. Сосланные крестьяне раскорчевывали и осваивали новые земли, много их было занято в угольной, лесной промышленности.

Особую часть истории принудительного труда составляет использование интеллектуального труда в проектно-конструкторских организациях — особых технических бюро (ОТБ). Их создание началось еще в период преследования старых специалистов, но наибольшее распространение приходится на более поздний период. Некоторые авторы связывают их историю со стремлением руководства ОГПУ—НКВД взять под свой контроль проведение технической политики, прежде всего в военной области. В разное время в системе ОТБ оказались люди, чьи имена составляют золотой фонд отечественной науки. Однако, по мнению М.Ю. Морукова, они привлекались к решению тех проблем, которые обычным способом решить было затруднительно. Благодаря деятельности ОТБ была ускорена модернизация Красной Армии. По расчетам этого автора, например, самолеты, спроектированные или оснащенные двигателями, разработанными в ОТБ, составили две трети советской бомбардировочной авиации в годы Великой Отечественной войны³.

О том, какой ценой это достигалось, тем более об эффективности системы принудительного труда, мало кто задумывался. О том, каким был этот труд, свидетельствуют многочисленные воспоминания заключенных, и им в этом отношении стоит доверять. При этом система охватывала все больше и больше объектов, от отдаленных приближаясь к внутренним районам страны. Чем

¹ Земсков В.Н. ГУЛАГ. С. 13.

² Там же.

³ Моруков М.Ю. Деятельность хозяйственных подразделений ОГПУ—НКВД и оборона СССР 1929—1945 гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 20—21.

больше было мест заключения, тем больше они требовали ресурсов, техники, специалистов, расходов на их обустройство и содержание административного и технического персонала, охраны. Не удивительно поэтому, что многочисленные объекты все больше «взяли» вследствие нехватки средств и ресурсов, а плановые сроки их пуска отодвигались. Немало возникало так называемых «бросовых строек». Однако относительный успех ряда из них подогревал иллюзию дешевизны принудительного труда и амбиции руководителей. Один из начальников ГУЛАГа С. Фирин, в частности, сообщал в официальной беседе в 1937 г., что т. Сталин был непосредственным инициатором Беломорстроя и строительства канала Москва—Волга. «Он же, — утверждал Фирин, — примерно полтора года назад поставил задачу создания канала "Москва—Владивосток"»¹. Не уточнил, правда, столько для этого потребуются заключенных и хватит ли вообще людских ресурсов для такого строительства.

Колхозный труд

Сегодня мало у кого вызывает сомнение, что при проведении сплошной коллективизации деревни в СССР господствовало насилие. Крестьян попросту загоняли в колхозы, хотя, конечно, были вступающие добровольно. Зажиточных крестьян и протестовавших против коллективизации ссылали в другие районы страны в ходе осуществления кампании «ликвидации кулачества как класса», достигшей своего пика в 1930—1931 гг. и продолжавшейся в последующие годы.

К 1937 г. 93% крестьянских дворов было коллективизировано. Единоличные крестьяне вынуждены были из года в год сокращать свое производство, не могли полностью засеивать свои пашни, продавали прежде нажитое, занимались отходничеством или вообще уезжали в города или другие районы страны. Лишь 10—15% единоличников в какой-то мере держались на плаву к середине 1930-х гг. Налоговое обложение в индивидуальном порядке («твердые задания») постепенно охватывало буквально все: доход от сельского хозяйства, от сенокоса, от лошади, от коров и прочего скота, рыбной ловли, пчеловодства, пушного промысла, самозаготовок и т.д. Нельзя было буквально шагу шагнуть, не сталкиваясь с налоговыми органами. Основная масса писем-заявлений единоличников в районные налоговые комиссии и более высокие инстанции касалась неправильного исчисления «твердых заданий» и жалоб на гонения со стороны колхозной и районной администрации.

Основными производственными ячейками в деревне стали колхозы, которых по всей стране насчитывалось 237 тыс., объединивших около 100 млн крестьян. Колхозы оказались в тисках госу-

¹ Общество и власть. 1930-е годы: Повествование в документах. М., 1998. С. 163—164.

дарства, которое практически ежегодно увеличивало им обязательные планы поставок сельскохозяйственных продуктов, расширения посевов технических культур, проведения агротехнических мероприятий и т.п. Обязательные поставки были обременительны для колхозов. Твердые цены, по которым государство расплачивалось с ними, были мизерными, в 10—12 раз ниже рыночных. Формально колхозы, чтобы облегчить свое положение, могли создавать у себя подсобные предприятия, однако руководство всячески препятствовало этому процессу, мешающему основному назначению колхозов — производить прежде всего продукты полеводства и животноводства.

Утверждение колхозной системы и период организационной неразберихи, связанной с изменением форм собственности, привели к падению объемов сельскохозяйственного производства, обострили положение на «фронте индустриализации» и снабжения городов. Усилились пауперизация и обнищание деревни, участились случаи воровства и хищений колхозного имущества. Появление техники на колхозных полях, пока еще довольно немногочисленной, тоже породило немало проблем. Из-за низкого качества она часто выходила из строя, слабой была ремонтная база МТС, да и квалификация кадров оставляла желать лучшего. Частые поломки нередко рассматривались как акты вредительства и саботажа. В августе 1932 г. был принят закон об охране социалистической собственности, предполагавший поистине драконовские наказания за хищения и порчу государственного имущества вплоть до 10 лет заключения и даже расстрела.

1932 год не был неурожайным, наблюдалось лишь некоторое снижение сбора зерновых вследствие неблагоприятных погодных условий. Выполнить намеченный план хлебозаготовок не удалось. Это вызвало неистовый гнев руководства и, прежде всего, Сталина ввиду явно обозначившихся трудностей в снабжении городов и наращивании внешней торговли. Для проведения хлебозаготовок были созданы чрезвычайные комиссии, которые выгребли, что называется, «под метелку» зерно из колхозных амбаров, включая семенные фонды, в таких хлебных районах, как Украина, Северный Кавказ, Поволжье. Впервые в истории страны в отсутствие неурожая разразился голод. Число погибших от голода оценивается поразному: от 3 до 10 млн человек. Ближе к истине первая цифра, которая совпадает с демографическими оценками. Но в любом случае, масштабы голода выглядят катастрофическими.

К середине 1930-х советская деревня вынуждена была смириться с колхозным строем. С его утверждением в экономике появился вариант, напоминающий времена крепостного права. По форме лично свободный член колхоза, тем не менее, не мог оставить его без разрешения начальства. Немалую роль в этом сыграли средства политического давления, применение которых было возложено на политотделы МТС и совхозов, учрежденные в 1933 г. Правда, политотделы просуществовали недолго и в 1934 г. были ликвидированы, так как нарушали единство системы партийно-политичес-

кого руководства сельским хозяйством. Тем не менее, они успели оставить о себе в деревне недобрую память, выявляя кулаков и подкулачников, третируя председателей колхозов, подвергая их разносам и арестам.

После расчетов с государством и МТС, создания семенных фондов, которыми колхоз не имел права распоряжаться, оставшаяся в распоряжении колхозов часть продукции могла использоваться для оплаты труда колхозников в форме трудодней, т.е. натуральных выплат. Реальное наполнение трудодней было весьма различным и зависело от многих факторов: от размера урожая, от политики колхозного руководства, от дополнительных поставок и т.д. В большинстве случаев оно оставалось весьма незначительным и не покрывало необходимого прожиточного минимума. Появилось выражение «работать за палочки», т.е. формально заработанное, но не получаемое вознаграждение.

Вместе с тем государство подтвердило право колхозников на ведение личного приусадебного хозяйства и даже пошло на увеличение его размеров. С этого времени оно становится главным источником существования деревенских жителей и главным источником рыночной колхозной торговли. Сюда же могла быть направлена продукция, полученная на трудодни, и та, которая оставалась в колхозе после всех выплат.

Естественно, что крестьяне стремились уклониться от работы в колхозе, рассматривая его как принуждение, а известная частушка: «По деревне с колотушкой ходит Ванька-бригадир: / Выходите на работу, а то хлеба не дадим!» стала олицетворением колхозного труда. Колхозники старались больше трудиться на своих приусадебных участках, зачастую тайком от колхозного начальства. «Если же какой колхозник, выбившись из сил самовольно не выйдет на работу, — писали белорусские колхозники, — то его штрафуют, и он должен хорониться, не показываться на глаза председателю колхоза или бригадиру, и при таком положении колхозник... стал угрюмым, неповоротливым и от него нет той производительности, какая могла быть»¹. Мало того, что работа на колхозных полях и фермах была очень нелегкой, занятия в личных подсобных хозяйствах становились способом консервации тяжелого ручного труда, так как сельская администрация почти не оказывала им поддержки, строго следя, между прочим, за своевременной уплатой налогов. Производительность труда в подсобном хозяйстве была намного выше, чем на колхозных полях и фермах. Занимая ничтожную часть земледельческих площадей и владея относительно небольшой долей продуктивного скота, они тем не менее поставляли почти половину сельскохозяйственной продукции в стране через так называемую «колхозную торговлю».

¹ Общество и власть. 1930-е годы: Повествование в документах. М., 1998. С. 256.

Одной из форм принуждения, распространяемой, прежде всего, на сельское население, были государственные повинности (ремонт дорог, мостов, заготовка лесного и сельскохозяйственного сырья и т.д.), хорошо известные и в дореволюционной России, а также проведение на селе разного рода кампаний. Так что жизнь в деревне превращалась поистине в каторжную.

Аграрный сектор стал самым большим местом советской экономики. Земледелие не желало подчиняться плановым расчетам сталинского руководства и оставалось практически в полной зависимости от капризных погодных условий. Небывалый урожай 1937 г. несколько сгладил назревающие противоречия, но ввиду специфики колхозного труда потери при его сборе оказались тоже громадными, внеся свою лепту в нагнетание массовых репрессий в деревне. Разумеется, были на селе и случаи трудового энтузиазма, распространяемые чаще всего из города, которые всячески раздувались советской пропагандой, но, взвешивая сочетание различных трудовых стимулов, нельзя не прийти к выводу, что по степени принуждения советская деревня стояла едва ли не рядом с ГУЛАГом, а по катастрофическим последствиям и числу жертв, связанных с утверждением колхозного строя, превзошла его.

Труд на промышленных предприятиях

С провозглашением курса на построение социализма в одной стране, индустриализации, переходом к плановой экономике и свертыванием нэпа начались бурные перемены в области трудовых отношений на промышленных предприятиях, превращающихся в главные ячейки экономической жизни страны. При этом в программу индустриализации закладывался «режим экономии», т.е. сокращение непроизводительного потребления, с тем, чтобы сэкономить средства направить на строительство новых заводов и фабрик.

Программа индустриализации дополнялась планом реконструкции народного хозяйства, который предусматривал: изменение техники и способов производства в направлении развития энергетических мощностей; расширение массового производства; перенесение в экономику передовой американской и европейской технологий; рационализацию; НОТ; совершенствование общей структуры производства в сторону развития отраслей тяжелой промышленности; перемещение производства к источникам сырья и энергии; специализацию районов в соответствии с их природными и социальными особенностями. В программе, правда, не говорилось, какая роль при этом принадлежит принуждению.

Планирование труда представляло наибольшие сложности. Любой сбой планируемых показателей мог вызвать цепь разрушительных последствий. Существующие в стране ресурсы и возможности диктовали определенную логику действий руководства, воплощенную в нормативных актах. Самым узким местом намечаемых преобразований оставалась общая отсталость страны как в

технико-экономической, так в социальной и культурной областях, в традиционно свойственной для России организации производства и труда.

С переходом к индустриализации радикально менялось все направление экономической мысли: от нэповской идеи смешанной экономики, примирения классовых и трудовых конфликтов к идее любой ценой, не взирая на сопротивление отдельных групп и слоев населения, форсировать развитие производства, дабы обеспечить быструю трансформацию отсталой сельскохозяйственной страны в индустриальную, более сильную в экономическом и военном отношении. Идеи классового мира и сотрудничества, витавшие в годы нэпа, сменились тезисом об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, что по сути означало попытку внести в политику элементы социальной вражды, обеспечить социальную опору проводимым мероприятиям и пополнить кадры, нужные для принудительного труда. Неизбежно возникающие на этой почве экономические трудности списывались на происки «вредителей», «саботажников», к числу которых относились специалисты, работавшие на производстве с дореволюционного времени. В течение 1930 — начала 1931 г. везде происходили увольнения и аресты, судебные процессы, где обвиняемым вменялись в вину неоднократные срывы на производстве, после чего их отправляли в лагерь или ссылку.

При переходе к плановой экономике ставка была сделана на государственное регулирование, которое, по мысли руководства, позволяло обеспечить контроль за совмещением местных и отраслевых интересов, возбудить общественный энтузиазм, подчинить его требованиям политики. В переходе к директивному централизованному планированию легко можно увидеть черты, унаследованные от военно-коммунистической экономики. В громадной степени возрастает роль Госплана. На базе государственных синдикатов, которые фактически монополизировали снабжение и сбыт, создавались производственные объединения, весьма смахивавшие на Главки первых послереволюционных лет и положившие начало становлению ведомственной экономики. На производстве вводилось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Директора крупнейших строек и предприятий назначались по особому номенклатурному списку. Производство должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся, вплоть до норм оплаты труда рабочих.

Было отменено право рабочих на забастовки, формально закрепленное в уставе профсоюзов 1923 г. 29 августа 1928 г. ЦИК и СНК утвердил Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, которыми должны были заниматься рабочие конфликтные комиссии (РКК).

Нацеливание профсоюзов на выполнение производственных программ, плановых заданий закрепляло за ними организацию новых форм труда и, прежде всего, социалистического соревнова-

ния. Таким образом, основная ставка была сделана на трудовой энтузиазм людей, охваченных пафосом социалистического строительства. Широкое распространение получили такие формы соревнования как движение ударников, движение за принятие встречных планов, «непрерывка», движение «догнать и перегнать» капиталистические страны по объемам производства и производительности труда и пр. Социалистическое соревнование провозглашалось одним из главных условий выполнения заданий пятилетки, формирования нового отношения к труду и нового человека социалистического общества. Участие в социалистическом соревновании считалось важнейшим инструментом классовой борьбы, а ударники противопоставлялись остальным рабочим, нередко относимым к отсталым элементам, препятствующим строительству социализма, и дезорганизаторам производства, и именно на них поначалу распространялись меры принуждения, которые, однако, постепенно усиливались, охватывая все большее число городских жителей.

Переход к плановому распределению рабочей силы был связан с оргнабором, вербовкой рабочих в массовом и групповом порядке для проведения трудоемких капитальных работ на основе специальных соглашений. В то же время было запрещено привлечение рабочих из других местностей через частных посредников или специальных лиц, не получивших полномочий органов труда, а также вызов на работу колхозников с помощью публикаций в печати и писем. Заключившие контракт с предприятием отходники из села освобождались от отчислений с заработка в пользу колхозов. В то же время по постановлению СНК от 30 июня 1931 г. были отменены некоторые льготы для отходников на основании индивидуальных договоров, предусмотрена обязательная их регистрация в колхозе, а постановление СНК от 17 марта 1933 г. разрешало льготы только для тех, кто уходил в отход на основании договора правления с предприятиями или хозорганами. Самовольно ушедшие на заработки исключались из колхоза.

В годы первой пятилетки произошло падение производительности труда на предприятиях по сравнению с 1928 г. Их руководители стремились выполнить плановые задания, нанимая больше рабочих. Даже по официальным данным, за счет этого было достигнуто 94% роста валового продукта вместо 37% запланированных. Каждый завод или фабрика стремились создать какие-либо преимущества или льготы, чтобы обеспечить больший приток кадров, а это также снижало стимулы к интенсификации труда внутри самих предприятий.

Постановление ЦК от 20 октября 1930 г. о плановом обеспечении производства рабочей силой предполагало комплекс мер по борьбе с текучестью, в том числе ликвидацию бирж труда и регистрацию труда только по месту жительства. За задержку на предприятиях специалистов не по назначению, за неправильное использование работников дефицитных профессий, за переманивание рабочих и технического персонала, за нарушение в коллектив-

ных договорах норм оплаты труда и излишки рабочей силы налагалась административная ответственность.

С 1929 г. в стране в связи с продовольственными затруднениями началось введение карточной системы, которая мыслилась руководством как наиболее практичный способ распределения потребительских товаров, обеспечивающий плановые расчеты капиталовложений в производство основных товаров и контроль за покупательной способностью населения, а на самом деле — принудительное распределение. Постепенно карточки (талоны, ордера, заборные книжки) распространялись на хлеб, масло, мясо, сахар, крупу и т.д. Открытая продажа непродовольственных товаров тоже сворачивалась вследствие наступления на частный сектор, закрытия частных магазинов и лавок. Работники, как когда-то в дореволюционной России, прикреплялись к предприятиям. Для этого создавалась система закрытых рабочих кооперативов (ЗРК), подобных прежним харчевым лавкам и потребительским обществам, но, в отличие от них, потребители имели меньший выбор ввиду свертывания открытой торговли и громадных очередей.

При введении карточной системы был учтен опыт военного коммунизма. Нормы карточного снабжения стали более дифференцированными и устанавливались исходя из вклада в трудовой процесс или трудовой активности. Распределение осуществлялось по категориям, товары продавались по установленным низким ценам, и лишь «излишки» реализовывались через «коммерческую торговлю». На самом деле и тут и там происходил рост очередей с неимоверной толкотней и давкой.

Индустриальный прагматизм должен был, по мнению Сталина, определять принципы карточной системы. В связи с этим формулировался ряд требований. «Сосредоточить средства снабжения рабочих в основных, составленных по списку районах. Выделить на каждом предприятии ударников и снабжать их полностью и в первую очередь как продуктами питания и мануфактурой, так и жилищами, обеспечив им права по страхованию полностью. Неударников разбить на две категории, на тех, которые работают на данном предприятии не меньше года, и тех, которые работают меньше года, причем первых снабжать продуктами и жилищами во вторую очередь и по полной норме, вторых — в третью очередь и по урезанной норме. Насчет страхования от болезни и т.д. повести с ними, примерно, такой разговор: ты работаешь на предприятии меньше года, ты изволишь «летать», изволь-ка получить в случае болезни не полную зарплату, а, скажем $\frac{2}{3}$, а те, которые работают не меньше года, пусть получают полную зарплату. И т.д. в этом роде»¹. 15 декабря 1930 г. Политбюро приняло постановление «О рабочем снабжении», где учло пожелания Сталина.

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936. М., 1995. С. 225—227.

Снабжение рабочих по карточкам предусматривалось в первую очередь. Особо выделялись Москва и Ленинград, а ведущие предприятия имели преимущества перед второстепенными объектами. Окончательное оформление всесоюзной карточной системы произошло в начале 1931 г. Но государство явно не справлялось со снабжением населения. Большие различия в заработной плате мало что значили при покупке товаров на «черном рынке» за высокие цены. Трудно было убедить работника повышать интенсивность труда. Негативные последствия этого сказывались также на передвижениях рабочих. Слухи о предприятиях, лучше обеспеченных, способствовали текучести. Бесконечное стояние в очередях отрицательно влияло на состояние трудовой дисциплины на предприятиях, способствовало прогулам и опозданиям.

ЗРК стали рассадниками злоупотреблений, спекуляции и коррупции. В 1932 г. они были преобразованы в Отделы рабочего снабжения (ОРСы), непосредственно подчиненные администрации и профсоюзам, но это мало помогло делу. Карточная система была обречена, и с некоторым улучшением продовольственного положения в стране к середине 1930-х гг. началась ее постепенная отмена.

Приток новых кадров, их текучесть, адаптация новых рабочих к современному производству были исключительно болезненными процессами. Случаи пьянства, отлынивания от дела, порчи станков и оборудования, производственного травматизма, и без того типичные для рабочей среды, стали более частыми. Эти явления обычно объяснялись в те годы происками кулацких элементов, сознательно препятствующих строительству социализма со всеми вытекающими отсюда мероприятиями.

В русле принуждения развивалась борьба за укрепление дисциплины и порядка на производстве. Изменение в КЗоТе предоставило предприятиям право увольнять работников не в случае шести, а трех неявок на работу, как в дореволюционной России. Затем администрации было предоставлено право самостоятельно, без санкции РКК, налагать на нарушителей все взыскания, предусмотренные табелем взысканий, усилена ответственность администрации за состояние дисциплины и производственного режима. Августовский закон 1932 г. распространялся и на предприятия. Была существенно расширена компетенция товарищеских судов. Если раньше они рассматривали дела преимущественно об оскорблениях, то теперь — случаи мелких краж (до 15 руб.). 20 февраля 1931 г. появилось новое постановление ВЦИК и СНК «О товарищеских судах и их борьбе с нарушениями трудовой дисциплины и пережитками старого быта». Предусматривались следующие меры воздействия: предупреждение, общественное порицание с опубликованием в заводской печати, штраф не свыше 10 руб., возбуждение вопроса об увольнении, исключение из профсоюза. Товарищеские суды должны были создаваться из лучших рабочих-ударников. Такое внимание к проблеме дисциплины не было случайным. При анализе законодательных актов того (а также более

позднего) советского времени важно читать между строк. Принятие того или иного закона — свидетельство неблагополучия и сигнал к разворачиванию очередной кампании.

Имелись явные признаки того, что первые годы активного «социалистического наступления» вызвали целый ряд кризисных явлений в стране. Их значение в дальнейших мероприятиях сталинского руководства в литературе часто недооценивается. Между тем они привели к существенным изменениям в проводимой политике и далеко не случайно многие из них касались сферы трудовых отношений. Обычно эти изменения рассматриваются в историографии в контексте большего прагматизма и реализма, однако далеко не все здесь выглядит однозначно, а прагматизм предпринятых шагов бывал порою весьма своеобразным. В области труда они представляли собой любопытное сочетание методов материального стимулирования, морально-политических обязательств, принуждения и насилия. Все это происходило на фоне усиливающейся централизации, укрепления ведомственных начал, репрессивного аппарата.

Первые симптомы изменения политики можно проследить в выступлении Сталина перед хозяйственными руководителями 23 июня 1931 г. Сталин говорил о необходимости более организованного набора рабочей силы, механизации труда, ликвидации текучести, уравниловки, обезлички, улучшении бытовых условий, правильной расстановки кадров, внедрении в производство хозяйственных принципов, чтобы обеспечить эффективность действующей экономики, изменения политики заработной платы. Основные тезисы этого выступления, известные как «шесть условий тов. Сталина» для построения социализма в СССР, вдалбливались теперь в сознание населения страны, нашли отражение во множестве законодательных и административных актов, развешивались в виде плакатов везде вплоть до гулаговских строек.

Одной из ярких примет времени стала борьба с «обезличкой» или «функционалкой», которая явилась ответом на эксперименты предшествующего времени, рассматривавшие производственный процесс как единый и автоматически (функционально) действующий. «Обезличка» пришла вслед за «непрерывкой». Отсутствие подготовки перехода предприятий на сменность, конкретной ответственности работников за механизмы, станки, инструменты, за порученную работу вызвали массовую поломку станков и оборудования, снижение стимулов к работе. Невозможно было установить виновников срывов и брака по всему ходу производственного процесса, в связи с чем выдвигалась задача поставить у каждого станка, у каждой машины, агрегата, на каждом рабочем месте постоянно работающего на нем и ответственного за его работу работника; искоренить обезличку в области ремонта, брака, пути продвижения продукции внутри предприятия, от цеха к цеху и от станка к станку.

• В порядке реализации этого решения на предприятиях составлялись инструкции у каждого рабочего места, графики выходов на

работу, всех ответственных сверху донизу с указанием фамилий. Какие-либо изменения могли вноситься только по распоряжению начальника цеха. Перемещения на производстве должны были строго регламентироваться приказами. Вводились журналы о передаче смены, табельные номера, расписывался вспомогательный обслуживающий и ремонтный персонал для подготовки рабочего места и оборудования. Вводились должности сменных инженеров и мастеров. Всем специалистам, работающим непосредственно на производстве, оклады устанавливались выше, чем в управленческом аппарате. Оплата простая должна была производиться лишь при условии удостоверения сменным мастером факта порчи оборудования не по вине рабочего. Брак в работе должен был всячески фиксироваться. Были предприняты шаги для ускоренной подготовки специалистов для различных отраслей народного хозяйства, но их нехватку преодолеть не удавалось, а это усиливало значение планового принудительного распределения кадров.

Была перестроена система подготовки рабочих массовых профессий. По постановлению ЦИК и СНК от 15 сентября 1933 г. срок обучения в ФЗУ сокращался с 2 лет до 6 месяцев в целях «резко выраженной профессиональной подготовки» и сокращения общей. 80% учебного времени отводилось теперь обучению непосредственно «у станка». Констатируя в постановлении достижения государства в области подготовки квалифицированных рабочих, ЦИК и СНК отмечали в качестве главного недостатка тот факт, что «значительная часть оканчивающих ФЗУ не закрепляется на производстве, а, минуя производство, уходит на рабфаки, в техникумы и вузы». Постановление должно было прекратить эту практику и обязать каждого по окончании школы проработать на производстве не менее 3 лет по своей специальности.

Предпринимались меры для укрепления дисциплины на производстве. Пересматривались правила внутреннего распорядка на предприятиях. «Дезертиры трудового фронта» и «летуны» лишались возможности получить направление на работу в течение 6 месяцев. В сентябре 1932 г. трудовые списки были заменены трудовыми книжками, которые, хотя еще не были инструментом прикрепления к предприятиям, становились предметом внимательного изучения отделов кадров. Постановление СНК СССР от 15 ноября 1932 г. предусматривало следующие наказания за прогул: немедленное увольнение, лишение продовольственных карточек, выселение с занимаемой жилплощади, а с 1933 г. — исключение из жилищного кооператива. На борьбу с прогульщиками были направлены все рычаги хозяйственного и идейно-политического воздействия. Если в металлургии в 1928 г. на одного рабочего приходилось 5,8 прогулов в год, то в 1933 г. — 0,58. Постановление от 4 декабря 1932 г. предоставило право предприятиям самим решать, кого следовало наказать, нацеливая их на «очищение производственных коллективов» и «оздоровление обстановки».

27 декабря 1932 г. был принят закон о паспортизации, которая предусматривала прописку по месту жительства и закрепляла пре-

имущества городского жителя, давала ему право на продуктовую карточку, обеспечивала право на жилье. Москва, Ленинград и другие крупные промышленные центры становились городами с ограниченной пропиской, которые имели приоритетное снабжение. В течение 1933 г. в стране было выдано 27 млн паспортов. Сотни тысяч человек были задержаны за нарушение паспортного режима и отправлены на принудительные работы.

Крайне противоречивым явлением того времени стало стахановское движение, развернувшееся в конце 1935 г. В отличие от ударничества первой пятилетки, делавшего упор на коллективные успехи в труде, теперь соревнование идентифицировалось с индивидуальными трудовыми рекордами по примеру А. Стаханова — донецкого шахтера, в несколько раз перекрывшего норму добычи угля. Стахановское движение провозглашалось движением новаторов производства, достигающих успехов за счет улучшения организации труда, более совершенного владения техникой. В какой-то мере стахановское движение стало ответом на изменения в трудовых отношениях, на отмену карточной системы. Деньги и возможность их зарабатывать становились весомым стимулом в труде. В отдельных случаях заработной платы стахановцев во много раз превышали средние зарплаты рабочих по стране.

1936 г. объявлялся стахановским, что означало всплеск штурмовых настроений. Тем самым движение с самого начала вошло в противоречие с логикой утверждающейся планово-распределительной системы. Рекордомания вела к нарушению производственного процесса, перерасходу сырья и материалов, износу оборудования. Стахановское движение не могло вызывать большого энтузиазма у руководителей предприятий и ИТР, признанных консерваторами. Но как только были увеличены производственные задания и пересмотрены нормы выработки, ориентированные на «передовиков», стахановское движение в перспективе было обречено. Как массовое соревнование за повышение производительности труда оно потерпело крах. Закрепить стахановские рекорды, как на то рассчитывало руководство, не удалось. Лишь на какое-то время удавалось заразить энтузиазмом, настроениями штурма, готовности к лишениям и жертвам определенные группы рабочих. Одновременно стахановская работа вела к тому, что отовсюду поступали сведения о поломках, срывах производственных заданий. Пока сохранялись действующие нормы и расценки, и увеличивался фонд заработной платы стахановское движение давало эффект. Их пересмотр в сторону повышения интенсивности труда вел к спаду движения и выхолащиванию его содержания.

Несмотря на целый ряд изменений, произведенных в трудовых отношениях к середине 1930-х гг., число производственных трудностей не уменьшалось. Руководство усмотрело причины этого в происках «врагов народа», в саботаже и бюрократизме, противодействии стахановскому движению и т.п., что сыграло свою роль в истерии нагнетания массовых репрессий.

Сопrotивление принуждению и насилию в трудовых отношениях

Принуждение к труду всегда вызывало противодействие, причем чем сильнее было принуждение и насилие, тем большим было сопротивление. Активные его формы — восстание, бунт, забастовка, отказ работать — энергично подавлялись властями. Гораздо труднее было иметь дело с различными формами пассивного протеста, которые, ввиду репрессивной природы сталинского государства, получали наибольшее распространение. Это выражалось в нежелании трудиться, частых переходах с предприятия на предприятие в поисках более приемлемых условий и т.д., что, в конечном счете, сказывалось на производительности труда.

Анализ статистических данных о заключенных ГУЛАГа показывает, что примерно треть их постоянно относилась к числу не работающих, куда входили отказывающиеся работать («отказчики»), нетрудоспособные, инвалиды и «ослабленные», которых в силу каторжных условий труда было немало среди заключенных. Кроме того, в лагерях и других местах заключения, в силу преобладания уголовных элементов, вырабатывался свой набор приемов уклонения от труда. На этой основе складывалась своеобразная этика, которую бывшие уголовники после освобождения (для «политических» освобождение было более проблематичным) переносили «на гражданку», способствуя разложению и без того не очень стойкой трудовой морали. Общее число таких освобожденных в 1930-е гг. составило, по расчетам В.Н. Земскова, около 3 млн человек¹, а всего «школу принудительного труда» в сталинское время прошло, наверное, около двадцати миллионов советских граждан.

Одной из форм протеста против принудительного труда были побеги. Но с каждым годом число бежавших из мест заключения уменьшалось благодаря ужесточению режима охраны. В 1934 г., например, бежало 83 тыс. человек, возвращено 46 тыс., в 1939 г. бежало 12 тыс., возвращено 9 тыс.² Более распространенными были побеги среди спецпоселенцев. В 1933 г., например, бежало 246 тыс. человек, а с восстановлением ссыльных в гражданских правах в 1935 г., но без права свободного передвижения, поток желающих уйти из трудпоселков было не остановить. Как правило, для этого использовались родственные и дружеские связи. «Бывшие кулаки» растворялись по колхозам, совхозам, заводам и фабрикам, тщательно скрывая свое прошлое. Власть прореагировала на это усилением репрессий.

В постановлении Политбюро от 2 июля 1937 г. указывалось, что «большая часть бывших кулаков и уголовников, высланная в свое время в северные и сибирские районы, а затем, по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, являются главными

¹ Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы. С. 65.

² Там же. С. 57.

зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных выступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности». В постановлении предлагалось взять на учет этих людей, наиболее активных арестовать и либо снова выслать, либо расстрелять. По источникам массовых актов вредительства со стороны этих людей не прослеживается, но миф об этом прочно внедрился в сознание и усиленно поддерживался в обществе.

Сопrotивление принудительному труду в колхозах выражалось в разных формах. Крестьянство в массе своей было настроено против коллективизации, оказывая ей на первых порах активное противодействие в форме восстаний и бунтов, быстро подавленное отрядами ОГПУ. Гораздо сложнее было бороться с пассивным сопротивлением — бегством из деревни, «тихим» саботажем. Массовый исход из деревни поломал планы сталинского руководства на организованный отход. Немало крестьян бросали свои хозяйства и уходили на стройки и в города, не желая вступать в колхозы и работать в них. За годы первых двух пятилеток из деревни в город перешли около 12 млн человек. Численность только рабочих, занятых на стройках и предприятиях увеличилась на 8 млн человек. Доля городского населения увеличилась с 18% в 1926 г. до 32% в 1939 г. Сельское население сократилось не только в относительных показателях, но, что примечательно, впервые в истории страны и абсолютно. Если в 1926 г. было около 120 млн сельских жителей, то в 1939 г. — 108 миллионов.

Новые источники свидетельствуют о том, что и в городах были более активные формы протеста против усиливающегося административного и полицейского нажима, чем считалось ранее. Но гораздо чаще этот протест проявлялся в пассивной форме, породив феномен текучести. Текучесть стала настоящим бичом новостроек первой пятилетки и приобрела фантастические размеры вследствие неудовлетворенности условиями работы, неустроенности, низкой оплаты труда и других факторов, которые не могли быть устранены за короткое время. Сталин, основываясь на доложенных ему данных, называл среднюю цифру оборота рабочей силы по предприятиям 30—40% в течение квартала или полугода¹. Это подтверждается статистическими расчетами. Наибольшая текучесть была в каменноугольной промышленности: в 1930 г. численность рабочих, поступивших на шахты, была в 3 раза больше, а уволившихся — почти в 3 раза больше, чем среднегодовая численность рабочих в этой отрасли. Близкие цифры наблюдались по всем отраслям тяжелой промышленности.

В литературе есть разные трактовки текучести. Ее рассматривают как форму пассивного сопротивления рабочего класса тоталитарному режиму, устанавливающему новые порядки на предприятиях. Часто текучесть трактуется также в русле столкновения го-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 56.

родской и традиционной крестьянской культуры. Заводские цеха заполнялись большей частью бывшими деревенскими жителями, не знавшими индустриального производства, не имевшими рабочих навыков. Но, прежде всего, говоря о текучести, не следует забывать, что текучесть — это своеобразный рынок труда в советских условиях. Ей были подвержены все категории рабочих, и учащиеся школ ФЗО, и служащие, и специалисты. Текучесть была также связана с быстрыми карьерными продвижениями. Но, как правило, в понятие текучести вкладывалось тогда негативное содержание как в явление, препятствующее нормальной организации трудового процесса. Текучесть ставилась в один ряд с нарушениями дисциплины. Борьба с текучестью предусматривалась в серии законодательных актов, предусматривающих наказания за порчу оборудования, пьянство, хулиганство, за хищения и воровство, за прогулы и опоздания, в том числе лишение продовольственных карточек, жилплощади и пр. Введение трудовых книжек на предприятиях, паспортной системы и института прописки тоже рассматривается отдельными авторами в русле общего «драконовского» законодательства 1930-х гг., «покончившего со свободой рабочего класса». Однако обращает на себя внимание то, что эти меры были спонтанными, принимались в качестве реакции на встающие проблемы и еще не оформились в последовательную систему принуждения к труду на производстве, да и проводились в жизнь больше в показательном (воспитательном) порядке. Одновременно предпринимались меры для того, чтобы поднять зарплату, облегчить тяжесть труда и повысить его безопасность.

Но, несмотря на ужесточение карательных мер, с текучестью рабочей силы на производстве покончено не было. Она сократилась, но не исчезла, оставаясь одной из самых болезненных проблем для многих предприятий, особенно с тяжелыми условиями труда. Выходцы из села, несмотря на все препоны и отсутствие паспортов, устремлялись в города, чтобы избежать колхозной участи, используя для этого обучение в школах ФЗО, переход на работу в МТС, службу в армии, оргнабор. Рабочие тоже находили тысячи способов, чтобы уволиться «по собственному желанию», а к концу 1930-х гг. доля таких на предприятиях значительно выросла.

Для многих работа на производстве служила лишь промежуточной ступенью для дальнейшего продвижения. Люди в массе своей не хотели работать на производстве. Труд на заводах и фабриках, тяжелый, монотонный, изматывающий, не был привлекательным для молодых поколений, которые стремились избрать для себя другую карьеру. Многие мечтали о приложении своей активности в непроеизводственных сферах: в партийной и общественной деятельности, в армии, в спорте и т.д.

Стахановское движение, будучи способом индивидуального жизненного утверждения и вступая в противоречие с планово-распределительной системой, вызвало негласное организованное сопротивление подрыву существующих норм, что доказывало существование трудовой солидарности на производстве. Нарушителям

этой солидарности грозил ostrакизм, вплоть до порчи оборудования и тайной физической расправы. Стахановские рекорды остались, конечно, в анналах истории. Но в то время как стахановцы разъезжали по всей стране, делясь опытом, или делали карьеру, реализация их достижений выпадала на плечи остающихся на производстве рабочих. В связи с этим явно обозначились линии противостояния между различными производственными группами: ИТР, администрацией и рабочими. Эти конфликты рассматривались как сопротивление стахановскому движению и действия «вредителей».

Несмотря на существенный рост производительности труда в годы второй пятилетки, достигнутый за счет реконструкции и ввода в строй более технически оснащенных предприятий, она существенно отставала от производительности труда в передовых странах, причем в местах заключения была не намного меньше, поддерживая иллюзию об эффективности принудительного труда.

Поворот к принуждению на производстве

Уже к середине 1930-х гг. сложились основные черты советской политики в области стимулирования труда. Они представляли собой смесь материального, морального поощрения и принуждения, но после «ежовщины» вектор стал явно смещаться в сторону принуждения. На то были свои причины.

Промышленный рывок, предпринятый в период форсированной индустриализации, был использован руководством страны, чтобы заявить о построении социализма в СССР. Пока эта задача была у всех на слуху, легче было возбуждать трудовой энтузиазм. С приходом «социализма», достижения которого для многих оказались сомнительными, сработал эффект обманутых ожиданий. Устранение «врагов народа», якобы препятствующих наступлению сталинской «счастливой» и «веселой» жизни, ничего не дало и лишь усугубило существующие проблемы. Попытки зажечь общество накануне войны новой перспективой такого же быстрого построения коммунизма уже не сопровождались общественным подъемом и быстро gasли.

Вспышка стахановского движения, не случайно совпавшая с провозглашением социализма, по сути ничего не принесла для повышения производительности труда в масштабах всей экономики. Хотя руководство страны продолжало апеллировать к стахановским рекордам, оно ничего не могло поделать с фактическим саботажем движения и вынуждено было искать другие способы побуждения к труду, больше склоняясь теперь к тому, чтобы заставить людей работать при помощи наказания или угрозы насилия, не забывая, впрочем, и о других способах стимулирования труда. Но их использование было ограничено имеющимися ресурсами и возможностями.

Стремление укрепить дисциплину и порядок на производстве в целом не противоречит процессам, происходящим в странах, пере-

живающим период индустриализации, когда нужно привить работнику представление о промышленном труде как обязательном и необходимом процессе, привязать его к рабочему месту с целью вырабатки нужных для современного производства навыков и квалификации. В Советском Союзе эта проблема осложнялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, форсированием индустриальных задач, проведением сплошной коллективизации в деревне и бегством сельских жителей в города. Огромное количество бывших крестьян, пришедших на предприятия, не имело необходимой для промышленности квалификации, обладало своими представлениями о том, что такое труд, его дисциплина и организация. Во-вторых, несбалансированным характером советской индустриализации, весьма заметной долей тяжелого ручного труда, что заставляло предприятия держаться не только за квалифицированных, как в других странах, но и неквалифицированных рабочих. В-третьих, упором на отрасли тяжелой индустрии, который приводил к громадному разрыву между производством и уровнем потребления населения, способствовал возникновению постоянных дефицитов и очередей, с которыми тоже нужно было как-то бороться.

Текущая кадров по-прежнему оставалась уязвимым местом советских предприятий. Организованное обеспечение и распределение рабочей силы, на чем, собственно, основывалась плановая экономика, входило в несоответствие со свободным рынком труда, вернее, со складывающимися в старых и новых индустриальных центрах множеством локальных рынков, а набор как способ плановой вербовки рабочей силы и заключения трудовых контрактов в должной мере не срабатывал. Каждый год цифры завербованных далеко отставали от плановых показателей.

У государства были свои интересы, у работника свои, причем последние в результате индустриальной трансформации общества заявляли о себе и далеко не всегда следовали политике руководства. Можно было на несколько лет закрепить рабочего или специалиста на производстве после окончания вуза, техникума или училища, но не было гарантий, что он останется на месте ни в течение, ни после этого срока, продолжив поиск более приемлемых для себя и своей семьи условий труда и быта. Пожалуй, наиболее явно кризисные черты наблюдались в системе фабрично-заводского обучения, с помощью которой руководство рассчитывало в плановом порядке обеспечить производство кадрами молодых квалифицированных рабочих.

С началом третьей пятилетки обнаружились трудности и противоречия, приведшие к замедлению темпов роста советской экономики, названные в литературе «экономической лихорадкой». Партийно-государственное руководство сделало вывод о том, что в ее основе лежит состояние трудовых отношений и решило справиться с ними путем уже хорошо знакомых методов принуждения и насилия, ужесточения карательных мер за нарушения дисциплины и порядка на предприятиях. Среди руководящих работников

ходило мнение, что «гегемон подраспустился» и надо бы «подтянуть гайки».

В русле принуждения лежало большинство законодательных и нормативных актов, принятых в конце 1930-х гг. 20 декабря 1938 г. СНК принял постановление об обязательном введении единых трудовых книжек на всех предприятиях и учреждениях СССР, направленное на борьбу с текучестью, свободными передвижениями работников. Договор трудового найма при поступлении на предприятия был увеличен до 5 лет. В трудовых книжках отмечались все перемещения работников со ссылками на документы, должны были записываться как все поощрения (материальные и моральные), так и наказания, взыскания, причины увольнений. Отделы кадров на их основании докладывали руководству о «лице» того или иного работника, его политической и прочей благонадежности. В январе 1939 г. вышло постановление СНК, согласно которому опоздание на работу свыше 20 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию. 26 июня 1940 г. был принят указ Президиума Верховного Совета «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Закон запрещал «одностороннее расторжение трудового договора» и фактически прикреплял работника к предприятию, вводя уголовные наказания за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы. В июле закон был дополнен указом об уголовной ответственности за выпуск бракованной продукции. В августе 1940 г. эти меры были дополнены указом об усилении уголовной ответственности за мелкие преступления (пьянство, хулиганство, воровство), что также непосредственно касалось отношений на производстве и в рабочей среде. Нечто подобное наблюдалось на селе. В мае 1939 г. было принято постановление об обязательной выработке минимума трудодней в колхозах, нечто похожее на барщину в крепостное время. Усиливалось налоговое обложение личных подсобных хозяйств колхозников. Ликвидации подлежали последние хутора единоличников.

В октябре 1940 г. была проведена реформа фабрично-заводского обучения. В стране создавалась единая система трудовых резервов. Было образовано Управление трудовых резервов при СНК (позднее Наркомат, а затем Министерство трудовых резервов), призванное в плановом порядке обеспечивать предприятия и стройки рабочей силой, и главный упор делался не столько на оргнабор, сколько на подготовку молодых рабочих. Наряду с обычными школами ФЗО в стране создавались привилегированные ремесленные училища, и ремесленно-железнодорожные училища с более продолжительными сроками подготовки. Было объявлено о мобилизации и призыве в школы трудовых резервов 800 тыс. юношей и девушек. Учащиеся поступали на полный «государственный кошт», обеспечивались обмундированием, довольствием и стипендией. Срок обязательной отработки после окончания училища был увеличен до 4 лет. В декабре было принято по-

становление, запрещающее самовольное оставление школы. Согласно Указу Президиума Верховного Совета об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы) предусматривалось уголовное наказание. Таким образом, учащиеся вынуждены были откладывать свои жизненные планы до окончания срока отработки. В русле этой меры находилась отсрочка от призыва в Красную Армию в течение этого срока.

В 1940 г. снова усилились репрессии. 560 тыс. заключенных пополнили тюрьмы, лагеря и колонии. В значительной мере это было связано с применением июньского и августовского указов 1940 г. Всего накануне войны за ГУЛАгом числилось 3 млн 350 тыс. человек, подвергшихся различным видам наказаний¹. После Ежова при новом наркоме Л.П. Берия система ГУЛАГа была перестроена. В ней создавались производственные управления — главки. Всего было образовано 9 управлений. Например, Особстрой для строительства авиационных заводов в районе Куйбышева. Повысились нормы выработки на каждого заключенного. Значительно увеличилось число «шарашек», особых заводов, институтов, конструкторских бюро. ГУЛАГ превращался в ведомство, способное решать крупные народно-хозяйственные задачи. Однако он не покрывал расходов на свое содержание. В 1940 г. бюджет ведомства был сведен с дефицитом в 500 млн руб., причем, как указывало руководство ГУЛАГа, если бы не его производственная деятельность, его содержание обошлось бы дополнительно в 3 млрд руб.² Однако в силу крайнего истощения лишь треть заключенных была способна к тяжелому труду, а четверть относилась к категории «инвалиды и ослабленные», т.е. вообще не могли работать.

Накануне войны продолжалось размывание и растворение «кулацкой ссылки». С конца 1939 г., однако, туда устремился встречный поток так называемых «польских осадников и беженцев». Под ними имелось в виду довольно пестрое в национальном отношении население недавно присоединенных к СССР территорий. До начала войны оттуда было депортировано 380 тыс. человек. В итоге число трудпоселенцев осталось почти без изменений.

Советские авторы не могли обойти вниманием поворот к принуждению в трудовых отношениях накануне войны и объясняли его необходимостью укрепления обороноспособности страны перед лицом внешней угрозы, о чем, кстати, немало говорилось в официальных документах. Действительно, цикл оборонных мероприятий в связи с развязыванием в 1939 г. Второй мировой войны стал заметнее. Был осуществлен переход к всеобщей воинской обязанности. Государство прибегло к практике добровольно-при-

¹ Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы. С. 55; Его же. Спецпоселенцы. С. 8.

² Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003. С. 283—284.

нудительных займов средств у населения «на укрепление обороноспособности страны». Естественно, упор делался на то, что трудящиеся с энтузиазмом поддерживали политику руководства. Для него принципиально важным было представить усиление принудительных мер как инициативу «снизу», как волеизъявление со стороны самого рабочего класса, готового, как и прежде, беззаветно трудиться и отдавать все во имя высоких целей. Так, накануне принятия летних указов 1940 г. состоялся расширенный пленум ВЦСПС с участием председателей ФЗМК ведущих предприятий. В обращении пленума, якобы одобренном на собраниях трудовых коллективов и встретившим, как говорилось, «горячую и единодушную поддержку» в свете необходимости дать бой прогульщикам, лодырям, лоботрясам, «летунам», пьяницам, ворам, хулиганам и т.п. Однако сфера принуждения выходила далеко за рамки укрепления обороноспособности страны и военного производства, охватывая различные сферы жизни.

Западные и современные российские историки, напротив, делают упор на насилие и принуждение, следуя логике укрепления тоталитарного государства, и, как правило, игнорируют факт сочетания различных методов стимулирования занятости и повышения производительности труда в тот период. Методы принуждения и насилия сопровождались и мерами иного свойства. В частности, размер вознаграждения за труд в различных отраслях промышленности за три довоенных года заметно возрос. В 1937 г. был установлен минимальный размер зарплаты в городах в пределах от 110 до 115 руб. В черной металлургии заработки у рабочих повысились на 11,4%, у ИТР — на 27,6%. В среднем по стране в 1940 г. зарплата составляла 331 руб., в том числе 324 руб. у рабочих и 696 руб. у ИТР¹. Таким образом, различия между двумя категориями работников были весьма значительными, более чем в два раза, причем доля премий в зарплате составляла у первых 4—5%, у вторых — 15%. Обозначилась тенденция к преодолению множественности тарифных сеток по отдельным отраслям и предприятиям. Пересмотр ставок и норм был направлен на то, чтобы поддерживать дифференциацию в оплате труда между различными категориями работников. Рост заработной платы, однако, не компенсировал возросших требований к уровню жизни, повсеместный недостаток потребительских товаров.

Проводился ряд мер, направленных на укрепление социально-бытовой сферы предприятий, на то, чтобы обеспечить преимущественное снабжение работников ряда отраслей, льготы для многодетных матерей, студентов, учащихся профессиональных училищ. Были расширены возможности рабочих получить «приварок» к зарплате путем наделения городских жителей земель под огороды, в частности, согласно постановлению СНК от 7 октября 1940 г.

¹ Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938—1945 гг. М., 1984. С. 128.

«Об организации подсобных хозяйств огороднического и животноводческого направлений». Помимо того, что огородническое движение обеспечивало дополнительные поступления продуктов в домашнем хозяйстве, оно служило своеобразной «отдушиной» для миллионов бывших крестьян, пришедших на производство, и было способом поддержания сельского образа жизни и трудовой этики. Рабочим и служащим предоставлялись регулярные отпуска, продолжалось оформление системы медицинских и оздоровительных учреждений. В 1938 г. в стране было 1838 санаториев и 1270 домов отдыха. Быстрыми темпами росла численность спортивных и военно-спортивных обществ, велось строительство стадионов, спортивных площадок, клубов и библиотек. Для летнего отдыха детей рабочих и служащих возникла широкая сеть пионерских лагерей. Накануне войны предприятия оказывали материальную помощь и выделяли денежные пособия на содержание 12 тыс. пионерских лагерей¹.

Вопреки социалистическим принципам коллективного общежития, во второй половине 1930-х гг. руководство страны взяло курс на обеспечение квартирой каждой семьи, но по тем временам это было настоящей фантастикой. Программы жилищного строительства явно не отвечали этой задаче. Реально отдельную квартиру могли получить только представители партийно-государственной номенклатуры, высококвалифицированные специалисты, «деятели науки и культуры» и отдельные «передовики производства». Большинству рабочих приходилось, как и прежде, ютиться в подвалах, довольствоваться комнатой в старом или новом доме, койкой в бараке или общежитии. В 1940 г. в среднем на рабочего в стране приходилось 6,7 кв. м жилья, но в крупных промышленных центрах, в частности в Москве, жилищная проблема стояла гораздо острее.

Наряду с материальным стимулированием продолжались кампании поддержки социалистического соревнования, которые по-прежнему носили политический оттенок. Выдвигались новые трудовые и прочие почины, но они затухали столь же быстро, как и стахановское движение. Процесс награждения за успехи в труде все более приобретал ритуальный и иерархический характер. В 1938 г. были учреждены звание «Герой социалистического труда», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», которые одновременно предусматривали ряд льгот и гарантий награжденным. Они получали преимущества в карьере: вступление в партию, продвижение на новую должность, поступление в вуз и т.д. Впрочем, награды могли быть индивидуальными и коллективными. Во втором случае они мало отражались на мотивации труда отдельного работника.

¹ Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938—1945 гг. М., 1984. С. 128.

Если подвести итог разнонаправленным мерам, принятым накануне войны, то неизбежно напрашивается вывод, что они определялись не целями и задачами тоталитарного государства, как склонны считать многие современные авторы, а осуществлялись скорее в порядке реакции на возникающие в стране проблемы. За ними стояли объективные и субъективные причины, часто создаваемые действиями самого государства, его руководителями, и почти всегда проводились в форме кампаний. Достаточно взглянуть на общую статистику осужденных по указу от 26 июня 1940 г. за период до 1956 г.¹, становится ясным, что пик приходится на год до начала войны (см. приложение). Показателем кампанейщины стали также многочисленные проверки, которые устраивались в это время по поводу исполнения чрезвычайных указов и охватили всю страну.

Усиление принуждения в годы Великой Отечественной войны

В разгар кампании по борьбе с прогулами началась война. Обычно различные меры в области стимулирования труда накануне войны в литературе объединяются с теми, которые были предприняты в годы войны. Определенная логика в этом существует, но все же их необходимо несколько развести. Проблема заключается в том, что на поворот к принуждению, который обозначился раньше, наложилась система чрезвычайных мер и указов, свойственных военному времени. Хорошо известно, что в любой стране в период войны применяется мобилизация, закрепление рабочей силы за предприятиями, удлинение рабочего дня, сверхурочные, нормирование продуктов и т.п. Естественно, что эти меры в СССР были особенно суровыми и жестокими. Одновременно везде наблюдается апелляция к долгу и патриотизму людей как способу мотивации труда. С этой точки зрения трудовая политика сталинского руководства в годы войны выглядела весьма двойственной и противоречивой.

Советские авторы особенно упирали на патриотизм и трудовой подъем советских людей в годы войны, их готовность к лишениям и жертвам под лозунгом «все для фронта, все для победы!». Одновременно и методы принуждения в трудах историков получали свое полное моральное оправдание.

Нет оснований сомневаться в многочисленных фактах трудового героизма, проявленных в годы войны, небывалого прежде массового перевыполнения норм выработки в 2, 5, 10 и более раз (движение «двухсотников», «пятисотников», «тысячников»), достигаемое подчас нечеловеческими усилиями, «без сна и отдыха» и

¹ Данные впервые опубликованы в: Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 г. (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 44—49.

при гораздо худших условиях труда и жизни, чем до войны¹. По мнению некоторых авторов, трудовые рекорды военного времени подчеркивали скрытые возможности, заложенные в системе советского производства, его недоиспользованные резервы за счет настоящего стимулирования труда.

Несмотря на факты трудового героизма и самоотдачи, в годы войны в целом произошло снижение производительности труда на уровне экономических макропоказателей вследствие мобилизации на фронт больших контингентов квалифицированных рабочих-мужчин, привлечения на производство женщин, подростков, эвакуации предприятий на восток, последующей их эвакуации.

Суть вопроса, однако, заключается в соотношении различных мер стимулирования труда. Кажется, что руководство не особенно полагалось на трудовой подъем и патриотические чувства населения и больше уповало на методы принуждения и насилия, хотя их сочетание находилось в зависимости от хода войны, от ситуации в стране и на фронтах. Уже 30 июня 1941 г. в стране был образован Комитет по распределению рабочей силы при СНК, который отвечал за мобилизацию на трудовой фронт и осуществлял переброски трудовых ресурсов. В феврале 1942 г. был издан закон о мобилизации на заводы и фабрики мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. За счет невоеннообязанных было дополнительно привлечено к труду около 12 млн человек, преимущественно за счет женщин и допризывной молодежи. Число женщин, занятых, например, в черной металлургии, традиционно «мужской» отрасли производства, к 1945 г. возросло до 38,5%². Примерно 2,1 млн человек подлежало призыву в школы трудовых резервов. В 1941 г. их было призвано 826 тыс., в 1943 г. — 771 тыс., в 1944 г. — 500 тыс., в 1945 г. — 25 тыс. человек³.

С началом войны вернулась карточная система. Постепенно карточки становились более дифференцированными в зависимости от приоритетности профессии для обороны страны. Устанавливалось множество категорий снабжения по талонам и ордерам, предусматривавшим определенные нормы получения хлеба, мяса и других продуктов питания, одежды обуви и прочих товаров. Даже льготное снабжение подразделялось на ряд категорий (карточки и талоны с литерой «А», «Б» и др.). На предприятиях были восстановлены ОРСы. До этого проблемами материальной помощи занимались комиссии по рабочему снабжению ФЗМК. 4 мая 1942 г. было принято постановление о перестройке работы профсоюзов в

¹ О работе советских людей в годы войны имеется огромная литература, как отечественная, так и зарубежная. См., например: Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941—1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York, 1991.

² Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 353.

³ Там же. С. 354.

связи с организацией ОРСов. Удлинение рабочего дня, сверхурочные, ночные смены вели к тому, что работники проводили значительную часть своего времени на предприятиях, там же питались в столовых, снабжались и проводили редкие часы отдыха. Соответственно выросла нагрузка на социально-бытовую сферу. К 1945 г. объем централизованной торгово-заготовительной деятельности предприятий возрос в 13 раз¹. Как и прежде, обнаружился злоупотребления в сфере распределения. 23 января 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление об усилении борьбы с разбазариванием и расхищением продовольственных и промышленных товаров в системе ОРСов. Учреждались общественные контролеры, деятельность которых регулировалась специальным постановлением ВЦСПС. К борьбе с хищениями и злоупотреблениями привлекались работники НКВД.

Предпринимаемые меры могли удовлетворить лишь минимум потребностей, необходимых для выживания, а в осажденном Ленинграде нормы были намного ниже союзного уровня. Значительную часть своих нужд работники вынуждены были покрывать из других источников, в частности, за счет приобретения товаров на «вольном рынке». Поэтому денежная оплата труда сохраняла свое значение, несмотря на растущие цены. Средняя заработная плата увеличилась до 573 руб. в 1944 г., а в черной металлургии, — до 697 руб. Возросла доля премий в оплате труда (за выполнение особых заданий, за сверхурочную работу): с 4,5% в 1940 г. до 8,1% в 1944 г. для рабочих и с 11 до 28% для ИТР².

В годы войны государство пошло на расширение рыночных элементов в экономике, «сквозь пальцы» смотрело на распространение спекуляции, возникновение разного рода «барахолок» и «блошинных рынков». Расширилась сеть комиссионных магазинов, торгующих по «коммерческим ценам». Доля «колхозной торговли» в обеспечении продуктами питания поднялась с 14% в 1940 г. до 46% в 1944 г. Большое значение придавалось проблеме самообеспечения отдельных территорий и предприятий, и в этом русле — дальнейшему развитию огороднического движения, хотя у работников не оставалось достаточно времени на обработку участков. Поэтому огороды большей частью засаживались неприхотливой картошкой, которая становилась основным продуктом питания населения, наряду с хлебом, получаемым по продуктовым карточкам. В целом число огородов рабочих и служащих в годы войны увеличилось в 3,5 раза, а производство картофеля на них — в 5 раз. Доля картофеля в питании населения увеличилась в 2,5 раза³.

Сильно сократилось производство товаров первой необходимости, а то что оставалось, шло в основном на нужды армии.

¹ Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 407.

² Там же. С. 405—406.

³ Там же. С. 414—415.

Одежда, обувь, спички, соль, керосин, мыло, иголки, нитки и т.п. исчезли из продажи. Цены на них на свободном рынке были запредельными. Многие граждане донашивали то, что осталось от довоенного времени или одевались во что попало.

26 декабря 1941 г. был издан закон о введении военного положения на предприятиях, связанных с оборонным производством. Случаи самовольного оставления работы рассматривались теперь не народными судами, а военными трибуналами. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались заключением в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет. Если в результате допущенной халатности на производстве происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу.

Статистика наказаний показывает, что по декабрьскому закону в 1942 г. было осуждено 121 тыс., в 1943 г. — 367 тыс. и в 1944 г. — 276 тыс. человек. Сюда следует добавить число осужденных после введения военного положения на транспорте в апреле—мае 1943 г. (50 тыс. человек в 1943—1944 гг.)¹. В дальнейшем наблюдается снижение числа осужденных (см. приложение), а указ Президиума Верховного Совета от 30 декабря 1944 г. объявлял амнистию лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности, если они добровольно вернутся на производство. К тому времени, как свидетельствует письмо Молотова Сталину, в стране находилось в бегах около 200 тыс. трудовых дезертиров, осужденных заочно². Значительная часть дезертиров состояла из рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища. Они оправдывали свой уход с предприятий тем, что дома у них остались старые родители, о которых некому заботиться, огороды, которые некому обрабатывать. В качестве доказательства демонстрировали письма родственникам и соседей, больничные листы, выписанные местными врачами, т.е. искали убедительные аргументы, дабы избежать уголовного наказания. Многие из них «срабатывали». Поэтому статистика наказаний не соответствует реальному состоянию трудовой дисциплины на производстве, а отражает приоритеты государственной политики в области стимулирования труда.

В сфере лагерного труда в годы войны также произошли изменения. В начале войны был свернут ряд крупных строек на базе ИТЛ, а их число сократилось. Некоторые категории заключенных были освобождены и призваны в армию, другие — направлены в штрафные роты и батальоны. Многие заключенные, охваченные патриотическим подъемом, рвались на фронт. В результате число узников ГУЛАГа заметно уменьшилось. Компенсировать недостаток рабочих рук лагерное начальство намеревалось повышением норм выработки, которые увеличились едва ли не в два раза. Рабочий день был продлен. При резком ухудшении материального и

¹ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 г. С. 45.

² Там же. С. 46.

продовольственного снабжения, санитарного состояния лагерей, условий труда и быта в три раза увеличились заболеваемость и смертность заключенных. Наряду с лагерями и колониями в годы войны широкое распространение получили такие формы принудительного труда как трудовые, рабочие колонны, военно-строительные отряды, схожие с трудовыми армиями периода военного коммунизма.

Однако основной формой наказания за нарушения порядка и дисциплины на предприятиях оставалась ответственность по закону от 26 июня 1940 г. В ноябре 1942 г. к штрафным санкциям, т.е. вычету 25% заработка, добавилось соответствующее снижение хлебных норм. В 1942 г. почти на 1,3 млн работников были наложены штрафы, 297 тыс. наказаны тюремным заключением от 2 до 4 мес., в 1943 г. соответствующие цифры составили 962 и 160 тыс. человек, в 1944 г. — 893 и 168 тыс. человек.

В мае 1945 г. была повержена Германия, в начале сентября — Япония. Вторая мировая война закончилась, но действие карательных указов продолжалось. Всего за 1945 г. штрафным санкциям подверглись 942 тыс. рабочих, 117 тыс. — кратковременному тюремному заключению, а 101 тыс. были осуждены на более продолжительные сроки на основании указов о военном положении¹.

Послевоенная ситуация и общественные настроения в СССР

Последствия войны для Советского Союза были гораздо более тяжелыми, чем для других стран. Оккупированная противником территория подверглась разрушению и опустошению. Следы войны, впрочем, наблюдались повсеместно — износ основных фондов, аварийное состояние зданий и сооружений, свалки и разруха. Экономика внутренних районов была настроена на военный лад. Восстановление народного хозяйства и его перевод на мирные рельсы требовали дополнительных усилий и капиталовложений при полном отсутствии свободных ресурсов. Громадными были людские потери. Кроме того, в стране насчитывались миллионы инвалидов, людей с физическими и душевными травмами, нанесенными войной. Социальный порядок, установившийся до войны, был подорван. Гибель людей, безотцовщина, резкое ухудшение условий жизни, разрыв семейных уз вели к распаду социальных связей, росту беспризорности, преступности и бандитизма.

В силу этого, по мнению некоторых ученых, выход СССР из войны был иным, чем в других странах и оказал на развитие страны в послевоенный период гораздо большее воздействие, чем принято было считать. Многие проблемы руководство намеревалось решать методами принуждения, и, прежде всего, очередным нажимом на деревню, обострившим ее кризисное состояние.

¹ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 г. С. 45.

Ситуация в стране была чрезвычайно сложной. Продолжала оказывать свое действие инерция войны, когда враг повержен, но в сознании общества он все еще присутствует, определяя способы жизни и поведения людей. Добавилась риторика «холодной войны», формирование образа нового врага в лице «американского империализма» и «поджигателей войны». Многие граждане были уверены, что грядет новая война. Армия по-прежнему обладала особым положением и авторитетом в жизни общества. Оно оставалось крайне милитаризованным, и идеи налаживания мирной жизни лишь постепенно проникали в сознание сталинского руководства. Многие проблемы, которые возникали, по-прежнему сопровождались требованиями «железной рукой» навести порядок и апелляциям в связи с этим к сталинскому руководству.

Между тем крайне низкий уровень жизни, характерный для военного времени, вызывал стремление жить лучше, лучше не только по сравнению с войной, но и довоенными стандартами как награда за великую победу. Такие настроения были особенно распространены среди солдат и офицеров, которым предстояла демобилизация. Около 8 млн человек должны были сразу вернуться к мирному труду. Многие из них, однако, не были склонны возвращаться к тяжелой работе на заводах и в колхозах, мечтая о другой карьере. Как сообщалось в политдонесениях, «народ выбирает, куда лучше пойти». На многих солдат и офицеров, дошедших до Берлина, неизгладимое впечатление произвел тот уровень жизни, которым обладала разбитая Германия. Естественно, многие хотели пойти в вуз, устроиться в столице, но здесь приходилось идти на ухищрения с пропиской, а власти разрешали размещать иногородних только в общежитиях. Неустроенные какое-то время шатались «меж двор» в поисках места, нередко пополняя ряды нищих, воров и бандитов, благо на руках у граждан оставалось немало оружия.

На плечи государства легла забота о том, как помочь вдовам, одиноким женщинам, назначать пенсии и пособия десяткам миллионов инвалидов войны, детям и семьям погибших, создавать детские дома для тех, кто остался без родителей.

Для понимания политики в области трудовых отношений в послевоенный период представляет интерес анализ общественных настроений того времени, зафиксированный в ряде источников, в том числе сообщениях политорганов, опубликованных в последние годы, материалы перлюстрации писем, рассказывающие о продовольственных и прочих затруднениях, вопросы, задаваемые на собраниях и лекциях. Многие из них касались условий труда, зарплаты и быта¹.

Работница Московского автозавода писала: «Всю войну работали напряженно, ждали победы, а с ней и облегчения всей

¹ Новые документы из архивов на эту тему были введены в научный оборот в монографии: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество. 1945–1953 гг. Политика и повседневность. М., 1999.

жизни. Получилось же наоборот. Заработки наши понизились, мы получаем гроши. Пора уже подумать о рабочих». Во многих письмах лейтмотивом звучало: «Поменьше болтовни о нуждах рабочих, побольше реальной заботы». В подслушанных пропагандистами разговорах речь шла о недовольстве москвичей приезжими из других районов страны, о том, что основные покупатели в Москве — колхозники подмосковных сел, о том, что население пообносились, а одежда недоступна. Говорили также о том, что колхозы — «киселеобразные организации», что у них сверх плана забирают хлеб, о полном развале в деревне: «Все бегут из нее». Среди вопросов, зафиксированных на собраниях и лекциях для рабочих в Москве, были такие: «Как объяснить, что пленные немцы получают на пайки хлеба в два раза больше, чем иждивенцы?» «Почему безработные на Западе живут лучше, чем те, кто у нас работает?» «Что за социализм, когда жизнь все хуже?». В одном из писем говорилось: «Мне 40 лет, а нет жилья», в другом: «Мой муж инженер. Получает 900 руб., а не может обеспечить семью из 3-х человек, что же сказать о рабочих особенно многосемейных. Дети не могут заниматься, не хватает жиров». В Москве была задержана листовка за подписью Иван Крысович (т.е. сын крысы, чтобы подчеркнуть ничтожность своего положения), в которой говорилось, что он три раза подавал заявление в профсоюз на приобретение ботинок и каждый раз ему отказывали. Если же не дадут в следующий раз, то обещал удавиться. Сообщалось, что была арестована работница одной из подмосковных типографий за распространение песни под названием «Городская заздравная», которая представляла собой переделку известной «Колхозной заздравной», начинавшейся «Будьте здоровы, живите богато...». Первый куплет теперь звучал так: «Будьте здоровы, живите богато, / Насколько позволит вам ваша зарплата, / А если зарплата вам жить не позволит, / Ну что ж, не живите, никто не неволит...»¹. Положение в стране было действительно тяжелым, особенно в период голода 1946—1947 гг. Настолько тяжелым, что смертность среди гражданско населения превысила уровень смертности в лагерях.

В источниках часто встречались жалобы на очень большие вычеты из зарплаты, доходившие до 120 руб. в месяц (культурные, подоходные, на спецодежду, займы). Проверка показала, что разовые вычеты за спецодежду составляли у разных рабочих от 75 до 134 руб.² Широкое распространение получили займы на восстановление и развитие народного хозяйства. Подписка на заем, проводившаяся на предприятиях и в учреждениях, составляла довольно приличные суммы, что вызывало недовольство. Внимание органов госбезопасности привлек факт, когда один московский рабочий-прокатчик, получивший аж 1800 руб., заявил по поводу подписки, что, мол, «когда жить хорошо стану, тогда и подпишусь».

¹ Москва послевоенная. 1945—1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 111.

² Там же. С. 195.

«Мы не лентяи, — писали рабочие, — мы трудимся изо всех сил, а нам не дают не только жить, но и существовать. Не обидно, когда вознаграждают ученых, полезных обществу. Зло берет, когда дают возможность обжираться кривлякам из джаза». Такой была реакция на послабления в духовной и идеологической сферах сразу после окончания войны. Раздавались требования принять меры «против тех, кто жрет в три горла, которых развелось неимоверное количество»¹.

Растущее общественное недовольство вызывала карточная система. Рабочие писали, что все продукты приходится покупать на рынке. «В коммерческих магазинах всего полно, а на карточки — худшие продукты. Даже literные». Говорили о том, что «карточки можно не получать, какая от них польза». По-прежнему не было продуктов первой необходимости: «Мыло дорого и недоступно по карточкам». Были призывы «зажать в бараний рог людей, которые обжираются за счет желудка рабочего». «За нас одеваются и обжираются работники ОРСов». Действительно, количество злоупотреблений, связанных с выдачей карточек и талонов, в послевоенный период умножилось. В частности, крупные злоупотребления были выявлены на заводе твердых сплавов, Московском электроламповом заводе². Ухудшилось качество общественного питания. Любопытен в связи с этим вопрос, заданный одним рабочим на лекции, посвященной речи Черчилля в Фултоне, призвавшего к войне с распространением коммунизма: «Нельзя ли обеды в рабочих столовых заменить сухим пайком?» 200 учащихся школы ФЗО № 12 в Таганском районе отказались от завтраков и обедов в столовой, говоря, что не могут есть одну капусту. Проверка показала, что, действительно, меню состояло из: на первое — пустые щи, на второе — капустная солянка, на третье — чай с печеньем. Учащиеся просили не обвинять их в забастовке: «Это не забастовка, а просьба накормить». Инцидент был объяснен плохим состоянием идейно-воспитательной работы³.

Среди «ядовитых» вопросов, заданных на рабочих собраниях были такие: «Когда разрешат свободный переход с одного предприятия на другое?» «Когда отпустят с предприятий мобилизованных из других областей и районов?» «Будет ли отменен указ об уголовной ответственности за опоздания?» «Предполагается ли введение нового трудового закона?» «Будут ли власти преследовать рабочих, которые пожелают подработать на дому?» Встречались заявления о переводах в ночную смену, чтобы иметь возможность подрабатывать днем. Среди высказываний на собраниях раздавались призывы: «Отмените указы и постановления, прямо или косвенно закабаляющие наш труд». Бывшие солдаты, которые побы-

¹ Москва послевоенная. 1945—1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 111, 195, 277, 390.

² Там же. С. 390.

³ Там же. С. 111.

вали в Германии, писали: «Вот там, действительно, свобода. А у нас рабочие завоевали себе не свободу, а угнетение». Один рабочий выражал свое мнение: «Хочу работаю, хочу перехожу на другое производство в знак протеста против советского крепостного права. Дайте человеку вольнонаемный труд!»¹.

Одним из признаков стабилизации и выхода из войны является денежная реформа, которая проводилась во многих странах, участвовавших в войне. В СССР она готовилась загодя и сопровождалась неоднозначными явлениями, свойственными планово-распределительной системе. Подготовка реформы началась с повышения цен на продовольственные товары в государственных магазинах и сближения их с коммерческими. Последовательно осуществлялось уменьшение норм продуктов, выдаваемых на продовольственный паек и передача их в рыночные фонды. В заработок вводились «хлебные надбавки», которые составляли от 80 до 100 руб. в месяц. В сентябре 1946 г. были введены новые пайковые цены в целях их выравнивания с ценами в коммерческой торговле. Такая политика также вызывала недовольство: «Повышают цены и лишают последнего куска хлеба, а нормы пересматривают». Поскольку цены в коммерческой торговле были в 2—3 раза выше, среди рабочих раздавались требования вернуть фонды на нормированное распределение. Дополнительное напряжение на рынке вызвали слухи о предстоящей денежной реформе.

Суть денежной реформы, объявленной 14 декабря 1947 г., состояла в обмене старых денег на новые из расчета 10:1 для небольших сумм, находившихся на руках населения. По деньгам номинал заработной платы оставался без изменений. Крупные денежные сбережения таким образом пропадали. Карточки и талоны отменялись. Несмотря на уравнилительный характер реформы, в целом она восстанавливала денежные стимулы к труду. Цены на товары в госторговле были установлены довольно высокие, близкие к коммерческим. В силу этого реформа косвенно ударила и по рабочим. «Проехались по рабочим, которые накопили несколько сот рублей трудовых денег, — как писал рабочий Трансформаторного завода в Москве. — Я накопил 1000 руб. на пальто. Теперь они пропали»². Несмотря на заполнение магазинов товарами, высокие цены рождали мнение, что реформа — очередной обман народа: «Цены такие, что ничего не купишь». Но в целом впечатление от нее было благоприятным. Она воспринималась как действительное окончание войны. Уровень жизни оставался низким и одобрителное отношение к реформе часто выражалось формулой: «На карточной системе соскучились по белому хлебу, теперь поедем досыта»³.

¹ Москва послевоенная. 1945—1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 111—112.

² Там же. С. 277.

³ Там же.

Дальнейшая политика в области цен велась в двух направлениях. Первое — регулярные с 1948 по 1954 г. снижения розничных цен. В результате, например, цены на белый хлеб снизились с 4,40 до 1,55 руб. за кг. Снижение цен не опиралось на снижение себестоимости производства товаров и не было увязано с ростом производительности труда. Второе — жесткое ограничение цен в коммерческой торговле, в потребкооперации, которое привело к сокращению сети негосударственных магазинов и рынков. Поскольку снижение цен предпринималось волевым порядком без учета состояния экономики, то оно вело к постепенному нарастанию дефицита, по мере того как увеличивались размеры оплаты труда и росли потребности граждан.

Усилилось давление на население в связи с подпиской на государственные займы. Многие были вынуждены отдавать последние крохи на покупку облигаций. Впрочем, время от времени государство печатало таблицы выигрышей и погашения по государственным займам, которые создавали надежду получить какую-то денежную компенсацию. Поэтому отмена выплат по займам и перенесение их на отдаленный срок, которое было проведено при Хрущеве, было воспринято населением крайне негативно.

Кризис принуждения в трудовых отношениях

Следуя общественным настроениям, политика сталинского руководства в области труда была такой же непоследовательной и противоречивой. Цикл послевоенных мероприятий в области труда открыло постановление СНК от 21 июня 1945 г. о возвращении предприятий к нормальному рабочему ритму. Отменялись сверхурочные, продленные смены, восстанавливались отпуска. На этой почве иногда проявлялось недовольство, так как раньше за перевыполнение плана рабочие и специалисты могли получить по 2—3 оклада, а теперь — один. Заводы и фабрики переходили на выпуск продукции мирного времени. Многим предприятиям задания на выпуск ширпотреба пришлось устанавливать в принудительном порядке, другим — предлагалось самим выискивать резервы, т.е. разворачивалась новая кампания. Структурная перестройка экономики вела к недоиспользованию задействованных ранее производственных мощностей, простоям, высокой себестоимости новых изделий при отсутствии необходимых технологий, сырья, материалов и при более низких расценках на производимую продукцию. В ряде случаев наблюдалось падение зарплаты. Как говорили рабочие: «Получаем, когда так, а когда так. Работы нет, расценки — низкие»¹. Участились случаи несвоевременной выдачи зарплаты.

Переход экономики на мирные рельсы сопровождался и встречной милитаризацией производства в условиях «холодной

¹ Москва послевоенная. 1945—1947 гг.: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 380.

войны», приведшей к складыванию военно-промышленного комплекса в СССР. На строительстве военных объектов чаще применялись такие формы труда как мобилизации, привлечение труда заключенных. Наиболее распространенной формой, однако, было использование военно-строительных частей, стройбатов. Для строительства первоочередных военно-промышленных объектов привлекались лучшие специалисты, ученые. Их труд оплачивался очень высоко. В послевоенный период на основе специальных решений стали возникать закрытые города и объекты, связанные с военным производством. Да и вся страна делилась на зоны и объекты с особым режимом. Не следует думать, что подобные процессы были характерны только для СССР. Они были характерны и для других стран, наращивавших военно-промышленный потенциал, но в Советском Союзе степень закрытости приобрела гигантские масштабы. Ведущим работникам ВПК и режимных объектов обеспечивались приоритеты и льготы, причем весьма существенные, но круг их обязанностей расширялся, а права существенно ограничивались.

По официальным данным, рост валовой продукции промышленности в 1950 г. составил 173% по сравнению с 1940 г., в отраслях тяжелой промышленности он был выше. Так, в черной металлургии он составил 184%, а степень обновления основных производственных фондов в отрасли составила 154%¹. Следующая пятилетка (1951—1955 гг.) была отмечена наиболее высокими темпами промышленного развития СССР за весь послевоенный период. Объем промышленной продукции вырос более чем в 2 раза. Сторонники плановой административно-командной экономики и принуждения нередко апеллируют к тому времени, чтобы доказать ее эффективность. Между тем достигнутые успехи были противоречивыми и весьма непрочными.

Среди причин быстрого роста экономики следует назвать, во-первых, то, что к этому времени начали оказывать свое воздействие факторы, связанные с индустриализацией страны и превращением СССР в индустриальное общество. Промышленность, следуя модели, сложившейся в годы войны и довоенный период, довольно быстро преодолела урон, нанесенный войной. Во-вторых, следует учитывать феномен так называемого «замещения», обусловленного переводом отраслей на нужды мирного времени, что сопровождалось внедрением новых технологий, прежде всего в сферу военно-промышленного производства. В эти годы быстро росла энерговооруженность труда за счет развития электроэнергетики, куда было вложено в 3,5 раза больше средств, чем за предыдущие пять лет. Сокращалась доля ручного труда, резко возросла доля средств, идущих на реконструкцию и техническое перевооружение

¹ Промышленность и рабочий класс СССР. 1946—1950: Документы и материалы. М., 1989. С. 24.

предприятий. Это создавало предпосылки для внедрения научных достижений, которые в значительной мере опирались на ВПК.

Однако успехи были достигнуты путем нещадной эксплуатации деревни, где положение было особенно тяжелым, что признавалось даже в советской литературе, а сам труд в колхозах выглядел как подвиг¹, где господствовало принуждение к колхозному труду, тогда как на личное подсобное хозяйство усиливался налоговый пресс. Не удивительно, что продолжалось бегство из деревни, и, по данным переписи 1959 г., городское население почти сравнялось с городским. Сама по себе урбанизация — объективный процесс, но проблема состояла в том, что остающееся большое число сельских производителей не обеспечивало страну аграрной продукцией. Повсеместно низкой оставалась доля средств, идущих на потребление населения и развитие инфраструктуры. Поэтому на повестку дня все больше выдвигался вопрос о структурной перестройке экономики, немедленно «всплывший» перед руководителями страны после смерти Сталина. Особенно остро стоял вопрос о дисбалансе между промышленностью и сельским хозяйством.

Значительные изменения в послевоенный период произошли в структуре занятости. Так, за четыре послевоенных года только на металлургических заводах было подготовлено 285 тыс. новых рабочих и 602 тыс. повысили квалификацию. Наиболее распространенной формой повышения квалификации была сдача техминимума (267 тыс.), прохождение курсов целевого назначения (185 тыс.), стахановские школы (100 тыс.). Была повышена квалификация у 70 тыс. бригадиров, мастеров, ИТР. В 1950 г. в отрасли было 52 школы мастеров². Однако план подготовки квалифицированных кадров для промышленности в целом был выполнен только в центральных районах страны. В правительственных постановлениях неоднократно отмечались недостатки в подготовке кадров. Одним из них, как говорилось, была оторванность учебно-производственных комплексов от отделов труда на предприятиях и планирования потребности в кадрах³.

Дипломированные специалисты среди ИТР на производстве составляли только 23%. Среди начальников цехов 62% составляли специалисты-практики⁴. Главным стимулом продвижения оставался производственный опыт. Образование как стимул повышения квалификации не играло особой роли. Как жаловался один инженер с «Динамо», закончив один институт, он стал получать 1400 руб., второй — 1000 руб., а если закончит третий, будет, наверное, получать 500 рублей⁵.

¹ См., например: Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946 г. М., 1972.

² Промышленность и рабочий класс СССР. С. 218.

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Москва послевоенная. С. 379.

Таким образом, перед руководством страны вставала проблема приведения системы образования и подготовки кадров в соответствие с современным уровнем производства.

К моменту окончания войны источники трудовых ресурсов были достаточно пестрыми. Так, по состоянию на 15 мая 1946 г. на предприятиях черной металлургии работало мобилизованных, репатриированных и эвакуированных почти 203 тыс. человек или 25% работающих. Около 10% рабочих окончили школы ФЗО и ремесленные училища, около 6% составлял «спецконтингент», т.е. заключенные. Число пришедших на заводы не в порядке организованного комплектования составляло 59%. Но уже к концу 1947 г. положение изменилось. Первая категория снизилась до 13,6%, вторая осталась без изменений, а численность «спецконтингента» уменьшилась до 4,5%, в то время как доля «неорганизованных» возросла до 72% и продолжала увеличиваться дальше¹.

В 1946 г. в плановом порядке было завербовано на предприятия и стройки страны 1 млн 514 тыс. рабочих. В этот период вербовка особенно интенсивно велась среди демобилизованных из армии. С 21 мая 1947 г. оргнабор передавался в ведение Министерства трудовых резервов. Но в 1950 г. число принятых по оргнабору снизилось до 400 тыс. Главным препятствием для вербовки в плановом порядке было отсутствие жилья².

Жилищная проблема в послевоенный период еще больше обострилась по сравнению с довоенной ситуацией. Значительная часть жилищного фонда была разрушена в результате военных действий, обветшала и износилась, не ремонтировалась в течение долгих лет. Жилищное строительство практически не велось, за исключением временок и бараков. После войны возобновился централизованный порядок жилищного строительства, главным образом путем реализации весьма дорогостоящих и трудоемких проектов. Квартиру в элитных домах имели шансы получить лишь немногие, да и за внешне солидными домами часто прятались прежние коммуналки. Получение жилья в централизованном порядке не привязывало работника к конкретному предприятию, и многие продолжали поиски более подходящей работы. Руководству страны становилось очевидным, что жилищную проблему нужно срочно решать.

Бичом советского производства по-прежнему оставалась текучесть кадров. Особенно возросла текучесть в первые послевоенные годы, несмотря на действие чрезвычайных указов, и достигла своего пика в 1947 г. По расчетам английского историка Д. Филцера, наиболее высокой она была на строительстве объектов для тяжелой промышленности, где за год ушло 64% рабочих, в том числе самовольно — 23%, в угольной промышленности западных районов СССР — соответственно 54 и 22%, восточных районов — 46 и

¹ Промышленность и рабочий класс СССР. С. 220.

² Там же.

20%, в нефтяной промышленности — 40 и 4,3%, в металлургии — 36 и 11%, в легкой промышленности — 34 и 8%¹. Уходить с предприятий вынуждали невероятно тяжелые условия труда, отсутствие жилья, теснота, скученность. Свое воздействие на повышение текучести оказал также голод 1946—1947 годов.

Рынок труда явно одерживал победу над плановыми расчетами, мобилизационными мероприятиями в области труда, принудительными мерами побуждения к труду. В марте 1955 г. Указ Президиума Верховного Совета вообще отменил мобилизации и оргнабор как форму привлечения рабочей силы. Обнаружилась неэффективность наказаний, которая неизбежно вела к ослаблению принудительных мер. Парадокс заключался в том, что вместе с их ослаблением заметно сократились и размеры текучести. В какой-то мере это было связано со стабилизацией положения в стране.

В течение 1946—1950 гг. около 3,6 млн молодых людей (2,8 млн — из деревни) было принято в школы трудовых резервов. Окончили их и приобрели рабочие специальности 3,4 млн человек. Основная масса мобилизаций учащихся пришлась на угольную и металлургическую отрасли. Ремесленные училища окончили более миллиона молодых людей, остальные — обычные школы ФЗО². Однако мобилизация и призывы изживали себя. В 1945 г. на добровольных началах было принято 50% учащихся, в 1949 г. — 94%. Выпускники старались не задерживаться на предприятиях. Не встречая на производстве того, что они ожидали, выпускники системы трудовых резервов начинали искать другие пути своего жизненного устройства. О неблагополучии в системе говорило постановление СНК от 2 августа 1948 г. о мерах по борьбе с текучестью учащихся в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО.

К концу 1940-х гг. произошло почти двукратное сокращение ежегодного приема в школы и училища трудовых резервов: с 700—800 тыс. до 300—400 тыс. в год. В 1950-е гг. средним за год по стране в них поступало около 350 тыс. человек преимущественно из села, т.к. городские жители явно уклонялись от этой формы профессионального обучения. К концу 1950-х гг. окончившие профессиональные училища составляли лишь около 4% от общего числа рабочих³. Индивидуально-бригадное обучение на производстве по-прежнему являлось основным источником подготовки кадров. Этот процесс шел на фоне сумасшедших конкурсов при приеме в техникумы и высшие учебные заведения.

Проблема стимулирования производительности труда после войны стала гораздо острее. Сталин в своем выступлении на сове-

¹ Filtzer D. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge, 2002. P. 116—117.

² Промышленность и рабочий класс СССР. С. 218.

³ Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1946—1960 гг. М., 1987. С. 114.

шании в СНК 31 декабря 1946 г. утверждал, что данная проблема заключается в некомпетентности руководителей. Планы составляются заниженные, «от достигнутого», ориентируются на показатели отстающих. Плановые цифры не учитывают возможностей людей и производства¹. Слова Сталина были приняты как сигнал к началу новой кампании, напоминавшей по риторике стахановское движение 1930-х годов.

Между тем в послевоенный период это движение обнаруживало явные признаки вырождения. В порядке отклика на сталинское выступление секретарь Московского горкома партии Попов говорил следующее: «У нас перестали работать со стахановцами. Нет того, чтобы они тянули остальных». Существующие стахановские рекорды он справедливо назвал «акробатическими номерами» с целью «устроить звон на всю страну». В качестве примера приводилась ткачиха с «Трехгорки», которая выработала в 1946 г. семь годовых норм и получила 3,5 тыс. руб., больше, чем сталевар с завода «Серп и молот» (2—2,5 тыс. руб.). Этот аргумент был использован выступавшим, чтобы показать, насколько низкими являются расценки².

Советское производство сохраняло неровный, рваный ритм, к тому же постепенно утрачивало военно-мобилизационный характер. Выполнение плановых заданий обычно приходилось на последнюю декаду месяца, квартала, года, когда перевыполнение норм становилось фантастическим. В этих условиях «стахановцем» мог быть объявлен любой рабочий, и как показывает дальнейшая судьба движения, именно так и происходило на практике. Рабочее время, свободное от штурмовщины, отмечалось частыми простоями, которые государство вынуждено было оплачивать. Оплата простоев по «объективным» причинам была меньше, но не намного, поэтому рабочие не были особенно заинтересованы в их ликвидации. Если же на сдельной работе происходило снижение заработка ниже приемлемого, то в ответ на жалобы администраторы, получавшие стабильные оклады, предлагали рабочим самим «пройтись по конвейеру и найти этих лодырей». Надо заметить, что какое-то время этот принцип срабатывал, хотя ликвидация «узких мест» на производстве решалась главным образом административными способами.

За период с 1946 по 1956 г. средняя зарплата в промышленности увеличилась в 1,5 раза, по-прежнему перегоняя рост производительности труда. Подсобные хозяйства сохранялись в качестве источника дополнительных доходов. ОРСы были постепенно упразднены, упор делался на политику развития социальной сферы на предприятиях, на «децентрализованные фонды снабжения работников». Огородническое движение сохраняло свое значение в ка-

¹ Москва послевоенная. С. 240.

² Там же. С. 354.

честве существенной прибавки к зарплате и источника приобретения продуктов питания.

Первые годы после войны сохранялись трудовые законы военного времени. Снятие заводов с военного положения в Москве и Ленинграде произошло в марте 1947 г., на остальной территории — в июле 1948 г., но предвоенные законы продолжали действовать. Послевоенное неустройство и рост текучести вызвали временное ужесточение уголовных наказаний. К 1949 г. число приговоренных судами за прогулы, опоздания, самовольное оставление работы на срок от 2 до 4 мес. поднялось до 268 тыс., однако штрафные санкции уменьшились за то же время почти вдвое (517 тыс. случаев)¹.

Была развязана очередная кампания по ужесточению карательных мер, связанная с ростом преступности и воровства, следствием тяжелого послевоенного положения. В связи с этим 4 июня 1947 г. были приняты два закона об усилении охраны личной и общественной собственности. За хищения личной собственности предусматривался срок заключения от 5 до 6 лет, за разбой — 10—15 лет, за кражу государственной собственности — от 7 до 10 лет, групповую кражу — от 10 до 12 лет. Предусматривалось наказание за «недонесение» о фактах преступлений — от 2 до 3 лет. Эти законы были приняты, несмотря на действие августовского закона 1940 г., по которому уголовному наказанию подвергались сотни тысяч людей ежегодно. В ходе кампании за мелкие кражи были осуждены сотни тысяч людей, а для прежде совершивших преступления сроки заключения были пересмотрены в сторону значительного повышения. Как говорилось в лагерной песне того времени: «Идут на север срока огромные, / Кого ни спросишь, у всех указ...»

В то же время число осужденных по закону от 26 июня 1940 г. продолжало сокращаться (см. приложение). Неоднократные обращения навверх самих рабочих, руководителей предприятий, судебных работников, привели к тому, что 14 июля 1951 г. появился указ Президиума Верховного Совета СССР «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». К этому времени число осужденных по Указу от 26 июня 1940 г. сократилось до 180 тысяч². В апреле 1956 г. этот закон был отменен вообще.

В послевоенный период внешне переживает свой «апогей» ГУЛАГ. В распоряжении государства оказались огромные массы «спецконтингентов» (заключенные, спецпоселенцы, репатриированные, проходящие проверку, мобилизованные и пр. категории населения). Общее население гулаговской системы в отдельные годы приближалось к численности в 10 млн человек. Но за внеш-

¹ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 г. С. 45.

² Там же.

ними признаками «величия» системы принудительного труда скрывались ее эрозия, разложение и упадок.

Численность заключенных в лагерях и колониях достигла в 1950 г. наибольшей цифры — 2,5 млн человек¹. Факторы роста населения ГУЛАГа во многом были связаны с последствиями войны. Лагерь пополнялись военными преступниками, пособниками оккупантов, участниками националистических движений и другими «антисоветскими элементами» (действительными и мнимыми). Однако почти половину заключенных составляли осужденные по июньским указам 1947 г. В то же время лагерное начальство стремилось разделить политических и уголовных узников, создавая для первых систему особых лагерей, строго дифференцировать режимы в местах заключения на строгий, усиленный и общий. Согласно положению о «рабочих зонах» особенно строгий режим (за колючей проволокой и с усиленной охраной) предусматривался для особо опасных преступников, остальные должны были работать под «конвоем». Как говорилось в той же песне: «И под конвоем в работе своей каторжной, / Быть может, смерть себе найду...» Но оборудование и содержание таких зон обходилось дорого. Поэтому, несмотря на ужесточение и дифференциацию наказаний росло число так называемых «расконвоированных». Их численность уже в 1947 г. составила 11% от общего числа заключенных² и продолжала расти в последующие годы.

На конец 1948 г. в стране было 79 лагерных комплексов, а к 1953 г. — 166, которые подчинялись 16 производственным главам. ГУЛАГ рассматривался как «палочка-выручалочка» при реализации крупных хозяйственных проектов. Однако, когда ведомства брались за их осуществление, выяснялась необходимость глубоких структурных изменений в составе трудовых ресурсов, использования новой техники, опыта и знаний специалистов, повышения квалификации рабочих, и все это требовало дополнительных затрат на содержание лагерей. Все более острой проблемой становилось повышение производительности труда, которая в производственных главках МВД была на уровне 50—60% от соответствующих отраслей. Предпринимались меры технического перевооружения гулаговских строек и объектов, более частым становилось применение машин и механизмов, привлечение, в случае необходимости, труда вольнонаемных. Делались попытки повышения материальной заинтересованности заключенных. Отмена карточной системы была распространена и на ГУЛАГ. В ноябре 1948 г. было принято постановление Совета Министров, согласно которому заключенные должны были получать заработную плату, исходя из пониженных до 30% тарифных ставок и должностных окладов в соответствующих отраслях. Соответственно по отдельным произ-

¹ Земсков В.Н. ГУЛАГ. С. 13. Некоторые добавляют сюда примерно 300 тыс. осужденных судами и находящихся в пути к местам заключения.

² Там же. С. 11.

водственным главам на протяжении последующего времени вводились тарифы и нормы оплаты труда, которые постепенно повышались. Основными формами оплаты были сдельно-прогрессивная и премиальная. В 1953 г. контингент заключенных на оплачиваемых работах в лагерях и колониях составлял 61,8%¹. К неоплачиваемым относились «отказчики», инвалиды, больные и некоторые другие категории заключенных. Среднемесячный заработок заключенных составлял 324 руб. За вычетом содержания на руки приходилось 129 руб.² В качестве поощрения труда вновь применялась система зачетов — сокращение сроков заключения в зависимости от количества отработанных на производстве дней. Система зачетов охватывала около 54% заключенных. Однако особенного эффекта эти мероприятия не дали. В 1951—1952 гг. ни одно из производственных подразделений МВД не выполнило план по росту производительности труда³, а 1953 г., как отмечалось в отчете, был отмечен «неудовлетворительным результатом»⁴.

В послевоенный период наблюдался также рост числа спецпоселенцев. Основную их массу составили «репрессированные народы», т.е. депортированные сталинским руководством в годы войны, высланные из западных районов «кулаки», «подкулачники» и «националисты», «немецкие пособники», «неблагонадежные граждане», сектанты и т.п. На 1 января 1949 г. было 2,3 млн спецпоселенцев⁵, на 1 января 1954 г. 2,7 млн⁶. Режим для спецпоселенцев был сильно ужесточен. За побег, например, полагалось наказание в 20 лет каторжных работ.

Определенный вклад в восстановление народного хозяйства СССР внес труд военнопленных, число которых в 1946 г. достигало 2,5 млн человек. Однако попавшие в советскую систему принудительного труда граждане других стран чувствовали себя очень плохо, часто болели и умирали. Особенной заинтересованности в труде они не проявляли. К тому же, им надо было обеспечивать определенные стандарты существования, испытывая постоянное давление со стороны мирового общественного мнения. С ними нельзя было обращаться так же бесцеремонно, как с советскими заключенными. Для начальства это была дополнительная «головная боль», поэтому советское руководство поспешило поскорее избавиться от военнопленных. К 1949 г. их осталось немного, не-

¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров М., 2000. С. 667.

² Там же. С. 669.

³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. М., 1998. С. 49.

⁴ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 670.

⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы. С. 10.

⁶ Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных // СОЦИС. 1991. № 1. С. 5.

сколько десятков тысяч, в основном повинных в тяжких военных преступлениях.

Таким образом, ликвидация системы принудительного труда отчасти началась уже при Сталине, а после смерти вождя приобрела необратимый характер. Инициативу взял на себя сам Л.П. Берия. Ничего странного в этом не было. Как человеку долгие годы руководившему ведомством, ему лучше всего было известно реальное положение дел в системе принудительного труда, его неэффективность и нерациональность и убыточность многих мест заключения. Прежде всего, был свернут ряд крупных гулаговских проектов, упразднены производственные главки в системе МВД и ликвидирован ряд лагерей. 27 марта 1953 г. была объявлена амнистия осужденных на срок до 5 лет. Лагерные восстания 1953—1954 гг. ускорили этот процесс. С 1954 г. начался пересмотр многих политических дел. В 1955 г. был принят указ об амнистии лиц, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Процесс освобождения заключенных ускорился после XX съезда КПСС. В октябре 1959 г. в истории лагерей была поставлена точка. Появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об упразднении ГУЛАГа как ведомства, «не выполнившего своей главной задачи — перевоспитания заключенных трудом». К этому моменту в местах заключения находилось 948 тыс. человек, из которых лишь 1,2% составляли осужденные за контрреволюционные (антисоветские) преступления¹. Большинство лагерей было ликвидировано, трудовые колонии переданы в ведение местных органов МВД.

С 1954 г. началось массовое освобождение спецпоселенцев. Уже в этом году было снято с учета около 1 млн человек, а с разоблачением «культы личности» начались настоящие волнения среди ссыльных народов, ускоривших процесс их освобождения и возвращения на родину. До середины 1957 г. было освобождено 2,6 млн человек². Столь быстрая ликвидация спецпоселений была обусловлена несправедливостью ранее проведенных акций. При ликвидации ссылки было проявлено лицемерие. Не все были полностью реабилитированы. Главное состояло в том, чтобы не подвергать критике политику проводимых ранее массовых депортаций. В издаваемых постановлениях отмечалось, что люди были высланы в связи с чрезвычайными обстоятельствами военного времени, а теперь, мол, их пребывание в ссылке не вызывается необходимостью.

Таким образом, уже в рамках сталинской системы явно обнаруживались признаки кризиса принуждения во всех сферах экономики и общественной жизни. Безусловно, правы те исследователи, которые считают, что не личные качества, воля и желания отдельных руководителей, а обстоятельства вели к отказу от методов на-

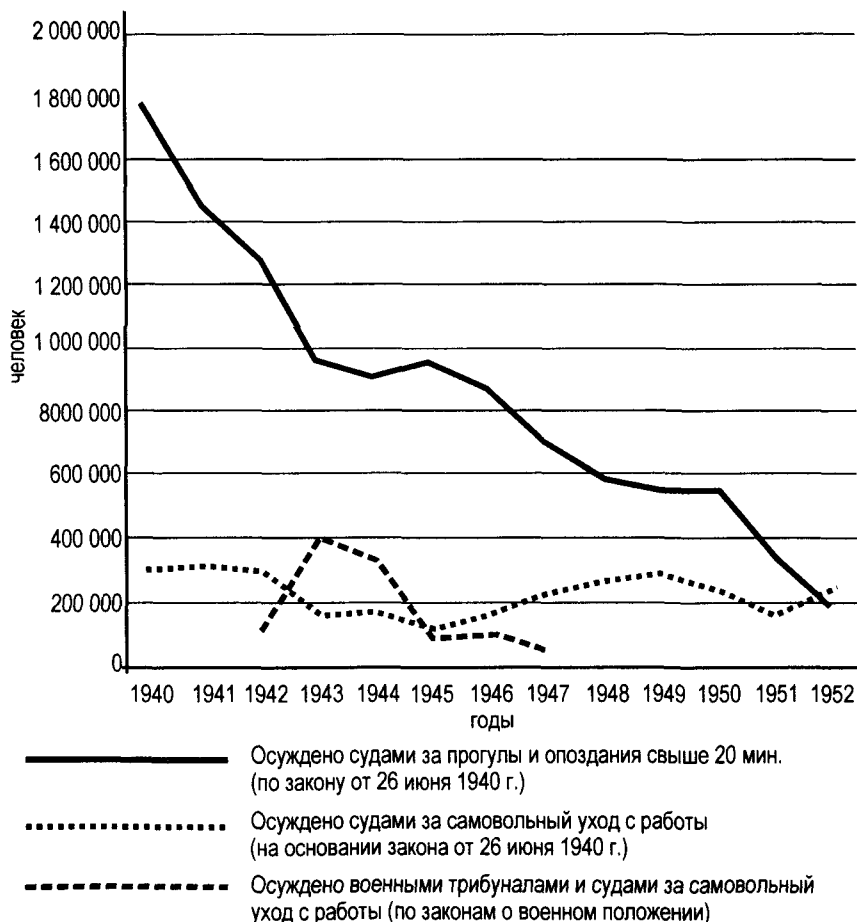
¹ Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. С. 15.

* ² Там же. С. 14.

силы и принуждения. Любой руководитель в этих условиях вынужден был бы проводить определенную либерализацию режима, поскольку карательная политика исчерпала себя. В рамках советской системы нужно было искать иные стимулы и побуждения к труду. Эти поиски начались с середины 1950-х годов.

Приложение

Число осужденных судебными органами и военными трибуналами за опоздания, прогулы и самовольный уход с работы в период 1940—1952 гг.

Глава II

**ЭКОНОМИКА ОГПУ—НКВД—МВД СССР
В 1930—1953 гг.:
МАСШТАБЫ, СТРУКТУРА,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Предметом статьи является тот сектор сталинской экономики принудительного труда, который находился под непосредственным управлением ОГПУ—НКВД—МВД, превращая их в своеобразные карательно-хозяйственные ведомства. Предприятия и стройки, подчиненные этим ведомствам, составляли ядро и наиболее значительную часть экономики, основанной на использовании труда заключенных. В этом многоотраслевом комплексе в наиболее открытом и концентрированном виде проявлялись основные черты и принципы организации сталинской экономики принудительного труда в целом, во многом определялись основные направления ее развития.

Хронологические рамки, обозначенные в заголовке, охватывают период становления и распространения сталинского варианта экономики принудительного труда. Хотя заключенных достаточно широко использовали на разного рода хозяйственных работах и в дореволюционной России, и в первые послереволюционные годы, именно на рубеже 1920—1930-х гг., как следствие политики индустриального скачка, насильственной коллективизации и сопровождавших их массовых репрессий, возникла принципиально новая система экономики ГУЛАГа. Ее основу составляли крупные объекты, возведение и эксплуатация которых требовали массового применения неквалифицированной рабочей силы, как правило, в труднодоступных регионах, отличавшихся крайне неблагоприятными климатическими условиями и отсутствием элементарной первоначальной инфраструктуры. Беспощадная эксплуатация заключенных на тяжелых физических работах (преимущественно в строительстве, горнодобывающей промышленности и на лесозаготовках) составляла суть сталинского варианта экономики принудительного труда.

Сразу же после смерти Сталина в 1953 г. произошли события, позволяющие говорить о демонтаже (если не полном, то существенном) этой экономики. С одной стороны, массовая амнистия и последующие реабилитации значительно уменьшили численность заключенных. С другой стороны, были ликвидированы многие дорогостоящие объекты, возводившиеся заключенными, а сам МВД утратил значительную часть производственных функций, передав

большинство своих предприятий хозяйственным министерствам. Хотя этот процесс был непоследовательным и сопровождался многочисленными попятными движениями, общая тенденция демонтажа экономики МВД в ее сталинском варианте сохранялась. Постепенно происходил переход от системы лагерей, служивших источником неквалифицированной рабочей силы, к системе исправительно-трудовых колоний, имевших собственную производственную базу. Этот этап эволюции лагерной экономики после смерти Сталина требует специального изучения.

В данной главе на основании имеющейся литературы и, главным образом, архивных материалов, делается попытка рассмотреть два основных вопроса. Во-первых, представить общую картину развития экономики ОГПУ—НКВД—МВД и ее количественные параметры. Во-вторых, наметить некоторые подходы к изучению такой важной, но чрезвычайно сложной проблемы, как эффективность экономики ГУЛАГа и роль принудительного труда в индустриальном развитии СССР.

Подъем и кризис лагерной экономики

В какой-то мере исходной точкой формирования сталинского ГУЛАГа и его экономики можно считать постановление Политбюро от 27 июня 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных». Постановление предписывало в дополнение к единственному тогда Соловецкому лагерю создать сеть новых лагерей в отдаленных районах страны с целью их колонизации и разработки «природных богатств путем применения труда лишенных свободы»¹. Первоначально речь шла о незначительных размерах лагерей — в целом до 50 тыс. человек. Однако мощная волна террора, связанная с коренным поворотом политики, так называемым «раскулачиванием» и насильственным созданием колхозов, существенно изменила эти первоначальные планы. В течение нескольких месяцев были арестованы и высланы несколько сотен тысяч крестьян. Одновременно с созданием так называемых спецпоселков для «кулаков» резко увеличилась численность заключенных во вновь созданных лагерях — на 1 января 1930 г. почти до 180 тыс., что в несколько раз превышало лимиты, намечаемые всего за полгода до того.

Перед руководством ОГПУ встала проблема хозяйственного использования этих сотен тысяч заключенных и спецпереселенцев. Каких-либо вразумительных планов на этот счет первоначально не существовало. Ссылных крестьян отдавали для работы на предприятия других ведомств, главным образом на лесозаготовки. Лагерные заключенные использовались на различных строительных работах и в лесной промышленности. Во многих случаях лагерь

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746. Л. 2, 11.

самостоятельно заключали договоры с различными предприятиями и поставляли им рабочую силу.

Определяющее воздействие на дальнейшее развитие экономики ОГПУ оказало решение о строительстве Беломорско-Балтийского канала (ББК). Возведение этой транспортной системы, начавшееся во второй половине 1930 г., было завершено в рекордные сроки — за два года. В отдельные периоды на строительстве было сосредоточено более 100 тыс. заключенных. Лагерная экономика впервые на практике демонстрировала свои «преимущества»: быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями. На ББК отработывались методы организации крупных хозяйственных объектов ГУЛАГа, набирались опыта руководящие чекистские кадры. Вслед за ББК в ОГПУ началось формирование других крупных хозяйственных подразделений. 11 ноября 1931 г. Политбюро приняло решение образовать «для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы» специальный трест, получивший затем название «Дальстрой»¹. 30 сентября 1932 г. решением Политбюро в ведение ОГПУ было передано строительство канала, соединявшего Волгу с Москвой-рекой, 23 октября — строительство Байкало-Амурской железной дороги на Дальнем Востоке (БАМ)². Тогда же, в октябре 1932 г., был образован Ухто-Печорский трест ОГПУ с целью организации добычи угля и нефти и освоения других ресурсов Печорского бассейна³.

В результате этих решений сложилась та структура экономики ГУЛАГа, которая существовала и развивалась вплоть до середины 1950-х гг. Ядром этой экономики были крупные стройки и горнодобывающие комплексы, требовавшие массового применения неквалифицированного физического труда в экстремальных условиях. К началу 1935 г. более 150 тыс. заключенных лагерей строили БАМ и вторые пути железных дорог на Дальнем Востоке, 196 тыс. — канал Москва—Волга. На Беломорско-Балтийском комбинате — в системе транспортных и промышленных предприятий, сосредоточенных вокруг ББК — была занята 71 тыс. заключенных. 21 тыс. заключенных Ухтинско-Печорского лагеря добывали нефть и уголь. Дальневосточные лагеря (60 тыс. человек) строили железные дороги, судоверфь в Комсомольске-на-Амуре, добывали уголь и т.д. 63 тыс. заключенных Сибирского лагеря строили железные дороги и выполняли работы для металлургических и других предприятий. В Свирском лагере 43 тыс. заключенных заготавливали древесину и дрова для Ленинграда, а 35 тыс. заключенных Темниковского лагеря выполняли аналогичные работы для Москвы. Карагандинский и Среднеазиатский лагеря (каждый примерно по

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 57.

² Там же. Оп. 3. Д. 902. Л. 8; Д. 904. Л. 6, 46—52.

³ Там же. Д. 904. Л. 10; Д. 906. Л. 40—44.

26 тыс. заключенных) специализировались на сельском хозяйстве, но также обслуживали промышленные предприятия и стройки¹. В середине 1930-х гг. быстро наращивал добычу золота трест Дальстрой (в январе 1935 г. 36 тыс. заключенных). Если за первые шесть лет работы на Колыме (1928—1933 гг.) было получено 1937 кг золота, то в 1934 г. произошел перелом. За 1934—1936 гг. включительно Дальстрой добыл более 53 тонн золота, а в 1937 г. — 51,5 тонны².

Ситуация на Колыме в целом отражала общее состояние экономики НКВД в середине 1930-х гг. Пережив острейший кризис 1932—1933 гг., отмеченный в ГУЛАГе (как и в стране в целом) массовым голодом и смертностью, система затем стабилизировалась. Несмотря на незначительный прирост контингентов заключенных, в середине 1930-х гг. наблюдалось наращивание производства и объемов капитальных работ, выполняемых лагерями. В январе 1935 г. НКВД было поручено строительство железной дороги Хабаровск—Комсомольск, протяженностью 180 км³. 23 июня 1935 г. СНК СССР утвердил постановление о строительстве силами НКВД Норильского никелевого комбината⁴. Постановлением СНК СССР от 29 июля 1935 г. на НКВД было возложено строительство целлюлозного завода Сегежского лесобумажно-химического комбината⁵. 14 сентября 1935 г. Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о строительстве силами заключенных гидроузлов в районе Углича и Рыбинска. Значительные капитальные вложения осваивались НКВД при возведении объектов Комитета резервов (склады для хранения резервных государственных фондов продовольствия и промышленных товаров). В конце 1935 г. в ведение НКВД было передано специальное управление, занимавшееся строительством шоссейных дорог.

Относительно стабильное развитие экономики принудительного труда было прервано «большим террором» — массовыми репрессивными акциями 1937—1938 гг. С 1 января 1937 по 1 января 1939 г. контингенты лагерей и колоний выросли с 1,2 до почти 1,7 млн человек. В тюрьмах на 1 января 1939 г. числилось 350 тыс. заключенных⁶. Несмотря на столь значительный прирост «специальных контингентов», экономика ГУЛАГа переживала острый кризис. Предприятия, подведомственные НКВД, были дезоргани-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1310. Л. 13—14.

² Там же. Оп. 17. Д. 278. Л. 75; Оп. 20а. Д. 949 б. Л. 2; Д. 984. Л. 2; Широков А.И. Дальстрой: Предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 103.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 480. Л. 31 (постановление СНК СССР от 23 января 1935 г.).

⁴ Там же. Л. 194.

⁵ Там же. Д. 482. Л. 87.

⁶ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. 1991. № 6. С. 11.

зованы арестами их руководителей, массовыми расстрелами и резким ростом смертности и физического истощения заключенных в лагерях. Планы капитального строительства не выполнялись. Резко ухудшились качественные показатели деятельности предприятий и строек НКВД¹.

Одним из последствий «большого террора» было также изменение отраслевой структуры экономики НКВД. Оставаясь в экономическом отношении, как и прежде, преимущественно строительным ведомством, НКВД в конце 1937—1938 гг. принял в свое ведение большое количество лесозаготовительных предприятий. В результате в 1938 г. предприятия лесной промышленности, входившие в систему ГУЛАГа, вывезли 22,9 млн куб. м леса, что в три раза превышало уровень 1937 г. (7,4 млн куб. м)². В 1938—1939 гг. НКВД обеспечивал уже 13% всех лесозаготовок СССР³. За счет новых лесных лагерей в ходе «большого террора» произошло снижение удельного веса крупных комплексов в экономике НКВД, которая становилась более многоотраслевой и территориально расчлененной.

Некоторая стабилизация экономики НКВД и ее дальнейшее наращивание в 1939 — начале 1941 г. происходили в условиях ослабления террора. Достигался этот хозяйственный рост за счет «использования внутренних резервов» — усиления эксплуатации заключенных, некоторого упорядочения управления лагерями и т.п. С этой целью новый нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия весной—летом 1939 г. провел своеобразные административные «реформы». Их ядро составляла отмена так называемых «зачетов рабочих дней». Эта система предполагала сокращение срока осуждения в определенной пропорции ко времени, отработанному на производстве. Отмена «зачетов» позволила стабилизировать контингенты рабочей силы, но привела к уничтожению самых действенных стимулов повышения производительности в экономике НКВД. В качестве заменителя этих стимулов, как обычно в сталинской системе, были использованы административно-репрессивные методы. Так называемых «дезорганизаторов» и «саботажников» лагерного производства осуждали на дополнительные длительные сроки заключения или даже расстрел⁴.

После начала в 1939 г. Второй мировой войны советское правительство в спешном порядке принимало многочисленные постановления о строительстве предприятий и объектов военного на-

¹ О тяжелом положении строек ГУЛАГа см.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 4. Д. 3. Л. 18—29. О резком падении производительности труда и кризисном финансовом положении Дальстроя и Ухто-Печорского треста см.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 99. Л. 1—12; Д. 77. Л. 182.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 18. Л. 69; Оп. 22а. Д. 142. Л. 5.

³ Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 368. Л. 124.

⁴ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 76. Л. 6—9; Д. 121. Л. 6—9; Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1152. Л. 2—4.

значения. На НКВД возлагалась большая часть этих планов. Наиболее значительным в этот период был размах железнодорожного строительства на Дальнем Востоке и Европейском Севере. Второе место по объемам выполняемых работ занимало гидростроительство НКВД — сооружение Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей, соединявших Балтийское и Белое моря с Каспийским, гидроэлектростанций, портов. Резкий скачок в предвоенные годы сделала цветная металлургия НКВД. Нарастало производство золота, никеля (Норильский комбинат и комбинат Североникель в Мурманской области), олова, меди (Джезказганский комбинат). Значительным было участие НКВД в программе увеличения производства алюминия и магния, принятой в октябре 1940 г. Силами заключенных создавалась новая нефтяная база на Европейском Севере, строились гидролизные, сульфитно-спиртовые, авиационные заводы, автомобильные дороги и многое другое. В 1940 г. удельный вес капиталовложений, освоенных НКВД, в общих централизованных капитальных вложениях достиг 14%¹. Чрезвычайно напряженный строительный план был утвержден и на 1941 г. Вплоть до вторжения Германии в июне 1941 г. продолжалась передача в НКВД новых промышленных предприятий и строек. Самым значительным было задание, полученное наркоматом 24 марта 1941 г., — строительство и реконструкция в течение 1941 г. 251 аэродрома для Наркомата обороны. Для его выполнения НКВД предстояло выделить 400 тыс. заключенных, а Наркомату обороны — сформировать сто строительных батальонов по тысяче человек в каждом.

Хотя многие задания НКВД в предвоенный период уже имели военно-мобилизационное значение, начавшаяся война внесла существенные коррективы в хозяйственную деятельность наркомата. На развитие экономики НКВД в годы войны оказывали воздействие несколько важных факторов. Количественно и качественно изменились контингенты рабочей силы, находившейся в распоряжении НКВД. В связи с необходимостью эвакуации части лагерей и колоний и ухудшением условий в ГУЛАГе в 1941 г. было проведено досрочное освобождение 420 тыс. заключенных. В 1942—1943 гг. 157 тыс. заключенных, осужденных за незначительные преступления, были досрочно освобождены и направлены в армию². Чрезвычайно высокой в годы войны была смертность в ГУЛАГе. В 1941—1945 гг. в лагерях и колониях, согласно ведомственной статистике, умерли более 1 млн заключенных³. В результате, несмотря на приток новых заключенных, их общая численность значительно сократилась. С 1 июля 1941 г. по 11 февраля

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 7181. Л. 35—36.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 275.

³ Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 10. С. 118.

1945 г., например, численность контингентов в лагерях и колониях уменьшилась с 2,3 до 1,4 млн. При этом значительная часть заключенных были больны и истощены. Даже по официальным данным, удельный вес заключенных лагерей, работающих на производстве, снизился в 1942—1944 гг. до 65—70%, а количество больных составляло примерно 20%¹. Недостаток заключенных в какой-то мере компенсировался использованием так называемых «мобилизованных контингентов» — 400 тыс. советских граждан национальностей тех стран, которые воевали с СССР (немцы, финны, румыны). 220 тыс. из них были направлены на хозяйственные объекты НКВД, остальные переданы другим наркоматам². Часть «мобилизованных» содержалась в лагерях наравне с заключенными. В последний период войны все активнее в качестве рабочей силы использовались военнопленные, контингенты проверочно-фильтрационных лагерей и т.д.

Ограниченное количество полноценной рабочей силы, наряду с такими факторами, как массовая эвакуация многих объектов и военно-мобилизационная перестройка экономики, оказали воздействие на размеры и структуру хозяйственной деятельности НКВД. Хотя НКВД СССР оставался одним из важнейших строительных ведомств, общие объемы капитального строительства (по крайней мере, в стоимостном выражении) значительно сократились. При этом существенно изменилась общая структура капитальных вложений. По сравнению с предвоенным периодом уменьшилась доля железнодорожного, шоссейного и особенно гидротехнического строительства. За счет этого произошло увеличение участия наркомата в строительстве предприятий черной и цветной металлургии, топливной промышленности, а также в строительстве аэродромов³. Военные потребности обусловили перепрофилирование многих промышленных предприятий НКВД на выпуск боеприпасов, обмундирования и т.п.⁴

Уменьшение численности заключенных в годы войны, послевоенная амнистия и освобождение различных категорий заключенных, задержанных на объектах НКВД на период до окончания войны, существенно сокращали возможности экономики НКВД. По оценкам самого НКВД, общий некомплект рабочей силы на его предприятиях на второе полугодие 1945 г. составлял 750 тыс. человек⁵. При этом руководство наркомата в конце 1945 — начале 1946 г. достаточно скептически оценивало хозяйственные перспективы своего ведомства. Этот скепсис в полной мере проявился при подготовке в аппарате НКВД планов на четвертую пятилетку (1946—1950 гг.), в которых предусматривалось сокращение рабочей

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 56—61.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 281.

³ См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 3888. Л. 83—85.

⁴ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 289—294.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2204. Л. 118.

силы из числа заключенных и соответствующее сокращение планов¹.

Однако, на самом деле, в результате усиления репрессий численность заключенных после войны увеличивалась. В силу этого МВД не только выделяло значительное количество рабочих-заключенных различным хозяйственным наркоматам, но и на протяжении всего послевоенного периода до смерти Сталина наращивало собственную хозяйственную деятельность. В самом общем виде экономика МВД в начале 1950-х гг. может быть охарактеризована следующим образом. Относительные показатели доли промышленной продукции МВД были незначительными — в 1952 г. в оптовых ценах предприятий 2,3% к общему объему промышленного производства страны². Но в производстве некоторых видов продукции МВД занимал лидирующие или исключительные позиции. Осенью 1946 г. правительство передало в ведение МВД Главное управление золотоплатиновой промышленности (Главзолото) Министерства цветной металлургии СССР, что означало сосредоточение в руках МВД всей золотоплатиновой промышленности (в 1949 г. добыча химически чистого золота составила 111,9 тонн). Под управление МВД были переданы также вся слюдяная, асбестовая промышленность, добыча алмазов, кобальта, апатитов и т.д. В 1952 г. МВД обеспечивал производство примерно 70% олова и трети никеля³. Вывозка деловой древесины и дров предприятиями МВД по плану 1953 г. должна была составить 15,4% общесоюзной⁴. Кроме того МВД занимался добычей угля, нефти, переработкой нефти, выпуском разного рода машин и оборудования, производством товаров широкого потребления. Подсобное сельское хозяйство МВД было нацелено на обеспечение нужд самих лагерей.

Значительную роль играли разного рода конструкторские бюро МВД, так называемые «шарашки», исследование деятельности которых в силу недоступности документов представляет большие трудности.

Как и прежде, МВД оставался крупнейшим строительным ведомством. В послевоенный период во многом восстановилась та структура капитальных работ МВД, которая была характерна для НКВД в довоенные годы. Это было вызвано, с одной стороны, прекращением строительства предприятий черной металлургии и аэродромов, которое велось в годы войны, а с другой стороны, активным участием МВД в увеличившемся железнодорожном и, особенно, гидротехническом строительстве. Начиная с 1950 г. силами

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2209. Л. 106—109; Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 2465. Л. 62—66.

² Рассчитано по: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 428. Л. 8; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 52. Л. 23.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 428. Л. 10; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 52. Л. 24.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 8335. Л. 368.

заклученных возводились многочисленные гидротехнические сооружения, названные официальной пропагандой «сталинскими стройками коммунизма», — Волго-Донской, Волго-Балтийский, Туркменский каналы, Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции. Одним из крупнейших подразделений экономики МВД были строительства предприятий для Министерства нефтяной промышленности (нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива). Особое место в экономике МВД занимали военно-промышленные объекты, прежде всего стройки атомной промышленности. Удельный вес этих так называемых спецстроек в общем объеме капитального строительства МВД СССР в решающий период реализации атомного проекта, в 1947—1948 гг., вырос с 24,6 до 30,5%, а в 1949 г. составлял 21,3%¹.

В 1949—1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемого МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. около 9% общих государственных капитальных вложений². В значительной мере столь высокие темпы были следствием общего экономического курса, отмеченного в последние годы жизни Сталина форсированием капитального строительства и вложений в тяжелую промышленность, прежде всего, в военные отрасли. Скачкообразное наращивание капитальных работ, как обычно, вызвало перегрев экономики и усилило в ней кризисные явления, свидетельством чего было растущее омертвление ресурсов в незавершенном строительстве. Такая политика обострила бюджетные проблемы и способствовала дальнейшей деградации сельского хозяйства и социальной сферы. Кризисная ситуация в экономике МВД была частным случаем общего кризиса. Сметная стоимость объектов, включенных в планы МВД на 1953 г., составляла 105 млрд руб., в то время как сам план капитальных работ МВД на этот год составлял 13,3 млрд руб.³ Выход из этой ситуации, как и из перефинансирования капитального строительства в целом, мог заключаться только в ликвидации части объектов и сокращении капитальных вложений.

Вскоре после смерти Сталина, 17 марта 1953 г., Л.П. Берия, возглавивший новое (объединенное с МГБ) Министерство внутренних дел, направил в Президиум ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова записку, на основе которой на следующий день было принято постановление правительства о передаче из МВД в ведение хозяйственных министерств всех строительных и промышленных предприятий (решение о передаче сельского хозяйства МВД было принято в мае). Одновременно по поручению Берии в аппарате МВД были подготовлены предложения о существенном сокраще-

¹ Рассчитано по: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 3888. Л. 83—85; Оп. 80а. Д. 7595. Л. 8—9; Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 15; Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 30.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 250. Л. 64—65; Оп. 41. Д. 52. Л. 67, 94—95.

³ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 788—789.

нии строительной программы МВД. Закрытие подлежали крупные стройки, сметной стоимостью 49 млрд руб. (при общей сметной стоимости всех строительных объектов МВД 105 млрд руб.). При этом план капитальных работ по оставшимся объектам на 1953 г. сокращался с 13,3 до примерно 10 млрд руб. 21 марта Берия направил соответствующий проект постановления в Совет Министров, и вскоре он был утвержден. Затем последовало решение о проведении широкой амнистии и освобождении около 1 млн из 2,5 млн заключенных. Завершало всю эту реорганизацию постановление Совета Министров СССР от 28 марта 1953 г. о передаче лагерей и колоний (кроме особых лагерей) из МВД в Министерство юстиции СССР¹.

Конечно, чрезмерное расширение фронта капитальных работ было лишь одной (хотя и важной) причиной кризиса сталинского ГУЛАГа и решений, принятых в 1953 г. Политической составляющей кризиса, которая также оказывала влияние на экономику принудительного труда, были разного рода волнения в лагерях, усиление так называемого «лагерного бандитизма» и т.д. Многие признаки также указывают на то, что уже при жизни Сталина достаточно очевидно проявилась и была осознана руководством МВД и правительства неэффективность самой системы экономики принудительного труда.

Одной из самых острых была проблема стимулирования труда заключенных. Несмотря на то, что существовал строгий законодательный запрет на применение «зачетов рабочих дней», отмененных в 1939 г., руководство МВД утверждало, что зачеты являются самым эффективным способом поощрения труда заключенных и после войны добивалось восстановления этой системы на отдельных объектах. В результате к сентябрю 1950 г. «зачеты рабочих дней» применялись в лагерях, где находилось более 27% всех заключенных² и процесс этот имел тенденцию к росту. Хотя распространение «зачетов» увеличивало дефицит лагерной рабочей силы, руководители МВД считали этот путь более предпочтительным, фактически признавая неэффективность административно-карательных мер.

О готовности к постепенным изменениям в ГУЛАГе свидетельствовала активная поддержка в МВД кампаний досрочного освобождения заключенных с последующим прикреплением их к определенным предприятиям в качестве вольнонаемных рабочих. В августе 1950 г., на основе соответствующего постановления правительства, был издан приказ министра внутренних дел СССР о досрочном освобождении и направлении на строительстве железных дорог 8 тыс. заключенных³. В январе 1951 г. министр внутренних дел С.Н. Круглов обратился к Л.П. Берии с просьбой разрешить

¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 786—793.

² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 7561. Л. 40—43.

³ Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1363. Л. 10.

досрочное освобождение 6 тыс. заключенных с передачей для использования по вольному найму на строительстве Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций. Круглов обосновывал эту просьбу тем, что на этих стройках недостает квалифицированных кадров, способных управлять механизмами¹. В феврале 1951 г. Совет Министров утвердил предложения МВД о досрочном освобождении группы заключенных и использовании их «в целях увеличения постоянных рабочих кадров» в Печорском угольном бассейне². Таким образом, несмотря на кажущиеся преимущества бесконтрольного распоряжения заключенными, власти все чаще предпочитали иметь дело с относительно свободными работниками, дающим более высокую производительность труда и не требующими изолированной системы охраны и надзора. В результате этих мер, а также передачи в ведение МВД новых отраслей из других министерств, удельный вес вольнонаемных работников на объектах МВД увеличивался. В первом полугодии 1950 г. среднемесячная численность вольнонаемного персонала, занятого в основном производстве и капитальном строительстве МВД (без вольнонаемного состава управления лагерей) составляла 662 тыс. человек или 38,9% к общей численности всех работающих, в том числе вольнонаемных рабочих — 372 тысячи³.

Одной из причин постепенной переориентации экономики МВД на вольнонаемную квалифицированную рабочую силу было изменение характера труда на объектах ведомства. Например, механизированная вывозка леса по НКВД—МВД составляла в 1939 г. 23,9%, в 1947 г. 41,1%, а в 1950 г. 53,6%. С 19,6 до 41,7% вырос удельный вес механизированной заготовки леса (электротирами)⁴. Количество экскаваторов на стройках НКВД—МВД СССР составляло в начале 1940 г. 158, а в конце 1952 г. 955 штук⁵. При этом механизмы становились более совершенными и мощными. Механизация земляных работ с 1946 г. по 1952 г. увеличилась с 52% до 87,8%⁶.

С целью повышения производительности труда заключенных руководство МВД с конца 1940-х гг. добивалось также перевода отдельных лагерей на систему заработной платы, нарушая один из ключевых принципов экономики принудительного труда — его полную бесплатность. 13 марта 1950 г., уступая настойчивым требованиям МВД, правительство приняло постановление о введении

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 86а. Д. 7384. Л. 26—27.

² Там же. Оп. 816. Д. 6557. Л. 83—84, 124.

³ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 3586. Л. 61—62.

⁴ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 2940. Л. 2—3; Оп. 50а. Д. 4111. Л. 159; Оп. 816. Д. 6512. Л. 118.

⁵ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 778; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1531. Л. 101—102.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2641. Л. 384; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1531. Л. 100.

оплаты труда заключенных во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях, за исключением особых лагерей, в которых содержались «особо опасные» уголовные и политические преступники¹. Однако вскоре зарплату ввели и в особых лагерях.

Экономическая целесообразность заставляла постоянно нарушать строгие правила режима содержания заключенных. Достаточно широкое распространение, например, получило так называемое «расконвоирование» — освобождение заключенных от охраны и разрешение относительно свободных перемещений заключенных вне лагерных зон. Не имея возможности обеспечить охрану в процессе производства, администрация лагерей либо добивалась официальных разрешений на «расконвоирование», либо при молчаливом согласии центра вводила его явочным порядком.

Эти и другие аналогичные явления свидетельствовали о том, что в экономике МВД в послевоенный период наметилась тенденция превращения значительного числа заключенных в частично вольнонаемных работников, своеобразный перевод рабов в категорию крепостных крестьян. Дальнейшее развитие этого процесса должно было неизбежно привести к коренной реорганизации ГУЛАГа. Тем более что накануне смерти Сталина, несмотря на отмеченные выше попытки ограниченных «реформ», экономика МВД сталкивалась с нараставшими проблемами. Сокращалась доля заключенных, используемых на производстве. Снижалась производительность труда (нормы выработки в 1951—1952 гг. не выполняли от 26 до 28% заключенных, занятых на сдельных работах)². Соединившись с отмеченным выше общим экономическим кризисом, вызванным скачкообразным наращиванием капитальных вложений в группу «А», кризисное состояние собственно лагерной экономики существенно облегчили принятие кардинальных политических решений весной 1953 года.

Экономика НКВД—МВД как фактор советской индустриализации

Демонтаж сталинской экономики принудительного труда сразу же после смерти диктатора может служить косвенным доказательством ее нецелесообразности и неэффективности, но не позволяет ответить на вопрос о реальной роли этого сектора экономики в осуществлении советской индустриализации. По крайней мере, три взаимосвязанных аспекта этой большой и сложной проблемы остаются неясными и, в значительной мере, дискуссионными. Первый — какими были стимулы формирования столь значительного сектора лагерной экономики. Было ли это вызвано преимущественно политическими (следствие избыточной репрессивности сталинского режима) или экономическими (потребности форсиро-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 80а. Д. 7641. Л. 51—54.

² Там же. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 3821. Л. 190.

ванной индустриализации) факторами. Второй — какова сравнительная эффективность двух советских экономик, принудительной и «свободной». В какой мере верны утверждения о том, что экономика принудительного труда выполняла функции, которые не могла выполнять экономика вольнонаемной рабочей силы. Наконец, каким был реальный вклад экономики принудительного труда (в частности, экономики НКВД—МВД) в индустриальное развитие СССР.

Прежде всего, необходимо отметить, что с точки зрения морально-правовых критериев, принятых в цивилизованных обществах, сталинский террор и его производное — экономика принудительного труда не могут быть оценены иначе, как преступные. В контексте общих тенденций мирового развития, демонстрирующих неоспоримые преимущества свободного труда, любая экономика принудительного труда не может быть признана эффективной. Имеет, однако, право на существование иной, условно говоря, «исторический» подход к этой проблеме, оставляющий за скобками высказанные выше соображения и оценивающий сталинскую экономику принудительного труда в контексте реалий ее времени.

Такой ключевой реальностью 1930—1950-х гг. была советская индустриализация, имевшая, как неоднократно отмечалось в литературе, догоняющий, экстенсивный характер и по этой причине осуществлявшаяся государством при помощи преимущественно насильственных методов. Опираясь на эту концепцию, ряд историков оценивают экономику ГУЛАГа как необходимое средство проведения форсированной индустриализации в целом. Коротко говоря, суть такого видения проблемы сводится к следующему. Широкое применение «обычного» принуждения и насилия в экономике (например, чрезвычайных законов, регулирующих трудовую деятельность) было недостаточным и не позволяло решать многие задачи форсированной индустриализации. Поэтому закономерным было создание значительного сектора экономики абсолютно принудительного (по многим параметрам рабского) труда, который, если и возник первоначально в силу политических причин (как следствие массовых политических репрессий), в дальнейшем подчинялся в основном экономической логике развития и, требуя новых рабочих рук, уже сам стимулировал дальнейшие репрессии. По мнению исследователей, экономика принудительного труда выполняла следующие функции, осуществление которых было невозможно (или почти невозможно) при помощи «обычных» методов принуждения и стимулирования трудовой деятельности. Во-первых, она обеспечивала развитие тех отдаленных регионов, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств. Во-вторых, она поставляла чрезвычайно мобильную рабочую силу, легко перебрасываемую с объекта на объект в зависимости от потребностей государства. В-третьих, эту рабочую силу можно было эксплуатировать практически без ограничений, вплоть до полного истощения. В-четвертых, угроза попасть в жернова ГУЛАГа «дисциплинировала» «свободных» работ-

ников. В-пятых, существование значительной прослойки заключенных и других «спецконтингентов» снижало давление на скудный потребительский рынок, облегчало решение острейших социальных проблем (например, жилищной) и т.д. В общем, использование заключенных было «типом мобилизации труда, вполне соответствовавшим той стадии экстенсивной индустриализации, которая завершилась в 1950-е годы»¹.

Перечисленные соображения чрезвычайно важны и являются хорошим стимулом для дальнейших исследований. Однако пока они имеют преимущественно априорный характер и не изучались конкретно, на основании широкого круга источников. Более того, очевидно, что такие работы появятся не скоро и потребуют серьезных усилий многих исследователей. Несмотря на это, имеющиеся новые документы позволяют сделать некоторые первоначальные наблюдения и уточнения.

Прежде всего, важно обратить внимание на два принципиальных момента. Во-первых, концепция «необходимости» экономики принудительного труда и ее сознательного расширения при помощи террора во многом основана на прежних, доархивных представлениях о чрезвычайно большом количестве заключенных в стране. Как писал, например, один из исследователей, в 1940 г. и в 1950 г. заключенные составляли около 23% всех рабочих неаграрного сектора². Однако архивы, как уже неоднократно отмечалось в литературе, содержат гораздо более низкие цифры «лагерного населения». Например, в 1950 г. в лагерях, колониях и тюрьмах в среднем содержалось около 2,7 млн человек, а в спецсылке, вероятно, около 2,5 млн человек³. При этом нужно учесть, что значительную часть из них составляли нетрудоспособные (на 1 января 1950 г. из 2,5 млн заключенных лагерей и колоний трудоспособных насчитывалось около 2 млн⁴), а в указанное количество спецпоселенцев входили также члены их семей. Поскольку из числа трудоспособных лишь часть была занята в индустриальных отраслях, общее количество заключенных и «спецконтингентов», направляемых в промышленность и строительство в 1950 г., вряд ли превышало 2 млн человек. Общая же численность занятых в промышленности и строительстве в 1950 г. составляла 18,6 млн человек (в это число вряд ли включались заключенные).

¹ Van der Linden M. Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (c. 1929 — c. 1956) // Free and Unfree Labour. The Debate Continues / T. Brass, M. Van der Linden, ed. Berne, 1997. P. 351—362. В этой работе обобщены основные положения, приведенной выше концепции.

² Данные С. Розенфилда, цитируется в указанной статье М. Ван дер Линдена.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. М., 2001. С. 171 (автор раздела В.Н. Земсков).

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 25, 30.

Для понимания реальной роли, которую играл ГУЛАГ в индустриализации СССР, уместно, прежде всего, задать вопрос, на каких работах были заняты заключенные. На первый взгляд (хотя и этот вопрос требует исследования), очевидна исключительная роль ГУЛАГа в такой отрасли, как производство цветных металлов (золота, платины, никеля и т.д.) в труднодоступных районах. Однако в этой отрасли была занята лишь небольшая часть «спецконтингентов». Например, численность заключенных Норильского лагеря на 1 января 1953 г. составляла около 68 тыс. человек, а в Северо-Восточном лагере, обеспечивавшем рабочей силой трест Дальстрой, на 1 января 1952 г. насчитывалось около 171 тыс. заключенных¹. Отраслевая структура экономики ОГПУ—НКВД—МВД свидетельствовала о том, что лишь часть заключенных использовалась на приоритетных объектах, обслуживание которых было бы затруднено в случае применения вольнонаемных контингентов. Значительная часть заключенных занимались сельским хозяйством, производством товаров широкого потребления и иными малозначительными с экономической точки зрения работами, которые вполне успешно могли быть выполнены свободными рабочими. Иначе говоря, численность заключенных почти всегда была больше, чем требовалось для крупных приоритетных объектов.

По этой причине, как показывают документы, ОГПУ, НКВД, МВД периодически сталкивались с проблемой переизбытка заключенных и невозможности их трудоустройства. Такая ситуация возникла, например, в начале 1935 г. Как отмечалось в записке начальника финансового отдела НКВД СССР Л.И. Берензона, которую он направил в январе 1935 г. наркому внутренних дел СССР Г.Г. Ягоде, в лагерях скопились излишки заключенных, что создавало финансовые трудности. Лагеря пытались решать их при помощи размещения заключенных на подрядных работах. Так, Сибирский лагерь направил 12 тыс. заключенных на объекты 12 контрагентов, в том числе на один из лесокombинатов 200 человек и в один из совхозов 350 человек. Как отмечал Берензон, значительная часть таких контрагентов «является мало кредитоспособными, получение от них денег за рабочую силу будет задерживаться на длительные сроки, что приведет к финансовому напряжению лагерной системы». Прогнозируя нарастание излишков заключенных и финансовых проблем лагерей, Берензон предлагал, во-первых, запретить начальникам лагерей размещать заключенных на подрядных работах мелкими партиями (ниже 1 тыс. человек), а, во-вторых, поставить перед НКПС или НКТП вопрос о выделении крупного объекта, на котором можно было бы использовать излишки рабочей силы лагерей².

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960. Справочник / Сост. Б.М. Смирнов. М., 1998. С. 338, 399.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 454. Л. 5—6.

Чрезвычайно острой была проблема излишков заключенных в период «большого террора», особенно в 1938 г. Для ее решения правительству пришлось в пожарном порядке создавать целую сеть лесных лагерей и передавать в НКВД из Наркомата лесной промышленности лесные массивы для разработки. Об отсутствии необходимой базы для создания новых лагерей свидетельствовало их кризисное состояние, прежде всего, чрезвычайно высокая смертность заключенных. В результате из семи новых лесных лагерей, спешно организованных в 1937 г. для приема нараставших потоков жертв «большого террора», четыре были вскоре ликвидированы, а один перебазирован¹. Ситуация, сложившаяся в ГУЛАГе в результате «большого террора», вообще свидетельствовала об абсолютном приоритете политических стимулов террора над экономическими. Кризисное состояние лагерей и невозможность хозяйственного использования дополнительных сотен тысяч заключенных были важной причиной небывалого количества смертных приговоров. За полтора года (с августа 1937 до ноября 1938 г.) были расстреляны, по официальным данным, почти 700 тыс. человек². Значительную часть из них, как показывают списки расстрелянных³, составляли трудоспособные мужчины, квалифицированные специалисты и рабочие, которых постоянно не хватало на объектах НКВД. Именно физическое уничтожение «врагов», а не их использование в качестве «дешевой» рабочей силы было главной целью «большого террора». Более того, поступление сотен тысяч новых заключенных скорее стабилизировало экономику НКВД, чем придало ее развитию новый импульс. С скромными экономическими показателями 1937—1939 гг. (не намного превосходившие показатели, например, 1936 г.) не позволяют сделать вывод о наличии пропорциональной связи между притоком заключенных и развитием лагерной экономики. Наиболее устойчиво и успешно экономика НКВД—МВД развивалась в периоды относительного смягчения репрессивного курса и стабилизации численности заключенных.

Судя по известным пока документам, очередной раз с переизбытком рабочих рук экономика НКВД столкнулась в конце 1945 — начале 1946 г. Неожиданное увеличение численности заключенных на 200 тыс. во многом застало руководство НКВД врасплох. «Организация полного трудового использования этого контингента была невозможна из-за транспортных затруднений в связи с крайней сложностью быстрого развертывания в зимних условиях новых

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 41, 69.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 433.

³ См. многочисленные книги памяти и мемуары, изданные в последние годы почти во всех регионах России, а также: Ilic M. The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis // Challenging Traditional Views on Russian History / S.G. Wheatcroft, ed. Basingstoke, New York, 2002. P. 147—170.

лагерей и колоний, а также из-за физической неполноценности значительной части вновь поступивших в лагеря и колонии заключенных», — писал 23 февраля 1946 г. нарком внутренних дел СССР С.Н. Круглов заместителю СНК СССР Н.А. Вознесенскому¹. Необходимость содержать неработающих заключенных обострила финансовые проблемы наркомата. В очередной раз проявились политические, карательные приоритеты репрессий, а «хозяйственное освоение» новых заключенных вызывало большие трудности.

Можно не сомневаться, что дальнейшее изучение архивов поможет нарисовать более полную картину реального трудового использования заключенных. Имеющиеся пока элементы этой картины позволяют утверждать, что ни одна из репрессивных кампаний периода сталинизма не имела в качестве приоритетной цели обеспечение рабочей силой экономики принудительного труда. Логика террора была иной. Сначала для достижения преимущественно политических целей использовались массовые репрессии, а затем (как правило, с опозданием, а поэтому с большими потерями) определялись способы трудового использования новых контингентов заключенных. Более того, нередко руководство страны принимало решения, затруднявшие трудовое использование заключенных, или даже фактически изымавшие большие группы «спецконтингентов» из «нормального» экономического оборота. К числу таких решений можно отнести создание в 1948 г. особых лагерей, режим которых абсолютно противоречил интересам даже экономики принудительного труда. Достаточно сказать, что осознанная экономическую бесперспективность особых лагерей, правительство с самого начала предусмотрело их содержание не за счет эксплуатации заключенных, а за счет государственного бюджета².

В силу того, что лагерная экономика получала рабочую силу, так сказать, автоматически, в результате политически мотивированных репрессий, руководству ОГПУ, НКВД, МВД никогда не приходилось специально доказывать правительству, что труд заключенных более эффективен, а поэтому определенное количество вольнонаемных работников необходимо превратить в работников-заключенных. Это обстоятельство может быть одной из причин почти полного отсутствия в ведомственных архивах НКВД, МВД и ГУЛАГа каких-либо существенных материалов о степени эффективности труда заключенных, его «преимуществах» и т.д. Лишь периодически руководство НКВД—МВД (так же, как это делали руководители других ведомств) в различных представлениях в правительство упоминало об экономических успехах, объясняя их, впрочем, не преимуществами труда заключенных, а собственными организаторскими усилиями. Например, в записке, направленной на

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 160. Л. 3.

² Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 1. С. 104—105.

имя Сталина в ноябре 1935 г., Ягода обещал, что НКВД будет строить дороги в среднем на 50 тыс. руб. за километр дешевле, чем до этого строили гражданские ведомства. Ягода объяснял это более низкой стоимостью содержания административного аппарата и также более высокими нормами выработки, установленными в НКВД¹.

Реальность этих расчетов, степень их полноты и, так сказать, «чистоты», неизвестны. Неясно, например, включалась ли в «административные расходы» стоимость охраны, чекистского аппарата лагерей и т.п., или они проходили по другим статьям и т.д. В записке, представленной С.Н. Кругловым Л.П. Берии 9 октября 1950 г., говорилось, что расходы на содержание лагерей значительно удорожают рабочую силу из заключенных и что стоимость содержания заключенного выше среднего заработка вольнонаемного рабочего. Например, на строительстве Волго-Донского канала в 1949 г. содержание одного заключенного обходилось в 470 руб. в месяц, а его зарплата (которую начисляли по тем же расценкам, что и свободным рабочим) составляла 388 руб. В этих условиях, докладывал Круглов, лагеря оставались самоокупаемыми лишь за счет удлинения рабочего дня и увеличения норм выработки для заключенных². Очевидно, что именно возможность сверхэксплуатации заключенных была главным преимуществом лагерной экономики. Однако эта была лишь видимая сиюминутная «выгода». Преждевременная гибель в ГУЛАГе сотен тысяч людей, бессмысленное расточительство в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу на свободе (жалобы на использование квалифицированных кадров не по назначению, на тяжелых физических работах — одна из самых распространенных тем в ведомственных документах НКВД—МВД), существенно ослабляли трудовой потенциал страны. Кроме того, из общественно-го производства выпадали многие десятки тысяч работоспособных людей, охранявших заключенных.

Особые условия функционирования экономики ГУЛАГа (повышенная секретность и бесконтрольность) способствовали распространению приписок и ложных отчетов, судя по всему, в большей мере, чем это было присуще всей советской экономике, тем более что многие стройки НКВД—МВД финансировались без проектов и смет, по фактическим расходам. Воспоминания бывших узников переполнены свидетельствами о том, с каким упорством и изобретательностью в лагерях стремились «зарядить туфту». Этот термин, получивший всеобщее распространение в ГУЛАГе, был порождением не менее распространенной системы приписок, в сохранении которой были заинтересованы не только заключенные (которым приписки нередко спасали жизнь), но и их начальники.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 656. Л. 26.

² Там же. Оп. 816. Д. 6645. Л. 19—20.

«Туфтой» фактически были многие высокие экономические показатели лагерной экономики, т.к. достигались они не за счет нормальной организации производства, а при помощи хищнической эксплуатации ресурсов. Получая в распоряжение огромные территории для бесконтрольного «хозяйственного освоения» и безотказную рабочую силу, руководители предприятий НКВД—МВД вместо создания постоянных долгосрочных объектов, требующих значительных вложений, предпочитали разрабатывать в течение короткого времени наиболее богатые ресурсами участки. Именно на этом было основано, в частности, «экономическое чудо» Дальстроя во второй половине 1930-х гг. и формальная «дешевизна» колымского золота. Долго, однако, это не могло продолжаться. Если с 1935 по 1938 г. среднее содержание золота (благодаря разработке наиболее богатых месторождений) составляло от 27 до 19,3 грамма на кубический метр промытых песков, то в 1946—1947 гг. — уже только около 7 граммов, что вело к снижению объемов добычи и удорожанию золота.

Экономика НКВД—МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, отторгала технический прогресс. Такие хронические проблемы советской экономики, как низкая заинтересованность в технических нововведениях, недостаток квалифицированных кадров и плохое качество обслуживания и ремонта механизмов, на лагерных объектах предпочитали решать за счет наращивания масштабов применения физической силы заключенных. Проверки показывали, что производственные фонды на предприятиях лагерной экономики использовались намного хуже, чем на аналогичных предприятиях хозяйственных ведомств, использовавших вольнонаемный труд. Например, в заключении Госбанка по отчету ГУЛАГа за 1939 г. отмечалось, что использование основных фондов (выполнение строительно-монтажных работ на один рубль стоимости основных фондов) на стройках ГУЛАГа было почти в четыре раза хуже, чем на стройках Наркомата по строительству СССР. При этом строительные механизмы использовались в три раза хуже¹.

Будучи носителем не лучших образцов организации производства, ГУЛАГ с его «дешевой» рабочей силой оказывал разлагающее воздействие и на те секторы экономики, которые базировались на вольнонаемном труде. Советские хозяйственные ведомства, в силу объективных системных причин мало заинтересованные в организационном и техническом прогрессе, предпочитали решать многие проблемы за счет «нарядов» на заключенных, что еще больше тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры. Труд заключенных становился своеобразным наркотиком для экономики.

Карательно-политические приоритеты массовых репрессий и сосредоточение в силу этого в руках государства значительных

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 220. Л. 30.

контингентов «непредусмотренной» рабочей силы оказывали существенное воздействие на механизмы принятия экономических решений. Прежде всего, наличие «дешевой» и мобильной рабочей силы поощряло экономический волюнтаризм, принятие дорогостоящих и экономически непродуманных проектов. Первым среди таких проектов можно считать широко известный Беломорско-Балтийский канал. Решение о его строительстве было принято в результате взаимодействия двух факторов. Во-первых, политического: Сталин был убежден в военно-стратегической и хозяйственной важности такого сооружения, и, несмотря на возражения не только «правого» председателя правительства А.И. Рыкова, но и своего верного соратника В.М. Молотова, настоял на принятии соответствующих планов¹. Во-вторых, строительство канала вряд ли было бы предпринято, если бы ОГПУ не располагало большим количеством заключенных, появившихся в результате массовых операций против «кулаков». Запланированное выделение для ББК 140 тыс. заключенных снимало острейшую проблему трудового использования растущих контингентов лагерей и открывало перед ОГПУ огромные перспективы хозяйственной деятельности. Таким образом, это решение было в основном политическим, что предопределило его скромные экономические результаты.

Ограниченными были возможности канала в перевозке народнохозяйственных грузов. Пуск в строй Беломорканала, а затем канала Москва—Волга имели ограниченное значение, поскольку оставались нереконструированными старые соединения — Мариинская и Москворецкая системы². В 1940 г. пропускная способность Беломорско-Балтийского канала использовалась на 44%, а в 1950 г. — на 20%³. Большинство грузов, перевозимых по ББК, принадлежали предприятиям, расположенным в его зоне, т.е. канал представлял собой преимущественно магистраль местного значения. В целом, как доказывает современный исследователь, канал «остался дорогостоящим памятником бесхозяйственности советской системы». «Значение канала для экономического развития края, как это вскоре выяснилось, было невелико. В стратегическом же отношении значение водного пути было ничтожным»⁴.

Аналогичные скептические выводы содержатся в литературе, посвященной еще одному крупнейшему строительству ОГПУ—НКВД — Байкало-Амурской магистрали. Это был один из самых значительных объектов — к началу 1938 г. в Бамлаге насчитывалось более 200 тыс. заключенных, а через несколько месяцев на

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева и др. М., 1995. С. 214—215.

² Орлов Б.П. Развитие транспорта СССР. 1917—1962. М., 1963. С. 198—200.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 816. Д. 6645. Л. 51—53.

⁴ Килин Ю. Карелия в политике советского государства. 1920—1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 122—127.

его базе были созданы несколько лагерей. Несмотря на большие материальные и людские ресурсы, вложенные в эту дорогу, на многочисленные жертвы среди заключенных, реальные результаты строительства были незначительными. Реально пущенные в строй отдельные ее участки не имели сколько-нибудь существенного значения. Строительство многих линий было законсервировано¹. «В целом предвоенный этап строительства БАМа, несмотря на большие объемы работ, выполненные силами 300 тыс. заключенных, окончился очередной незавершенкой»².

Советское железнодорожное строительство вообще является хорошим примером разорительности сталинской экономической системы в целом и использования принудительного труда, в частности. Беспорядочное строительство многих железных дорог без необходимого технико-экономического обоснования приводило к омертвлению огромных ресурсов. К 1938 г. длина начатых строительством, но законсервированных железных дорог приближалась к 5 тыс. км (не считая тех дорог, которые были построены, но не использовались или использовались частично). При этом общее увеличение железнодорожной сети СССР с 1933 по 1939 г. составило всего 4,5 тыс. км³. Значительная часть «мертвых дорог» строилась заключенными. Наиболее яркий пример применительно к послевоенному периоду — заброшенная из-за ненадобности дорога Чум—Салехард—Игарка, возведение которой в условиях Заполярья осуществлялось ценой жизни многих заключенных, не говоря о бесполезно потраченных огромных материальных ресурсах стоимостью 3,3 млрд руб.⁴

Аналогичная судьба постигла и другие объекты ГУЛАГа. В сентябре 1940 г., например, было принято постановление о консервации строительства Куйбышевского гидроузла⁵, начатого в 1937 г. Правительство объясняло это решение «отсутствием свободной рабочей силы» для проведения работ на новых грандиозных объектах — строительстве Волго-Балтийской и Северо-Двинской водных систем. Ко времени консервации на возведение Куйбышевского гидроузла уже была потрачена огромная сумма — 126,7 млн руб.⁶, а в Самарском лагере, обслуживавшем этот объект, сосредоточили от 30 до 40 тыс. заключенных⁷. После смерти Сталина, как уже говорилось, правительство было вынужденно прекратить строительство различных предприятий и гидротехнических сооруже-

¹ Еланцева О.П. БАМ: Первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89—103.

² Регион БАМ: Концепция развития на новом этапе / Под ред. А.Г. Гранберга, В.В. Кулешова. Новосибирск, 1996. С. 9.

³ Еланцева О.П. БАМ: Первое десятилетие. С. 102.

⁴ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 182—184.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1027. Л. 75.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 816. Д. 6691. Л. 69.

⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 370—371.

ний, на которых в тому времени уже было выполнено работ на 6,3 млрд. руб.¹ Это превышало объем капитальных работ МВД за весь 1948 год.

Важно подчеркнуть, что специальных исследований о незавершенном или бесполезном строительстве ОГПУ—НКВД—МВД пока не существует. Приведенные отдельные примеры, по крайней мере, показывают, что нельзя оценивать результаты деятельности лагерной экономики на основе объемов формально освоенных капитальных вложений. Коротко говоря, вопрос стоит так. Действительно, многие объекты, возведенные заключенными, было очень трудно или почти невозможно строить при помощи вольнонаемных рабочих, однако была ли необходимость строить эти объекты вообще? Наличие больших контингентов заключенных позволяло с относительной легкостью принимать планы форсированного возведения крупнейших объектов без серьезных экономических и технических расчетов, а затем с такой же легкостью ликвидировать начатые стройки и перебрасывать заключенных на новые.

* * *

В целом, превращение НКВД, а затем МВД СССР в одно из крупнейших хозяйственных ведомств, и активное использование принудительного труда в советской экономике в 1930—1950-е гг. можно рассматривать как одну из важных черт сталинской модели индустриализации, в которой политика, как правило, имела абсолютный приоритет над экономикой. Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая система уголовных наказаний, служившие источниками постоянного увеличения контингентов заключенных, всегда были нацелены на решение политических задач и с экономической точки зрения (не говоря уже о моральном разрушении общества) были абсолютно «убыточны». Только такая богатая людскими и природными ресурсами страна, как Советский Союз, могла пережить физическое уничтожение сотен тысяч трудоспособных граждан, разорение миллионов крестьянских хозяйств, содержание огромного карательного аппарата и т.д. Создавая экономику ГУЛАГа, государство, прежде всего, пыталось минимизировать эти огромные материальные затраты.

Однако на практике эксплуатация заключенных, в конечном счете, увеличивала потери. Несмотря на то, что показатели развития экономики НКВД—МВД демонстрируют ее существенный (хотя и нередко преувеличиваемый) вклад в сталинскую индустриализацию, многочисленные факты заставляют критически относиться к таким сугубо статистическим оценкам и различать процессы формальной и реальной индустриализации. К понятию «реальная индустриализация» приходится прибегать в силу того общеизвестного факта, что индустриализация сталинского типа была

¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 789.

крайне затратной и низкоэффективной. Огромные вложения направлялись в строительство объектов, которые, в конечном счете, либо оставались незавершенными, либо оказывались экономически бесполезными или малоэффективными, превращаясь в тяжелую обузу для экономики. Формально затраты на строительство и эксплуатацию таких предприятий повышали общие показатели экономического развития. Фактически они тормозили реальную индустриализацию.

Характер и масштабы этого явления требуют специального изучения. Однако можно утверждать, что одной из его причин было наличие в руках государства значительных контингентов «дешевой» и мобильной рабочей силы ГУЛАГа. Это поощряло экономический волонтаризм, позволяло предпринимать дорогостоящие, но сомнительные с экономической точки зрения проекты без особых трудностей и колебаний. Проведение более подробных, чем имеющиеся сегодня, исследований, скорее всего, покажет, что роль принудительного труда в наращивании реального индустриального потенциала страны была куда менее значительной, чем демонстрируют формальные показатели хозяйственной деятельности НКВД—МВД.

Экономика ГУЛАГа, основанная, прежде всего, на сверхэксплуатации заключенных на тяжелых физических работах, ослабляла трудовой потенциал страны, была причиной массовой преждевременной смертности и инвалидности миллионов людей, варварского использования квалифицированных кадров. Применение в заметных размерах принудительного труда тормозило механизацию производства и развитие социальной инфраструктуры, что, в конечном счете, было одной из причин незавершенного характера сталинской индустриализации, наличия в экономике страны значительных секторов, находившихся на доиндустриальном уровне развития.

Низкая эффективность труда заключенных заставляла руководителей ОГПУ—НКВД—МВД в той или иной мере всегда использовать разного рода экономические или квазиэкономические методы организации производства, а при благоприятной политической конъюнктуре, наступившей после смерти Сталина, вообще инициировать демонтаж экономики МВД. Однако за четверть века своего существования экономика принудительного труда в сталинском варианте успела оказать серьезное воздействие на развитие страны и характер ее экономической системы.

Глава III

ЛАГЕРНАЯ СИСТЕМА В 1930-е — 1950-е гг.: ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ И ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ

Открытие основных архивных фондов бывших советских государственных и партийных ведомств в начале 1990-х гг. в корне изменило возможности изучения советской системы исправительно-трудовых лагерей и колоний в период сталинизма¹. До этого момента исследователи имели в своем распоряжении источниковую базу, состоящую в основном из воспоминаний и других личных свидетельств бывших узников. Однако, хотя подобные материалы выполняли и продолжают выполнять незаменимую функцию при восстановлении дифференцированной картины жизненных условий в советских лагерях и колониях с точки зрения заключенных, а также (в определенной мере) об облике лагерной системы в целом, они лишь в весьма ограниченной степени позволяют исследовать внутренние механизмы функционирования системы. Возникала ситуация, когда имелись детализированные знания о последствиях этого исторического феномена (прежде всего, о страданиях миллионов людей), тогда как ключевые черты и механизмы самого феномена во многом оставались предметом дискуссий.

В такой ситуации ценность архивных, ведомственных документов заключается в том, что с их помощью можно добывать знания о фактическом внутреннем строении и функционировании системы. На основе документов, отложившихся в результате работы административных органов и не предназначенных для посторонних глаз, можно проследить процессы, которые происходили внутри системы, судить о факторах и предпосылках (идеологических, политических, экономических, социальных, культурных), приведших к ее созданию и определявших те формы проявления, которые она принимала в реальности и, наконец, о том, какое место она занимала в политическом и экономическом строе тоталитарного государства.

¹ Далее, вместо терминов «исправительно-трудовые лагеря» и «исправительно-трудовые колонии», преимущественно будут использованы названия «лагеря» и «колонии» соответственно.

Рассматривая имеющуюся литературу по данной тематике, можно отметить, что, с одной стороны, безусловно, достигнут некоторый прогресс в исследовании проблемы функционирования системы¹. С другой стороны, очевидно, что один из первых и основных этапов исследовательского процесса должен заключаться в четком определении и целенаправленном анализе структур, из которых состоял аппарат управления системой лагерей и колоний, а также в изучении функций, которые они должны были выполнять, и (что не одно и то же) тех функций, которые они выполняли в действительности. Тем не менее, такая работа до настоящего момента не проведена, что существенно ограничивает перспективы исследований лагерной системы. Кроме того, такое положение историографии затрудняет внутреннюю критику источников, вследствие чего ставится под вопрос корректность аналитической работы, причем тем с большей остротой, чем глубже исследователи проникают в архивы.

Данная работа ставит перед собой целью исследовать административные структуры, которые управляли системой лагерей и колоний в период сталинизма. При этом в центре внимания будут находиться не подробности становления и развития этой системы, ибо в таком плане уже проделана существенная работа², а выявление основных, решающих управленческих структур системы, их функций и компетенции. Для получения наиболее надежных результатов исследование будет опираться не только на формальные регламенты, определявшие работу административного аппарата, но и на анализ делопроизводственных документов, из которых можно извлечь информацию о фактической деятельности ведомств. В ходе этой работы будет также выяснена роль одной из самых известных организаций советского периода³ — Главного управления лагерей (ГУЛАГа), которое с 1930 по 1960 г. существовало в составе ОГПУ—НКВД—МВД—Министерства юстиции

¹ См., например: *The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag* / P. Gregory, V. Lazarev, ed. Stanford, 2003.

² См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960 / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. Этот справочник включает в себя ценные статьи по проблеме, авторами которых являются М. Джекобсон, М.Б. Смирнов, С.П. Сигачев, Д.В. Шкапов, А.И. Кокурин. Полный текст книги также выставлен на сайте: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>. Этим изданием, представляющим собой систематическую коллекцию данных о центральных и региональных управленческих структурах, прежде всего, системы лагерей, мы будем широко пользоваться. Однако, как видно из самого названия этого справочника, основная его задача имела, скорее, энциклопедический, чем аналитический характер.

³ Как известно, термин «ГУЛАГ» в русском, а также и в других языках широко используется для обозначения всей сталинской системы мест заключения как таковой, а нередко еще и совокупности связанных с ней структур ОГПУ—НКВД—МВД, осуществлявших карательные функции. В данной статье, однако, аббревиатура ГУЛАГ употребляется исключительно для обозначения ведомства.

СССР¹. Именно на его примере, особенно за период 1940-х и 1950-х гг., будет изучена проблема соотношения формальной компетенции ведомства и функций, которые оно фактически выполняло.

Статья состоит из трех частей. В первой описываются структуры советской системы лагерей и колоний в период сталинизма. При этом особое внимание уделяется принципиальным различиям между этими двумя типами мест заключения, что необходимо для понимания разных принципов управления ими. Во второй части рассматриваются те конкретные структуры, которые руководили сетями лагерей и колоний соответственно. Третья часть посвящена изучению специфической роли ГУЛАГа в этом административном аппарате.

1. Лагеря и колонии в 1930-е — 1950-е гг.

Советская пенитенциарная система в период сталинизма состояла из нескольких компонентов². Помимо тюремной системы, включавшей в себя такие учреждения, как изоляторы, политизоляторы, следственные и пересыльные тюрьмы, психиатрические тюремные больницы и пр., существовали так называемые «спецпоселения» или «трудовые поселения», в которые, начиная с 1930 г., направлялись высланные в ходе принудительной коллективизации сельского хозяйства «кулаки», а затем и члены репрессированных этнических меньшинств (советские немцы, чеченцы, ингуши и т.д.). Однако ядром пенитенциарной системы в период сталинизма являлись исправительно-трудовые лагеря³ и исправительно-трудовые колонии, через которые по различным оценкам прошли за весь этот период около двадцати миллионов человек⁴. Их доми-

¹ Официальное название этого Главного управления за весь период его существования менялась не меньше десяти раз, причем не каждое переименование означало существенные реальные административные изменения. В отдельные периоды, например, управление называлось Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР (1934—1938 гг.), Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудпоселений и мест заключения НКВД СССР (1938—1941 гг.), Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (с 1946 г. МВД) (1941—1953 гг.). Однако, как следует из делопроизводственных документов, аббревиатура ГУЛАГ сохранялась, несмотря на переименования. Поэтому я буду пользоваться этой аббревиатурой, указывая на переименования только в качестве исключений.

² Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *The American Historical Review*. Vol. 98. № 4 (October, 1993). P. 1019—1020.

³ К ним следует также отнести те 12 «особых лагерей», которые создавались начиная с 1948 г.

⁴ См. отнюдь не исчерпывающее, но полезное обсуждение проблем измерения этого и других подобных показателей в книге: Applebaum A. *Gulag. A History*. New York, 2003. P. 578—586.

нирующая роль объяснялась тем, что именно лагеря и колонии в СССР были предназначены для отбывания сроков лишения свободы, назначенных приговорами, независимо от того, были ли эти приговоры вынесены судами или внесудебными, административными органами. Более того, стандартное соединение лишения свободы с «исправительным» трудом, предусмотренное уголовными и исправительно-трудовыми кодексами, превратило лагеря и колонии в места массового использования принудительного труда.

В имеющейся научной литературе сам факт существования этих двух типов мест заключения давно учтен и общепризнан. Если начать с общих условий жизни заключенных, то здесь между лагерями и колониями, на первый взгляд, принципиальной разницы практически не было. И в лагерях, и в колониях узники находились в «зоне», оборудованной, как правило, бараками, окруженной вышками и оцепленной колючей проволокой, из которой они ежедневно выводились на работы. Более того, все режимные правила в колониях практически соответствовали тем, что были установлены для лагерей, а с 1947 г. режим содержания заключенных в местах заключения обоих типов вообще регулировался единой инструкцией¹. Питались узники в колониях по тем же скудным нормам, что и в лагерях². Даже такой фундаментальный сводный показатель, как средняя смертность заключенных, а также ее колебания на протяжении почти тридцати лет в лагерях и колониях практически всегда совпадали³.

¹ Приказ МВД № 0190 от 29 марта 1947 г. До этого момента, правда, регулирование режима в колониях не было окончательно установлено. Так, в одном из отчетов о работе лагерей и колоний в 1939 г. в качестве причины неудовлетворительного состояния режима во многих колониях называлось отсутствие «единого документа (инструкции) определяющей порядок содержания заключенных в исправительно-трудовых колониях» (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2989. Л. 62). Однако следует учитывать, что инструкции, как правило, представляли собой лишь свод уже существовавших или новых правил, которые обычно устанавливались отдельными административными актами. Так как правила режима содержания заключенных зачастую издавались в самих лагерях и колониях (например, в форме приказов и распоряжений), можно утверждать, что действующие режимные правила в местах заключения обоих типов были схожими и до 1947 г.

² Приказ НКВД № 00943 от 14 августа 1939 г.

³ Степень этого совпадения удивляет, поскольку различия в уровне смертности между отдельными лагерями, а также управлениями колоний (УИТК) областей и союзных республик были более чем значительными. Такие различия могли зависеть от ряда факторов: расположение мест заключения, специфика их производственной деятельности и т.д. См. сводные данные о смертности по всем лагерям и колониям в 1932—1959 гг.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2883. Л. 114, 116; Д. 2890. Л. 250 об. Сводные данные по смертности в лагерях в 1932—1947 гг.: Там же. Д. 1155. Л. 27, 34, 43, 49, 53, 62; Д. 2784. Л. 10, 26; Д. 2788. Л. 34; Д. 2796. Л. 128; Д. 2804. Л. 39; Д. 2817. Л. 48; Д. 2821. Л. 127.

Принципиальным различием колоний и лагерей, которым объяснялся также ряд их структурных особенностей, был критерий отбора заключенных. В соответствии с уголовным кодексом, а также секретными инструкциями все осужденные на срок до трех лет подлежали размещению в колониях, а на более длительные сроки — направлению в лагеря¹. Такая регламентация одновременно означала, что в лагеря отправлялись не только лица, осужденные за значительные уголовные преступления, но и большинство политических заключенных, которые в основной массе были осуждены по пресловутой 58-й статье УК на сроки, значительно превышающие три года². Так как последние в глазах правительства представляли собой ничуть не меньшую угрозу для социалистического общества, чем убийцы и уголовники-рецидивисты, во второй статье «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» было сказано, что эту категорию заключенных следовало направлять, «как правило, в лагеря, находящиеся в отдаленных местностях»³. Таким образом, теоретически было предусмотрено четкое разделение всего контингента заключенных соответственно длительности их пребывания под стражей, а также по признаку их «опасности». Этот принцип нашел свое отражение и в статистике: на 1 января 1951 г. 475976 (или 80,6%) всех осужденных за «контрреволюционные преступления», находились в лагерях и только 114311 (или 19,4%) в колониях⁴.

Из этого можно вывести принципиальные различия, которые существовали между колониями и лагерями в организации использования принудительного труда. Относительно короткое пребывание заключенных в колониях неизбежно приводило к повышенной текучести и существенно ограничивало возможности их трудового использования. С экономической точки зрения заключенных, которых в недалеком будущем уже следовало освобождать, не стоило отправлять в отдаленные местности, к примеру, в Сибирь

¹ Уголовный кодекс РСФСР в редакции, принятой 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введенный в действие постановлением ВЦИК 22 ноября 1926. См. также: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 368. Л. 37—38.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917—1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 434.

³ Приказ НКВД № 00889 от 2 августа 1939 г. Подобное правило устанавливала и «Инструкция по режиму содержания заключенных в ИТЛ и колониях МВД», объявленная в 1947 г.: «Заключенные, осужденные за особо опасные преступления: измену родине, террор, шпионаж, диверсию, контрреволюционный саботаж (ст. 58—14), участие в троцкистских, правых фашистских, националистических и других антисоветских организациях..., иноподданные, осужденные за бандитизм, вооруженный разбой, побег, а также заключенные-рецидивисты..., как правило, направляются в отдаленные северные лагеря» (Приказ МВД № 0190 от 29 марта 1947).

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 35; Земсков В.Н. ГУЛАГ // СОЦИС. 1991. № 6. С. 11.

или на Дальний Восток, куда только этапирование могло длиться неделями, а то и месяцами. Обучение таких заключенных профессиональным навыкам с точки зрения администрации колонии являлось мало выгодным мероприятием, приносящим весьма краткосрочную пользу. Наконец, высокая текучесть заключенных могла отрицательно сказаться на планировании крупных экономических проектов, требующих многолетнего периода реализации. По этим причинам значительная масса заключенных колоний использовалась либо на несложных работах второстепенного значения (в основном в сельском хозяйстве и в производстве товаров широкого потребления), либо предоставлялась в распоряжение гражданских наркоматов. Предпосылки для использования труда заключенных были намного более благоприятными в лагерях. Заключенных лагерей можно было использовать для реализации более крупных экономических проектов, а также в отдаленных районах страны. Следовательно, на всех без исключения значительных объектах, которые строились и эксплуатировались с использованием труда заключенных, создавались исправительно-трудовые лагеря.

Такое распределение ролей (лагеря выполняли крупные хозяйственные задачи, в то время как колонии были заняты экономической деятельностью гораздо менее существенного характера¹) во многом определяло организационную структуру и административный строй сети лагерей и колоний. Лагеря в своем большинстве организовывались исходя из потребностей производственного объекта — строительства завода, авто- или железной дороги, канала или масштабной эксплуатации полезных ископаемых. Нередко речь шла об освоении значительных отдаленных районов страны, что предполагало решение целого комплекса экономических задач (Ухтинско-Печорский лагерь, Норильский лагерь, Северо-Восточный лагерь)². Однако этим спектр возможных экономических функций лагерей не исчерпывался. Были созданы лесозаготови-

¹ Эта диверсификация экономических задач между лагерями и колониями сложилась в начале 1930-х гг. Ключевым ее фактором была реализация крупнейших инвестиционных проектов, прежде всего, Беломорско-Балтийского канала. Экономическая деятельность первых исправительно-трудовых лагерей ОГПУ еще носила намного более скромный характер, ибо главным экономическим требованием к лагерям в тот период было лишь достижение самоокупаемости (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 29; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 11а. Д. 555. Л. 5; Д. 725. Л. 2).

² Освоение отдаленных, преимущественно северных и восточных районов СССР, имеющих стратегическое значение в силу наличия там значительных запасов полезных ископаемых, было названо одной из основных задач исправительно-трудовых лагерей в ходе коренной реорганизации системы мест заключения в июле 1929 г., что во многом предопределило направление ее развития на следующие три десятилетия (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 18—19, 25—26).

тельные лагеря (например, Свирский и Темниковский), лагеря, обслуживавшие нефтедобычу (Ухто-Ижемский), или ведущие масштабные сельскохозяйственные работы (Карагандинский и Сибирский). При этом экономический профиль того или иного лагеря мог со временем меняться. Тем не менее, практически все лагеря объединяло то обстоятельство, что их размер и структура определялись, прежде всего, масштабами и структурой поставленных перед ними экономических задач. Соответственно, лагеря, которым было поручено выполнение самых крупных экономических проектов, могли быть рассредоточены на огромной территории, а численность заключенных в них доходить до многих десятков тысяч, превышая в некоторых случаях сотысячный уровень. С другой стороны, в разные периоды существовало множество лагерей гораздо меньших размеров (несколько тысяч заключенных). В большинстве своем они обслуживали отдельный строительный объект и после его завершения нередко ликвидировались.

Такой принцип организации лагерей — соответственно структуре и размеру данного производства — стал возможным потому, что структура «исправительно-трудового лагеря» (ИТЛ), как правило, состояла из переменного количества лагерных отделений, содержащих около двух тысяч или более узников. Кроме них, в составе ИТЛ (а также лагерных отделений) могли существовать более мелкие подразделения — «лагерные пункты», «отдельные лагерные пункты», «участки», «командировки» и т.п. Численность различных подразделений в крупных лагерях могла доходить до нескольких десятков, а в самых крупных (БАМлаг или Севвостлаг) составляла более сотни. Поэтому то, что в официальной терминологии называлось «исправительно-трудовым лагерем», нередко представляло собой комплекс лагерных подразделений, которые могли отличаться друг от друга по типу режима (возможны были «облегченный», «общий», «усиленный», «строгий» (с 1948 г.), «штрафной», а после 1943 г. еще и «каторжный» режимы), нередко содержали различные контингенты заключенных и выполняли разные работы в рамках общих экономических задач данного лагеря. Расположение лагерных отделений, как правило, также определялось требованиями производства. Наличие большого объема работ на одном месте могло привести к организации там нескольких или многих лагерных отделений в близости друг от друга. В случае распыленности работ по большой территории, отделения одного и того же лагеря, наоборот, могли находиться на расстоянии сотен километров друг от друга.

Организационный строй колоний выглядел принципиально иначе. Колонии, как правило, состояли только из одного подразделения, которому в административной практике могли быть присвоены такие наименования, как «исправительно-трудовая колония», «лагерное отделение», «лагерный пункт» или «отдельный ла-

герный пункт»¹. По сравнению с лагерями колонии были гораздо меньшего размера. Численность заключенных одной колонии, как правило, составляла от несколько сотен до одной—двух тысяч². На 1 января 1947 г. во всех 65 исправительно-трудовых лагерях МВД содержалось 808839 заключенных (в среднем 12444 на лагерь), а в примерно 1400 колониях — 912136 заключенных (в среднем около 650 на колонию)³.

Как и лагеря, каждая колония тоже имела собственное производство (преимущественно сельскохозяйственное или товаров широкого потребления) или же была организована для обслуживания объектов других министерств. В последнем случае колония называлась контрагентской⁴. От подразделений исправительно-трудовых лагерей колонии отличались тем, что их производственная деятельность, как правило, не представляла собой часть большего, единого экономического проекта или комплекса. Подчинение колоний было территориальным, а не определялось отраслевым или производственным профилем. При этом все колонии, находив-

¹ Эти разнообразные названия вполне могут ввести в заблуждение, поскольку все они, кроме «ИТК», применялись также по отношению к подразделениям лагерей. Причем следует упомянуть, что «отдельные лагерные пункты» и «лагерные отделения» в сети колоний появились не раньше конца 1930-х гг. (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 46).

² См., например: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1316.

³ Соответствующие цифры на 1 января 1950 г.: средняя численность заключенных в лагерях 14908 человек, в колониях 1124; на 1 января 1953 г.: 10937 — в лагерях, 506 — в колониях. Все расчеты произведены на базе данных, приведенных в докладах (в одном случае в проекте доклада) Круглова на имя Сталина, Берии и Маленкова (ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326. Л. 25; Д. 374. Л. 5, Д. 507. Л. 50). Использована также статистика ГУЛАГа (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1а, 2; Земсков В.Н. ГУЛАГ. С. 11). Только в 1945 и 1947 гг. численность узников колоний несколько превышала количество заключенных в лагерях. В остальные годы в период сталинизма в лагерях находилось больше узников, чем в колониях.

⁴ Заключенные, переданные другим хозяйственным органам на контрагентских началах, использовались на различных работах. К концу 1940-х гг., например, 65% из них были заняты в строительстве, 20% — непосредственно на промышленном производстве (в цехах) и 15% — на лесозаготовительных, погрузочно-разгрузочных и других работах (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 55). Притом удельный вес контрагентских колоний среди всех колоний всегда был существенным. К примеру, из 425 исправительно-трудовых колоний, находившихся в составе ГУЛАГа по состоянию на 1 марта 1940 г., 170 были промышленными, 83 сельскохозяйственными и 172 контрагентскими (Земсков В.Н. ГУЛАГ. С. 13). Существовали также контрагентские колонии, которые обслуживали производственные объекты НКВД—МВД, находившиеся вне ведения ГУЛАГа. Так, в середине 1930-х гг. были созданы колонии для обслуживания строительства автогужевых дорог, которыми руководило Главное управление шоссейных дорог НКВД СССР (См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 121).

шиеся в подчинении одного территориального управления, как правило, имели одинаковый административный статус¹. И хотя при определении местности для создания очередной колонии наличие там производственного объекта (или же возможность организации такового) также играло свою роль, сам характер экономических задач колоний (производство ширпотреба или сельхозпродукции) содействовал более равномерному их распределению по территории СССР. Колонии и лагеря развивались, по большому счету, как две независимые друг от друга системы². Резюмируя, можно утверждать, что экономические функции исправительно-трудовых лагерей были настолько важны, что именно они диктовали весь структурный строй лагерей. Колонии же, наоборот, были, прежде всего, местами заключения, которые при этом еще и выполняли экономические задачи.

Следует, однако, обратить внимание на еще один аспект соотношения лагерей и колоний. Как уже было упомянуто, основной принцип отправления заключенных со сроками выше трех лет в лагеря, а с более короткими сроками — в колонии, в отдельных случаях (как правило, при недостатке рабочей силы для важных объектов) нарушался. Например, в начале 1939 г. по ходатайству руководства ГУЛАГа³ было издано постановление СНК СССР, разрешавшее НКВД переводить в лагеря из исправительно-трудовых колоний осужденных на сроки до двух лет⁴. Противоположная ситуация возникала к концу и после войны, когда значительная группа долгосрочных заключенных находилась в колониях, составляя на июль 1947 г. больше половины всех размещенных там узников, в то время как 13,4% заключенных, находившихся на тот момент в лагерях, имели сроки менее трех лет⁵. Есть свидетельства того, что причиной такого положения в послевоенной системе ла-

¹ Правда, и в этом случае необходимо указать на возможные отклонения от общего принципа. Колония с названием «лагерный пункт» могла являться либо подструктурой одной ИТК или одного «лагерного отделения», либо самостоятельной структурой, подчиненной непосредственно управлению на территориальном уровне.

² Это означает, с одной стороны, что колонии могли находиться в тех районах страны, где лагерей вообще не имелось, и наоборот. С другой, в одной и той же области, а в некоторых случаях даже в окрестностях одного и того же пункта колония могла существовать рядом с лагерными отделениями исправительно-трудового лагеря. Единственным нормативным принципом организации и лагерей, и колоний была близость к месту работ и отдаленность от гражданских населенных пунктов. См. «Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР», объявленную приказом НКВД № 00889 от 2 августа 1939 г. (ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 456—473), а также приказ МВД № 0190 от 29 марта 1947 г.

³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1140. Л. 40—41, 131.

⁴ Постановление СНК СССР № 882-143/с от 17 июня 1939 г. См. также: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 175 об.

герей и колоний в определенной мере была опять-таки большая экономическая значимость лагерей. Так, в докладной записке начальника ГУЛАГ И.И. Долгих на имя министра внутренних дел С.Н. Круглова от 13 марта 1952 г. указывалось на укоренившуюся в предыдущие годы практику, согласно которой заключенные с долгими сроками осуждения, но не отвечающими по своему физическому состоянию требованиям лагерей, «в лагеря не направлялись, а оседали в подразделениях УИТЛК—ОИТК (т.е. в колониях. — *Авт.*)»¹.

Эти два примера (а их можно было бы продолжить) указывают на то, что правила распределения заключенных по лагерям и колониям нарушались именно тогда, когда их точное соблюдение шло вразрез с той основной целью, для достижения которой оно изначально было установлено, а именно: для максимально надежного, бесперебойного снабжения лагерей трудовыми ресурсами. Таким образом, это отступление от правил дополнительно подтверждает гипотезу, что при организации лагерей экономические мотивы играли гораздо большую роль, чем при создании колоний. Эта картина получает дополнительное подтверждение, если проанализировать динамику общей численности заключенных лагерей и колоний на протяжении более чем 20-ти лет. Эта статистика представлена на рисунке 1.

Так как эти данные уже неоднократно публиковались, а также комментировались², отпадает необходимость их повторной интерпретации. Обратим внимание лишь на некоторые аспекты соотношения численности узников в лагерях и в колониях. Во-первых, как показывают данные, во второй половине 1930-х гг., а также в середине 1940-х гг. краткосрочные колебания в общей численности заключенных в системе лагерей и колоний, которые, к примеру, могли быть вызваны амнистиями (как в 1945 г.), в большей мере сказывались на количестве заключенных, находящихся в колониях. Во-вторых, когда, наоборот, наблюдался более продолжительный прирост численности всех заключенных (с середины 1930-х до начала 1940-х гг., а также с конца Второй мировой войны до начала 1950-х гг.), то, хотя он мог начинаться с увеличения контингентов и в колониях, но в дальнейшем шел практически исключительно за счет продолжительного наращивания контингентов лагерей. Таким образом, можно утверждать, что колонии в периоды существенных изменений в сальдо притоков и оттоков заключенных выполняли краткосрочную буферную функцию, в то время как более долгосрочные тенденции развития пе-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 117. Л. 153.

² Земсков В.Н. ГУЛАГ; Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet Penal System. P. 1040, 1048—1049; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 43; Borodkin L., Ertz S. Coercion versus Motivation: Forced Labor in Norilsk // The Economics of Forced Labor. P. 77—78.

нтенциарной системы преимущественно отражались в наращивании или сокращении контингентов лагерей.

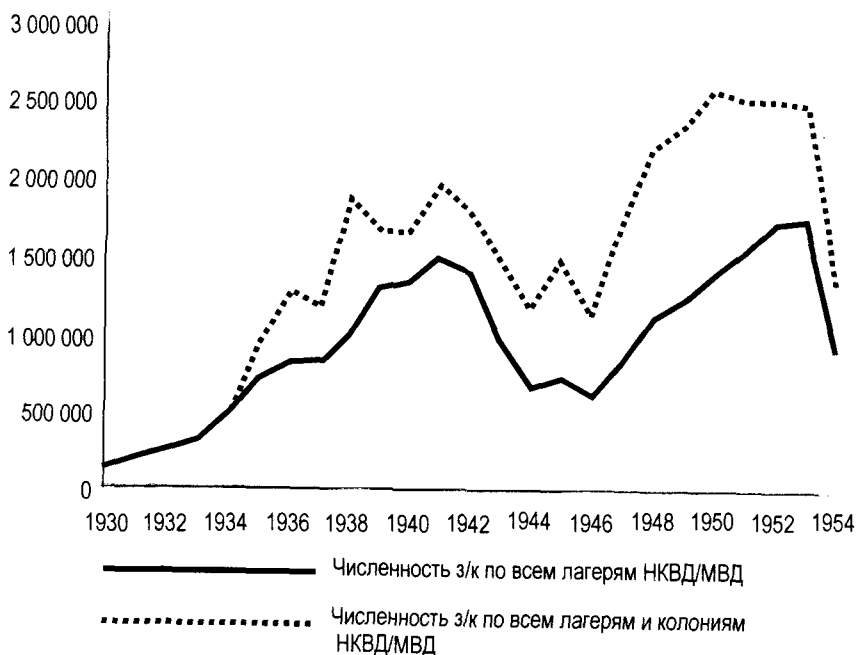

Рисунок 1

Численность заключенных в лагерях и колониях НКВД—МВД СССР (списочный состав на 1 января каждого года)

Источники: По лагерям и колониям: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1а, 2. С 1949 по 1954 г.: Земсков В.Н. ГУЛАГ // СОЦИС. 1991. № 6. С. 11; 1991. № 7. С. 12. Данные за 1954 г. на 1 апреля.

До 1934 г. колонии не находились в подчинении НКВД СССР, а подчинялись республиканским НКЮ. Поэтому данные о заключенных, находящихся в колониях в период до 1934 г., не приводятся.

2. Основные структуры и принципы управления лагерями и колониями

Все описанные в предыдущем разделе принципиальные функциональные и структурные различия между лагерями и колониями нашли свое отражение в структуре того административного аппарата, который управлял этой системой. В силу этого целесообразно рассматривать его строй отдельно по лагерям и колониям.

2.1. Управление лагерями в 1920-е — 1930-е гг.

Принято считать, что формирование и развитие системы исправительно-трудовых лагерей с начала 1920-х до начала 1930-х гг.¹ имело два важных результата. Во-первых, эксплуатация труда заключенных укоренилась как основная экономическая функция лагерей нового типа. Во-вторых, лагеря опередили существующие тюрьмы и общие места заключения (колонии), превратившись в «доминирующий тип мест заключения в стране»². Первоначально лагерная система во всех отношениях находилась в подчинении ОГПУ СССР. Для руководства лагерями в этом ведомстве 25 апреля 1930 г. было образовано Управление лагерей ОГПУ (УЛАГ)³, которому уже через несколько месяцев был присвоен статус главного управления⁴ (ГУЛАГ ОГПУ). Когда ОГПУ в июле 1934 г. распорядилось во вновь созданном НКВД СССР, ГУЛАГ стал главком этого наркомата. В таком положении (если не учитывать, что с марта 1953 г. по январь 1954 г. он был временно передан в Министерство юстиции СССР) он оставался до своей ликвидации в 1960 году⁵.

С момента создания первых лагерей в 1920-е гг. их характерной чертой было прямое подчинение ОГПУ, и этот принцип централизованного управления сохранялся и после образования ГУЛАГа и после создания НКВД СССР. Правда, 8 мая 1935 г. восемь из тринадцати существовавших в тот момент лагерей были переведены из прямого подчинения ГУЛАГа в подчинение отделов мест заключения (ОМЗ) территориальных органов НКВД. В непосредственном ведении ГУЛАГа, очевидно, остались именно те лагеря, которые осуществляли наиболее значимые народнохозяйственные проекты⁶. Такое отступление от принципа централизации, однако, продолжалось недолго. Примерно через два года все исправитель-

¹ Более подробное изложение этапов этого процесса см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 16, 19, 25—34; Jakobson M. *Origins of the GULAG. The Soviet Prison Camp System 1917—1934*. Lexington, 1993; Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929—1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73—84; Applebaum A. *Gulag*. P. 18—40.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 34. Следует, однако, отметить, что такая оценка не учитывает специальные поселения, созданные в отдаленных районах страны для жертв так называемого «раскулачивания» в начале 1930-х гг.

³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 27; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 222.

⁴ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 6.

⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 105.

⁶ Там же. С. 39. Северо-Восточный лагерь, обслуживавший трест Дальстрой, как будет показано далее, с момента своего создания не подчинялся ГУЛАГу, а имел особый статус.

но-трудовые лагеря опять были подчинены напрямую ГУЛАГу¹. Таковой ситуация в общих чертах осталась вплоть до 1940—1941 годов.

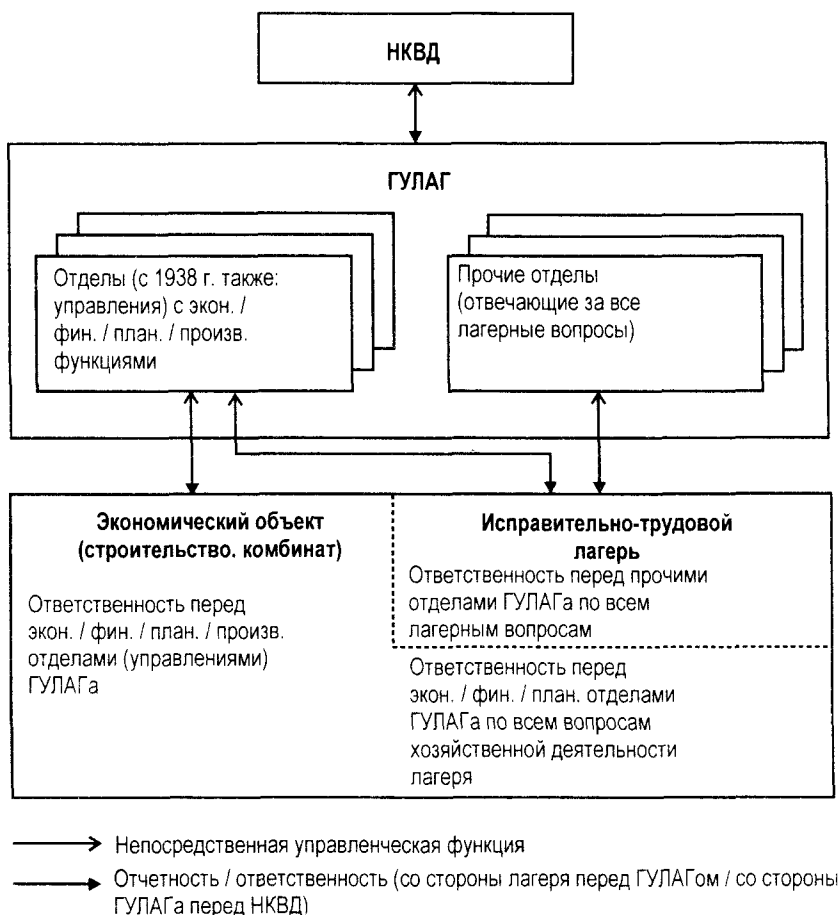

Рисунок 2

Примерная схема управления ГУЛАГом НКВД производственными объектами и обслуживающими их исправительно-трудовыми лагерями (до реформы 1940—1941 гг.)

¹ Приказ НКВД № 0128 от 21 октября 1937 г. Есть основания полагать, что это возвращение к централизованной управленческой структуре было обусловлено тем, что территориальные структуры НКВД не справлялись с экономическими задачами, поставленными перед лагерями (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 42).

Для того чтобы понять коренные изменения, происходившие в 1940—1941 гг., необходимо отметить еще один важный принцип управления лагерной системой с момента ее возникновения. Каждый новый экономический проект, реализация которого предусматривала массовое использование труда заключенных, целиком возлагался на ОГПУ (с 1934 г. на НКВД). В результате ОГПУ—НКВД поручалась организация не только исправительно-трудового лагеря, но и всех производственных процессов и работ. Для выполнения второй, весьма сложной задачи при принятии первых крупнейших проектов в начале 1930-х гг. (когда ГУЛАГ еще не обладал значительными кадровыми и техническими ресурсами) при ОГПУ были созданы специальные управления — Управление строительства Беломорско-Балтийского пути ОГПУ и Управление строительства Байкало-Амурской магистрали ОГПУ¹. В последующие годы, однако, ГУЛАГ принял эти функции на себя². Как правило, это приводило к организации этих проектов по схеме, подобной той, которая изображена на рисунке 2.

В упрощенной форме эта схема показывает двойственный характер большинства объектов, которые находились в ведении ГУЛАГа и для обслуживания которых были созданы исправительно-трудовые лагеря. С одной стороны, они представляли собой в полном смысле экономические проекты, а с другой — были либо тесно связаны с лагерем, либо включали его в себя. Вопрос о форме и степени разграничения лагеря и производства следует рассматривать отдельно в каждом конкретном случае. Отметим лишь, что точное разделение зачастую отсутствовало. Возможна была ситуация, когда формально существовал только лагерь, который одновременно представлял собой экономический объект. Такими были многие лесные или сельскохозяйственные лагеря, которые занимались производством сравнительно однородной продукции, что не требовало создания специфических административных структур в виде отдельного предприятия. Но даже в случае, когда на объекте существовали отдельные лагерный и производственный секторы, наличие единого руководства объекта могло содействовать размыванию границ между ними³. Иногда в таких случаях некоторые границы между производственным и лагерным

¹ Управление строительства БАМа, правда, существовало уже в момент передачи объекта в ОГПУ из ведения Народного комиссариата путей сообщения (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 154).

² См., например, обстоятельства возложения на ГУЛАГ строительства Норильского комбината: Эртц С. Строительство Норильского комбината с 1935 по 1938 гг.: Становление крупного объекта экономической системы ГУЛАГа // Экономическая история. Ежегодник, 2003. М., 2003.

³ Так, первое руководство Норильского строительства и исправительно-трудового лагеря (1935—1938 гг.) вместо создания отдельных административных структур организовало «так называемые «районы» со смешением производственных и лагерных функций» (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1118. Л. 6).

секторами можно определить только на функциональном уровне, поскольку руководители объекта представляли отдельные отчеты в различные подразделения ГУЛАГа — в экономические отделы, курировавшие финансово-хозяйственную деятельность лагерей, и в отделы, занимавшиеся «лагерными вопросами»¹ неэкономического характера².

Таким образом, ГУЛАГ уже через несколько лет после его создания контролировал не только выполнение лагерями типичных «лагерных» функций (изоляция заключенных и их «перевоспитание»), но и управлял множеством строительных, промышленных и

¹ Под термином «лагерные вопросы» в делопроизводстве ГУЛАГа подразумевались, в основном, вопросы оперативной работы, снабжения, санитарного контроля, политической и «культурно-воспитательской работы», состояния режима и охраны лагерей. К ним относились также такие централизованные функции, как учет и распределение заключенных и распределение должностей в лагерном секторе.

² Некоторым исключением в этом плане являлся один из самых крупных экономических объектов НКВД — трест Дальстрой. Д. Нордлендер ошибается, когда характеризует Дальстрой как одну из подструктур ГУЛАГа (См.: Nordlander D. Magadan and the Economic History of Dalstroi in the 1930s // *The Economics of Forced Labor*. P. 111). На самом деле, Дальстрой представлял собой трест с весьма своеобразным административным статусом. Созданный в 1931 г. и находившийся в непосредственном ведении СТО (постановление СТО № 516 от 13 ноября 1931 г.), он после упразднения последнего был передан СНК (Nordlander D. *Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s* // *Slavic Review*. Vol. 57. № 4 (Winter, 1998). P. 796). НКВД же он формально подчинялся только с весны 1938 г. (постановление СНК № 260 от 4 марта 1938 г.), хотя уже до этого момента, как говорилось в письме Н.И. Ежова В.М. Молотову, Дальстрой был «фактически подчинен Наркомвнутделу» (АР РФ. Ф. 5446. Оп. 22. Д. 27. Л. 6). С 1938 г. Дальстрой находился в составе НКВД на правах главка. ГУЛАГу же он не подчинялся никогда.

Северо-Восточный лагерь (СВИТЛ), который предоставлял объектам Дальстроя рабочую силу, являясь по численности заключенных одним из крупнейших лагерных комплексов СССР (в отдельные периоды насчитывал до 200 тыс. заключенных) по линии хозяйственной деятельности тоже подчинялся не ГУЛАГу, а напрямую Дальстрою (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 38). По отношению к вопросам лагерного сектора Севвостлаг подчинялся напрямую ОГПУ, а затем НКВД СССР. Только в 1938 г. он формально подчинялся ГУЛАГу, хотя все хозяйственные вопросы, по-прежнему, решались по линии Дальстроя и НКВД. Фактически, компетенция ГУЛАГа по отношению к этому ИТЛ всегда была ограничена. Так, ГУЛАГ «кроме данных об общей численности заключенных [...] никакой информации о состоянии дел в СВИТЛ до 1939 г. не получал». К концу 1940-х гг. лагерные подразделения Севвостлага даже официально подчинялись тресту и по вопросам лагерного сектора (Там же. С. 118—119). Безусловно, подробности этих взаимоотношений требуют дальнейших исследований. Отметим лишь, что весьма показательно, что в сводной статистике ГУЛАГа при приведении данных по всей лагерной системе нередко и в разные моменты встречаются двойные указания («все ИТЛ МВД» / «все ИТЛ включая Севвостлаг»). Подобных указаний нет по отношению ни к какому другому лагерю.

прочих объектов. Причем количество таких объектов за 1930-е гг. заметно выросло. Совокупность важнейших функций ГУЛАГа по отношению к подчиненным ему исправительно-трудовым лагерям представлена (без упорядочения по степени важности задач) в схематической форме на рисунке 3.

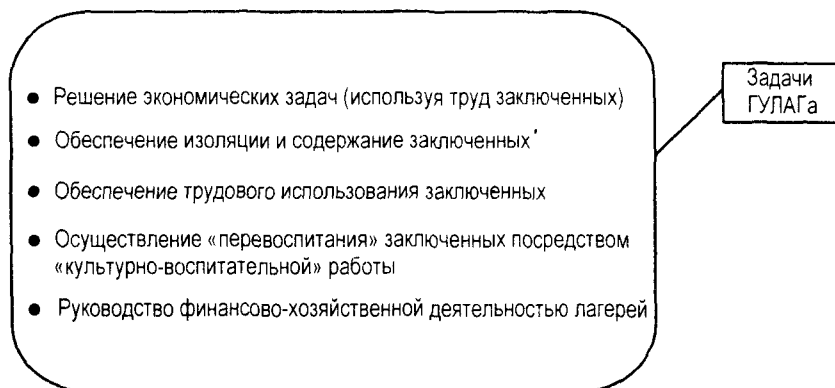

Рисунок 3

Главные задачи ГУЛАГа по руководству
исправительно-трудовыми лагерями (1930-е гг.)

Неудивительно, что такое расширение сферы ответственности ГУЛАГа сопровождалось ростом административных структур внутри этого главка. Поскольку внутреннее организационное строение ГУЛАГа постоянно и существенно менялось в течение 1930-х гг., на рисунке 2 приведены вместо перечисления конкретных отделов или управлений, существовавших в тот или иной период, лишь условные обозначения их функций. Фактически в это время, наряду с устойчивым ростом лагерной системы как таковой, шел процесс расширения аппарата ГУЛАГа, причем непропорционально росли как количество отделов, отвечающих за финансово-экономические вопросы, так и число занятых в них сотрудников¹. В 1930 г., например, в ГУЛАГе было производственное отделение с одиннадцатью штатными сотрудниками, а также плановая группа, состоящая из семи штатных сотрудников². Весной 1937 г. в составе ГУЛАГа уже существовали следующие отделы, непосредственно занятые руководством производственной и финансовой деятельностью лагерей и строителей ГУЛАГа³: учетно-плановая группа (67 штатных сотрудников), дорожно-строительный отдел (37 со-

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 44.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 225.

³ Не приводятся те отделы, которые занимались вопросами общего и специального снабжения.

трудников), механический отдел (17 сотрудников), горный отдел (21 сотрудник), плановой отдел (28 сотрудников), финансовый отдел (87 сотрудников), а также следующие секторы: промышленных предприятий (20 сотрудников), гидротехнического строительства (14 сотрудников), лесной (11 сотрудников), сельского хозяйства (18 сотрудников), рыбного хозяйства (4 сотрудника), гражданского строительства (6 сотрудников)¹.

2.2. Управление лагерями в начале 1940-х — 1953 г.

Кульминационный, а одновременно и поворотный пункт процесса расширения аппарата ГУЛАГа наступил в конце 1930-х гг. С явной целью разгрузить существовавшие отделы ГУЛАГа и найти способ более рационального управления многоотраслевым экономическим комплексом в составе ГУЛАГа началось создание специальных производственных управлений, на которые была возложена ответственность за деятельность производственных и экономических объектов определенных отраслей, а также за материальное, оперативное и финансовое руководство принадлежавших им лагерей². Формально эти новые структуры все еще представляли собой части ГУЛАГа, который в этот момент достигал громадных размеров, насчитывая в начале 1940 г. больше 2 тыс. штатных сотрудников. Однако одновременно уже наблюдалась тенденция к постепенному разделению этого ведомства, ибо некоторые из начальников новых управлений отчитывались не только перед начальником ГУЛАГа, но и по отдельным вопросам непосредственно перед наркомом³. Более радикальная реорганизация, примененная с начала 1940 г. по отношению к некоторым отделам или управлениям ГУЛАГа, занятым руководством производственными объектами, заключалась в их полном выделении из состава ГУЛАГа и придании им статуса самостоятельных главков НКВД⁴. Таким об-

¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 243—248. Главными неэкономическими подразделениями ГУЛАГа в конце 1930-х — начале 1940-х гг. являлись: управления военизированной охраны и режима, оперативный, политический, санитарный и административно-хозяйственный отделы, отдел учета и распределения заключенных, отдел кадров и отдел общего снабжения (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 846. Л. 1).

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 44—45.

³ Там же.

⁴ Следует отметить, что модель, лежавшая в основе такой конструкции, в некоторой мере уже была испытана раньше. С 28 октября 1935 г. в составе НКВД существовало Главное управление шоссейных дорог (ГУШОСДОР) (под таким названием, правда, только с 4 марта 1936 г.). Оно представляло собой независимый от ГУЛАГа производственный главок, осуществлявший строительство автодорог при помощи труда заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа. Некоторая разница с производственными главками нового типа, однако, заключалась в том, что ГУШОСДОР еще не имел лагерей в своем собственном подчинении. Такие лагеря у этого главка впервые появились в первой половине 1940-х гг. (Система исправительно-трудовых лагерей СССР. С. 121—123).

разом возникли Главное управление железнодорожного строительства НКВД СССР, организованное 4 января 1940 г. на базе отдела железнодорожного строительства ГУЛАГа и Управления железнодорожного строительства НКВД на Дальнем Востоке¹, и Главное управление лагерей гидротехнического строительства (ГУЛГТС) НКВД СССР, образованное 13 сентября 1940 г. на базе гидротехнического отдела ГУЛАГа².

Следующим шагом на этом пути можно считать реорганизацию ГУЛАГа, утвержденную приказом НКВД № 001019 от 19 августа 1940 г., в соответствии с которой большинство управлений и остальных производственных отделов пока еще оставалось в ГУЛАГе, но тем не менее переводились «на законченный самостоятельный баланс». Их начальники же получили «права начальника хозяйственного главка». Более того, ГУЛАГ терял свои плановый и финансовый отделы, а также отдел труда и зарплаты и главную бухгалтерию. Функции упраздненных подразделений были возложены на Центральный планово-финансовый отдел НКВД СССР, начальник которого одновременно стал заместителем начальника ГУЛАГа по вопросам организации труда и зарплаты, планирования, финансирования и бухгалтерской отчетности лагерей, колоний и производств³. Тем не менее, эти существенные изменения принципов управления лагерной экономикой происходили постепенно, о чем свидетельствовал, например, тот факт, что даже в этот период создавались новые производственные управления в составе ГУЛАГа, к примеру управление горно-металлургических предприятий⁴.

Конец такой организационной конструкции был положен только коренным переустройством самого НКВД, который 26 февраля 1941 г. был разделен на два наркомата — НКГБ и НКВД. Новая структура, установленная для последнего, предусматривала превращение всех оставшихся до этого момента в составе ГУЛАГа производственных управлений в самостоятельные производственные главки в составе НКВД⁵. В результате, в ГУЛАГе осталось лишь одно подразделение, занятое производственными вопроса-

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 109—111. С 26 февраля 1941 г. называлось Главным управлением лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС).

² Там же. С. 107.

³ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 252—253.

⁴ Там же.

⁵ 26 февраля 1941 г. были созданы: Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП), Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой, ГУЛПС), Управление топливной промышленности (УТП) НКВД СССР. 14 мая 1941 г. были созданы: Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии (УЛСПЧМ) НКВД СССР (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 108, 111, 113, 126, 127).

ми — управление исправительно-трудовых колоний (включавшее в себя ряд специализированных отделов), которое, помимо своих прочих задач, руководило производственной деятельностью колоний¹. В полном подчинении ГУЛАГа осталось лишь небольшое количество лагерей, не переданных производственным главкам. На 2 сентября 1947 г., например, в лагерях главков (включая Дальстрой) было размещено 858627 заключенных, а в лагерях, оставшихся в ведении ГУЛАГа, только 183500².

Сразу после завершения структурной реорганизации, в 1941 г., наблюдалась некоторая консолидация главков³, в то время как в начале 1950-х гг. проявлялась, наоборот, тенденция к созданию дополнительных, отчасти даже мелких главков⁴. Однако сама управленческая модель, реализованная в 1940—1941 гг., при этом больше не подвергалась существенным изменениям вплоть до 1953 г.⁵ Упрощенная схема новых административных взаимоотношений представлена на рисунке 4.

Как видно из схемы, ГУЛАГ больше не нес ответственности за состояние экономических объектов, подчиненных главкам. Эти предприятия или строительства полностью подчинялись производственным главкам, которые отвечали за организацию их работы, за выполнение или невыполнение ими производственной программы перед НКВД—МВД. Исправительно-трудовые лагеря также официально подчинялись производственному главку, что, как правило, фиксировалось в их названии (до этого все лагеря назывались «...лагерь ГУЛАГа НКВД»). Как и производственные объекты, лагеря также полностью подчинялись главкам в финансово-экономическом отношении. Поэтому в сводной финансовой отчетности

¹ См. лекцию начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, предназначенную для слушателей Высшей школы НКВД СССР, от 5 октября 1945 г. (ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 303—304). После некоторой реорганизации аппарата ГУЛАГа в апреле 1947 г. это управление было переименовано в 4-е или производственное управление (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 19—21).

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 318.

³ Так, УЛСПЧМ и созданное 26 февраля 1941 г. Управление топливной промышленности (УТП) НКВД вскоре вошли в состав ГУЛГМП НКВД, а в октябре 1941 г. ГУЛГТС НКВД был передан в ведение Главпромстроя НКВД (Система исправительно-трудовых лагерей СССР. С. 107, 126—127).

⁴ Там же. С. 100—127.

⁵ Так, ее не затронули введение в некоторых лагерях специальных подразделений «каторжного режима» по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., введение специальных подразделений «строного режима» по приказу МВД № 001516 от 31 декабря 1948 г., а также создание института «особых лагерей» по приказу МВД № 00219 от 28 февраля 1948 г. (ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 135—137). Все эти весьма значимые новшества осуществлялись в рамках прежней организационной структуры лагерно-производственного комплекса.

ГУЛАГа эти лагеря за весь период существования производственных главков отсутствуют.

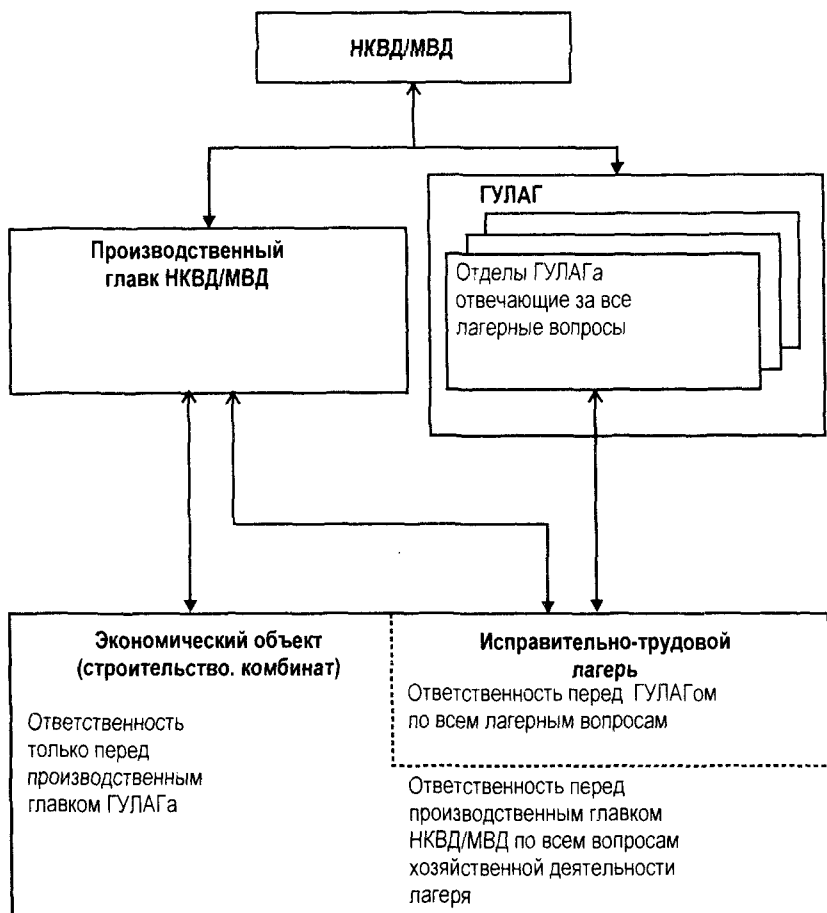

Рисунок 4

Примерная схема управления производственными объектами и обслуживающими их исправительно-трудовыми лагерями, подчиненными производственным главкам НКВД—МВД (1940—1953 гг.)

Все это, однако, не означало, что связи между ГУЛАГом и лагерями прерывались. Утверждение, что производственные главки «фактически обеспечивали всестороннее оперативное управление

подведомственными лагерями» не вполне верное¹. Фактическое распределение компетенции между ГУЛАГом и производственными главками по отношению к лагерям можно реконструировать на базе многочисленных делопроизводственных документов, отражавших работу этих ведомств. Для иллюстрации приведем лишь несколько примеров того, как ГУЛАГ принимал решения и контролировал их выполнение применительно к лагерям производственных главков.

Одной из сфер ответственности ГУЛАГа, как и ранее, являлись вопросы снабжения всех лагерей. Так, на совещании высших руководителей ГУЛАГа о задачах этого ведомства на второе полугодие 1945 г., состоявшемся 28 июня 1945 г., начальник Управления снабжения ГУЛАГа А.А. Усиевич сообщил, что его отделу в переговорах с Госпланом удалось добиться сохранения некоторых ключевых норм снабжения продовольствием на прежнем уровне². При существенном сокращении общего контингента заключенных во второй половине 1945 г. (вследствие амнистии 1945 г.) это дало возможность ГУЛАГу, как отметил его начальник В.Г. Наседкин, «повысить [ежедневную] норму хлеба на 150 грамм (от 650 до 800 граммов. — *Авт.*)». Наседкин также подчеркнул, что «плюс к этому наши подсобные хозяйства готовили на полный контингент — на 1,5 миллиона человек, сейчас мы будем иметь сумму на 1 миллион человек». Это однозначно подтверждает ответственность ГУЛАГа за снабжение всех исправительно-трудовых лагерей и колоний³.

Материалы совещания позволяют аналогичным способом идентифицировать его компетенцию и в других областях. К ним относились вопросы режима и содержания заключенных, включая управление военизированной охраной, а также обустройство лагерей и колоний⁴. Важным инструментом для осуществления контроля над оперативной работой лагерей являлись также политические отделы на местах, которые подчинялись политотделу ГУЛАГа. Видимо, в отдельных случаях ГУЛАГ через свои политотделы даже пытался оказывать влияние на экономическую стратегию лагерей производственных главков. На данном совещании начальник политотдела ГУЛАГа П.С. Буланов отметил, что начальник Ухто-Ижемского ИТЛ Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий НКВД С.Н. Бурдаков за последнее время «свертывает подсобное хозяйство», добавив, что «по линии политотдела мы ориентируем людей, чтобы такие тенденции получили отпор»⁵.

Наконец, при рассмотрении протокола данного совещания бросается в глаза, что руководители ГУЛАГа в своих выступлениях

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 46.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 159—160.

³ Там же. Ср. данные, приведенные выше на рисунке 1.

⁴ Там же. Л. 161 об, 175 об., 181 об.—182.

⁵ Там же. Л. 180.

называли все лагеря, невзирая на их подчиненность, «нашими»¹, что отражало, вероятно, одинаковую степень ответственности ГУЛАГа в регулировании лагерных вопросов, как в лагерях ГУЛАГа, так и в лагерях производственных главков.

Другой комплекс задач, решением которых занимался исключительно ГУЛАГ, был связан с санитарным состоянием всех лагерей и колоний. О наличии такой функции наглядно свидетельствует один эпизод. 22 мая 1945 г. начальник Главпромстроя НКВД А.Н. Комаровский издал приказ № 0140 о премировании работников санитарного отдела исправительно-трудового лагеря при Закавказском металлургическом строительстве НКВД. Через месяц он получил письмо от начальника ГУЛАГа, который критиковал решение своего коллеги ввиду того, что данный лагерь, по его словам, в начале 1945 г. «буквально находился в катастрофическом состоянии», и по смертности в тот период был «одним из худших в Советском Союзе». Однако Наседкин не ограничился критикой приказа Комаровского по существу, а напомнил еще и о том, что Комаровский вторгся в сферу ответственности ГУЛАГа: «Кроме того, прошу на будущее учесть, что большинство работников, перечисленных в Вашем приказе, являются номенклатурными работниками ГУЛАГа и без ведома ГУЛАГа Вы не могли их ни поощрять, ни наказывать. Издание Вами таких приказов являлось бы [sic!] равносильным тому, если бы я поехал на тот же Закавказский металлургический комбинат и своим приказом объявил благодарности и поощрения инженерно-техническому персоналу и работникам производственного сектора, в то время как я на это не имею прав, так-же [sic!], как и Вы в отношении работников лагерного сектора [...] Прошу учесть, что в будущем я вынужден буду такие приказы Главпромстроя опротестовывать перед руководством НКВД и ставить вопрос об их отмене как незаконных и по существу неправильных». Наседкин окончил свое письмо сообщением, что руководство данного лагеря получило от ГУЛАГа указание считать приказ Комаровского недействительным. Данный документ в самой яркой форме иллюстрирует не только фактическое разделение компетенции между производственными главками и ГУЛАГом, но и демонстрирует решительность, с которой последний настаивал на своих правах.

Таким образом, документы полностью подтверждают то распределение административных задач между ГУЛАГом и производственными главками, которое было зафиксировано в «Положении о Главном управлении исправительно-трудовыми лагерями и колониями МВД СССР», объявленном, правда, несколько позже, не ранее 15 июля 1949 г.²

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 161, 171 об., 182.

² До 1949 г. подобного документа вообще не было. Однако приведенные выше факты свидетельствуют о том, что основные правила, зафиксированные в нем, не представляли собой ничего нового, а были всего лишь подтверждением статус-кво.

«3. Главное управление исправительно-трудовыми лагерями и колониями руководит:

а) подбором руководящих, офицерских и вольнонаемных кадров лагерного сектора для исправительно-трудовых лагерей и колоний, их назначением и освобождением;

б) политической работой среди офицерского и вольнонаемного состава исправительно-трудовых лагерей и колоний;

в) деятельностью всех (выделено мною. — *Авт.*) исправительно-трудовых лагерей, колоний и пересыльных тюрем по вопросам охраны, режима содержания, учета заключенных, оперативной работы, культурно-воспитательной работы среди заключенных;

г) производственно-хозяйственной деятельностью исправительно-трудовых колоний, а также исправительно-трудовых лагерей, непосредственно подчиненных ГУЛАГу в производственном отношении:

[...]

4. ГУЛАГ МВД СССР контролирует:

а) законность содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях;

б) выполнение приказов и инструкций МВД СССР по режиму содержания, охране, учету, трудовому использованию заключенных и другим вопросам деятельности исправительно-трудовых лагерей и колоний.

5. ГУЛАГ МВД СССР поддерживает постоянную связь с Главными производственными лагерными управлениями МВД СССР и осуществляет, в соответствии с требованиями закона, приказами и инструкциями МВД СССР, контроль за их деятельностью в области обеспечения в исправительно-трудовых лагерях для заключенных необходимых режимных и жилищно-бытовых условий, правильного их трудового использования с учетом физического состояния и мероприятий по массовому производственному обучению заключенных»¹.

Этот документ демонстрирует то положение, которое заместитель начальника ГУЛАГа Буланов в письме на имя министра внутренних дел Круглова от 10 ноября 1949 г. кратко охарактеризовал следующим образом: «В данное время руководство лагерями двойное: ГУЛАГа и соответствующего производственного Главка. Это объяснимо, поскольку сложность и объем производственных задач не позволяют сосредоточить в одном месте руководства ими [...] При этом, все главные лагерные вопросы фактически сосредотачивались в одном месте, именно в ГУЛАГе»².

Однако в картину, согласно которой ГУЛАГ отвечал за все лагерные вопросы, а производственные главки осуществляли руководство подчиненными им лагерями и экономическими объектами в плане их финансово-экономической деятельности, следует внести некоторые коррективы. В ней не учтена проблема трудового использования заключенных, которая предопределялась самим характером института исправительно-трудовых лагерей. Высокий

¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 142—143.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 100. Л. 94.

уровень трудового использования заключенных предписывался лагерям специальными плановыми заданиями. Достижение этих норм определялось многими факторами, за которые отчасти отвечала администрация лагеря, а отчасти руководство производственного сектора. Так, уровень трудового использования заключенных мог быть низким вследствие не предоставления работы (компетенция производственной администрации) или, например, из-за недостатка вещевого довольствия у заключенных, большого количества отказов от работы и т.д. (компетенция лагерной администрации). Наличие такого взаимодействия иллюстрирует, например, одно из положений приказа начальника управления Сахалинского лагеря ГУЛЖД МВД от 23 января 1950 г.: «Если в 1-м квартале истекшего года потери рабочего времени явились результатом отсутствия проектов, необустроенности лагеря, недостатка материалов и инструментов, то потери в последующих кварталах возникали, главным образом, по зависящим от лагеря причинам: недовыставление конвоя, большого числа отказов, невывода из-за несвоевременного завоза на лагерные пункты обмундирования для заключенных и т.д.»¹.

Таким образом, достижение определенного уровня трудового использования контингентов лагерей зависело также от работы лагерного сектора, который подчинялся ГУЛАГу. Кроме того, ГУЛАГ выполнял общие контрольные функции над практикой трудового использования заключенных во всех лагерях и колониях. В этой связи именно ГУЛАГ составлял подробнейшие статистические отчеты по данной проблеме, например, о распределении заключенных по видам работ², об использовании заключенных, имеющих квалификацию, по их специальности³. На такого рода информацию ГУЛАГ ссылаясь в своих докладных записках, которые он предоставлял руководству НКВД—МВД, зачастую не скупясь на критику производственных главков⁴. С другой стороны,

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 148. Л. 107.

² См., например: Там же. Д. 502. Подробные статистические данные см.: Там же. Д. 1175, 1178, 1191, 1198, 1211, 1214, 1235, 1238, 1255, 1258, 1286, 1289.

³ См., например: Там же. Д. 1155, 1218, 1260, 1293.

⁴ Так, в докладной записке министру внутренних дел Круглову от 25 мая 1951 г., подписанной начальником ГУЛАГа Долгих, содержалась следующая оценка: «Начальники исправительно-трудовых лагерей и строителей МВД, а также руководство Главных управлений МВД СССР неудовлетворительно занимаются организацией трудового использования заключенных, не ведут решительной борьбы за рациональное использование рабочей силы, плохо анализируют причины столь огромных потерь трудового фонда и не обеспечивают устранения недочетов в этих вопросах» (Там же. Д. 150. Л. 25). Показательно, что начальники критикуемых главков, получив копии этого документа, поспешили предложить мероприятия для ликвидации недостатков, указанных в записке ГУЛАГа (Там же. Л. 29—33).

бывали случаи, когда ГУЛАГ и производственные главки совместно выдвигали инициативы с целью улучшения трудового использования заключенных¹. В связи с изложенным, схему распределения основных задач между ГУЛАГом и производственными главками можно представить следующим образом:

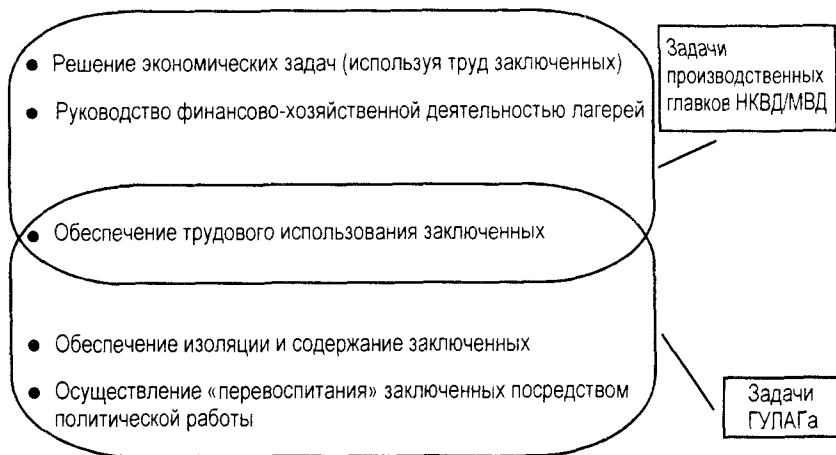

Рисунок 5

Главные задачи и компетенция ГУЛАГа и производственных главков НКВД—МВД по отношению к исправительно-трудовым лагерям, подчиненным производственным главкам (1940—1953 гг.)

Как видно из рисунка 5, ГУЛАГ с начала 1940-х гг. был лишен своей руководящей функции в отношении лагерей только в сфере их производственной деятельности. Однако, помимо ответственности за все специфические лагерные вопросы, ГУЛАГ сохранил контроль над организацией трудового использования заключенных во всех лагерях.

Одна из центральных проблем административной и функциональной конструкций, изображенных на рисунках 5 и 6, заключалась в том, что вплоть до начала 1953 г. они зачастую не полностью репродуцировались на более низком административном уровне. Например, летом 1952 г. комиссия МВД подвергла критике структуру лагерных управлений, в «которой нет организации и лиц, непосредственно и конкретно отвечающих за организацию трудового использования заключенных»². Предложенное комис-

¹ См., например, совместный приказ начальников ГУЛАГа и ГУЛЛП от февраля 1949: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 93. Л. 49—53.

² Там же. Д. 510. Л. 98.

сией решение этой проблемы — возложение на управления строительств и лагерей ответственности за производственные и лагерные проблемы — не выглядело многообещающим потому, что подобная практика уже была широко распространена. На это и указало в своем ответе руководство ГУЛАГа: «Указанное мероприятие... ничего нового не вносит, так как существующая в настоящее время система [...] соответствует рекомендуемому принципу. Как правило, на стройках ГУЖДС, в лесных лагерях, ГУЛГМП, гидросооружений и Главспецнефтестроя начальники строительных районов являются одновременно и начальниками лагерных подразделений»¹. Весьма распространена была также практика соединения руководства строительства или предприятия и соответствующего лагеря в одних руках, как вытекает из одной лекции, разработанной ГУЛАГом в 1947 г. для внутреннего пользования, в которой область ответственности руководства типичного лагеря очерчивается следующим образом: «Начальнику управления лагеря, как единоначальнику, подчинены вся оперативная, культурно-воспитательная, административная, режимная и хозяйственная деятельность исправительно-трудового лагеря» — причем излагается, что последний пункт соответствовал задаче «выполнения производственных планов и [руководства] связанной с этим производственно-хозяйственной деятельностью»².

2.3. Управление лагерями после 1953 г.

Как уже было отмечено, управленческая система, описанная выше, претерпела кардинальные изменения не раньше, чем в 1953 г. Непосредственная связь между смертью диктатора и окончательной ликвидацией лагерной системы, сложившейся в период его господства, бесспорна. Проведение амнистий, масштабный пересмотр дел политических заключенных, ликвидация ряда крупных строительных объектов МВД сопровождалась сокращением размеров лагерей и упразднением части из них. Однако задолго до окончательного исчезновения лагерей и сразу же после смерти Сталина началась фундаментальная реорганизация управленческой системы лагерей. МВД, в составе которого за прошедшие годы была создана масса производственных главков и управлений, освободился от своей роли крупного производственного министерства. Все его производственные лагерные главки были ликвидированы, причем их функции в плане управления подчиненными им лагерями были возложены на ГУЛАГ, который, в свою очередь, из состава МВД был передан в ведение Министерства юстиции³. Со-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.

² GARF. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 61.

³ Постановление Совета Министров СССР № 832—370сс от 18 марта 1953 г. В январе 1954 г., однако, ГУЛАГ опять был возвращен в состав МВД.

ответствующие же производственные объекты передавались, как правило, в ведение гражданских министерств¹. В итоге, административная схема лагерно-производственного комплекса существенно изменилась, что зафиксировано на рисунке 6.

Рисунок 6

Примерная схема управления производственными объектами и обслуживающими их исправительно-трудовыми лагерями после упразднения производственных главков МВД (с 1953 г.)

В результате этой реорганизации сложилось четкое разделение лагерей и производственных объектов. Лагеря и обслуживаемые ими производства отныне имели разных руководителей и принад-

¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 58.

лежали к разным административным структурам, которые до уровня министерств были независимы друг от друга. Функциональные отношения между лагерями и производствами в основном сохранились, но теперь регулировались двусторонними договорами, устанавливавшими детали взаимных обязательств. Основой этих договоров являлся типовый договор, утвержденный министром юстиции в апреле 1953 г.¹ Согласно этому документу, хозяйственные органы обязывались эффективно использовать заключенных, обеспечивая трудовое использование «не менее 80% от списочного состава рабочей силы колонии (лагпункта)», причем исключительно на полностью оборудованных, изолированных и охраняемых рабочих местах². Обе стороны обязывались принимать меры для повышения производительности труда заключенных — колония (лагерный пункт) путем обеспечения «трудовой дисциплины», хозяйственный орган при помощи повышения квалификации заключенных³. Расчеты по оплате выполненных заключенными работ хозорган производил непосредственно с данным лагерем или колонией⁴.

Роль ГУЛАГа в этой модели заключалась во всестороннем руководстве работой лагерей, включая их финансово-хозяйственную деятельность. Взамен он больше не был вовлечен в организацию производства. Эта функция перешла производственным министерствам по отраслевому признаку. Распределение задач между ГУЛАГом и гражданским министерствами приняло новые формы, что отражено на рисунке 7.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 148. Л. 3, 5—18. Практика заключения подобных договоров сама по себе не была новшеством. На основании договоров организовывалось трудовое использование заключенных, предоставляемых контрагентскими колониями и лагерями ГУЛАГа в предыдущие годы. Абсолютная доля заключенных таких контрагентских лагерных подразделений, занятых не в экономических проектах НКВД—МВД, а в гражданских ведомствах, за период 1941—1953 гг. колебалась между 10 и 20% от общей численности всех заключенных лагерей и колоний (The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag. P. 13). Реформа 1953 г. привела к тому, что этот статус приобрели почти все лагеря.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 148. Л. 5, 6.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 13. Причем было установлено, что «колония (лагпункт) должна получить от хозоргана столько, сколько было бы выплачено заработной платы вольнонаемным работникам, если бы они выполняли данную работу» (Там же. Л. 12). Этот пункт являлся стандартным в договорах между колониями и хозяйственными органами по крайней мере с ноября 1946 г. (См.: Там же. Д. 150. Л. 91). Кроме того, хозяйственный орган обязывался выплачивать колонии или лагерному пункту для покрытия прочих расходов «на всю сумму заработной платы [...] включая все виды платежей [...] процентные начисления: на строительстве в размере 19%, на эксплуатационных работах в размере 30%» (Там же. Д. 148. Л. 17), а также «предоставить все необходимое жилье, санитарные и другие помещения для размещения и обслуживания рабочей силы колонии (лагпункта) [...] и оборудовать эти помещения»; «снабжать бесплатно подразделения охраны инвентарем и оборудованием» (Там же. Л. 14).

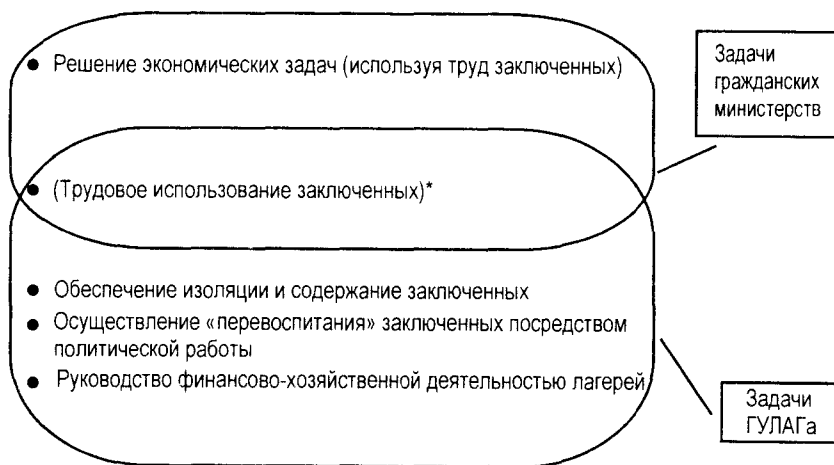

Рисунок 7

Главные задачи и компетенция ГУЛАГа и производственных министерств по отношению к исправительно-трудовым лагерям бывших производственных главков (с 1953 г.)

* Порядок распределения компетенции и обязательств фиксировался в договоре.

Так как в области пересечения компетенций (в регулировании трудового использования заключенных) обязанности сторон достаточно четко определялись двусторонними договорами, теоретически проблемы разграничения ответственности, подобные тем, что существовали в старой управленческой системе, больше не должны были существовать. Однако, разумеется, на практике несоблюдение своих обязанностей хотя бы одной из сторон могло вызывать новые трудности¹.

¹ Такие, например, о которых министр внутренних дел С.Н. Круглов писал 4 февраля 1954 г. министру металлургической промышленности И.Ф. Тевосяну применительно к Норильскому комбинату, недавно перешедшему в ведомство Тевосяна. Вопреки договорным обязательствам, утверждал Круглов, комбинат не обеспечивал работой часть заключенных лагеря, не предоставлял служащим лагеря достаточного количества квартир, не принимал меры для удовлетворительного устройства заключенных, а также нарушал режимные требования «надлежащей изоляции» заключенных на производстве (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 730. Л. 294—298).

Описанная структура представляла собой результат последней коренной реорганизации централизованной системы управления лагерной сетью. В условиях сокращения лагерных контингентов новая система, правда, не везде оказалась долговечной. В течение второй половины 1950-х гг. отчасти наблюдались тенденции возвращения к старой модели, действовавшей до 1953 г. Однако эти тенденции либо сохранились ненадолго¹, либо действовали в тех отраслях, где не существовали особо сложные производственные структуры². Большинство же производственных и строительных комплексов, которые были переданы гражданским министерствам в 1953 г., так и оставались в их подчинении. Общее сокращение лагерного контингента на таких объектах, как правило, компенсировалось за счет замены заключенных вольнонаемными.

Другая тенденция второй половины 1950-х гг. заключалась в передаче оставшихся исправительно-трудовых лагерей в ведение территориальных органов МВД, причем нередко с ликвидацией их управлений и расчленением их на отдельные лагерные подразделения. В результате роль и значение центральных управленческих структур, прежде всего, самого ГУЛАГа, который уже с конца 1956 г. носил название «Главное управление исправительно-трудовых колоний (ГУИТК) МВД»³, постепенно сокращались. Таким образом, параллельно с ликвидацией исправительно-трудовых лагерей на смену централизованной системе управления ими постепенно приходила иная модель, в предыдущие десятилетия определявшая управление исправительно-трудовыми колониями. Суть этой модели будет изложена далее. А пока необходимо добавить, что последним шагом на этом пути была ликвидация ГУЛАГа и одновременно всего МВД СССР 13 января 1960 года⁴.

¹ В качестве примера можно указать на Главпромстрой МВД, который в начале 1950-х гг. был занят, главным образом, реализацией атомного проекта. 18 марта 1953 г. он был передан в ведение Министерства среднего машиностроения, а его лагеря подчинялись ГУЛАГу. 16 марта 1954 г. Главпромстрой был возвращен в МВД, а в начале 1955 г. ему были подчинены, изъятые из ГУЛАГа, 15 ИТЛ и три лагерных отделения. Однако не прошли и двух месяцев, как лагеря уже окончательно были возвращены в ведение ГУЛАГа, а сам Главпромстрой снова подчинен Министерству среднего машиностроения (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 114).

² Прежде всего, это относится к лесным лагерям. Главное управление лагерей лесной промышленности МВД было ликвидировано в марте 1953 г., но снова сформировано в составе МВД в начале 1954 г. с восстановлением старого распределения ролей между ним и ГУЛАГом. В августе того же года в ГУЛЛП сосредоточились все руководящие функции, но в последующие годы ведомственная подчиненность многих лесных лагерей менялась еще несколько раз (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 112).

³ Приказ МВД № 500 от 27 октября 1956 г.

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 60.

2.4. Управление колониями.

Конец 1920-х — конец 1950-х гг.

Изложить принципы управления исправительно-трудовыми колониями, которые уже упоминаемым постановлением СНК в июле 1929 г. были определены как второй (наряду с лагерями) основной компонент системы мест заключения в СССР, относительно просто, ибо существенных перемен в этой сфере за весь период сталинизма практически не наблюдалось.

Исправительно-трудовые колонии ведут свое начало с системы общих мест заключения 1920-х гг., которая, в свою очередь, сложилась еще в царской России. Традиция децентрализованного управления этими местами заключения пережила события 1917 г. и последующих лет¹. На протяжении 1920-х и до начала 1930-х гг. они подчинялись республиканским наркоматам внутренних дел (с октября 1922 г. по декабрь 1930 г.) и наркоматам юстиции (с 1917 г. по октябрь 1922 г. и повторно с декабря 1930 г. по июль 1934 г.), которые осуществляли руководство ими через свои местные органы. После повторного возложения руководства колониями на республиканские наркоматы юстиции в 1930 г. в составе последних создавались Главные управления исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ), а на областном или краевом уровнях — управления исправительно-трудовых учреждений (УИТУ)².

Этот территориальный принцип управления оставался в силе даже после ликвидации ГУИТУ 27 октября 1934 г., в результате чего все места заключения передавались в ведение (в тот момент уже находившегося в составе НКВД СССР) ГУЛАГа³. Внутри ГУЛАГа немедленно после принятия колоний создавались специальные структуры для руководства ими⁴, однако практическое руководство их деятельностью было возложено на областные УНКВД (или НКВД автономных республик соответственно). С этой целью в территориальных органах, в свою очередь, создавались специальные административные подразделения, которые вначале, как правило, назывались отделами мест заключения⁵, поскольку они в тот период руководили также тюрьмами. После перевода тюрем в отдельную систему в начале 1939 г., отделы мест заключения были переименованы либо в отделы (отделения) исправительно-трудовых колоний, исправительно-трудовых работ и трудпоселений (ОИТРК), либо в управления исправительно-трудо-

¹ Jakobson M. Origins of the GULAG.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 36.

³ Там же. С. 37.

⁴ Сначала отдел мест заключения, затем отделение лагерей и мест заключения, с 19 августа 1940 г. — управление исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений (ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 252).

⁵ Подробнее см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 526.

вых лагерей и колоний (УИТЛК)¹. Каждое из этих отделений/управлений имело значительный аппарат², который был построен по приблизительно тому же образцу, что и управления исправительно-трудовых лагерей³.

Такая структура управления колониями в общих чертах оставалась неизменной вплоть до конца 1950-х гг., что означало, что она фактически не была затронута реорганизациями, в результате которых создавались производственные лагерные главки. Функциональную управленческую структуру, в которую исправительно-трудовые колонии были интегрированы в течение всего этого периода, можно объяснить с помощью схем, приведенных выше применительно к лагерям. Колонии, имевшие собственное производство, находились в положении, которое отражено на рисунке 2. Единственная существенная разница состояла в том, что колонии во всех отношениях управлялись ГУЛАГом не напрямую, а через упомянутые ОМЗ, ОИТК или УИТЛК УНКВД (УМВД). Начальники этих структур отвечали перед ГУЛАГом за деятельность подчиненных им колоний примерно так же, как начальники крупных исправительно-трудовых лагерей отвечали перед центром за деятельность подразделений, из которых состоял управляемый им лагерь. Как следует из упоминаемого выше «Положения о Главном управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР», ГУЛАГ контролировал деятельность колоний во всех сферах, включая «лагерные» вопросы, производственную и финансово-хозяйственную деятельность. Притом «лагерными» вопросами в составе ГУЛАГа занимались в основном те же отделы и управления, которые регулировали их и по отношению к лагерям. Ответственность за экономические вопросы нес уже упомянутый отдел исправительно-трудовых колоний, который затем, как уже говорилось, был реорганизован в Управление исправительно-трудовых колоний, а в 1947 г. в Производственное управление. Перед вышестоящими инстанциями ГУЛАГ отвечал за состояние и деятельность колоний во всех областях, в том числе за выполнение ими производственных и финансовых планов.

Контрагентские колонии, которые на договорной основе предоставляли рабочую силу другим ведомствам, находились в положении, напоминавшем положение исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа после 1953 г., отраженном на рисунке 6. В этом случае колонии через территориальные органы подчинялись ГУЛАГу по всем видам их деятельности, включая финансово-хозяйственные вопросы. Однако ГУЛАГ не имел влияния на хозяйственный орган, с которым колония вступала в контрактные отношения.

¹ Управления создавались тогда, когда в их подчинении постоянно или временно появлялись исправительно-трудовые лагеря или лагерные отделения.

² См., например: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 510. Л. 69—73.

³ Там же. Д. 502. Л. 200—201.

3. Роль ГУЛАГа в системе управления лагерями

С учетом изложенных данных можно предпринять попытку изучения деятельности конкретных административных органов в системе управления лагерями, центральное место среди которых, занимал, конечно, ГУЛАГ. Как мы видели, в 1930-е гг. в ГУЛАГе были сосредоточены практически все управленческие функции по отношению и к лагерям, и к колониям. Разделение задач управления на хозяйственные и «лагерные» существовало лишь на уровне управлений и отделов ГУЛАГа. Следовательно, в целом, ГУЛАГ руководствовался комплексной стратегией, которая объединяла в себя экономические и неэкономические цели. Однако достижение экономических целей приобретало возрастающее значение, вследствие чего усложнялся аппарат ГУЛАГа, все больше приобретающего облик комплексного производственного главка. Этот процесс продолжался до 1940—1941 гг., когда большинство экономических функций ГУЛАГа перешло в ведение новых производственных главных управлений. С этого момента ГУЛАГу по-прежнему подчинялись все лагеря и колонии по «лагерным» вопросам, но он больше не руководил крупными хозяйственными объектами, на которых использовался труд заключенных, и, следовательно, также больше не отвечал за выполнение этими объектами производственных программ. С другой стороны, за ГУЛАГом осталась ответственность за экономическую деятельность исправительно-трудовых колоний, а также отдельных лагерей, которые не передавались новым главкам. Таким образом, ГУЛАГ частично сохранил функции производственного главка, хотя и в ограниченных размерах.

Для изучения реальной деятельности ГУЛАГа в ситуации, в которой он оказался после реорганизаций 1940—1941 гг.¹, обратимся вновь к уже цитированному весьма содержательному документу, протоколу совещания при начальнике ГУЛАГа НКВД СССР Наседкине, состоявшегося 28 июня 1945 г.² Совещание проходило в условиях значительного сокращения контингента заключенных в результате амнистии 1945 г., что в глазах руководства ГУЛАГа создавало дополнительные предпосылки для нормализации положения лагерей и колоний. Начальники или заместители начальников

¹ При этом мы исходим из того, что после чрезвычайных потрясений военных лет лагерная система начала функционировать в «нормальных условиях» не ранее, чем в 1945 г. Чрезвычайность военного периода обуславливалась в лагерной сфере такими факторами, как эвакуация около 750 тыс. заключенных, резкое сокращение контингентов вследствие передачи сотен тысяч заключенных в Красную Армию, катастрофический рост заболеваемости и смертности среди заключенных, связанный с кризисом снабжения. См. подробнее доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941—1944)» от 17 августа 1944 г. (ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 272—296).

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 158—183 об.

основных отделов и управлений ГУЛАГа сформулировали на совещании те основные цели, которыми они намечали руководствоваться в сфере своей компетенции и доложили о тех основных мероприятиях, проведение которых планировалось в этой связи.

Анализ этих докладов показывает, что руководители подразделений ГУЛАГа были нацелены на выполнение тех задач, которые являлись основными функциями ГУЛАГа по отношению к исправительно-трудовым лагерям (см. рисунок 5). Прежде всего, речь шла о «наведении порядка» в лагерях и решении описанных выше «лагерных» вопросов, прежде всего об улучшении условий содержания заключенных. Определенную роль играли также вопросы трудового использования, изоляции и перевоспитания заключенных. Красноречивым примером этого был доклад начальника Санитарного отдела Лойдина, который рекомендовал «предъявить лагерям такое требование, чтобы [они] были никак не ниже того состояния, в котором они были (до войны. — *Авт.*), чтобы они были образцовыми». Приведя в пример «опыт такого лагеря, как Тагильстрой, который имеет прекрасные общежития, бани и прачечные»¹, Лойдин заявил: «Мы должны перед собой ставить задачу давать лагеря, если они не будут образцовыми. Если лагерь не образцовый, мы должны рассматривать его как лагерь, который не справляется с работой»². Улучшение состояния лагерей и колоний, по представлению Лойдина, напрямую должно было отражаться на основных показателях физического состояния заключенных: «Мы должны прямо сказать лагерям какая у них должна быть группа "В"³ и какая смертность и надо поставить перед ними целевую задачу: чтобы смертность была не выше 0,25%⁴ и группа "В" чтобы не выше 8%»⁵.

¹ Здесь необходимо отметить, что мы не в состоянии измерить, по какой шкале общежития, бани и прачечные в Тагильском лагере — который по линии производства в этот период подчинялся Главному управлению лагерей промышленного строительства (ГУЛПС) НКВД (Система ИТЛ: Справочник. С. 473) — действительно заслуживали эпитета «прекрасные». В данном контексте, однако, важна прежде всего положительная коннотация, которую этот пример имел в аргументации Лойдина.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 163 об.

³ Группа «В» — заключенные, не работающие по болезни (См.: Там же. Оп. 1. Д. 125. Л. 125—126).

⁴ Имеется в виду среднемесячная смертность, так что приведенный показатель соответствует среднегодовой смертности в размере 3%. По сравнению с военными годами, когда смертность заключенных по лагерной системе достигала уровня выше 20% (ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 441), среднегодовая смертность в размере 3% может показываться относительно низкой. Тем не менее, тот факт, что в качестве ориентировочной цели выбирался не уровень смертности, который следовало ожидать среди населения по стране в целом, а показатель, который однозначно превышал ее, показывает истинный смысл таких терминов, как «образцовое» или «хорошее состояние».

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 162—162 об.

Следует подчеркнуть, что идея о достижении «образцового состояния» лагерей и колоний не принадлежала исключительно Лойдину и не была простым инструментом для достижения других целей. Она появлялась в разных вариациях и в других выступлениях. Так, начальник управления снабжения говорил об улучшении питания и вещевого довольствия заключенных¹, в то время как руководители управлений охраны и режима видели «большую роль, которую в наведении образцового порядка в лагере-колонии» должна была играть надзирательская служба, а состав военизированной охраны намечали «очистить... от больных, стариков, морально-разложившихся», одновременно улучшая материальное положение охранников². В эту картину вписывалось также выступление начальника Управления колониями Завгороднего, которое заслуживает отдельного внимания, т.к. это управление отвечало также за выполнение колониями производственных программ и финансовых планов. Действительно, Завгородний говорил о проблемах перехода колоний на выпуск товаров широкого потребления, а также о трудностях финансирования и кредитования, возникавших в этой связи. Однако он также поднимал вопрос об «упорядочении лагерного сектора», приведения колоний «в образцовое состояние»³. Подводя итоги совещания, Наседкин поставил все те задачи, о которых говорилось на совещании: привести лагерь в «образцовое состояние», улучшить бытовые условия и питание заключенных, навести порядок в режиме содержания⁴.

Есть основания полагать, что подобные требования выдвигались ГУЛАГом и в последующие годы, о чем свидетельствуют, например, многочисленные акты проверок, проводимых сотрудниками контрольно-инспекторского отдела ГУЛАГа в конце 1940-х и в начале 1950-х гг. Более того, даже идея об «образцовых» лагерях встречается в более поздних документах ГУЛАГа. Приведем в качестве примера циркуляр начальника ГУЛАГа Добрынина, разосланный всем начальникам лагерей и строителей МВД 24 мая 1949 г.: «Исправительно-трудовые лагеря должны стать образцовыми местами заключения, в которых были бы невозможны нарушения революционной законности, побег, нарушения режима и физическое ослабление заключенных»⁵.

Если построить, соответственно приведенным документам, иерархию целей политики ГУЛАГа после реорганизации системы управления лагерями в 1940—1941 гг., то проблемы выполнения производственных планов никак не занимали в ней центральное место. Скорее, политика ГУЛАГа была ориентирована на улучшение состояния лагерей и колоний. По отношению к лагерям это

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 329. Л. 164—166 об.

² Там же. Л. 171—171 об., 168.

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 181—181 об.

⁵ Там же. Д. 97. Л. 69.

не является новостью, поскольку, как было показано выше, такие задачи входили в компетенцию ГУЛАГа. Что же касается колоний, то тот факт, что ГУЛАГ в управлении ими также сделал акцент на решении «лагерных» вопросов, подтверждает гипотезу о том, что экономическая деятельность колоний действительно не была настолько значимой, какой она была для лагерей. Следовательно, ГУЛАГ в целом в послевоенный период больше не проводил политику, характерную для типичного производственного главка, непосредственно отвечавшего за выполнение экономических задач.

Возникает вопрос, как сказывалось это ограничение компетенции ГУЛАГа на практике повседневного руководства лагерями. Его следует рассматривать с учетом описанной выше проблемы: принцип разделения на уровне центрального аппарата зачастую не распространялся на уровень лагерей и связанных с ними производственных объектов, где задачи, поставленные перед лагерями ГУЛАГом, сталкивались с требованиями производственных главков о выполнении производственных программ. О последствиях такой проблемы свидетельствует множество источников. Например, в упомянутом выше циркуляре ГУЛАГа от 24 мая 1949 г. говорилось, что отдельные начальники исправительно-трудовых лагерей и строителей МВД (а также их заместители по кадрам и начальники политотделов) «до сего времени не уделяют должного внимания работе лагерного сектора и укреплению его соответствующими кадрами». Подобные оценки касались и конкретных лагерей. Так, в заключении по докладу руководства Норильского лагеря о работе в первом квартале 1951 г. начальник ГУЛАГа отметил: «Невыполнение утвержденных МВД СССР в феврале 1951 года мероприятий и наличие недочетов в работе Норильского ИТЛ свидетельствует о том, что начальник лагеря [...] по-прежнему мало уделяет внимания работе лагерного сектора, недооценивает вопросы охраны, режима и оперативной работы и не выполняет требования МВД СССР о необходимости превращения Норильлага в образцовое исправительно-трудовое учреждение»¹. Через полгода, судя по результатам ревизии оперативно-служебной деятельности Норильского ИТЛ в ноябре 1951 г., ситуация не изменилась: «Руководство лагеря и политический отдел главное внимание в практической работе направляли не на коренное улучшение внутрилагерной работы, а на решение производственно-хозяйственных задач. Именно поэтому не было проявлено настойчивости по наведению порядка в режиме содержания, изоляции и охране заключенных»².

Иногда наличие таких проблем признавали даже производственные главки, о чем могут свидетельствовать требования Главного управления лагерей лесной промышленности МВД о финансировании лагерей за счет государственного бюджета в апреле

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 151. Л. 116.

² Там же. Д. 461. Л. 8—9.

1948 г.: «Это коренным образом изменит существующее сейчас положение, при котором хозяйственные интересы иногда превалируют над задачами государственной безопасности, что приводит к недостаткам в состоянии лагерей»¹. Общую оценку положения сформулировало руководство ГУЛАГа в июне 1953 г.: «Практика работы в прошлом показала, что начальники управлений ИТЛ строителей и предприятий МВД, занимаясь главным образом производственной деятельностью, не уделяли должного внимания вопросам обеспечения надлежащего режима и охраны заключенных, что приводило к отрицательным последствиям и нарушениям требований по содержанию заключенных»².

Таким образом, ГУЛАГу было нелегко добиться фактической реализации тех требований, которые он выдвигал в соответствии с функциями, предназначенными ему в управленческой системе 1940-х — начала 1950-х гг. И хотя действия лагерной администрации требуют дальнейшего специального изучения, приведенные источники демонстрируют, что руководители лагерей нередко предпринимали значительные усилия для достижения экономических целей, пренебрегая при этом требованиями ГУЛАГа о наведении в лагерях «образцового» порядка.

* * *

В данной статье изучались структуры, которые в период сталинизма осуществляли массовое использование принудительного труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний. Условия содержания заключенных в лагерях и колониях во многих отношениях были сходными. Тем не менее, нами установлены существенные функциональные различия в роли лагерей, с одной стороны, и колоний, с другой, в экономике СССР. Если лагеря, прежде всего, ориентировались на обслуживание значимых, зачастую крупных и долгосрочных экономических объектов, то колонии организовывались в первую очередь для выполнения функции изоляции осужденных к коротким срокам заключения. Так как эти приговоры в соответствии с советской карательной политикой включали в себя задачу трудового использования заключенных, колонии также занимались хозяйственной деятельностью, однако

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 334. Л. 83.

² Там же. Д. 585. Л. 85. Цитата из письма, подготовленного ГУЛАГом в ответ на письмо начальника Унженского спецуправления Министерства лесной и бумажной промышленности СССР Иванова в адрес председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова. Данное спецуправление было создано в марте 1953 г. для руководства производственной деятельностью Унженского ИТЛ. В своем письме Иванов подверг резкой критике разделение производственного и лагерного секторов в исправительно-трудовых лагерях, предлагая возвратиться к распространенному ранее принципу «единоначалия». По его словам, «раньше же весь коллектив (тогдашнего единого. — *Авт.*) Управления решал и режимные и производственные вопросы, причем, решал неплохо» (Там же. Л. 80—81).

в гораздо менее приоритетных секторах экономики, чем лагеря. Таким образом, именно лагеря представляли собой костяк той «лагерной экономики», которая существовала в период сталинизма.

Эти функциональные различия нашли свое отражение в разных принципах управления. Лагеря со своими экономическими объектами, как правило, находились в подчинении центральных ведомств — в начале в составе ГУЛАГа, а затем — самостоятельных производственных главков НКВД—МВД, пока экономические объекты в 1953 г. не были полностью переданы другим министерствам. Колонии же за весь период подчинялись мало специализированным территориальным органам, которыми руководило одно центральное управление в составе ГУЛАГа. В отношении вопросов, касающихся специфических функций мест заключения, принцип управления был практически одинаковым — как лагеря, так и колонии постоянно подчинялись (либо непосредственно, либо через территориальные органы) одному и тому же ведомству — ГУЛАГу.

В развитии системы управления лагерями наблюдались два распространенных в советской бюрократии явления. С одной стороны — тенденция к повторной реструктуризации. С другой — постоянная диверсификация и раздробление административных структур. Целевой вектор руководства НКВД (МВД) по отношению к системе лагерей явно состоял из двух основных компонентов — решение экономических задач посредством использования принудительного труда и реализация принципов советской карательной политики. В рассматриваемый период испытывались разные административные модели, созданные для обеспечения реализации обеих этих целей на практике. В 1930-е гг. ответственность за выполнение обеих задач возлагалась на ГУЛАГ. После периода стремительной экспансии как лагерей и связанных с ними производственных объектов, так и административных структур самого ГУЛАГа, был выбран путь разделения этих задач, по крайней мере, на уровне главков. В начале 1940-х гг. основные экономические функции были сняты с ГУЛАГа и переданы в специально созданные производственные главки. В результате за ГУЛАГом остались (если не учитывать производственную деятельность колоний) преимущественно неэкономические задачи, такие как обеспечение изоляции заключенных, контроль за их физическим состоянием, санитарными и бытовыми условиями во всех лагерях и колониях. Пересечения с функциями производственных главков имелись только в плане осуществления эффективного трудового использования заключенных.

Как показал анализ внутренней документации ГУЛАГа, эти задачи действительно определяли фактическую деятельность этого ведомства в послевоенный период. Однако на уровне лагерей, которые, как правило, управлялись единым начальником, требования ГУЛАГа сталкивались с задачами, которые ставили перед лагерями производственные главки. Хотя есть основания полагать,

что начальники лагерей нередко отдавали приоритет производственным задачам, изложенная проблема требует дальнейшего изучения. Очевидно, что наблюдения, сформулированные в нашей статье на основании документов ГУЛАГа, нуждаются в проверке материалами производственных главков, лагерных управлений, а также самого НКВД—МВД. Только более подробный анализ межведомственных отношений позволит исследовать механизмы реализации ГУЛАГом и производственными главками их интересов, определить иерархию целей в политике НКВД—МВД, а также руководства страны по отношению к системе лагерей и колоний.

ТРУД В ГУЛАГЕ: МЕЖДУ ПРИНУЖДЕНИЕМ И СТИМУЛИРОВАНИЕМ¹

Тема принудительного труда в системе ГУЛАГа в 1930-х — 1950-х гг. немало обсуждалась как публицистами, так и исследователями. Много интересного материала о характере принуждения в лагерях, о специфике труда заключенных в различных отраслях экономики СССР, на различных объектах содержится в многочисленных воспоминаниях бывших узников ГУЛАГа, опубликованных в последнее десятилетие. Естественно, что на первый план в этой волне публикаций (начало которой положил А.И.Солженицын) вышли темы, связанные с тяжелейшими условиями работы заключенных на объектах «архипелага ГУЛАГ», жестким принуждением со стороны лагерной администрации, способами выживания людей в условиях рабского труда.

Открытие секретных ранее архивных фондов карательных ведомств СССР позволяет выявить новые ракурсы не только в изучении роли ГУЛАГа в советской индустриализации, но и в исследованиях организации и форм принудительного труда в лагерях. Архивные материалы позволяют установить «институциональные рамки» изменявшейся на протяжении 30-х — 50-х годов системы регулирования принудительного труда в ГУЛАГе, выявить содержание основных документов, регламентировавших труд заключенных и механизмы его контроля. Существенно, что архивы содержат также немало материалов, позволяющих оценить степень эффективности принудительного труда, как статистических, так и описательных. В данной работе в основном используются архивные материалы Государственного архива РФ (ГАРФ): документы из фонда ГУЛАГа МВД СССР (Ф. 9414) и фонда МВД СССР (Ф. 9401), а также опубликованные документы из этих и других архивных фондов.

В центре нашего внимания — вопрос о возможностях организации производительного труда миллионов заключенных в условиях практически неограниченного принуждения, характерных для ГУЛАГа. В каком направлении эволюционировала в течение трех десятилетий лагерная система «трудового воспитания», могла ли она обойтись без введения стимулов, повышающих производительность труда заключенных? Эти вопросы остаются до сих пор мало исследованными. Они оказались вне поля внимания и авторов известных книг о ГУЛАГе, опубликованных в последние годы

¹ Автор благодарен С. Эртцу за полезное обсуждение данной работы.

в России и за рубежом¹. Применительно к одному из крупнейших объектов экономической деятельности ГУЛАГа — Норильскому никелевому комбинату — эти вопросы рассмотрены в данной книге². В данной главе эволюция системы лагерной организации принудительного труда рассматривается в целом, с привлечением основных документов ОГПУ—НКВД—МВД СССР по данной теме³. Особое внимание при этом уделяется рубежу 40-х — 50-х годов, когда система стимулирования труда заключенных подверглась существенным изменениям.

«На базе существующих законов и существующей практики»

Идея организации принудительного труда заключенных, имеющего в основном экономические цели, была сформулирована уже на первом году советской власти. Так, в 1918 г. Наркоматом юстиции были выработаны два основных принципа тюремной политики: полная самокупаемость мест заключения (доходы от труда заключенных должны были превышать расходы на их содержание) и полное перевоспитание заключенных⁴. 16 октября 1924 г. Постановлением ВЦИК вводился Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в котором эти принципы получили дальнейшее развитие. В частности, ст. 9 кодекса гласила: «Каждое исправительно-трудовое учреждение должно стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя, однако, из виду исправительных целей». Существенно, что уже в эти годы власти осознавали необходимость материального стимулирования работы в местах заключения. В соответствии со ст. 70 кодекса заключенные получали за труд «вознаграждение, нормы и порядок регулирования которого устанавливаются Народным Комиссариатом Внутренних Дел РСФСР, по соглашению с Народным Комиссариатом Труда РСФСР»⁵. Ст. 73 разрешала «в целях наибольшей производительности труда при работах в местах заключения» применять систему урочного и сдельного вознаграждения⁶.

¹ Applebaum A. GULAG: A History. New York: Doubleday, 2003; Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.

² См. главу Л.И. Бородинкина и С. Эртца в данной книге.

³ Следуя сложившейся традиции, мы используем в данной статье термин «ГУЛАГ» расширительно, как символ всей системы исправительно-трудовых лагерей и колоний ОГПУ—НКВД—МВД на протяжении 30-х — 50-х годов, а не только как обозначение одного из главков НКВД—МВД СССР (каким он был с 1941 г., хотя и обладая при этом особыми — управляющими — функциями в сравнении с остальными «производственными» главками). Об этом см. главу С. Эртца в данной книге.

⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 гг. / Сост. Н.В. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2002. С. 6.

⁵ Там же. С. 31, 40.

⁶ Там же. С. 40.

У нас, однако, нет свидетельств широкого применения отмеченных статей кодекса в практике советской пенитенциарной системы 20-х годов. Такие свидетельства появляются после 1929 г. В этом году, 13 мая, вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об использовании труда уголовных арестантов». Подписанное секретарем ЦК И. Сталиным, постановление было весьма коротким:

«Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиго и т.д. Поручить комиссии в составе гг. Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева, Угланова подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики»¹.

Через полтора месяца, в соответствии с другим постановлением Политбюро осужденные на сроки на три года и выше передавались «для отбытия лишения свободы в лагеря, организуемые ОГПУ»². Для приема растущего потока заключенных ОГПУ поручалось «расширить существующие и организовать новые концентрационные лагеря в целях колонизации [отдаленных] районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы»³.

Еще через две недели, 25 апреля 1930 г. ОГПУ издало приказ № 131, в котором обратилось с призывом к чекистским кадрам о записи добровольцев на руководящую работу во вновь организуемые лагеря. В приказе говорилось, что «Постановлением СНК СССР от 11.VII—29 г. ... на ОГПУ возложена задача развития хозяйственной жизни наименее доступных, наиболее трудно осваиваемых и вместе с тем обладающих огромными естественными богатствами окраин нашего Союза, путем использования труда изолируемых социально-опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест»⁴.

7 апреля 1930 г., практически одновременно с созданием Управления исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (с октября 1930 г. — ГУЛАГ) вышло Постановление СНК СССР «Об утверж-

¹ Исторический архив. № 4. 1997. С. 144. Последние слова постановления («на базе существующих законов и существующей практики») характеризуют отношение руководства партии к законодательству (даже «существующему») уже в конце 20-х годов.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 1 65. Л. 67. Цит. по: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 63.

³ Там же. Отметим, что второй пункт данного постановления Политбюро (от 27 июня 1929 г.) гласил: «Именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями».

⁴ Текст приказа ОГПУ №131 приводится в издании: Лубянка: ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник. М., 1997. С. 182—183. Приказ содержит ряд пунктов, в которых перечисляются льготы, предоставляемые «добровольцам из чекистских кадров», записывающимся «на руководящую работу в имеющихся и вновь организуемых лагерях».

дении положения об исправительно-трудовых лагерях»¹. Этим постановлением, закрепляющим лагерь в ведении ОГПУ, открывалась мрачная 30-летняя история регулирования принудительного труда заключенных ГУЛАГа.

Положение 1930 г. об исправительно-трудовых лагерях указывало в качестве их задачи охрану общества от «особо социально-опасных правонарушителей». Однако и в этом документе просматривалось понимание того, что на одном принуждении далеко не уедешь. Так, в ст. 23 говорилось, что к заключенным, которые «проявят усердным отношением к труду и хорошим поведением признаки исправления», применяются следующие меры поощрения: объявление благодарности в приказе по отдельному лагерю или по управлению лагерей, с занесением в личное дело; выдача премиального вознаграждения; улучшение жилищных и бытовых условий (предоставление личного свидания, свободных прогулок, права получения и отправления корреспонденции вне нормы и очереди и т.д.). При этом, однако, ст. 24 оговаривала, что премироваться могут только те заключенные, кто не был осужден за «контрреволюционные преступления». Премирование могло заключаться (ст. 25) в денежном вознаграждении, в выдаче усиленного продовольственного пайка, в представлении заключенного аттестационной комиссией к досрочному освобождению с поселением или без поселения.

Необходимость стимулирования труда заключенных ГУЛАГа нашла отражение и в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г. об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР, касавшегося колоний и тюрем. Глава 6 («Меры поощрения и премирования») содержала ст. 77, которая вводила следующие меры: а) публичное одобрение с занесением в личное дело и с доведением до сведения всех лишенных свободы; б) предоставление свиданий сверх установленной нормы; в) улучшение питания; г) премирование деньгами или вещами. В соответствии со ст. 78, «за особо продуктивную работу» лишенным свободы наблюдательные комиссии могли производить зачет рабочих дней².

Архивы ГУЛАГа содержат свидетельства использования методов материального стимулирования труда заключенных уже в самом начале 30-х годов. Так, приказ по Главному управлению лагерями ОГПУ от 25 сентября 1931 г., подписанный начальником ГУЛАГа Коганом, гласил:

«Учитывая ударность работ по линии Кунгур—Свердловск, проводимой Управлением Кунгурских Лагерьей и необходимость закончить таковые к 15 ноября, приказываю:

- 1) увеличить выплату премиальных ударникам из з/к на 100%
- 2) усилить ассортимент ларьков представляя возможности 100% реализации премиальных

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 54. Л. 52—66.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 82—83.

3) выделить премиальный фонд в размере 10000 р.

4) предоставить по окончании работ 10-дневный отдых всем заключенным, работавшим на ударной работе»¹.

С первых лет существования ГУЛАГа в целях повышения производительности труда заключенных практиковались как привычные стимулы, апробированные в промышленности СССР, так и специфические стимулы лагерной системы. Так, еще в 1932 г. для «особо отличившихся ударников из заключенных — строителей Беломорско-Балтийского Водного пути» был введен специальный Жетон Строителя Белморстроя². Награжденный жетоном, в каком бы лагере он в дальнейшем ни содержался, имел право на целый ряд льгот, облегчавших жизнь «в зоне».

Вполне в духе известных методов стимулирования авральных работ в годы первых пятилеток звучит и приказ начальника ГУЛАГа ОГПУ (Бермана) по Белбалткомбинату ОГПУ от 23 января 1934 г., предоставлявший льготы ударникам сплава Белбалткомбината, чьи усилия позволили избежать аварийной производственной ситуации. В приказе отмечается, что «благодаря напряжению воли и энергии ударников [заключенных], под непосредственным наблюдением и руководством мобилизованного чекистского состава и адмтехперсонала ББК — ... аварийный сплав был в основном закончен». В ознаменование этого достижения, говорится в приказе, объявляется благодарность «всему чекистскому составу, адмтехперсоналу и наиболее отличившимся на этой грандиозной и трудной работе ударникам [заключенным]». При этом руководству ББК предлагается составить список 500 «наилучших ударников, способствовавших завершению сплава», для их поощрения. Отдельный пункт приказа содержал распоряжение о выделении 30000 рублей для премирования отличившихся ударников-заключенных³.

«Добровольно-принудительное оставление»

Однако наиболее осязаемым стимулом для заключенных ГУЛАГа в 30-х годах были зачеты рабочих дней, позволявшие сократить срок заключения при перевыполнении плановых заданий (один рабочий день засчитывался за полтора-два, в зависимости от процента перевыполнения норм)⁴. Можно предположить, что судьба этого стимула оказалась предрешенной после выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР, по-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 Д. 2. Л. 31 об.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 5. Л. 53—54.

⁴ В данной работе мы не рассматриваем систему зачетов сколько-нибудь подробно. Это предмет специального исследования. Скоро выйдет в свет статья С. Эртца, посвященная эволюции системы зачетов в ГУЛАГе в 30-х — 50-х годов. О практическом применении этой системы (на примере Норильлага) см. главу Л.И. Бородкина и С. Эртца в данной книге.

священном вопросе «О досрочном освобождении заключенных» 25 августа 1938 г., в котором был следующий фрагмент:

СТАЛИН И.В. «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? ... Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе — награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. ...Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости — может быть, так сказать? — чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, — добровольно-принудительный заем, так и здесь — добровольно-принудительное оставление»¹.

В этом контексте вряд ли можно считать случайным письмо в секретариат Президиума Верховного Совета СССР, посланное по распоряжению зам. наркома внутренних дел Г.В. Филаретова 22 ноября 1938 г., к которому прилагался проект указа («приказа», как сказано в письме) «О дополнительных льготах для заключенных досрочно освобождаемых за ударную работу на строительстве 2-х путей "Карымская—Хабаровск"»². В соответствии с этим указом 8900 заключенных, отличившихся ударной работой на строительстве 2-х путей «Карымская—Хабаровск», освобождались из лагеря с переводом их на свободное проживание в районе строительства Байкало-Амурской магистрали до конца оставшегося срока наказания. Им выплачивалась зарплата как вольнонаемным рабочим, разрешалось совместное проживание с семьями, изъявившими желание переехать на постоянное жительство в район строительства Байкало-Амурской магистрали (при этом расходы, связанные с переездом, питанием в пути и перевозкой имущества этих семейств относились за счет государства). Сельхозбанк предоставлял переведенным на свободное проживание с семьями кредит на строительство жилых домов сроком на 10 лет, им отводились необходимые земельные участки. Эти семьи освобождались от всех налогов, сборов и государственных поставок сроком на 10 лет, с них снимались все недоимки по сельхозналогу, культсбору, страховым платежам и обязательным поставкам сельхозпродуктов, числившиеся за ними по прежнему месту жительства. Наконец, Сельхозбанк СССР обязан был выдать всем переведенным на свободное проживание с семьями долгосрочный кредит сроком на 5 лет на покупку коров.

Очевидно, целью предоставляемых льгот было закрепление кадров на строительстве приоритетной железной дороги в трудных

¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 1. Л. 5.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 19. Л. 169—172.

условиях, причем кадров, зарекомендовавших себя ударной работой на объекте такого же профиля. Если не освободить таких заключенных досрочно, то они, скорее всего, по отбытии срока потянулись бы в родные края (если, конечно, им разрешили бы).

Существенно изменил структуру стимулирования труда заключенных указ Президиума Верховного Совета СССР № 34 от 15 июня 1939 г., отменявший условно-досрочные освобождения для осужденных, отбывавших наказание в ИТЛ НКВД СССР¹. В качестве основных стимулов для повышения производительности труда в лагерях фиксировались пункты: «улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения»².

Тем же летом, 2 августа 1939 г. приказом по ГУЛАГу № 00889 вводилась в действие «Временная инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР»³. Инструкция, регулировавшая жизнь заключенных ГУЛАГа несколько лет, содержала раздел «Меры взыскания и поощрения» (пункты 104—112 и 113—117 соответственно). Так, в п. 113 говорилось о материальных мерах поощрения, включая выдачу премий. Ряд специальных, дополнительных льгот устанавливался для заключенных, работавших «стахановскими методами труда». Меры взыскания включали и такие жесткие пункты, как перевод на штрафной режим и даже уголовную ответственность за отказ от выхода на работу⁴.

«Серьезный стимул для работы»

Важные изменения в системе стимулирования труда на объектах ГУЛАГа происходили в конце 40-х — начале 50-х годов. Представляет интерес проследить, как в недрах МВД вызревало понимание необходимости перемен в этой сфере.

Уже в первые послевоенные годы как руководство МВД, так и высшее лагерное начальство стали испытывать тревогу в связи с возрастающими трудностями в выполнении плановых производственных заданий. Так, в документе, направленном 31 марта 1947 г. заместителем министра внутренних дел Чернышовым начальнику ГУЛАГа Наседкину⁵, говорится о необходимости включить в раз-

¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 2. Л. 10—12. См. также: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 116.

² Там же.

³ Этот документ опубликован в: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 456—473.

⁴ Подробнее об этом см. в главе Л.И. Бородинки и С. Эртца в данной книге.

⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 334. Л. 22—25.

рабатываемое ГУЛАГом положение о лагерях и колониях новые моменты, касающиеся их денежного содержания. Чернышов констатирует, что «сейчас минимум содержания лимитируется не только тем, что в стране мало товаров и продовольствия, но отчасти и тем, что учреждения, содержащие заключенных, в связи с убытками на производстве и строительстве не могут оплатить необходимое продовольствие, вещевое снабжение или капитальные работы»¹. В этой связи предлагается предусмотреть перевод всех лагерей и колоний на госбюджет. «Это крайне необходимо, — подчеркивает Чернышов, — особенно теперь, когда содержание заключенных стало обходиться очень дорого и во многих случаях убыточно для производства и строительства»². Заключенные, по мнению зам. министра, должны получать часть заработанных ими денег на руки — для улучшения своего бытового положения в местах заключения, послылки родственникам или с целью накопления этих средств до выхода из мест заключения; эта доля может равняться от 15 до 35 процентов от фактически заработанной заключенным суммы. Выплачиваемые процентные отчисления от зарплаты, отмечается в документе, будут «(взамен ныне, мало стимулируемых премиальных дач) являться серьезным стимулом для работы»³. В качестве другого важного направления стимулирования труда заключенных Чернышов отмечает зачеты рабочих дней, к которым следует вернуться. Представляет интерес и тот раздел документа, в котором предлагается ввести прогрессивно-премиальную систему и для администрации лагерей и колоний — чтобы «достигнуть заинтересованность лагерной администрации в повышении производительности труда и обеспечении наиболее целесообразного использования труда заключенных»⁴. Здесь отражается конфликт интересов руководства МВД и администрации лагерей. Последние зачастую не стремились поддерживать рабочую силу лагерей в тех условиях, которые соответствовали бы выполнению заключенными тяжелой физической работы. Архивные материалы фондов ГУЛАГа содержат много документов, свидетельствующих о постоянном стремлении контролировать администрацию лагерей со стороны начальства ГУЛАГа и МВД, требовавших соблюдения в лагерях инструкций по содержанию заключенных. В большинстве лагерей администрация сплошь и рядом нарушала установленные нормы питания заключенных, режим дня, условия их проживания и работы на объектах и т.д.⁵

Сигналы о неблагоприятном состоянии дел со стимулированием труда заключенных поступали и от администрации лагерей, ру-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 334. Л. 22.

² Там же.

³ Там же. Л. 22—23.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ О функциях ГУЛАГа по контролю порядка в лагерях всех производственных главков НКВД/МВД см. главу С. Эртца в данной книге.

ководителей объектов ГУЛАГа. Так, в письме управляющего трестом № 4 Главнефтегазстроя (январь 1948 г.) говорится о том, что производительность труда заключенных снижается ввиду отсутствия необходимых стимулов. В документе отмечается, что в связи с отменой карточной системы контингенты лагерей лишились дополнительных горячих блюд, которые они получали при перевыполнении ими суточных заданий и норм выработки. «Другого стимула им до сих пор не создано и это отражается на их производительности труда»¹. Далее в письме предлагается установить для тех заключенных, кто перевыполняет нормы выработки, прогрессивную шкалу выдачи им денег на руки из зарплаты, причитающейся за выполненные ими работы².

Отсутствие должных стимулов к производительному труду заключенных беспокоило в конце 40-х годов руководителей производственных главков МВД и в связи с падением доли заключенных, занятых на основных работах (т.е. тех, на ком держалось выполнение производственных планов). В распоряжении от 3 февраля 1949 г., подписанном начальниками ГУЛАГа и ГУЛЛП МВД СССР Добрыниным и Тимофеевым³, отмечается, что поступившие от лесных лагерей материалы о физическом состоянии заключенных и выполнении ими норм выработки свидетельствуют о том, что «лагерями крайне широко применяются скидки с норм выработки по физическому профилю контингента» как на основном производстве, так и на вспомогательных работах, что, по мнению начальников главков, не оправдывается «ни наличием физического состояния заключенных, ни производственной необходимостью»⁴. Приведенные в документе данные показывают, что по ряду лагерей доля «полноценной рабочей силы» среди заключенных не превышает 1/3; такое «занижение категорийности физтруда» связывается с отсутствием должного контроля со стороны санотдела⁵. Отмечая, что «в ряде лагерей забыли, что отсталые и заниженные нормы выработки являются тормозом в борьбе за план, рентабельность и высокую производительность труда», не способствуют оздоровлению финансового состояния, Добрынин и Тимофеев обращают внимание на явную недооценку системы сдельной оплаты труда. Нацеливая администрацию лагерей на «улучшение трудиспользования всех лагерных контингентов», документ выражает озабоченность руководства ГУЛАГа физическим состоянием заключенных, качеством их питания. В то же время администрацию лагерей данное распоряжение обязывает «прекратить всякие проявления антигосударственной практики: занижение физической категории заключенных, зачисление в инвалиды, чтобы не возить-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 49.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 93. Д. 93. Л. 49—53.

⁴ Там же. Л. 49.

⁵ Там же.

ся с этими людьми, списать их "за баланс" и иметь хорошие показатели» трудиспользования. Поражает своим цинизмом пассаж в заключительной части документа, где содержится указание всемерно создавать в лагерях такую производственную обстановку, при которой «заключенные поняли бы, что в лагере они обязаны работать и перестали бы рассматривать лагерь как дом отдыха, где можно, пользуясь плохими порядками, увильнуть от работы и жить за счет государства»¹.

Однако в это время руководство МВД искало уже другие пути повышения эффективности принудительного труда заключенных.

Специальный интерес представляет справка по вопросу оплаты труда заключенных, подготовленная Чернышовым в июле 1948 г. В ней дается краткая характеристика дореволюционного опыта содержания арестантов с акцентом на выплаты им вознаграждения за труд. Особо подчеркивается, что до революции их содержание производилось за счет государственного казначейства². В этом контексте зам. министра переходит к характеристике существующего в ГУЛАГе порядка, в соответствии с которым все расходы по содержанию исправительно-трудовых лагерей и колоний покрываются за счет доходов от работы заключенных. До 1946 г., — отмечает Чернышов, — эти расходы покрывались без всякой дотации со стороны госбюджета³. «С 1946 г. в связи с рядом удорожающих факторов: повышение цен на продовольствие, удорожание вещевого снабжения и увеличением других расходов предусматривается некоторая дотация из бюджета только на содержание неработающих активированных инвалидов»⁴. Далее в документе подчеркивается, что заключенные не получают гарантированной оплаты за свой труд, если не считать небольшие премвознаграждения (1,5—2 руб. в день на человека) для тех, кто выполняет и перевыполняет производственные планы; отмена зачетов услугбляет ситуацию. Минимальные расходы на продовольствие и вещевое снабжение заключенных — причина того, что стоимость содержания заключенных в себестоимости продукции занимает меньшее место, чем нормальная стоимость труда вольнонаемных. И далее в справке дается рассчитанная экономистами ГУЛАГа оценка рентабельности принудительного труда заключенных: «Можно указать, что только по одному Дальстрою при переводе на расчеты за работу по нормам, установленным для вольнонаемных ИТР и рабочих, потребовалось

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 93. Л. 52.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 168—169.

³ Это утверждение требует уточнений. Так, например, в соответствии с докладом зам начальника ГУЛАГа, представленного в марте 1940 г., плановый бюджет ГУЛАГа на 1940 г. составлял в доходной части 7375,72 млн руб., а в расходной — 7864,01 млн руб. Запланированное превышение расходов над доходами составляло таким образом 488,29 млн руб.; оно покрывалось ассигнованиями из госбюджета. См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 123—124.

⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 169.

бы дополнительно оплатить лагерю более 300 млн рублей»¹. Выводы, к которым приходит Чернышов, таковы. Производственные объекты МВД находятся в значительно более сложных и худших условиях, чем любое нормальное предприятие и хозяйство; необходимо содержание всех ИТЛ и колоний перевести на госбюджет; в целях поощрения и справедливой оплаты труда заключенных следует установить минимум зарплаты, основанной на резко выраженной прогрессивно-премиальной системе; такую же премиальную систему надо установить для лагерной администрации за выполнение и перевыполнение планов производства и за повышение доходности лагерей и колоний; все сметы, расчеты и калькуляции по производству и строительству в лагерях и колониях исчислять по нормам и расценкам, установленным для вольнонаемных применительно к соответствующим производственным министерствам². В этом документе, составленном одним из высших чинов МВД, содержится, с одной стороны, констатация того, что базовый принцип самоокупаемости ГУЛАГа уже не может выполняться; с другой стороны, в качестве основного направления реформации хозяйственного механизма ГУЛАГа предлагается перевод его в русло механизмов «гражданской» экономики.

Наконец, в ноябре 1948 г. министр внутренних дел Круглов направляет в Совет Министров СССР докладную записку «О мерах по улучшению работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД»³, в преамбуле которой отмечается, что в связи с уменьшением численности спецконтингентов из числа заключенных и военнопленных создалось «исключительно тяжелое положение с обеспечением рабочей силой работ, возложенных на МВД СССР и контрагентских работ других министерств, обслуживаемых спецконтингентами»⁴. Характеризуя «недокомплект» рабочей силы в лагерях, Круглов обращает внимание на то, что отправка в 1948 г. 400 тыс. работающих военнопленных и предполагаемая отправка в 1949 г. остальных 500 тыс. военнопленных еще больше усугубляют положение с рабочей силой. Важным источником покрытия недостатка рабочей силы министр считает введение стимулов к повышению производительности труда заключенных — сокращение срока наказания для хорошо работающих заключенных, создание лучших условий содержания «заключенных, работающих стахановскими методами и рекордистов», введение (взамен не оправдавшей себя системы премвознаграждений) денежной оплаты за труд заключенных, «применительно к существовавшему положению в до-революционных местах заключения»⁵. Эта оплата должна исчисляться на основе расценок для вольнонаемных рабочих и служа-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 169.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 171—172.

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 334. Л. 191—200.

⁴ Там же. Л. 191.

⁵ Там же. Л. 194.

ших, из нее должны вычитаться стоимость содержания заключенного и определенный процент «в доход государству», а оставшаяся часть должна выдаваться на руки. Такой порядок, по мнению министра, должен обеспечить заинтересованность заключенных в большей выработке, повысить их физическое состояние за счет приобретения ими дополнительного питания, что «повлечет увеличение численности трудоспособной рабочей силы» в лагерях. С другой стороны, такой порядок, а также и «общее удорожание стоимости содержания заключенных, связанное с повышением пайковых цен», требуют коренного пересмотра существующего порядка финансирования лагерей и колоний и «перевода их на государственный бюджет, как это имеет место по лагерям для военнопленных». Все же поступления от производимых заключенными работ при новом порядке должны перечисляться в доход союзного бюджета «в покрытие расходов государства по содержанию заключенных»¹. Тем самым предлагается покончить с базовой идеей самоокупаемости ГУЛАГа². Далее министр отмечает, что «крайне тяжело» на финансовое положение лагерей и колоний влияет неправильное использование заключенных на контрагентских работах других министерств: только за первое полугодие 1948 г. МВД СССР получило 111 млн руб. убытков от выделения рабочей силы другим министерствам, которым, в свою очередь, лагерная рабочая сила обходится дороже труда вольнонаемных (в силу значительных расходов на охрану, численность которой увеличивается при производстве работ «в густо населенных пунктах» и в условиях «распыления заключенных мелкими партиями среди вольнонаемных рабочих»)». Приведенные Кругловым аргументы подводят его к выводу о необходимости установить порядок, при котором выделение заключенных другим министерствам производилось бы только в северных и восточных районах страны, где действительно затруднена возможность использования вольнонаемной рабочей силы «за крайне незначительным составом местного населения»⁴. Приложением к этому документу содержит проект соответствующего постановления Совета Министров СССР.

Реакция «верхов» была быстрой, хотя и не охватывала своими решениями всю систему лагерей и колоний МВД. Необходимость введения дифференцированной зарплаты как важнейшего стимула производительного труда отражена в Постановлении Совета Ми-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 334. Л. 195.

² Отметим, однако, что в феврале того же 1948 г. в докладе Сталину о работе ГУЛАГа начальство бодро рапортовало: «Содержание лагерей и колоний окупается производственно-хозяйственной деятельностью МВД СССР. За счет средств из государственного бюджета содержатся лишь полные инвалиды и заключенные в период пребывания их в пересыльных тюрьмах до отправки в лагеря и колонии». См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 326. Л. 8.

³ Там же. Л. 196.

⁴ Там же.

нистов Союза ССР (№ 4293-1703сс) от 20 ноября 1948 г. В соответствии с этим постановлением для заключенных Дальстроя — ввиду приоритетности производственных объектов этого главка МВД — была введена зарплата, за счет которой оплачивалась полная стоимость содержания заключенных и налоги. Помимо Дальстроя, этим постановлением, в порядке опыта, вводилась заработная плата еще в четырех лагерных подразделениях разного профиля (лесозаготовки, металлообработка, гидротехническое и железнодорожное строительство). Аналогичные решения принимались в последующие месяцы для стимулирования работ и на других важных объектах МВД. Так, 11 января 1950 г. Совмин принял постановление (№ 92-22с), в соответствии с которым на заключенных, содержащихся в лагерных подразделениях, обслуживавших работы по строительству Мингечаурской ГЭС, были распространены порядок выплаты зарплаты, установленный ранее для Дальстроя, и зачеты рабочих дней, установленные Постановлением Совмина 18 мая 1949 г. (№ 1978-748). Порядок перевода заключенных, работавших на этом объекте, на систему заработной платы, определялся приказом министра внутренних дел СССР, в котором, в частности, отмечалось: «распространить на заключенных действие прогрессивно-сдельной и премиальной системы, установленной для вольнонаемного состава»¹.

Уже в докладной записке Круглова о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за первое полугодие 1949 г., датированной 3 августа 1949 г. и адресованной Сталину, Берия и Маленкову², констатируется, что «результаты новой системы за первое полугодие 1949 г. показывают большую целесообразность этого мероприятия». Министр отмечает, что как на Дальстрое, так и на ряде других объектов МВД улучшилось хозяйственно-финансовое положение, значительно повысилась производительность труда заключенных, укрепилась трудовая и лагерная дисциплина³. Правда, доказательств этого утверждения документ не содержит.

Эксперимент с введением на ряде крупных объектов МВД новой системы стимулирования труда заключенных был признан успешным, и 13 марта 1950 г. Постановлением Совета Министров Союза ССР (№ 1065-376сс) была введена оплата труда заключенных во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях, за исключением особых лагерей. В соответствии с этим постановлением, всем работающим заключенным заработная плата выплачивалась исходя из пониженных тарифных ставок и должностных окладов, с применением сдельно-прогрессивной и премиальной системы оплаты труда, установленных для рабочих, инженерно-техни-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. Ис. Д. 223о. Л. 11—12.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. I. Ч. I. Д. 326. Л. 18—24.

³ Там же. Л. 23.

ческих работников и служащих в соответствующих отраслях. Из заработной платы заключенных удерживалась стоимость гарантированного питания, выдаваемой одежды и обуви и подоходный налог. Если же заработок работающего заключенного был меньше суммы причитающихся с него удержаний, на руки ему выдавалась сумма не менее 10% фактического заработка. Этим же постановлением на многих объектах МВД вводилась и система зачетов рабочих дней.

В развитие данного постановления Совмина СССР, 29 апреля 1950 г. приказом министра МВД (№ 00273) «в целях улучшения использования труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР, роста производительности труда заключенных, повышения их производственной квалификации и создания большей заинтересованности у работающих заключенных в результате своего труда», вводился новый порядок оплаты труда, и начальникам Главных управлений, Управлений и отделов предписывалось в короткий срок выполнить целый комплекс мероприятий по переводу заключенных на заработную плату. Детализация основных положений этого приказа содержалась в директиве (№ 411) заместителя министра внутренних дел СССР Серова от 20 мая 1950 г.

В соответствии с указанными документами, однако, оплату труда заключенных следовало производить в пределах ассигнований, утвержденных на содержание лагерей и колоний на 1950 г. Неудивительно, что в мае 1950 г. начальник ГУЛАГа Добрынин рассылает руководителям производственных управлений МВД директивное письмо, в котором даются указания, за счет каких средств следует выполнять приказ МВД о выплате зарплаты заключенным¹. Это, например, средства, предусмотренные по финансовому плану 1950 г. на дополнительные продовольственные и хлебные пайки, на выплату премвознаграждения. Интересно, что, заботясь о рентабельности лагерной экономики, начальник ГУЛАГа указывает: «С введением для заключенных системы заработной платы по пониженным тарифным ставкам и должностным окладам, расчеты между лагерем и производством должны производиться по действующим расценкам и ставкам для вольнонаемных, без применения пониженных тарифных ставок и должностных окладов»².

Стимулирование труда на основе дифференциации зарплаты возможно лишь при условии, что работающие знают, каким образом их заработок зависит от объема и качества выполненных работ. В лагерной экономике заключенные могли иметь лишь ограниченную, локальную информацию такого рода. Так, в директивном письме от 8 августа 1950 г., адресованном начальникам лагерей и колоний ГУЛАГа, Добрынин дает разъяснения о принци-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 104. Л. 146—147.

² Там же. Л. 147.

пах секретности, которые должны соблюдаться при переводе заключенных на заработную плату¹. Начальник ГУЛАГа указывает, что условия оплаты труда заключенных (тарифные сетки и ставки, должностные оклады, поощрительные системы), применяемые на работах, выполняемых данным лагерным подразделением, секретными в пределах данного лагеря не являются и должны быть объявлены заключенным. Что же касается принципов построения условий оплаты труда заключенных, расчетов тарифных сеток и ставок заключенных, объявленных в приложениях к приказу МВД № 00273 и директиве МВД № 411, то они являются «безусловно секретными»².

«О более правильном применении системы заработной платы»

В течение 1950 г. лагерная система МВД продолжала расширяться. В этом году было дополнительно организовано 15 исправительно-трудовых лагерей, в том числе для строительства Сталинградской ГЭС, Главного Туркменского канала Аму-Дарья—Красноводск, горно-химического комбината «Апатит». В лагерях и колониях на 1 января 1951 г. содержалось более 2,5 млн заключенных, из них 572 тыс. использовались на контрагентских началах при выполнении работ на объектах целого ряда министерств и ведомств³; организация труда миллионов заключенных становилась все более сложной задачей. Эти проблемы затрагиваются в докладе министра внутренних дел Круглова о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний в 1950 г., направленном в январе 1951 г. Сталину, Берия и Маленкову⁴. В докладе отмечается, в частности, что некоторые министерства и ведомства плохо использовали рабочую силу лагерей, не создавали для заключенных необходимых жилищно-бытовых и режимных условий, что приводило к убыточности «отдельных лагерных подразделений»⁵. В заключительной части документа Круглов снова заверяет высшее руководство, что введение в 1950 г. системы оплаты труда и зачетов рабочих дней значительно повысило производительность труда заключенных, создало большую заинтересованность заключенных в повышении производственной квалификации и результатах своего труда, способствовало «дальнейшему укреплению финансово-хозяйственного положения» лагерей⁶. И снова — отсутствие статис-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.

² Там же.

³ Там же. Ч. I. Д. 326. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 35—44.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 43.

тических материалов, иллюстрирующих эти утверждения, производящих впечатление дежурных фраз.

Можно предположить, что высшее руководство потребовало от МВД предоставить сведения, характеризующие эффект от введения системы оплаты труда заключенных.

6 марта 1951 г. руководство МВД СССР провело совещание по вопросу о результатах выполнения приказа МВД от 29 апреля 1950 г. «О переводе заключенных ИТЛ и колоний МВД на систему заработной платы»¹. По результатам этого совещания было подготовлено директивное письмо министра внутренних дел Круглова начальникам главков, министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД краев и областей, начальникам управлений ИТЛ². В этом документе отмечается, что перевод ИТЛ и колоний «на систему выплаты заработной платы безусловно дал положительные результаты»³, приводятся данные по ряду главков МВД. Так, по Главному управлению лагерей лесной промышленности производительность труда в IV квартале 1950 г. на заготовке древесины возросла (в среднем на один чел./день) до 2,33 куб. м против 2,06 куб. м в IV квартале 1949 г. (рост на 13%)⁴. Документ обращает внимание на увеличение доли заключенных, занятых на основных работах. Это связывается с тем, что после перевода заключенных на зарплату была прекращена практика снижения норм выработки «физически неполноценному контингенту», в результате для всех заключенных были установлены единые нормы выработки по каждому виду работ. В качестве положительных эффектов от введения зарплат Круглов указывает на следующие изменения в организации работы на объектах МВД: заключенные стали сами следить за загрузкой своего рабочего дня, устранять недостатки в организации проведения работ и технологии производства, активнее участвовать в изобретательстве и рационализации производства, ставить вопросы о сокращении численности бригад и звеньев, отказываться от лишних людей, стремясь выполнить работу с меньшим числом работающих; появился интерес заключенных к повышению своей квалификации и к переквалификации на ведущие профессии — с целью повышения своего заработка⁵. Улучшение материального положения основной массы работающих заключенных и широкое развертывание торговли в лагерях и колониях, соответствующее улучшение «физического состояния контингента» — еще один из результатов мероприятий 1950 г., отмеченных в документе. В целом по всем лагерям и колониям МВД численность заключенных, способных выполнять работы «первой категории физтруда» (это работы, требующие тяжелого физического

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 170м. Л. 56.

² Там же. Л. 98—106.

³ Там же. Л. 98.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 99—100.

труда), повысилась за второе полугодие 1950 г. на 0,8%¹. Однако далеко не все данные, представленные Кругловым, соответствуют положительной оценке введения новых стимулов труда заключенных. Это относится прежде всего к такому важному показателю, как процент заключенных, не выполняющих установленные для них нормы выработки. В IV квартале 1950 г. по целому ряду главков МВД (Главпромстрой, ГУШОСДОР, ГУЛЛП и др.) этот показатель превышал 30% (!). Следствием этого являлся и высокий процент заключенных, не окупавших свое содержание и получавших в результате на руки всего 10% заработка — «гарантийный минимум». Так, в IV квартале 1950 г. этот показатель составлял 58% для ГУШОСДОР, 47% для Главпромстроя, 36,7% для ГУЛЛП, 30,8% для ГУЛЖДС и т.д.; при этом для ряда главков МВД этот показатель даже увеличился в IV квартале по сравнению с предыдущим². В качестве одного из «сбоев» введения новой системы стимулирования труда заключенных министр отмечал неправильный порядок, когда гарантийный минимум получали и «отказчики». Первостепенной задачей, обеспечивающей рентабельность лагерей, в документе ставится резкое сокращение численности заключенных, не выполняющих нормы выработки. «Механическая выплата» гарантийных 10% тем заключенным, чей заработок не покрывал сумму обязательных удержаний, директивной отменялась. Для получения гарантийного минимума заключенные должны были теперь выполнять нормы выработки³. Стоит отметить, что в этом же документе Круглов устанавливает новый порядок премирования лагерной администрации, в соответствии с которым не допускается механическое премирование всех или большей части лагерных работников; премировать теперь следовало лишь работников, «особо отличившихся на работе и обеспечивших хорошие показатели по трудовому использованию контингента и доходности лагерных подразделений»⁴. Этот пункт отражает различия групповых интересов в «вертикали МВД», отмеченные выше.

По следам упомянутого совещания в МВД, 16 марта 1951 г. вышел приказ министра Круглова «О более правильном применении системы заработной платы заключенных лагерей Главпромстроя МВД СССР»⁵. В приказе отмечается, что с переводом заключенных на заработную плату руководители строительных и производственных подразделений главка (одного из самых важных среди производственных главков МВД) не обеспечили нормальные условия для высокопроизводительного труда, в результате часть сознательных и добросовестно относящихся к труду заключенных снизила показатели выработки установленных норм. Вместе с тем

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 170м. Л. 99—100.

² Там же. Л. 101—102.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Там же. Л. 105.

⁵ Там же. Л. 107—111.

часть недобросовестных заключенных, «воспользовавшись улучшением питания в связи с введением в лагерях единого гарантированного довольствия», стала уклоняться от выполнения поручаемых заданий и установленных норм выработки. Эти факторы привели к увеличению на стройках Главпромстроя количества заключенных, не выполняющих нормы выработки. В приказе приводятся соответствующие данные по ряду стройуправлений главка (на одном из них количество таких заключенных увеличилось во втором полугодии 1950 г. на 28%), дается указание о снижении соответствующим руководителям лагподразделений установленных премий¹. Фиксируя резко отрицательное отношение к выдаче на руки гарантийных 10% всем работающим заключенным «независимо от их отношения к труду», министр вносит коррективы в решение правительства от 13 марта 1950 г., которое предусматривало выдачу гарантированного питания и 10% фактического заработка всем работающим заключенным, в том числе и тем из них, кто по независящим от них причинам не обеспечил своим заработком покрытие стоимости гарантированного питания и вешдоловствия. В приказе подчеркивается, что это решение правительства не может применяться одинаково — как к хорошо работающим заключенным, так и «к лодырям и бездельникам, отказчикам производства, уклоняющимся от выполнения производственных заданий и дезорганизующим производство»². Специальный пункт приказа вводил (уже с марта 1951 г.) ограничения на выдачу гарантийного минимума в лагерях Главпромстроя. В то же время другой пункт обязывал лагерную администрацию к 1 мая 1951 г. обеспечить коренное улучшение работы торговой сети и общественного питания с тем, чтобы «во всех имеющихся ларьках и магазинах постоянно находился установленный ассортимент продуктов питания, пользующихся спросом у заключенных, в количествах, обеспечивающих покрытие полной потребности»³. Министр установил также предельный срок выплаты зарплаты заключенным — не позднее 10-го числа следующего за расчетным месяца. При этом за невыполнение установленного срока виновные (из лагерной администрации) должны были привлекаться к ответственности, а показатели «по просрочке выплаты зарплаты» вводились в финансовые донесения строительства⁴. В целях «еще большей заинтересованности заключенных в повышении производительности труда», приказ разрешал начальникам строительства и ИТЛ переводить бригады хорошо работающих заключенных, выполняющих производственные задания не ниже 100% и соблюдающих лагерный режим, на выплату им полностью фактического заработка (без вычетов за гарантированное питание), предоставив таким бригадам

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 170м. Л. 108, 111.

² Там же.

³ Там же. Л. 109—110.

⁴ Там же. Л. 110.

полное питание в платных столовых за счет личного заработка¹. Очевидно, руководство МВД было готово предпринимать неординарные меры для повышения эффективности лагерной экономики — как в направлении стимулирования труда заключенных, так и по линии повышения ответственности работников лагерной администрации за невыполнение плановых заданий лагподразделений, повышения их заинтересованности в результатах работы «контингента».

«Увеличилась тяга заключенных на производство»

Архивные фонды ГУЛАГа содержат много материалов, свидетельствующих о большом интересе руководства МВД в 1951 г. к оценке эффективности перевода заключенных на систему зарплат. Большое количество справок, отчетных документов, информационных обзоров были направлены руководству МВД и ГУЛАГа главами и лагподразделениями в порядке отчета о проведении мероприятий по реализации распоряжений МВД (№ 365 от 6 апреля и № 429 от 21 апреля), в которых были отмечены положительные результаты перевода заключенных на заработную плату, недостатки в работе главков, предложены меры для их устранения.

Для проверки выполнения распоряжения МВД СССР от 6 апреля 1951 г. № 365 об улучшении показателей трудового использования заключенных с мест были затребованы подробные отчеты о проведении мероприятий по обеспечению роста производительности труда и улучшению трудового использования заключенных. В ряд республик, областей и краев с этой целью были командированы руководящие работники 3-го управления ГУЛАГа. Проверка была проведена в 13 регионах (в 3 республиках, 10 областях и краях, а также в Карлаге). Из справки, составленной в орготделе ГУЛАГа, следует, что уже в течение двух месяцев II квартала в подразделениях ГУЛАГа, имеющих собственное производство, число невыполняющих нормы выработки снизилось с 34,9% до 27,2%². Выработка на 1 рабочего во II квартале повысилась по сравнению с первым на 14,3%. Среднемесячная зарплата выросла с 259,47 руб. в I квартале до 284,85 руб. во II квартале³. На рис. 1 приводится распределение зарплат, полученной заключенными ГУЛАГа (общим числом около 430 тыс.) в 13 регионах в I и II кварталах 1951 г. Диаграмма показывает, что при резком уменьшении числа заключенных, не выполняющих нормы (с 31,9% до

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 170м. Л. 110.

² Там же. Д. 150. Л. 90.

³ Отметим, что среднемесячная зарплата квалифицированных рабочих в «нелагерной» экономике в начале 1953 г. составляла в угольной промышленности 1465 руб., в цветной металлургии — 1343 руб. швейной и обувной — 651 руб. См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. М.—Тамбов, 2000. С. 65.

20,9%) заметно увеличилась доля получающих относительно высокую зарплату (последние три интервала) — с 7,8% в I квартале до 11,1% — во II. При этом число заключенных, не обеспечивавших своим заработком размеров обязательных удержаний, во II квартале снизилось более чем на 75 тыс. чел.¹ Эти тенденции проявляются и на более протяженных интервалах времени (см., например, рис. 2, отражающий сдвиги в распределении зарплаты заключенных Норильлага в 1951—1953 гг.).

Архивные документы содержат данные о распределении зарплаты и для ряда других объектов ГУЛАГа (рис. 3). Как видно из этой диаграммы, распределения, полученные для этих четырех объектов, заметно различаются (особенно в сравнении с рис. 1, характеризующим в основном уровень зарплаты в колониях, — в среднем более низкий, чем в лагерях). Важнее другое — дифференциация оплаты труда заключенных во всех случаях довольно высокая, что отражает намерения руководства МВД ввести оплату труда как реальный стимул к повышению производительности труда заключенных. Как и в «гражданской» промышленности, на объектах ГУЛАГа в начале 50-х годов уравнилельные принципы в оплате труда отнюдь не были доминирующими. Отметим, что рис. 4, отражающий распределение зарплаты промышленных рабочих СССР в 1930-х гг., свидетельствует о близком уровне дифференциации оплаты труда в «нелагерной» экономике².

Положительная оценка материального стимулирования в ГУЛАГе содержится и в «Кратком обзоре итогов перевода заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР на систему зарплаты за I полугодие 1951 г.»³, направленном плановым отделом МВД СССР заместителю министра внутренних дел СССР Серову:

«Теперь, при новой системе оплаты и преобладании индивидуальной приемки работ, каждый заключенный получает зарплату в прямой зависимости от результатов своего личного труда. Поэтому заключенные, будучи заинтересованными в повышении своего заработка, предъявляют к руководящему составу требования об устранении имеющих место недостатков... Получение заработной платы и возможность приобретения дополнительного питания и вещевого довольствия благоприятно отражается на физическом состоянии контингента. Все указанное привело к повышению производительности труда заключенных и улучшению финансового положения лагерей — основной цели перевода заключенных на систему заработной платы»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 90—91.

² К сожалению, у нас нет надежных данных о распределении зарплаты промышленных рабочих СССР в начале 1950-х гг.

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 137—145.

⁴ Там же. Л. 137—138.

В этом же документе отмечалось заметное повышение доли заключенных, используемых на производственных работах (к общему трудовому фонду). Так, по главку ГУШОСДОР эта доля выросла с 75,9% в I квартале 1951 г. до 84,6% во II¹.

Многоаспектные данные о результатах введения зарплаты содержится справка от 15 марта 1951 г., составленная начальником Воркуто-Печорского ИТЛ и Комбината «Воркутауголь» и адресованная начальнику ГУЛАГа². В ней отмечаются положительные итоги перевода заключенных на зарплату, в частности, значительный рост доли заключенных, используемых на основных производственных работах (с 57,7% в I полугодии 1950 г. до 65,2% во II); рост выработки на одного заключенного — соответственно, с 33,98 руб. в день до 36,43 руб. в день; рост денежного вознаграждения — так, среднемесячный заработок составил на одного работающего из промышленно-производственного персонала 610 руб. (266 руб. после всех вычетов). Остаток денег на лицевых счетах заключенных составил:

на 1 июля 1950 г.	7753 тыс. руб.
на 1 октября 1950 г.	13254 тыс. руб.
на 1 января 1951 г.	18839 тыс. руб.

Товарооборот лагерной торговой сети за два полугодия 1950 г. заметно возрос:

<i>I полугодие</i>		<i>II полугодие</i>	
Промтовары	1495 тыс. руб.	Промтовары	2480 тыс. руб.
Продтовары	2244 тыс. руб.	Продтовары	11481 тыс. руб.

В связи с ростом производительности труда и заработной платы увеличились и размеры переводимых сумм заключенными Воркуто-Печорского ИТЛ своим родственникам:

за I полугодие	280 тыс. руб. (2750 переводов)
за II полугодие	683 тыс. руб. (5012 переводов).

Положительная оценка опыта внедрения денежных стимулов в практику организации работы заключенных привела к ряду неординарных решений. Так, на основании совместного представления МВД и МГБ СССР об улучшении работы особых лагерей МВД Советом Министров СССР 12 ноября 1951 г. было принято постановление «О трудовом использовании заключенных особых лагерей», в соответствии с которым на них полностью распространялось действие постановления Совмина СССР от 13 марта 1950 г. о переводе заключенных на систему заработной платы³. В сентябре 1951 г. начальник ГУЛАГа разослал директивное письмо, в котором лагерным подразделениям предлагалось упорядочить работу

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 140. Возможно, отмеченный рост связан с сезонным фактором.

² Там же. Д. 151. Л. 70—75.

³ Там же. Оп. 1. Д. 170н. Л. 260.

по рассмотрению большого количества заявлений заключенных с просьбой об использовании их на работе по специальности — «в связи с введением для контингентов лагерей и колоний МВД заработной платы»¹. Эти заявления предлагалось рассматривать на местах и принимать меры к их удовлетворению. При отказе решение следовало объявить заключенному под расписку.

Стоит отметить, что наряду с зарплатами, заключенные могли получать и премиальные. Так, 10 сентября 1952 г. начальник ГУЛАГа И.И.Долгих подписал приказ «О премировании комбайнеров, трактористов, бригадиров и механиков из числа заключенных сельскохозяйственных подразделений УИТЛК и сельхозлагерей ГУЛАГа МВД за сохранение в хорошем техническом состоянии тракторов и комбайнов при перевыполнении установленных сезонных норм выработки в 1951 году»². В соответствии с этим приказом более 200 заключенных различных лагерей были премированы суммами от 188 до 560 рублей³.

«Необходимо проводить жестокую борьбу со всякими приписками и намазками»

В какой мере можно доверять приведенным выше оптимистичным оценкам первых итогов внедрения системы зарплаты в качестве основного стимула к производительному труду в ГУЛАГе? Ясно, что не в полной мере. Об этом можно судить, например, из следующего фрагмента цитированного выше «Краткого обзора»:

«Много недостатков имеется в организации труда, нормировании и учете выполненных работ. Имеют место различного рода приписки, записи объемов работ, выполненных одними бригадами другим для начисления им прогрессивки и т.д. ...По-прежнему весьма значительная часть низового нормировочного аппарата замещена заключенными, которые зачастую, находясь под влиянием бандитствующих элементов или под действием угроз, а иногда и по соглашению сознательно допускают приписки и неправильное нормирование нарядов»⁴.

Очевидно, не во всех лагерях и не в полной мере использовались предписанные «сверху» методы стимулирования. Архивные материалы содержат примеры такого рода. Так, в письме заключенного О. Жукова К.Е. Ворошилову о необходимости реорганизации системы лагерей (4 марта 1954 г.) говорится, в частности, что лагерная рабочая сила в итогах труда «заинтересована относительно». «Результатов выработки не ощущается, оплата труда в

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 103. Л. 359.

² Там же. Д. 115. Л. 386—389.

³ В последнем пункте документа указано: «Выплаченные суммы отнести на себестоимость сельхозпродукции по зарплате» (Там же. Л. 389).

⁴ GARF. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 145.

корне отличается от вольнонаемного состава. Прогрессивных, премиальных, сверхурочных нет»¹.

Противоречивая оценка реформ ГУЛАГа начала 50-х годов содержится в докладе Министра внутренних дел Союза СССР Круглова «О мерах коренного улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 июля 1954 года», сделанном на совещании руководящих работников исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР (27 сентября — 1 октября 1954 г.). Министр отметил, что нормирование и оплата труда заключенных в основном строятся по тому же принципу, что и для вольнонаемных рабочих; основной формой поощрения их труда является сдельная оплата. В докладе утверждалось, что все работающие заключенные получают заработную плату по тарифным сеткам и ставкам, действующим в соответствующих отраслях производства; на них распространяются все действующие для вольнонаемных работников положения о премировании².

Средний месячный заработок заключенных ГУЛАГа составил: — в первом полугодии 1954 г. 322,83 руб., в том числе на руки выдавалось (за вычетом всех удержаний) в среднем 145,4 руб. — в 1953 г. — 324, 04 руб. и 129,25 соответственно³.

Отмечая, что в большинстве случаев в качестве нормирующих используются сами заключенные, недостаточно квалифицированные, к тому же без достаточного контроля над ними, Круглов говорит о многочисленных приписках, особенно на строительных работах. При этом приводится удивительный пример «спирально-го» перевыполнения норм выработки заключенными:

«Действующие местные нормы выработки в большинстве своем технически не обоснованы и поэтому легко перевыполняются. Об этом говорят следующие данные: в первом квартале 1952 года на производстве 3 Управления ГУЛАГа нормы выработки выполнялись в среднем на 115%, во втором квартале того же года нормы были повышены в среднем на 17,5%, выполнение же норм в третьем квартале составило в среднем 121%. В первом квартале 1954 года на том же производстве выполнение норм составило 113%, во втором квартале нормы были повышены на 13,8%, однако выполнение норм в третьем квартале составило 116%. В первом квартале 1954 года опять на том же производстве выполнение норм

¹ ГА РФ. Ф. 7523. Д. 253, Л. 84. Интересно, что машинописная копия данного письма, посланного Ворошилову заключенным (бывшим военнослужащим) нелегально и содержавшего драматичную картину лагеря, «нравственно и физически калечащего советских людей», была разослана Г.М. Маленкову, Н.С. Хрущеву, В.М. Молотову, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, М.З. Сабурову, М.Г. Первухину.

² ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 668—669.

³ Там же.

составило в среднем 114%, во втором квартале нормы повышены на 10,8%, а уже в июне выполнение норм составило 116%.

Необходимо как следует разобраться с этим делом, установить правильные нормы выработки и вести борьбу с приписками»¹.

Однако, «разобраться с этим делом» не удалось до последних дней ГУЛАГа — слишком застарелой была болезнь приписок. Об их процветании «в большей или меньшей степени во всех организациях, использующих труд заключенных», пишет в своем письме К.Е. Ворошилову в сентябре 1953 г. бывший заключенный Дальстроя, инженер-строитель А.М. Дородницын. Эта система, отмечает Дородницын, «уже давно породила новые словечки и поговорки, начинающие, к сожалению, завоевывать "права гражданства" в нашем русском языке: *"раскинуть чернуху", "без туфты и аммонала не построят нам канала"* и т.п.»²

* * *

В целом есть все основания полагать, что введение зарплаты как наиболее эффективного рычага денежного стимулирования привело к определенному повышению производительности труда заключенных. Однако и оно не смогло решить проблемы самоокупаемости ГУЛАГа. Так, в справке главной бухгалтерии ГУЛАГа по итогам выполнения производственного плана за I полугодие 1954 г. отмечалось, что план по накоплениям невыполнен на 25,2%, план по доходам от трудоиспользования заключенных выполнен лишь на 91%, а фактические расходы по содержанию лагерей и колоний превысили доходы от предоставления рабочей силы на 448,1 млн руб. или на 50,6 млн руб. более плана³. На покрытие превышения расходов над доходами было получено дотации из госбюджета 270,7 млн руб. (т.е. недополученная дотация составила 177,4 млн руб), что «создало в лагерях и колониях финансовое напряжение» и привело к использованию «личных денег заключенных в сумме 46 млн руб.»⁴. В справке начальника финансового отдела ГУЛАГа подполковника Лисицына приводятся основные параметры финансового плана ГУЛАГа на 1955 г. Характерно, что планируемые расходы по содержанию заключенных (4318,9 млн руб.) еще в большей степени превышают доходы от трудового использования заключенных (3459,9 млн руб.); таким

¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 670.

² Там же. С. 599. Стоит отметить, что по письму А.М. Дородницына была создана комиссия под руководством Л.Л. Дедова, который признал, что большинство предложений, изложенных в данном письме, «правильные». Копии были посланы Г.М. Маленкову, Н.С. Хрущеву, В.М. Молотову, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, М.З. Сабурову, М.Г. Первухину (Там же. С. 607—608).

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 206. Л. 125—126.

⁴ Там же. Л. 125.

образом, превышение расходов над доходами, покрываемое бюджетными ассигнованиями, выражается суммой 859 млн руб.¹ В реальности эта сумма оказалась еще выше.

Следует отметить, что расходы «на управление» составляли около 10% расходов на содержание заключенных (еще 20—25% составляли расходы на охрану). В последние годы существования ГУЛАГа его бюрократическая машина продолжала плодить огромные потоки документации. Так, в справке начальника секретариата ГУЛАГа от 22 ноября 1954 г. отмечается, что за 10 месяцев этого года в ГУЛАГ поступило 329501 документ и еще 259345 документов было отправлено из ГУЛАГа². С учетом же разосланных в периферийные органы приказов и указаний ГУЛАГа, его управлений и отделов общее количество документов, «прошедших в ГУЛАГе за 10 месяцев», превысило 709 тыс. Лишь за 9 месяцев 1954 г. израсходовано 5544 кг писчей бумаги³.

Однако ни сотни тысяч циркуляров, рассылаемых администрацией ГУЛАГа, ни сотни тысяч солдат военизированной охраны, ни даже попытки внедрить рациональные системы мотивации труда в ГУЛАГе не могли изменить того факта, что эффективность и производительность труда заключенных была заметной ниже, чем у вольнонаемных. Так, в 1951 г. на всех объектах МВД доля вольнонаемных рабочих, не выполнявших нормы выработки, достигала 10,9%, в то время как среди заключенных она была равна 27,4% (разница в 2,5 раза). На некоторых объектах эта разница была гораздо более высокой. Так, для главка Шекснагидрострой этот показатель принимал, соответственно, значения 8% и 69,2%⁴. Напротив, среди вольнонаемных было 4,5% тех, кто выполнял нормы на 200 и более процентов; среди заключенных их было вдвое меньше (2,2%)⁵.

Впрочем, сравнение производительности труда заключенных и вольнонаемных работников является отдельной и непростой задачей. Ее решение потребовало бы сопоставимых данных по одним и тем же отраслям, видам работ и условиям труда. Необходимо учитывать также, что принудительный труд заключенных был существенной компонентой той мобилизационной экономики, которая определяла развитие страны в 30-х — начале 50-х годов. Такой экономике необходимы были мобильные трудовые ресурсы, концентрация которых в нужных местах не требовала бы больших затрат и сложных организационных мер. Рабочая сила лагерей использовалась большей частью на крупных стройках, в горнодобывающей отрасли, на лесозаготовках, при сооружении промышленных объектов в отдаленных районах страны, где недостаток трудо-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 206. Л. 123.

² Там же. Л. 150—151.

³ Там же. Л. 151.

⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 326. Л. 178.

⁵ Там же. Л. 179.

вых ресурсов ощущался особенно остро, а вопросы эффективности труда лишь постепенно (после «пика» индустриализации 30-х годов) приобрели первостепенное значение.

Обреченность ГУЛАГа как неэффективной экономической системы в начале 50-х годов была очевидна. После смерти Сталина это стало ясно и руководству страны. Уже 21 марта 1953 г. Л.П. Берия (на тот момент министр МВД СССР) направил письмо в Президиум Совета Министров СССР об изменении строительной программы 1953 г.¹ В письме предлагалось прекратить или полностью ликвидировать строительство ГУЛАГом 22-х крупных объектов (каналы, гидроузлы, порты, верфи, железные и автомобильные дороги, заводы), не вызванных «неотложными нуждами народного хозяйства». Общая сметная стоимость этого капитального строительства оценивалась в 49,2 млрд руб., из которых 3,46 млрд руб. были включены в план капитальных работ 1953 г. Это было началом конца ГУЛАГа, который, однако, просуществовал еще почти 7 лет.

Приложения

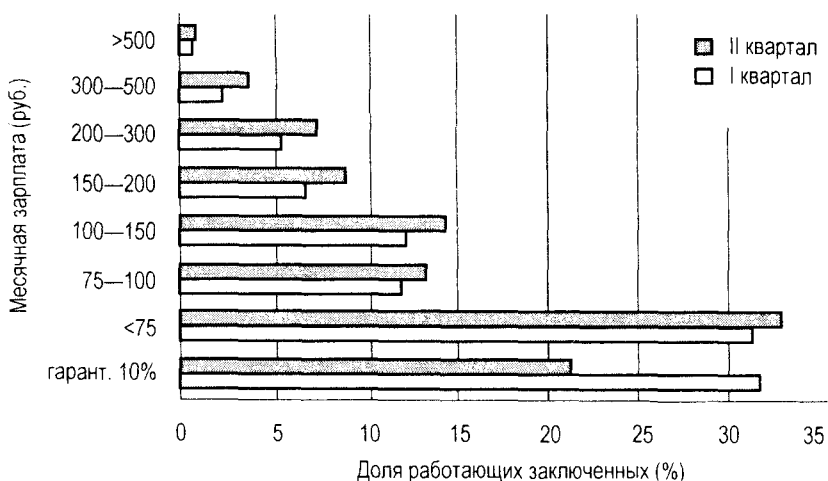

Рисунок 1
Дифференциация зарплаты заключенных
в исправительно-трудовых лагерях
(два квартала 1951 г., 13 регионов)

Источник: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 90–91.

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 14–16.

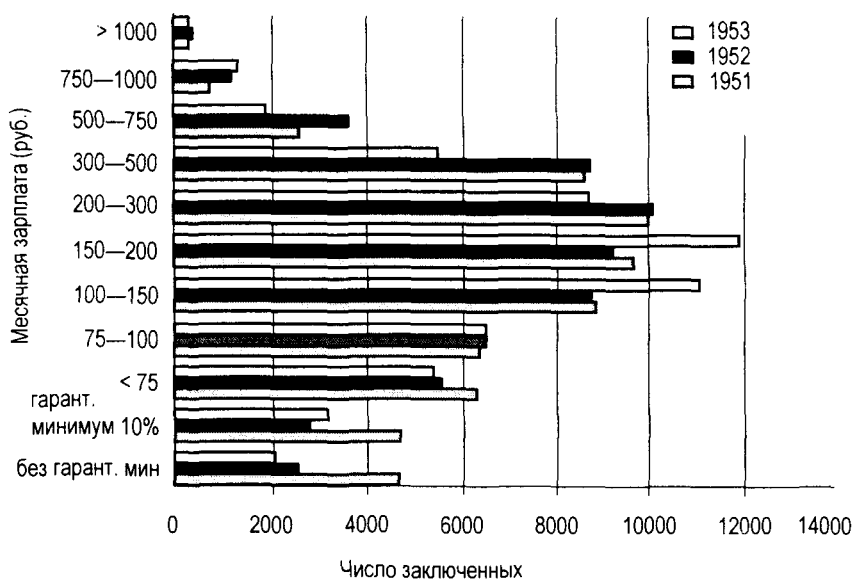

Рисунок 2
Дифференциация среднемесячной зарплаты заключенных Норильлага (1951—1953 гг.)

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 174. Л. 34 об., 51 об.; Д. 642. Л. 80—81.

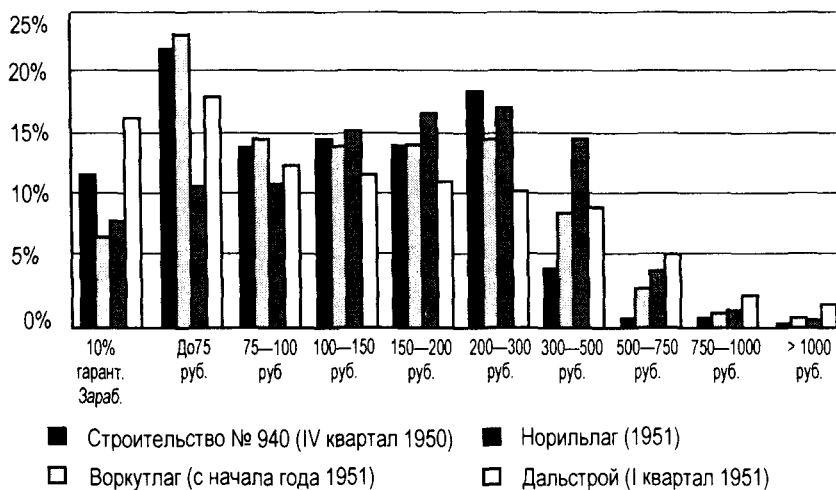

Рисунок 3
Дифференциация среднемесячной зарплаты заключенных на четырех объектах ГУЛАГа, 1951 г.

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 273; Д. 151. Л. 73; Д. 153. Л. 24; Д. 174. Л. 34 об.

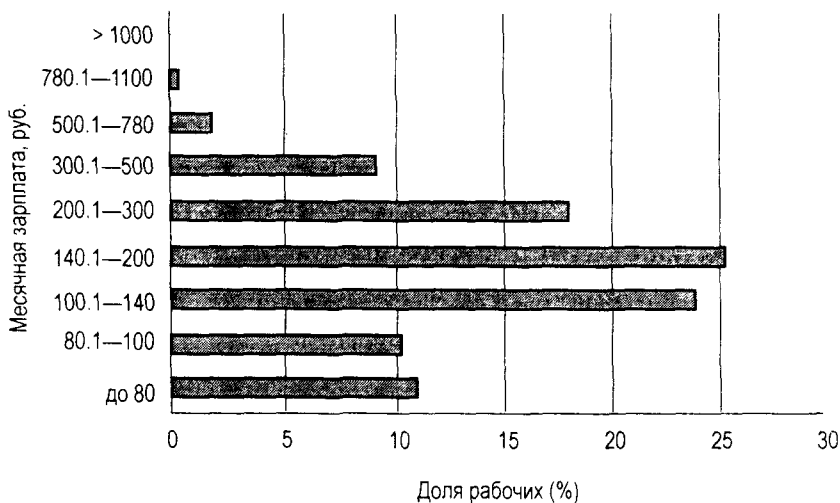

Рисунок 4

Дифференциация зарплаты промышленных рабочих в СССР, 1934 г.

Источник: Bergson A. The Structure of Soviet Wages. A Study in Socialist Economics. Cambridge: Harvard University Press, 1946. P. 228.

Примечание: диаграммы рис. 2, 3 составлены при участии С. Эртца.

Глава V

**КОРРУПЦИЯ В ГУЛАГЕ:
ДИЛЕММЫ ЧИНОВНИКОВ И УЗНИКОВ**

Критерии исследования

В этой статье мы рассматриваем феномен коррупции среди чиновников ГУЛАГа, который определяется как экономическое или должностное преступление с целью самообогащения за государственный счет. Кроме того, наше исследование рассматривает кампании, которые периодически инициировались руководством МВД с целью борьбы с коррупцией, тема, которая лишь мельком упоминалась в ранее опубликованных работах по ГУЛАГу. Данная статья сосредоточена в основном на послевоенном периоде, годах расцвета системы ГУЛАГа. Отрывочные сведения, в основном из многочисленных мемуаров, свидетельствуют, что взяточничество и хищения собственности служащими ГУЛАГа были явлением широко распространенным¹. Бывшие узники вспоминают о том, что их личные вещи, а также лагерную собственность нередко воровали охранники, а затем перепродавали на «черном рынке». Чиновники также требовали взятки за назначение на лучшие рабочие места, за выходные и дополнительное питание. По свидетельствам узников, большая часть их денег уходила на такого рода взятки. В книге «Принудительный труд в Советской России» Д. Даллин и Б. Николаевский также отмечали, что коррупция и взяточничество среди лагерных чиновников были широко распространены². Опираясь в основном на интервью с бывшими узниками, Даллин и Николаевский утверждали, что «взяточничество достигло невиданного размаха». Нет ничего удивительного в том, что материалы архива ГУЛАГа подтверждают факты, о которых в течение многих лет писали авторы мемуаров.

Вместе с тем архивы вносят существенное дополнение в наше понимание коррупции и кампаний по борьбе с ней, как в лагерях, так и в государстве в целом. В СССР статистические данные по преступности являлись государственной тайной. С открытием советских архивов данные (нередко неполные и противоречивые) о

¹ См. новейшее исследование, плодотворно использующее биографическую литературу: Applebaum A. *Gulag. A History*. NY, 2003.

² Dallin D., Nicolaevsky B. *Forced Labor in Soviet Russia*. New Haven, 1947.

преступлениях и борьбе с ними стали, наконец, доступными. Они дают возможность провести более детальный анализ феномена преступности в целом и должностных преступлений, в частности, на завершающем этапе правления Сталина. Архивы ГУЛАГа позволяют начать изучение коррупции и хозяйственных преступлений лагерных чиновников, дают уникальную возможность проникнуть в суть проблем, с которыми сталкивалась лагерная администрация при попытках стимулировать заключенных к даче информации о коррумпированных чиновниках, содержат размышления высших руководителей МВД по поводу сильных и слабых сторон информаторских сетей и качества собранной через них информации.

На основании этих архивов в первой части статьи изучаются типы должностных преступлений в лагерях и их количество. Во второй части исследуются меры по борьбе с коррупцией, которые предпринимало руководство МВД и ГУЛАГа, используя специальных инспекторов, ревизоров и обширную сеть осведомителей. В последнем разделе статьи более детально рассматривается осведомительская сеть в лагерях, проблемы, с которыми сталкивались власти при попытках побудить заключенных давать информацию, и дилеммы, с которыми сталкивались заключенные при принятии решений о сотрудничестве с властями.

1940—1950-е гг. отмечены коррупцией на всех уровнях общественной и экономической жизни Советского Союза. Советские чиновники обогащались и нарушали законы множеством различных способов. Они воровали и перепродавали государственную собственность, присваивали денежные средства, вымогали и давали взятки, торговали льготами, должностями и дефицитными товарами. Они использовали неофициальные связи («блат») или систему покровительства для того, чтобы скрыть преступления или получить ресурсы необходимые для успешного выполнения часто нереальных экономических плановых заданий в условиях дефицита, недостат и сверхцентрализованного контроля. Попадаясь, такие чиновники обвинялись в растратах, взяточничестве, спекуляции, злоупотреблении служебным положением и других должностных и хозяйственных преступлениях. Коррупцию в ГУЛАГе стоит рассматривать как часть более широкого общегосударственного феномена, являвшегося одной из основных черт советской экономической и общественной жизни на протяжении всего периода правления Сталина и после его смерти. Несомненно, коррупция является неотъемлемой чертой многих стран в эпоху государственной экспансии и усиления бюрократии, и ни в коем случае не является признаком исключительно социалистических экономик, подобных экономике Советского Союза. И, тем не менее, природа сталинской экономики, с ее национализированной собственностью и инфраструктурой, строго централизованной системой планирования, хроническими дефицитами и однопартийной моно-

полий на власть, дала бюрократам великое множество возможностей и стимулов к наживе за государственный счет.

В своем исследовании, вышедшем в свет в 1957 г., Йозеф Берлинер отмечал, что вышеупомянутые типы коррупции были частым явлением в среде промышленного руководства¹. Он указывал также, что нередко действия, которые квалифицировались как хозяйственные преступления, на самом деле могли быть отчаянными попытками руководителей выполнить непомерные плановые задания в условиях хаоса, типичного для советской распределительной системы. На основании архивных материалов ГУЛАГа, которые мне довелось изучить, к сожалению, невозможно определить количественное соотношение действий, квалифицированных как хозяйственные преступления, предпринятых с целью выполнения плана и с целью личного обогащения за государственный счет. В фокус нашей статьи мы поместим хозяйственные преступления, позволявшие чиновникам использовать свои должности для обогащения, хотя доклады инспекторов и ревизоров не всегда позволяют вычленить этот феномен, а распространенная практика политических обвинений во многих случаях еще больше запутывает истинное положение дел.

Со времени написания Берлинером его книги ученые уделяли не много внимания вопросу коррупции в послевоенные 1940-е и 1950-е гг. И, тем не менее, мы можем предположить, что некоторые концепции, используемые при изучении лучше освещенных 1930-х гг. и брежневской эпохи, могут быть с пользой применены и к послевоенному периоду². В литературе отмечалось, что централизованная командно—административная экономическая система была особенно благоприятной для распространения взяточничества, хищений и других должностных преступлений. В строго иерархической и жесткой системе у руководителей имелись существенные мотивы для того, чтобы обойти правила, особенно в свете ожидавшего их сурового наказания за неспособность выполнить план. Кроме того, хаос, создаваемый пятилетними планами открывал многочисленные возможности для хищений. При хронической нехватке товаров (которая приобретала крайние формы в ГУЛАГе) неизменно процветали «черные рынки», как в довоен-

¹ Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, 1957. P. 160—230.

² См.: Shearer D. *Industry, State, and Society in Stalin's Russia, 1926—1934*. Ithaca, 1996 и его статью: *Wheeling and Dealing in Soviet Industry: Syndicates, Trade, and Political Economy at the End of the 1920s* // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 36. № 1—2 (1995). См. также статью Е. Беловой о хозяйственных преступлениях и неформальных методах действий промышленного руководства в 1930-е гг., исследование которых проводилось Комитетом партийного контроля, в: *Behind the Façade of Stalin's Command Economy: Evidence from the Soviet State and Party Archives* // P. Gregory, ed. Stanford, 2001; Harris J. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, 1999.

ные, так и в послевоенные годы. Причем, в нелегальные рыночные операции широко вовлекались должностные лица¹. В своей классической работе по советской «теневой экономике» и ее взаимосвязи с «клептократией» брежневской эпохи Г. Гроссман, отмечал, что в 1970-е гг. существовала большая вероятность «тесной органической связи между государственным административным руководством, с одной стороны, и высоко развитой неофициальной экономической деятельностью с другой»². В связи с огромной утечкой ресурсов, происходившей вследствие хозяйственных преступлений, центральная власть была склонна применять суровые меры. Исследования по 1930-м гг., предпринятые историками, и по 1970-м и 1980-м гг. — экономистами и политологами, показали, что кампании по борьбе с коррупцией, скорее всего, проводились партией-государством выборочно и не касались членов элиты, являвшихся частью мощной патронажной сети³. Вялое и несистематическое уголовное преследование вполне могло потворствовать усилению противозаконного поведения. В свете исследований периода 1930-х гг. и брежневской эпохи нет ничего удивительного в том, что хозяйственные преступления должностных лиц (в том числе и среди чиновников ГУЛАГа), получившие широкое распространение в 1945—1953 гг., сопровождались жестокими, но в основном выборочными и поэтому, в конечном счете, неэффективными попытками государства искоренить этот вид преступлений.

Опираясь на имеющиеся исследования, данная статья принимает в качестве гипотез следующие положения. Во-первых, коррупция существовала в заметных масштабах внутри лагерной системы, и что по большей части она принимала такие же формы, которые были присущи советскому обществу и советской экономике в целом. Во-вторых, что проводимые государством мероприятия по борьбе с различными видами коррупции, которые были широко распространены (несмотря на их неравномерное применение), имели место также и в лагерях. Итак, так же как и в других сферах советской жизни, следует ожидать, что коррупция и борьба против нее были обычным явлением в ГУЛАГе. Третья ги-

¹ Исследование «черного рынка» и «теневой экономики» 1930-х гг. см.: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1998. Исследование советского частного сектора в период с 1945 по 1953 г. см.: Hessler J. A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. Vol. 57. № 3 (Autumn 1998). P. 516—542.

² Grossman G. The 'Second Economy' of the USSR // *Problems of Communism*. September—October, 1977. P. 25—40.

³ Belova E. Economic Crime and Punishment // *Behind the Façade of Stalin's Command Economy*; Lampert N. Law and Order in the USSR: The Case of Economic and Official Crime // *Soviet Studies*. Vol. 36. No 3 (July 1984). P. 366—385; Clark W. Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965—1990. Armonk, NY. 1993.

потеза, на которую мы опираемся в этой статье, состоит в том, что кампании против коррупции в лагерях проводились по той же схеме, что и аналогичные кампании в стране в целом. Эти кампании основывались на следующих основных принципах: должностные лица должны были строго придерживаться партийной дисциплины и партийной морали и соблюдать «социалистическую законность», подвергаясь надлежащему воспитанию, которое включало в себя «правильное», «коммунистическое» отношение к труду и дисциплине. Советское руководство считало, что коррупция приводит к разложению морального облика чиновников и общества в целом, а также затрудняет осуществление государством его функций¹.

Разновидности коррупции в ГУЛАГе

Данные о разновидностях коррупции должностных лиц можно обнаружить в документации различных подразделений ГУЛАГа, ответственных за расследование преступлений и проверку отчетности. Эта документация включает отчеты, материалы инспекционных проверок и официальную переписку. Одной из наиболее распространенных разновидностей должностных преступлений были хищения социалистической собственности. Представители лагерной администрации воровали лагерное имущество и перепродавали его на «черном рынке» или же руководили группами, которые занимались этим. Так, начальник конвоя некий ефрейтор Царегородцев переправил несколько тонн угля в ближайший город и продал его на «черном рынке»². В ИТЛ и на строительном объекте № 508 служащими складов было похищено товаров на сумму более 571 тыс. рублей³.

Иногда чиновники подделывали документы для того, чтобы скрыть факт переправки лагерных фондов и товаров на «черный рынок». В этих и других случаях для того, чтобы обеспечить успешное проведение махинации, необходимо было дать взятки целому ряду чиновников в лагерной иерархии. В трудовой колонии № 12 УИТЛК МВД Белорусской ССР несколько бухгалтеров и кассиров были вовлечены в тщательно спланированное мошенничество с подделкой документов. Преступники получили доход в размере 90 тыс. руб., составляя платежные ведомости на фиктивные должности и даже создавая фиктивные рабочие бригады, зарплата которых попадала в руки мошенников. Эти махинации были раскрыты лишь при инспекционной проверке лагеря⁴.

Бухгалтеры и их начальники имели возможность воровать огромные суммы денег посредством относительно простой подделки

¹ Lampert N. Law and Order in the USSR. P. 366—85.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 111. Л. 336.

³ Там же. Д. 662. Л. 127—129.

⁴ Там же. Д. 111. Л. 57—58, 202.

документов. В конце 1940-х гг. главный бухгалтер Иркутского управления Дальстройснаба МВД подавал счета на подпись лагерной администрации, оставляя немного места перед вписанной в счет суммой. Таким образом, подписанный счет на 7 тыс. руб. он легко превращал в счет на 47 тыс., попросту дописав цифру 4 перед цифрой 7000. При помощи этого трюка бухгалтеру удалось присвоить 340 тыс. руб. В 1951 г. он был осужден и приговорен к 25 годам заключения¹.

Архивы содержат также свидетельства о хищениях и перепродаже лагерной администрацией личных вещей заключенных, прежде всего, одежды и продовольствия. Такие случаи были неоднократно описаны в мемуарах бывших заключенных. Часто когда узники попадали в лагерные больницы, больничная администрация отбирала их личные вещи и не возвращала их обратно². Существовал целый ряд схем для хищений собственности заключенных. Бухгалтер из Каргопольского лагеря заработал более 27 тыс. руб., посылая подложные письма родственникам заключенных, в которых просил снимать деньги с личных счетов заключенных и пересылать их в лагерь³. Работники лагерей (в том числе и члены партии) иногда объединялись с заключенными для совершения краж. Начальник подкомандировки лагерного пункта Москалев (кандидат в члены ВКП(б)) и другие служащие при содействии работавших на кухне заключенных совершили хищение сотен килограммов хлеба, муки и других продуктов⁴.

Издержки коррупции

В рамках небольшой главы мы не можем точно ответить на вопрос о том, насколько значительным был ущерб, нанесенный коррупцией экономике ГУЛАГа в целом. И, тем не менее, мы можем утверждать, что московские инспекторы считали убытки, нанесенные должностными злоупотреблениями, значительными и вызывающими тревогу. Эта озабоченность проявлялась в самом тоне обсуждения руководством ГУЛАГа данных, собранных в процессе проверок, а также в том, что ответом на доклады о хищениях были очередные волны кампаний против коррупции в лагерях. Более того, неизбежно напрашивается вывод о том, что огромное количество хозяйственных преступлений, совершенных чиновниками (с полной уверенностью можно сказать — большинство таких преступлений), в том числе растраты и хищение государственной собственности, оставались не выявленными и не отражались в докладах. Неучтенные убытки, несомненно, существенно увеличили бы

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 111. Л. 56.

² См. например, циркуляр, запрещавший подобную практику: Там же. Д. 97. Л. 51—54.

³ Там же. Д. 111. Л. 242.

⁴ Там же. Д. 324. Л. 47 об.

показатели реальных суммарных издержек. По этой причине следует критически относиться к приведенным ниже статистическим данным.

Какова была общая денежная стоимость коррупции в системе ГУЛАГа? Несмотря на неполноту данных, мы можем нарисовать общую картину на основании отдельных документов конца 1940-х и начала 1950-х гг.¹ В 1947 г. Третье управление подготовило для нового руководства ГУЛАГа расчет потерь от хищений в системе ГУЛАГа за первую половину 1947 г.² Отчет был составлен на основании результатов нескольких тысяч ревизий, которые проводились в лагерях в этот период, как раз накануне резкого роста населения лагерей в результате принятия указов Верховного Совета от 4 июня 1947 г., установивших жесткие наказания за хищения государственной и личной собственности. В докладе сообщалось, что среди вольнонаемных работников в хищениях были изобличены 9305 человек (эти цифры, очевидно, не включают растратчиков). Эта группа преступников составила 5,7% вольнонаемного состава, работавшего в лагерной системе (всего — 161864 человек). Общая сумма хищений, отраженных в отчете, составила 8,9 млн руб., в среднем по 959 руб. на каждого. Среди заключенных в хищениях были обвинены за эти полгода 8382 человека, похитивших материальных ценностей на 2,3 млн руб., в среднем на 277 руб. на каждого. Группа расхитителей составляла 0,8% к общему числу заключенных. Стоимость материальных ценностей, похищенных вольнонаемными в 3,5 раза превышала стоимость ценностей, похищенных заключенными. В докладе отмечалось, что с 1946 по 1947 г. доля расхитителей среди вольнонаемных увеличилась с 4,8% до 5,7%, а среди заключенных — с 0,7% до 0,8%.

Еще один доклад оценивал убытки от хищений, растрат и недостач в подразделениях 4-го управления ГУЛАГа (производственное управление, бывшее Управление исправительно-трудовых колоний) за 1947 год в целом в 15,4 млн руб. Если к этой сумме добавить так называемые «промоты» (недостачи выданных заключенным предметов одежды), то нанесенный ущерб в соответствии с официальными данными составлял 20,8 млн руб.³ Отметим, что средняя годовая заработная плата советского рабочего в 1950 г. составляла 7704 руб. Таким образом, полученная сумма равняется средней годовой заработной плате 2705 рабочих.

Как следовало из годового отчета 2-го управления ГУЛАГа, за первые 9 месяцев 1948 г. сумма похищенных материальных цен-

¹ В первом квартале 1949 г. обвинения были предъявлены 2519 служащим, в том числе 90 бухгалтерам и кассирам, из них 517 были вольнонаемными рабочими и 2002 — заключенными. Было возбуждено 1873 дела из них 407 групповых. 4018 человек были сняты с должностей, в том числе 824 вольнонаемных (Там же. Д. 362. Л. 4—5).

² Там же. Д. 338. Л. 228.

³ Там же. Д. 345. Л. 94. Эти данные неполные, поскольку они включают только 76 подразделений, представивших отчеты.

ностей и растроченной наличности по лагерям и колониям ГУЛАГ и по всем другим главам составила 25,4 млн рублей. Эти данные свидетельствовали о том, что по сравнению с предыдущим годом убытки сократились на 3 млн руб. (общая сумма убытков за аналогичный период в 1947 г. составила 28,4 млн руб.). И снова, для того чтобы сделать эту цифру более легкой для восприятия, отметим, что 25,4 млн руб., расхищенных в 1948 г., составили сумму, равную среднему годовому доходу 3297 рабочих.

Аналогичную картину дают и официальные статистические данные за 1952 г. В письме министру внутренних дел С.Н. Круглову, подготовленному в январе 1953 г., начальник 2-го управления ГУЛАГа констатировал: «Несмотря на усиленные репрессии за растраты и хищения, последние по своим размерам продолжают оставаться значительными»¹. В 1951 г. продолжал он, из лагерей и колоний было расхищено и присвоено государственной собственности на сумму в 20,6 млн руб. В справке о результатах «агентурно-оперативной работы по борьбе с хищениями и растратами социалистической собственности за 1952 г.», подписанной заместителем начальника ГУЛАГа П.И. Окуневым, общая сумма хищений и растрат в лагерях, колониях и всех главах оценивалась в 21,4 млн руб. С учетом данных по Дальстрою эта цифра увеличилась до 41 млн руб.²

Кампании по борьбе с коррупцией

На основании интервью с бывшими узниками ГУЛАГа Д. Даллин и Б. Николаевский в своей книге приходят к следующему выводу: «Система взяточничества и подношений стала настолько распространенной, что Москва фактически прекратила борьбу с ней»³. Общее ощущение, присущее как заключенным, так и исследователям, было таким, что, хотя коррупция принимала угрожающие размеры, руководство МВД практически ничего не предпринимало для борьбы с ней. Даллин и Николаевский, так же как бывшие заключенные, у которых они брали интервью, очевидно, не знали о том, что на самом деле кампании по борьбе с коррупцией проводились регулярно. Несомненно, Даллин и Николаевский не имели доступа к архивам, и у них не было возможности

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 507. Л. 12.

² Там же. Д. 508. Л. 290—294.

³ Dallin D., Nicolaevsky B. Forced Labor in Soviet Russia. P. 245. А. Эпплбаум упоминает о том, что архивы содержат отчеты инспекторов о широкомасштабных хищениях, совершавшихся должностными лицами (Applebaum A. Gulag. P. 344—360). Г.М. Иванова также утверждает, что чиновники (особенно члены партии) редко подвергались наказаниям за «злоупотребление служебным положением», в том числе за растраты и хищения. Исключение составляли «особо важные случаи», или если «начальник кому-то не угодил, и его нужно было убрать» (Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства М., 1997. С. 170).

брать интервью у представителей администрации ГУЛАГа. С другой стороны, бывшие узники могли не знать, что заключенные-информаторы доносили не только на зеков, но и на лагерных чиновников.

Советское руководство было обеспокоено широко распространенной коррупцией на всех уровнях общественной жизни и выделяло немалые силы на борьбу с ней. МВД совместно с Прокуратурой выявляли и возбуждали дела по различным видам коррупции. Архивы ГУЛАГа показывают отношение к коррупции среди чиновников МВД, что ранее, до открытия архивов, было скрыто как от самих узников, так и от ученых. О том, что Москву беспокоила коррупция в лагерях, свидетельствовало, например, предупреждение, разосланное руководителям режимно-оперативных отделов управлений лагерей и колоний начальником ГУЛАГа И.И. Долгих в июле 1951 г.: «Предупреждаю, что впредь о работе начальников режимно-оперативных отделов (отделений) ИТЛ, УИТЛК и ОИТК, ГУЛАГ МВД СССР будет судить по результатам борьбы с хищениями социалистической собственности».

Внутри ГУЛАГа ревизионно-инспекторский аппарат 3-го управления (общего снабжения) для выявления коррупции использовал финансовые инструменты. Работники этого управления осуществляли инспектирование, проверки финансовой отчетности. Одним из методов борьбы с коррупцией было увеличение количества внезапных проверок, стратегия, которая считалась эффективной для выявления преступлений¹. Как это было со всеми кампаниями сталинской эпохи, Москва постоянно посылала инструкции, призывающие руководителей лагерей и колоний к усилению борьбы с коррупцией². Например, приказ МВД № 0412 от 14 июля 1947 г. требовал, среди прочего, проведения «большой профилактической работы по очищению торгово-снабженческого и счетно-бухгалтерского аппаратов от лиц, ранее судимых за растрату и хищения, и не внушающих доверия»³. Руководство МВД издало этот приказ сразу после выхода в свет в июне 1947 г. указов Верховного Совета о хищениях.

В период, о котором идет речь в статье, тысячам чиновников ГУЛАГа были предъявлены обвинения в хозяйственных преступлениях, которые попадали под рубрику «коррупция»; тысячи других чиновников были уволены со своих должностей без возбуждений против них уголовных дел. Так, например, согласно отчету за 1948 г., 9444 человек были отстранены от должностей в бухгалтерском ап-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 112. Л. 214. См. также отчет Норильского ИТЛ конца 1953 г., в котором говорилось, что необъявленные инспекции использовались для предотвращения широкомасштабных хищений, растрат и недостач (Там же. Д. 729. Л. 55).

² Инструкции за 1949 г. см.: Там же Д. 363. Л. 194. См. также циркуляр от 6 августа 1952 г. (Там же. Д. 507. Л. 36—37).

³ Там же. Д. 345. Л. 93.

парате и с материально ответственных постов и еще против нескольких тысяч были возбуждены уголовные дела. В отчете говорилось, что одновременно произошло усиление репрессивных мер за хищение социалистической собственности. По неполным данным, на протяжении первых трех кварталов 1948 г. 7946 работникам были предъявлены обвинения, из них 2007 человек были вольнонаемными (среди последних 395 человек были счетно-бухгалтерскими работниками)¹. Конечно, вопрос о том, насколько тщательно Прокуратура проводила расследования и какие приговоры были вынесены по этим делам, остается важной задачей для дальнейших исследований. В 1952 г. режимно-оперативные отделы ИТЛ и ОИТК возбудили 2548 уголовных дел против расхитителей социалистической собственности; из этих дел 665 были групповыми. Всего было осуждено 3293 человека, из них 1343 вольнонаемных. В том же году 18586 «лиц, не внушающих доверия», были уволены из счетно-бухгалтерских аппаратов и аппаратов, связанных с хранением и выдачей товарно-материальных ценностей².

Официальные объяснения хронической коррупции

Официальные лица, в чьи обязанности входила борьба с коррупцией работников лагерей, называли несколько причин столь широкого ее распространения. Главной из них считалось низкое качество «человеческого материала» как следствие слабого контроля за сбившимися с пути чиновниками со стороны их руководства, либо как плохого воспитания или морального разложения самих преступников. Вина за злоупотребления служащих ГУЛАГа обычно возлагалась непосредственно на местное руководство. Как впервые указали Д. Даллин и Б. Николаевский, в лагерях постоянно не хватало квалифицированных администраторов³. Их заработная плата и уровень образования были низкими. Руководство ГУЛАГа жаловалось, что на работу в лагеря направлялись худшие работники МВД, многие в наказание за различные проступки, пьянство, кражи или некомпетентность⁴. На совещании начальников лагерей в апреле 1948 г. заместитель начальника ГУЛАГ В.М. Козырев сетовал на моральное разложение и политическую неграмотность

¹ В итоговом отчете за 1947 г. было отмечено, что профилактические мероприятия (речь идет об информации поступающей от осведомителей) предотвратили хищение материальных ценностей и денежных средств стоимостью в 3,9 млн руб. 1,4 млн руб. были изъяты у расхитителей в ходе арестов и обысков (Там же. Д. 349. Л. 17). В другом источнике указано, что в первой половине 1952 г. 966 заключенных были обвинены в хищении государственной собственности и отданы под суд, аналогичная судьба постигла 562 вольнонаемных рабочих (Там же. Д. 507. Л. 12—13).

² Там же. Д. 662. Л. 125—126.

³ Dallin D., Nicolaevsky B. Forced Labor in Soviet Russia. P. 244—245.

⁴ См. также: Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 140; Applebaum A. Gulag. P. 258—261.

большой части сотрудников лагерной системы. В 1947 г. почти 10% личного состава было «привлечено к дисциплинарной ответственности». «Отдельные руководящие работники вместо борьбы со всякого рода преступлениями сами стали на путь злоупотреблений служебным положением и морально-бытового разложения», — говорил он¹.

Низкое качество руководства в счетно-бухгалтерских отделах и отделах снабжения также нередко назывались в качестве одной из причин непрекращающихся должностных преступлений². Так, например, местные власти обвинялись в плохом контроле за хранением материальных ценностей. Большое количество хищений происходило во время транспортировки и хранения продовольствия и других товаров, особенно во время сбора урожая. В эти наиболее сложные периоды власти призывали к осуществлению особого контроля со стороны руководства и усилению бдительности информаторов³. Администрация ГУЛАГа требовала принятия решительных мер по отношению к тем руководителям, которые «по причине пассивности» не могли защитить социалистическую собственность. «Работа в лагерях — это не кабинетная работа», говорил один из руководителей режимно-оперативной службы⁴.

Чиновники, отвечавшие за сохранность материальных ценностей и денежных средств, должны были проходить предварительную проверку и получать рекомендации. Однако, как показывала, например, инспекция, проведенная на Омскстрое, недостаток квалифицированного персонала вынудил отдел кадров использовать на материально-ответственных должностях работников, не заслуживающих доверия. Еще большее беспокойство вызвал у инспекторов тот факт, что должности бухгалтеров и сотрудников складов нередко занимали заключенные, осужденные за хищение государственной собственности⁵. В свете того, что на 1 января 1953 г. более 778000 заключенных в лагерях и колониях отбывали срок по июньскому 1947 г. указу о хищении государственного и общественного имущества⁶, не было ничего удивительного, что часть этих заключенных, в конечном итоге, оказывались на должностях бухгалтеров. В изданном в апреле 1946 г. приказе по ГУЛАГу обличалась группа расхитителей, действовавшая в Таджикистане: глава отдела снабжения трудовой колонии и его подчиненные, в том числе бухгалтеры и снабженцы, в период с 1943 г. по 1945 г. похитили 2,15 млн руб.⁷ В 1949 г. в Абанской сельскохозяйственной

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 356. Л. 230.

² Там же. Д. 507. Л. 13.

³ Там же. Д. 116. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 506. Л. 210.

⁵ Там же. Д. 507. Л. 37.

⁶ Там же. Д. 507. Л. 69.

⁷ Там же. Д. 79. Л. 42—43.

ИТК в Красноярском крае 15 заключенных, осужденных за хищения и грабеж, занимали различные должности в бухгалтерии и аппарате охраны вещевого довольствия¹. В лагункте № 1 прииска «Маршальский» Индигирского лагеря Дальстроя заключенный Боротников занимал должность бухгалтера, несмотря на то, что уже был осужден к 20 годам за хищение социалистической собственности².

Стоит также отметить, что по весьма очевидным мотивам многие причины хронической коррупции в ГУЛАГе не упоминались в официальных отчетах. Среди этих причин можно назвать хронический дефицит ресурсов, обострившийся сверхцентрализованной сталинской системой планирования; круговую поруку среди членов правящей партии, в том числе тесные связи между местными партийными, хозяйственными руководителями, работниками органов милиции и прокуратуры; чрезмерную зависимость от огромной сети информаторов (о чем мы поговорим далее более подробно), не всегда лояльных властям; вероятность того, что искоренение повседневных махинаций могло разрушить существующие экономические механизмы.

Агентурно-осведомительная сеть

Руководство МВД выделяло организацию эффективной информации о положении в лагерях как один из важнейших факторов, позволяющий искоренить или предотвратить коррупцию. Ввиду отсутствия воспоминаний заключенных-осведомителей, при сборе информации о них мы опирались на архивные материалы. Хотя документы тех подразделений ГУЛАГа, которые непосредственно руководили осведомительской сетью, все еще остаются закрытыми, в различных частях архива ГУЛАГа попадают документы, связанные с этой темой.

Привлечение информаторов к предупреждению преступлений, или, если это не удавалось, к их раскрытию называлось оперативно-профилактической или агентурно-оперативной работой. Такая работа проводилась под руководством 1-го отдела или отделения (известных как режимно-оперативные) 1-го управления ГУЛАГа. 2-й отдел, (или следственный отдел) 1-го управления также занимался борьбой с хищениями социалистической собственности в лагерях и колониях³. В письме заместителя начальника ГУЛАГа Трофимова в 1949 г. говорилось о том, что все подразделения ГУЛАГа должны проводить усиленную борьбу с коррупцией. В своих инструкциях в 1949 г. Трофимов призывал 1-е отделы выделять сотрудников для специальных оперативных заданий. Вероятно, речь шла о вербовке и надзоре над агентами и осведомителя-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 97. Л. 52.

² Там же. Д. 491. Л. 203.

³ Там же. Д. 374. Л. 7—8.

ми¹. Управлениям лагерей, в которых проблема с хищениями и кражами стояла особенно остро, было приказано усилить борьбу с преступной деятельностью путем усиления оперативной работы². Подобные приказы от руководства ГУЛАГа указывают на то, что оно относилось к этой проблеме со всей серьезностью. И, тем не менее, в свете большого количества повторяющихся приказов, требующих усиления борьбы с коррупцией, мы можем усомниться в их эффективности³. Повторяясь все время, они демонстрировали, скорее, отчаяние, чем успех.

В одном из архивных источников упоминалось общее количество осведомителей всех типов на 1 июля 1947 г. Согласно Акту приема от 2 сентября 1947 г., подписанному генерал-лейтенантом Наседкиным, в лагерях и колониях находилось 138990 информаторов (при том, что общее количество заключенных составляло 1,97 млн человек). 60225 заключенных из этой группы должны были доносить о планируемых побегах. В документе не указано, сколько из оставшихся приблизительно 79000 осведомителей должны были предоставлять информацию о должностной коррупции и хозяйственных преступлениях представителей администрации⁴.

Основной организацией, которая занималась борьбой с хозяйственными преступлениями в Советском Союзе, был Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) при МВД. ОБХСС имел своих собственных информаторов в системе лагерей⁵. Данные об общем количестве информаторов ОБХСС в системе лагерей пока не обнаружены. В 1952 г. в одном маленьком лагпункте строгого режима Норильского комплекса, насчитывавшем 523 человек, находилось пять информаторов ОБХСС⁶. В соответствии с результатами инспекции, проводившейся в одном из лагерей Дальстроя, в котором находилось 13604 заключенных, система информирования о хищениях социалистической собственности

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 362. Л. 5.

² Там же. Д. 363. Л. 194.

³ В 1949 г. МВД издавал и другие приказы на эту тему — № 0842—1949 и № 811—1949. О неэффективности приказа № 811 в Саратовской области см.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 373. Л. 132. О плохом выполнении обоих приказов в Сибирском лагере см.: Там же. Д. 115. Л. 276—278. См. также решение совещания руководства МВД СССР № 708—1950 о необходимости охраны социалистической собственности. В одном из писем начальника ГУЛАГа Г.П. Добрынин заявлял о том, что действия, предпринятые во исполнение инструкции 1949 г. оказали положительный эффект на снижение коррупции, правда на данный момент не существует ни одного источника, который мог бы подтвердить или опровергнуть это утверждение (Там же. Д. 363. Л. 194).

⁴ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 318, 320.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 490. Л. 363—364.

⁶ Там же. Д. 462. Л. 97.

ти состояла из пяти резидентов, двух агентов и 108 секретных осведомителей¹.

Однако московские власти считали, что, как заявил в 1952 г. заместитель начальника 1-го управления ГУЛАГа полковник Никулочкин, на практике имел место «ряд грубейших недостатков в агентурно-оперативной работе, которые, к сожалению, остаются до сегодняшнего дня и своевременно не устраняются»². Жалобы на информаторов были повсеместными. В 1951 г. инспекторы Чаун-Чукотского управления Дальстроя выражали свое недовольство тем, что информаторы находились не в тех частях лагерной администрации, в которых была возможность для совершения противозаконной деятельности, таких как склады, кладовые, кухни и столовые. Нередко заключенные числись как осведомители, но находились вне связи со своим руководством, давая совсем немного или не давая вообще никакой ценной информации³. Так же как их коллеги в других подразделениях МВД, лагерные власти выражали недовольство качеством и надежностью имевшихся в их ведении информаторов. Несмотря на то, что наводки предоставляемые информаторами, ценились, поскольку с их помощью удавалось предотвращать многочисленные побегі, осведомителей обвиняли в том, что они редко предотвращали хозяйственные преступления, а также вообще неохотно доносили на чиновников, совершавших преступления.

Руководители групп информаторов также вызывали недовольство московских властей. Весной 1952 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов критиковал плохую работу режимно-оперативных отделов на совещании начальников режимно-оперативных отделов ИТЛ МВД. В своей речи Круглов особый упор делал на то, что режимно-оперативные отделы должны заниматься внутренней дисциплиной и насаждать строгий порядок в лагерях. «Лагерные работники стали какими-то канцеляристами, приходят к себе в кабинет, сидят там, у них там кнопки, секретари, и они думают, что можно управлять лагерем из этого кабинета...» Более того, во многих лагерях руководители режимно-оперативных отделов, по мнению Круглова, были плохо образованны и безынициативны. Среди них было «много пожилых людей, имеющих низкую общеобразовательную подготовку, которые имеют за плечами большой стаж работы, но сейчас они немного устали». Начальники информаторов часто злоупотребляли алкоголем или имели другие моральные недостатки⁴.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 491. Л. 9.

² Там же. Д. 513. Л. 151.

³ Там же. Д. 491. Л. 182—83; Д. 490. Л. 363—376.

⁴ Там же. Д. 506. Л. 208—213. Аналогичные обвинения в адрес работников Дальстроя см.: Там же. Д. 491. Л. 8—9.

Дилемма заключенных-осведомителей

Однако были и другие важные причины, по которым заключенные отказывались предоставлять властям информацию, которая могла бы помочь обличить преступления чиновников. Существуют свидетельства о том, что потенциальные информаторы нередко получали будущую выгоду, если они не доносили на лагерных чиновников, чем, если они делали это. Так, например, осведомитель мог считать, что отрицательные последствия доноса, возможность того, что его могут обнаружить, а затем избить или даже убить другие заключенные, перевешивали поощрения, обещанные за предоставление информации властям. Страх перед разоблачением являлся весьма существенной преградой для доносов. Неаккуратность или некомпетентность начальства могли привести к «несоблюдению основных правил конспирации». Другими словами, имена информаторов по случайности могли стать известны, а результаты такого разоблачения обычно были катастрофическими. Нарушение секретности могло привести к гибели информаторов. Так, например, один из оперативных работников Южно-Кузбасского лагеря каким-то образом потерял список, в котором числились четыре резидента и 37 осведомителей, находившихся под его руководством. Вскоре этот список был найден: он пришел в управление МГБ Кемеровской области с обычной почтой. Вместе со списком в конверте находилась записка следующего содержания: «Гр-н начальник, нашли в лагере "Кундель", ознакомились, больше не уроните. Наши заключенные»¹. Можно себе представить, какая судьба ожидала разоблаченных информаторов. Несомненно, подобные истории циркулировали среди заключенных многих лагерей, и служили сильным сдерживающим фактором для сотрудничества с лагерными властями. Убийства заключенными других заключенных, на которых пало подозрение в доносах, также играли не последнюю роль.

Мы можем многое узнать о роли информаторов в борьбе с коррупцией в лагерях, если исследуем основной поворотный период в истории ГУЛАГа, последовавший после смерти диктатора. После того как лагеря были переданы под юрисдикцию Министерства юстиции, руководство ГУЛАГа призывало начальников лагерей продолжать опираться на осведомительскую сеть, как на основное средство в борьбе с коррупцией. Приказ № 153 от 13 августа 1953 г., подписанный начальником ГУЛАГа генерал-лейтенантом Долгих, был составлен в тех же терминах, которые до этого использовало МВД, призывая усилить агентурно-оперативную работу для раскрытия растрат и хищений материальных ценностей и денежных средств². В приказе отмечалось, что количество случаев хищений государственной собственности увеличилось,

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 513. Л. 155—156.

² Там же. Д. 139. Л. 162—165.

по крайней мере в тех лагерях, по которым имелаась информация, в том числе и Кунеевском лагере, в лагерях Азербайджанской ССР и Воронежской области.

Приказ осуждал низкое качество работы информаторов по предотвращению хищений, а также указывал режимно-оперативным подразделениям многих лагерей, что они «плохо руководят имеющейся агентурно-осведомительной сетью по борьбе с хищениями, не осуществляют регулярной с ней связи, должным образом не инструктируют»¹. Информаторы, как отмечалось в приказе, не уделяют должного внимания фактам о существенных бухгалтерских нарушениях, а также надзору за хранением материальных ценностей и денег. Работники режимно-оперативных подразделений, получая информацию, нередко не проводили расследования или ревизии отчетности, а преступники не подвергались аресту. В других случаях расследования затягивались, что позволяло преступникам «наносить крупный материальный ущерб государству»². В этом пункте приказ подходил к сложной проблеме отношений между лагерной администрацией и ее информаторами. Тысячи осведомителей были выпущены из лагерей, попав под амнистию марта—июня 1953 г., в результате которых было освобождено 1,5 млн из около 2,5 млн заключенных ГУЛАГа³. Режимно-оперативный аппарат оказался не в состоянии восполнить потери среди информаторов посредством вербовки новых агентов. Приказ требовал подчиненных найти новых информаторов.

Таким образом, рассматриваемый приказ свидетельствовал о наличии важного, но прежде не упоминавшегося следствия амнистий 1953 г. Освобождение сотен тысяч заключенных (в том числе и тысяч информаторов) лишило руководство ГУЛАГа одного из важнейших источников информации о должностных преступлениях и злоупотреблениях работников лагерей, затрудняло контроль Москвы над ситуацией в лагерях.

Многие другие факторы также осложняли получение информации. Большинство осведомителей двигали либо страх, либо жажда получения неких благ — денежного вознаграждения, сокращения срока и т.д. В то же время действовали и контрстимулы и сдерживающие факторы, что усложняло работу администрации. В условиях дефицита и недостат информаторы и потенциальные информаторы могли получать блага, отказываясь сотрудничать с администрацией. Информатор мог быть куплен коррумпированными чиновниками или криминальными авторитетами. Лагерные

¹ Приказ Министерства юстиции от 25 июня 1953 г. также отмечал неудовлетворительное состояние агентурно-оперативной работы по борьбе с хищениями (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 139. Л. 162).

² Как утверждалось в приказе, в первом квартале 1953 г. в четырех лагерях 144 расследования длились более месяца, среди них 94 в лагерях Дальстроя, 27 в Нижне-Донском, 15 в Краслаге и в Кизеллаге.

³ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. С. 786—793.

чиновники контролировали не только чрезвычайно большое количество ресурсов, включая продовольствие, одежду и даже посылки для заключенных, но и еще один важный «товар», который они всегда могли продать на «черном рынке»: более легкие условия работы, «товар» от которого нередко зависела жизнь заключенных¹. Часто положение информатора было весьма зыбким; если начальник его недолюбливал, он мог быстро отослать его на более тяжелую работу или посадить в карцер. Со своей стороны, информатор также обладал неким «товаром», а именно информацией, которую он также мог «продать». Например, он мог сдать компрометирующую информацию инспекторам в обмен, скажем, на уменьшение срока. И, наоборот, в обмен на обещание не сообщать информацию о коррумпированных чиновниках можно было получить лучшее рабочее место, продовольствие или другие блага. Иными словами, следователи должны были предоставить стимулы, более привлекательные и сильные, нежели те, которые предлагались коррумпированными чиновниками. Иногда это достигалось запугиванием информатора — ему говорили, что если он не согласится на сотрудничество, его пошлют на наиболее тяжелую, опасную для жизни работу.

В определенной степени такая ситуация давала заключенным некоторые преимущества, поскольку они могли продать информацию (или молчание) за более мягкое к себе отношение или за другие вознаграждения. В ряде случаев системы патронажа, блат и иные виды личных связей создавали некое подобие щита, за который лагерные власти практически не могли проникнуть.

* * *

На основании материалов архива ГУЛАГа в этой статье мы рассмотрели различные формы должностных преступлений в системе лагерей и колоний в период с 1945 по 1953 г. и попытались оценить их издержки. Историки могут исследовать многочисленные элементы этого феномена лишь при помощи архивов. Несмотря на то, что использованные нами материалы, несомненно, являются неполными, мы можем сделать некоторые выводы. Мы показали, что администрация лагерей была обеспокоена тем, что она называла высоким уровнем хищений. С точки зрения руководства МВД, широко распространенные хищения и растраты снижали продуктивность лагерей, мешали ГУЛАГу выполнять планы и являлись сигналами общего падения дисциплины и морали чиновников. Кампании по борьбе с коррупцией в лагерях были более распространены, чем это обычно отмечалось в воспоминаниях за-

¹ См. факты о «нарушениях революционной законности» в 1941 г. в лагерях Ленинградской области, где работники Короткевич и Пискарев брали взятки за направления здоровых людей на более легкую работу, на которую обычно посылали больных заключенных (ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 45. Л. 40—41).

ключенных или в работах историков. Архивы показывают, что осведомители были задействованы не только для предотвращения побегов заключенных, но и для борьбы с преступной деятельностью лагерных чиновников. Материалы этих кампаний являются чрезвычайно полезным источником информации о природе должностных преступлений в системе лагерей. Основными, хотя и не очень эффективными, методами борьбы с широкомасштабной коррупцией были повторяющиеся приказы, ревизии и создание сети информаторов. Кампании по борьбе с коррупцией не имели успеха по нескольким причинам, в том числе и потому, что администрация лагерей чрезмерно полагалась на заключенных для получения информации о преступлениях и злоупотреблениях. Заключенные сталкивались с множеством факторов, удерживавших их от доносов, главный из которых — возможность облегчения условий существования в случае отказа от сотрудничества с властями. Факты указывают на то, что такое состояние зависимости было характерно не только для ГУЛАГа. Органы охраны правопорядка и госбезопасности зависели от рядовых граждан в получении информации. Поощрение осведомительской деятельности в свете множества противоборствующих стимулов было одной из наиболее сложных задач, с которыми приходилось сталкиваться властям, в том числе администрации ГУЛАГа.

ЧАСТЬ 2

ЭКОНОМИКА ГУЛАГА В РЕГИОНАЛЬНЫХ И ОТРАСЛЕВЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Глава VI

ГУЛАГ В КАРЕЛИИ: 1929—1941 гг.

Карелия — один из регионов СССР, в которых использование труда заключенных имело массовый характер¹. В 20-х годах несколько человек, которым удалось сбежать с Соловецких островов, опубликовали живые описания советской пенитенциарной системы². В начале 30-х годов советская власть уже открыто говорила об использовании труда заключенных на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Впоследствии на ГУЛАГ в Карелии опустилась завеса секретности, которая оставалась прочной вплоть до открытия местных и региональных советских архивов в начале 1990-х гг. В Карелии активную роль в этом процессе играл республиканский Институт языка, литературы и истории, в особенности его сотрудник Василий Макуров, под редакцией которого была издана впечатляющая коллекция архивных документов по деятельности ГУЛАГа в Карелии 1930-х гг.³ На основе недавно рассекреченных документов из местных и центральных партийных и государственных архивов мы можем создать новую картину ГУЛАГа — через призму делопроизводства администрации лагерной системы. Большая часть этих документов предназначалась для тех или иных уровней лагерной администрации и содержала немало откровенной информации о ГУЛАГе в Карелии, раскрывая его уникальное и определяющее положение в эволюции всей советской пенитенциарной системы⁴.

«Прозрачный» ГУЛАГ в Карелии: ранняя фаза (до 1933 г.)

Уже с первых лет советской власти в Карелии существовала специфическая форма мест заключения или концентрационных лагерей. Во время Гражданской войны советская власть учредила на Соловецких островах концентрационные лагеря, в которых со-

¹ Здесь и далее автор, говоря о Карелии, имеет в виду Карельскую АССР (существовавшую под таким названием с 1923 по 1940 г., а затем — вплоть до 1956 г. — именовавшуюся Карело-Финской АССР). — *Прим. ред.*

² См.: Malsagoff S.A. *An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North*. London: A.M. Philpott, 1926; Bessonov D.J. *My Twenty-six Prisons and My Escape from Solovetsk*. London: J. Cape, 1928; Zaitsev I.M. *Solovki*. Shanghai: Slovo, 1931.

³ ГУЛАГ в Карелии, 1930—41 / Под ред. В.М. Макурова. Петрозаводск: Карельский научный центр, 1992.

⁴ Joyce C.S. *The Gulag 1930—1960: Karelia in the Soviet System of Forced Labor*. Ph.D. diss., University of Birmingham, 2001.

держались заключенные, считавшиеся наиболее враждебными большевистскому режиму. На протяжении 20-х годов ОГПУ осуществляло контроль над этими лагерями, и с увеличением количества заключенных лагеря с островов распространились и на прибрежные районы Белого моря.

ОГПУ оставалось в стороне во время оживленных политических и теоретических пенитенциарных дебатов, что позволило ему отладить собственную пенитенциарную систему при СЛОНе (Соловецкие лагеря особого назначения), которая поощряла самоокупаемость и избегала отвлечения ресурсов от основных задач обеспечения безопасности. Очевидная низкая стоимость СЛОНа все сильнее привлекала советские власти, которым приходилось иметь дело с переполненной и дорогостоящей пенитенциарной системой. К маю 1929 г., после того как постановление СНК передало всех заключенных, отбывающих срок более трех лет, под юрисдикцию ОГПУ, расширение лагерей стало неизбежным¹.

Эта передача ответственности совпала с существенным увеличением населения лагерей, явившимся прямым следствием коллективизации. Лагеря СЛОНа быстро расширялись, достигнув пика в 1931 г., когда численность заключенных в этих лагерях достигла 71800 человек². Несмотря на кампанию Запада против наводнения европейского рынка дешевыми лесоматериалами, произведенными трудом заключенных, большинство узников было занято в лесной промышленности, в которой не хватало рабочей силы³. Наиболее масштабные работы в лесной промышленности, использовавшие труд заключенных, были приостановлены на время, пока зарубежные почетные гости совершали поездку по регионам. Молотов сделал попытку отразить эту антисоветскую кампанию Запада, утверждая, что труд заключенных использовался только на проектах внутреннего назначения, таких как строительство Беломорско-Балтийского канала (Беломорканала)⁴.

¹ Постановление СНК от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных», см. в: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны — 1930-е годы: Сборник документов / Под ред. М.И. Хлусова. М.: РАН, 1998. Документ № 4. См. также документы № 1—3.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник / Под ред. М.В. Смирнова. М.: Звенья, 1998. С. 395.

³ По вопросам происходившей в то время дискуссии о принудительном труде в СССР, см.: Times (London). May 18—20. 1931; Daily Mail (London). February 2. 1931; Parker L.I. ed. Forced Labor in Russia: Facts and Documents. London: British Russian Gazette and Trade Outlook, 1931.

⁴ В феврале 1931 г. писатель Джордж Бернард Шоу и леди Астор посетили северо-западный регион России для того, чтобы установить истинность заявления Молотова о том, что принудительный труд не используется в лесной промышленности. Во время этих визитов вся деятельность ОГПУ в этой сфере была перенаправлена в отдаленные регионы, а затем, с отбытием высоких гостей, вновь возвращена на свои изначальные места. См.: Dallin D.J. and Nicolaevsky B. Forced Labor in Soviet Russia. London: Hollis&Carter, 1948. P. 226.

Беломорканал

Идея канала, который связал бы Балтийское и Белое моря, впервые прозвучала еще в XVIII в., однако вплоть до советской эпохи в этом направлении не предпринималось никаких практических шагов. Для того, чтобы доказать превосходство советской системы не только над прошлым режимом, но и над очевидно несостоятельными западными капстранами, советское руководство решило построить Беломорканал, который связал бы Великий Северный путь системой внутренних водных путей¹. Такое грандиозное строительство не только улучшило бы экономическую инфраструктуру страны и открыло бы доступ к природным богатствам Карельского региона; использование труда заключенных продемонстрировало бы прогрессивный характер советской политики использования исправительного труда². Изначальная амбициозность этого плана обеспечивала высокий приоритет и известность проекта на протяжении всего периода строительства, даже несмотря на то, что доступ к заключенным и стройкам строго контролировался. Советские власти еще больше усложнили проект, объявив, что строительство получит минимальное финансирование, будет использовать исключительно местные материалы и будет окончено в кратчайшие сроки.

Выполнить эти условия оказалось невозможно — требовались фундаментальные изменения технических характеристик канала. В феврале 1931 г. секретное постановление уменьшило на одну треть глубину северной секции канала, порученной ОГПУ³, превратив по сути канал из важного транспортного пути в запруду, пригодную лишь для мелководных барж и пассажирских судов⁴. Строительство на северном участке канала шло медленно, и темпы ускорились лишь после того как Совет Народных Комиссаров повысил приоритет проекта за счет остальных задач ГУЛАГа. В результате количество

¹ Великий Северный путь был попыткой создать постоянный морской путь вместе с необходимой инфраструктурой по всей длине северной береговой линии Советского Союза. Такой судоходный маршрут должен был способствовать развитию поселений в Сибири и обеспечить альтернативный путь на Дальний Восток, который проходил бы исключительно по советским морям.

² В качестве примера живописания превосходства Советской системы в этом аспекте см.: Комсомольская правда. 5 августа. 1933. С. 1.

³ Секретным постановлением СТО (Совета труда и обороны) № 4 от 3 июня 1930 г. была установлена достаточная глубина канала, позволявшая проходить судам с осадкой в шесть метров. Северная секция канала, которая была поручена ОГПУ, тянулась от Повенца на Онежском озере до Беломорска (Сороки) на Белом море. См.: Килин Е. Карелия в политике Советского государства. 1920—1941. Петрозаводск: Типография Государственного Университета, 1999. С. 127.

⁴ Доклад председателя Реввоенсовета: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 44. После открытия канала обнаружилось, что на некоторых участках реки Свирь глубина достигала лишь двух метров, что делало ее непроходимой для *любого* судна, идущего из балтийских портов!

задействованных на строительстве канала заключенных резко увеличилось, была введена строгая дисциплина военного типа¹.

Несмотря на суровые погодные условия и почти полное отсутствие механизации, работы по проекту были закончены довольно быстро. Открытие канала 30 июня 1933 г. сопровождалось широкой оглаской, утверждая «важную победу СССР на фронте индустриализации и усиления обороноспособности страны»². В действительности малая глубина канала делала его непроходимым для судов Балтики, и крупные корабельные грузы приходилось перегружать на более мелкий транспорт. Сразу по завершению проекта были внесены планы строительства второго пути, по которому могли бы переправляться более крупные суда, но они так и не были реализованы. Даже в конце 1939 г. первый секретарь Карельского обкома констатировал, что специалисты считают, что было бы дешевле, быстрее и полезнее построить второй канал, параллельный первому, на расстоянии около 1 км к востоку, вдоль всего маршрута³. Из-за этих проблем пропагандистская шумиха, связанная с каналом, вскоре утихла, а затем весь регион окутался усиливающейся секретностью — после того как канал и прилегающая к нему территория были переданы ОГПУ для дальнейшего их развития.

Единственным ведомством, извлекавшим пользу из Беломорского проекта, был ГУЛАГ, успешно продемонстрировавший потенциал использования принудительного труда на широкомасштабных строительных проектах. Впрочем, завершение работ по строительству канала стало лишь первым шагом в вовлечении ГУЛАГа в развитие Карелии. В 30-х годах этот регион превратился в испытательный полигон для использования труда заключенных на различных объектах, и опыт, полученный в Карелии, вскоре был перенят по всему ГУЛАГу⁴.

¹ В 1931—1932 гг. количество заключенных, работавших на строительстве, увеличилось с 64 тыс. до 99 тыс., достигнув своего максимума в декабре 1932 г. (108 тыс. человек). См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. С. 162. Заключенные в Карелии содержались в двух системах лагерей: ББЛаге (Беломорско-Балтийском лагере) и СЛОНе (Соловецком лагере). В 1929 г. СЛОН был реорганизован в три лагеря — Вишерлаг, Свирылаг и УСиКМИТЛ (Управление Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей). С началом строительства канала большинство заключенных из УСиКМИТЛ были переведены в новую систему лагерей, ББЛга, а оставшиеся были переданы на попечение СЛАГ (Соловецкий лагерь). Там же. С. 395.

² ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941. Док. № 56, от 27 июля 1933 г.

³ Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 127.

⁴ После завершения строительства канала был введен в действие новый исправительно-трудовой кодекс РСФСР (1 августа 1933 г.), в котором были учтены уроки, извлеченные из Беломорского проекта; в кодексе акцент делался на первичности физического труда как основы советской пенитенциарной системы. Текст этого кодекса см. в: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918—1960 гг. / Под ред. А.И. Кокурина и Н.В. Петрова. М.: Демократия, 2000. Документ № 19; см. также: Joyce. The Gulag 1930—1960.

Беломорско-Балтийский комбинат

Для того чтобы наилучшим образом использовать инженерно-протехническую квалификацию «спецконтингента» ГУЛАГа, ОГПУ было дано задание на строительство канала Москва—Волга. Многие квалифицированные заключенные были переведены из Карелии на этот новый проект, но значительная часть их осталась в ББЛаге (Беломорско-Балтийском лагере), который был поручен созданному по окончании строительства Беломорканала Беломорско-Балтийскому комбинату (ББК). ББК исполнял роль регионального проектировщика, получив эксклюзивное право на эксплуатацию канала и окружающих его природных ресурсов¹, и ни учреждения, ни частные лица без специального разрешения СНК СССР не имели права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность комбината. ББК получал финансирование из центра и был освобожден от налогов вплоть до 1 января 1936 г.; ожидалось, что к этому времени он будет иметь установившуюся инфраструктуру, материально-техническую базу и рентабельные хозяйства². После 1936 г. произошли существенные изменения в хозяйственной деятельности ББК, по мере того как комбинат пытался достичь финансовой автономности, отказываясь от неприбыльной деятельности и от занимавшихся такой деятельностью лагерей. В 1937 г. ББЛag было освобожден от дополнительных расходов по содержанию Соловецких островов как лагеря строгого режима, последний был передан под юрисдикцию Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД³.

В поисках экономической идентификации (1933—1937 гг.)

Щедрая финансовая поддержка, предоставленная ББК на период второй пятилетки, позволила его руководству экспериментировать с различными видами хозяйственной деятельности в попытке отыскать, какие из них были наиболее благоприятными для использования принудительного труда. Опыт, полученный в Карелии, оказывал непосредственное влияние на деятельность ГУЛАГа в различных регионах СССР.

Наличие сельскохозяйственной базы считалось важным фактором, если комплексу необходимо было создать постоянную рабочую силу. Руководство Карелии испытывало особый энтузиазм в

¹ См.: ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 66 (17 августа 1933 г.). Значение ББЛага возрастало, поскольку начальник ББЛага занимал также пост заместителя начальника ГУЛАГа.

² Там же.

³ В 1933 г. на Большом Соловецком острове было организовано специальное ЛО (лагерное отделение) ББЛ для содержания «контингентов по особой инструкции», которое 20.02.1937 было передано 10-му отделу ГУГБ НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения ГУГБ, закрытую 02.11.1939. — *Прим. ред.*

деле учреждения сельскохозяйственных экспериментальных центров, которые занимались исследованием возможностей ведения сельского хозяйства в северных климатических зонах. Комбинат был менее заинтересован в мелкомасштабной местной сельскохозяйственной деятельности, и, несмотря на то, что одной из его основных задач считалась колонизация на основе завоза спецпоселенцев, комплекс предпочитал уделять больше внимания широкомасштабной промышленной деятельности и строительству. В результате, на протяжении 30-х годов сельское хозяйство продолжало играть незначительную роль в жизни ББК и лишь дополняло привозное продовольствие¹.

Отдаленные лагеря ОГПУ должны были создать местную материально-техническую базу и возводить постройки, обеспечивающие их нужды. Лагеря ОГПУ в Карельском регионе имели достаточно опыта для строительства новых лагерей и вспомогательных предприятий, необходимых для поддержки их деятельности. Большая часть подобного строительства была мелкомасштабной, но с завершением канала стало ясно, что заключенные ГУЛАГа были в состоянии выполнить важные проекты капитального строительства. Разнообразие заданий, которые поручались ББК, охватывало весь спектр проектов капитального строительства, выполнявшихся ГУЛАГом в довоенные годы.

Строительство гидроэлектростанции (Туломстрой) на реке Тулома, возле Мурманска, было основной деятельностью комплекса в период второй пятилетки. По своему завершению в 1937 г. Туломстрой стал самой северной электростанцией в мире. Ее мощность была в состоянии обеспечить нужды Мурманска и всего Кольского полуострова, а также Кировской железной дороги. Туломстрой стал полуавтономным предприятием в системе комбината и получил право первоочередности на все поставки и рабочую силу. Несмотря на то, что комбинат потратил значительное количество времени и ресурсов на проект Туломстроя, сам он не получил каких-либо выгод от его завершения. В отличие от Беломорканала, после запуска Туломская электростанция была передана гражданскому ведомству, и все ресурсы, выделенные этому проекту, были переданы другим неотложным проектам НКВД, а не комбинату, как ожидало его руководство².

В периоды руководства карательными органами Ягоды и Ежова большая часть строительства ГУЛАГа была сфокусирована на развитии инфраструктуры, материально-технической базы, которая обеспечила бы выполнение основных плановых хозяйственных заданий лагерной системы региона. Широкомасштабное строитель-

¹ ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 77, 115. Несмотря на обширные водные пространства Карело-Мурманского региона, попытки комбината создать рыбную промышленность были поспешно свернуты после катастрофических результатов 1936 г., когда план был выполнен лишь на 5,6%: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 844. Л. 1, 4, 20.

² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 954. Л. 4.

ство происходило лишь тогда, когда построенное предприятие должно было создавать базовые возможности для дальнейшего освоения региона, как произошло с Норильским никелевым комбинатом, или лесо-бумажно-химическим комплексом, находившимся в карельском городе Сегежа, приписанным к условно независимой организации (Сегежстрой) при ББК¹. В то же время, из опыта с Туломстроем, руководство ББК вынесло урок — не концентрировать свои ресурсы на отдельном объекте за счет остальных видов деятельности, особенно при отсутствии гарантий того, что по завершению проект останется в их юрисдикции.

Сегежстрой с самого начала испытывал трудности, его мучили бесконечные проблемы со снабжением и рабочей силой, вплоть до того, что в конце 1935 г. было обнаружено, что местная администрация не только использовала заготовки планов отличные от тех, которые использовались центральной администрацией ГУЛАГа, но и вообще работала по совершенно иному плану!² По завершении первого этапа Сегежстроя в марте 1939 г., продолжение строительства проходило вялыми темпами, поскольку ресурсы были направлены на другие срочные задания³.

ББК все в большей степени отдалялся от финансовых и организационных проблем Сегежстроя, подчеркивая его административную независимость. В октябре 1939 г. лагерный участок ББЛага, который обслуживал Сегежстрой, стал отдельным лагерем (Сегежлаг) и был приписан теперь уже к действительно автономному строительному проекту⁴.

Несмотря на то, что производство промышленной продукции ББЛагом остается малоизвестным, оно было выгодно для комбината в целом. Эти отрасли промышленности (швейная, кожевенная, деревообрабатывающая, звероводческая) удовлетворяли большую часть внутреннего спроса местного ГУЛАГа, а также обеспечивали работой значительную часть заключенных с ослабленным здоровьем, чье участие в работах на основных объектах не было бы эффективным. Производство указанной продукции было прибыльным, и к 1939 г. оно давало 31 процент совокупного дохода комбината, хотя 80% ресурсов направлялись на те виды деятельности

¹ Указ НКВД № 348, от 10 ноября 1935 г.

² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 764. Л. 3—3 об.

³ Такое отсутствие поддержки со стороны центральных властей ГУЛАГа для дальнейшего развития Сегежстроя было весьма удивительным, поскольку производство целлюлозы являлось особенно важным для производства взрывчатых веществ. В других местах ГУЛАГ обеспечивал производство на целлюлозных заводах (например, в Архангельской области) и создал отдел по целлюлозно-бумажной промышленности для помощи в строительстве и работе таких предприятий. Возможно, близкое соседство Сегежи с финской границей делало какое-либо дальнейшее расширение нерациональным. См.: Указ НКВД № 00366.

⁴ Указ НКВД № 001273, от 21 октября 1939 г.: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 1. Д. 2а. Л. 314.

ББК, которые требовали тяжелого физического труда¹. Несмотря на экономический успех, это производство считалось вспомогательным, и ББК занимался больше приоритетными широкомаштабными проектами, которые считались более подходящими для массового использования труда заключенных.

В отличие от других проектов по созданию крупных экономических объектов, Беломорканал остался под юрисдикцией ГУЛАГа, поскольку он должен был стать основным водным путем и содействовать промышленному развитию центральной части Карелии. Ограниченность глубины канала требовала, чтобы большинство грузов перегружалось на более мелкие баржи, которые строились самим комбинатом. Грузооборот в самом деле увеличился, но к концу 30-х годов стало очевидно, что большинство грузов отправлялись из районов центральной Карелии или были предназначены для этих районов, и что канал попросту использовался как ведомственный транспортный маршрут комбината². В конечном итоге все стороны, в том числе и ББК, согласились с тем, что контроль комбината над каналом не был выгодным ни для кого, и в апреле 1939 г. канал был передан Народному Комиссариату водного транспорта³. Возможно, этот опыт убедил как руководство ГУЛАГа, так и правительство в том, что труд заключенных больше подходил для капитального строительства и производства сырья, и в результате ГУЛАГу больше никогда не поручали управление важными транспортными путями.

В годы первой пятилетки лесозаготовительная деятельность ГУЛАГа была нескоординированной и была связана либо с контрактной работой для местных лесозаготовительных организаций, либо с подготовительной работой для дальнейшего развития будущих регионов хозяйствования НКВД. К концу второй пятилетки лесозаготовительная деятельность усиливалась по мере того как становилось очевидно, что она в наибольшей мере соответствовала растущему фонду неквалифицированной рабочей силы ГУЛАГа. ББК и ББЛг находились в центре деятельности по развитию лесозаготовительной деятельности ГУЛАГа и господствовали в этой сфере принудительного труда вплоть до конца 30-х годов. Большая часть лесозаготовительных работ проводилась за счет Карельских лесозаготовительных организаций, у которых не было бесконечных запасов рабочей силы и политической поддержки. К 1937 г. комбинат производил 35% древесины и 12% пиломатериалов в Карелии, что являлось существенным достижением для столь молодой организации⁴.

¹ Joyce. The Gulag 1930—1960. P. 102—103.

² Ibid. P. 117—118.

³ Постановление СНК СССР № 321 от 21 марта 1939 г.; Указ НКВД № 079 от 5 апреля 1939 г.

⁴ Макуров В.Г. Беломорско-Балтийский комбинат в Карелии, 1933—1941 гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 158.

Местный конфликт

Рост масштабов ГУЛАГа в Карелии привел к усилению конфликта с местными властями. На протяжении 20-х годов деятельность ОГПУ приветствовалась местными властями, поскольку заключенные были заняты в негусто населенных регионах, где не хватало постоянной рабочей силы. Тем не менее, отношения между ГУЛАГом и властями Карелии начали портиться уже во время строительства Беломорского канала. Карельское руководство ценило влияние, которое канал должен был оказать на этот регион, но несмотря на их постоянные предложения помощи и просьбы предоставить информацию, ОГПУ в основном игнорировало их¹. Связи между местными властями и ГУЛАГом практически не существовало, а надменное поведение ОГПУ—НКВД по отношению к карельскому руководству оставалось таким на протяжении всего периода 30-х годов. Когда ББК получил контроль над обширными районами центральной части Карелии, местное руководство в одно мгновение утратило контроль над ресурсами и промышленностью этого региона и столкнулось с постоянной необходимостью противостоять дальнейшему расширению деятельности ГУЛАГа. Решения по вопросам колонизации территорий, обороны, транспорта, инфраструктуры, местной гидрологии и т.д. все больше принимались засекреченным ОГПУ—НКВД, чья «цепь инстанций» вела непосредственно в Москву, минуя местные власти. Согласование действий между ББК и местной властью было минимальным, что создавало путаницу в планах развития. В начале второй пятилетки развитие Карельской АССР регламентировалось четырьмя различными вариантами планов, которые формировались карельским республиканским органом планирования, Госпланом СССР, Ленинградской областью и ББК, но все эти планы были слабо согласованными. Правительство Карелии (имевшей статус автономной республики) не имело ни контроля над инвестиционными решениями, касавшимися развития ее собственных территорий, ни даже информации об этих решениях. В частности, районы деятельности ББК были выведены из-под юрисдикции Карельского правительства; республика утратила контроль над самим «ядром» территориального единства².

¹ Даже те крупные карельские руководители, которые входили в состав контрольных органов, в основном имели ограниченные возможности. Так, председатель специального комитета, надзиравшего за строительством Беломорканала, не имел ни малейшего представления о том, что председатель СНК Карелии (Е. Гюлинг) также являлся членом этого комитета. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1805. Л. 84.

² Карелия в политике Советского государства. 1920—1941. С. 136. В некоторых случаях карельские власти все же умудрялись обойти ГУЛАГ; наиболее примечательным примером было строительство двух железнодорожных линий (Дорстрой 1 и 2), когда ББК постоянно пытался узнать детали плана у Карельского народного комиссариата лесной промышленности, которые так и не были им предоставлены. Подробности по этому вопросу см. в: Joyce. The Gulag 1930—1960. P. 100—101.

Экономическая специализация (1937—1941 гг.)

ББК—ББЛag оставался наиболее могущественной лагерно-производственной системой в Карелии на протяжении 30-х годов, но в период третьей пятилетки ее доминирование было поставлено под угрозу как внутренними, так и внешними событиями. С появлением Туломстроя и Сегежстроя комбинат поощрял создание независимой системы лагерей для завершения новых крупных строительных заданий. Эта тенденция усиливалась на протяжении 1939 и 1940 гг., когда в распоряжение ГУЛАГа было передано несколько особо важных проектов, что привело к созданию новых лагерей для выполнения каждого из этих заданий — уже без привлечения ББК¹. Эти усовершенствования приветствовались ББК—ББЛagом под руководством М.М. Тимофеева, который хотел сосредоточиться в основном на лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности². Шаги в сторону экономической специализации, сделанные ББК—ББЛagом, вскоре нашли отражение по всей лагерной системе НКВД, в структуре которого с 1940 г. стали появляться хозяйственные управления, отвечавшие за развитие тех или иных отраслей промышленности. ББЛag стал важнейшим лагерем ГУЛАГа в лесной промышленности (соответствующий главк НКВД получил аббревиатуру ГУЛЛП).

Назначение Тимофеева ознаменовало существенные изменения в работе ББК и ББЛagа и стало предвестником дальнейших преобразований ГУЛАГа под руководством Л. Берии. К 1937 г., когда комбинат лишь начал открывать, какие именно виды хозяйственной деятельности были наиболее выгодными для него, НКВД начал яростную чистку, лишившую ГУЛАГ его руководства. Даже ГУЛАГ оказался беззащитным против «большого террора», и в 1938 г. несколько высших руководящих работников ББК были арестованы за связи с «врагами народа», — обвинение, которое, несомненно, было сложно опровергнуть, когда речь шла об организации, занимавшейся «контрреволюционерами»!³ Заключенные также не миновали нового этапа расследований и наказаний, и в 1937—1939 гг. сотни заключенных ББЛagа и Соловецких островов были подвергнуты массовым расстрелам⁴. Дезорганизация и недо-

¹ Среди других созданных лагерей были Сегежлаг, Кандалакшлаг, Маткожлаг, Кексгольмлаг, Мончегорлаг.

² М.М. Тимофеев был начальником как ББК, так и ББЛagа с 28 августа 1937 г. по 1 марта 1941 г.

³ ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 122.

⁴ С 27 октября по 4 ноября 1937 г. 1111 заключенных были расстреляны в Сандормохе, отдаленном, лесистом районе в шести километрах к западу от Провенца (место первого шлюза Беломорского канала из Онежского озера) и в двенадцати километрах к западу от Медвежьегорска (месторасположения главного управления ББК и ББЛagа). Чухин И.И. Карелия-37: Идеология и практика террора. Петрозаводск: ПГУ, 1999. С. 124—125.

верие, созданные этими событиями, пошли на спад с появлением в ББК и ББЛаге Тимофеева, который был полон решимости превратить комбинат в прибыльную лесозаготовительную организацию¹. Система ГУЛАГа практически не уделяла внимания созданию стабильной рабочей силы. Под руководством Тимофеева были сделаны попытки стабилизировать рабочую силу лагерей, предотвратив сезонное перемещение заключенных. Были организованы такие производства, которые позволяли использовать рабочих на разработке месторождений на протяжении всего года, и для каждого производственного участка было установлено соответствующее количество рабочих². Ограничив количество рабочих, которые могли быть свободно переведены на другие работы, Тимофеев ввел подготовительные курсы для улучшения эффективности и производительности труда, поскольку более не существовало опасности того, что квалифицированные рабочие будут переведены в другую систему лагерей. Он также ввел более жесткий централизованный контроль над лагерными подразделениями, — для смягчения разногласий между подразделениями ББЛага³. Несмотря на то, что его действия улучшили производительность труда, Тимофееву не удалось полностью сместить акценты с выполнения исключительно краткосрочных задач, поскольку большинство местных руководителей прекрасно осознавали вероятность потенциально летальных взаимных обвинений, которые могли возникнуть в случае провала.

¹ По иронии судьбы, Тимофеев, который сыграл важную роль в создании рентабельного комбината, использовал экономические аргументы в своей кампании, направленной против Плинера (начальник ГУЛАГа с 1937 по 1938 г.) и Ягоды (нарком НКВД, 1934—1936 гг.), в которой он обвинял их в том, что они использовали ГУЛАГ как хозяйственную организацию, а не как пенитенциарное учреждение (ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 130).

² Так например, лесозаготовительный сектор администрации ББК был трансформирован в Управление лесной промышленности, получившее фиксированное количество заключенных, которые не могли быть переведены на работы, не связанные с лесозаготовкой, без разрешения управления: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 2. Д. 5. Л. 12 (23 марта 1939 г.).

³ В попытке улучшить потоки информации внутри ББК, комбинат установил свою собственную систему связи, независимую от каких-либо карельских инстанций. Эта сеть охватила все лагерные отделения, узкоколейные железные и грунтовые дороги в районе действий ББК (ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 36. Св. 3. Д. 30. Л. 91). Тимофееву однако не удалось достичь абсолютного успеха в искоренении недобросовестной практики в ББЛаге. В постановлении ББК № 06200 от 28 декабря 1940 г. он с досадой отмечал, что несмотря на шесть указов, изданных руководством комбината за последние 18 месяцев, некоторые начальники лагерных подразделений все еще переводили заключенных внутри системы, не уведомляя центральные власти ББЛага. Такие действия приводили к неточностям в расчетах администрации, к отсутствию точной информации о реальном количестве и местонахождении заключенных в системе (ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 36. Св. 3. Д. 13. 1940 г.).

Зимняя война

К концу 30-х годов международная ситуация осложнилась, и Советское правительство все сильнее беспокоил тот факт, что Карелия имела протяженную границу с Финляндией. В 1939 г. советский генштаб доложил о том, что в Финляндии имеется 60 авиабаз и взлетных полос, в то время как на территории от Ладожского озера до Баренцева моря Красная Армия не имела ни единого аэродрома¹. Единственной организацией в регионе, располагавшей существенными трудовыми и материальными ресурсами, был ББК—ББЛag, которому вскоре было поручено строительство многочисленных оборонительных сооружений². После того, как стало очевидно, что советские власти недооценили военную мощь Финляндии, заключенные ББЛага были направлены на строительство оборонительных сооружений по всей территории Карелии и Мурманской области, а производство лесоматериалов и промышленное производство были реорганизованы таким образом, чтобы они могли обеспечить нужды этих новых строительных проектов³. ББЛag получил приказ перенаправить всех заключенных, осужденных как «контрреволюционеров» (около тридцати тысяч человек) подальше от Беломорского канала, Кировской железной дороги и других стратегических объектов, даже несмотря на то, что эти места находились в самом ядре хозяйственной деятельности ББК⁴. Даже лагерям, расположенным далеко в лесах, приходилось сокращать рубку в соответствии с порядком затемнения, хотя в ряде лагерей этот приказ игнорировался, а некоторым даже были предъявлены обвинения в использовании ламп с мощностью, превышающей норму(!)⁵.

Даже по прекращении военных действий против Финляндии во время короткой передышки между Зимней и Великой Отечественной войнами, большинство заключенных, посланных на завершение оборонных сооружений, не возвратились обратно, а были переведены на новые проекты, возникшие в результате ассимиляции финских территорий, которые отошли Советскому Союзу по Московскому соглашению. Быстрое продвижение немецких и

¹ Карелия в политике Советского государства, 1920—1941. С. 121.

² Даже в ноябре 1939 г. (т.е. в месяц начала Зимней войны) в этом регионе все еще не существовало каких-либо средств ПВО.

³ ББЛag направил 4 тыс. заключенных на проект № 100 — строительство железной дороги Петрозаводск—Суоярви и 16 тыс. заключенных на проект № 105 — строительство железнодорожной линии вокруг Кандалакши: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 36. Св. 3. Д. 24. Л. 2—4.

⁴ Соответствующий указ был издан 26 ноября 1939 г., и в нем указывалось, что все переводы должны были быть завершены в течении трех дней, т.е. до начала военных действий. Этот указ служит еще одним доказательством того, что объявление Советским Союзом войны против Финляндии было обдумано заранее: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 36. Св. 3. Д. 30. Л. 91—92.

⁵ ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 3. Д. 14. Л. 59.

финских войск в 1941 г. вынудило провести экстренную эвакуацию лагеря и комбината, хотя некоторые заключенные все же остались на местах для завершения экстренных работ¹.

Безопасность, порядок и здоровье

Отдаленность Соловецких островов соответствовала задачам изоляции заключенных, враждебных большевистскому режиму. Расширение деятельности ГУЛАГа на внутренние районы Карелии в 30-е годы и усиливающаяся интеграция принудительного труда в экономику страны означали, что реализация прежних методов обеспечения безопасности стала более невозможной. Были сделаны попытки предотвратить смешение «антисоветского» элемента с местным населением и занятие этими заключенными ответственных должностей в лагерной администрации, но по мере диверсификации хозяйственной деятельности «контрреволюционеры» обычно оказывались наиболее квалифицированными работниками, подходящими для занятия административных должностей. Использование таких заключенных в администрации лагерей молчаливо допускалось и иногда даже поощрялось. В июне 1939 г. заместитель начальника ББЛага Н.С. Левинсон, призвал все лагерные секторы привлекать заключенных, в том числе и «контрреволюционеров» с бухгалтерским опытом, для работы в бухгалтериях². Такой указ был издан в ответ на угрозы Госбанка наложить на ББЛAg санкции, если тот не предоставит точный и полный финансовый отчет. В следующем году, после того как хищение 120000 руб. привело к расследованию в администрации ББЛага, Левинсон был явно удивлен, обнаружив, что «контрреволюционеры» занимали административные должности³. В результате таких открытий заключенные снимались со своих должностей, но обычно их вновь восстанавливали в должности, после того, как шум несколько утихал.

После того как контроль над НКВД перешел в руки Берии, были сделаны реальные попытки сократить количество заключенных, особенно «контрреволюционеров», работавших в администрации лагерей. Рост численности постоянных кадров ГУЛАГа с приходом Берии содействовал устранению заключенных с административных постов, тем не менее, многие «вольнонаемные работники», которые были наняты на их место, на самом деле были бывшими заключенными, некоторые из них — бывшими «контрреволюционерами»⁴.

¹ Более подробно об использовании заключенных в Карелии во время Великой Отечественной войны см.: Joyce. The Gulag 1930—1960.

² ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 1. Д. 1. Л. 120.

³ ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 3. Д. 13. Л. 93 об.

⁴ На 1 января 1940 г. 29% административных работников ББЛага составляли заключенные, в том числе 8 процентов — бывшие «контрреволюционеры»: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 32. Св. 1. Д. 5. Л. 78—78 об.

Использование заключенных в повседневной работе ГУЛАГа было особенно широко распространено, когда речь шла об охране лагерей. Должность лагерного охранника являлась непривлекательной из-за плохих условий работы и жизни, а также опасностей, исходивших от криминальной части населения лагерей¹. В результате администрация лагерей была вынуждена использовать заключенных для того, чтобы заполнить остававшиеся незанятыми должности. В период с июня 1936 г. по июль 1938 г. около половины должностей охранников ББЛага занимали заключенные, но после появления Тимофеева их доля постепенно снизилась, и к апрелю 1941 г. лишь 2% охранников были из числа заключенных². Такое существенное изменение в составе охраны становилось характерным для всего ГУЛАГа по мере того как Берия прилагал усилия к исправлению условий работы работников НКВД.

В 20-е годы в состав заключенных СЛОН входило несколько групп сплоченных на основании бывшей принадлежности к той или иной политической партии или в силу религиозных убеждений. В определенные дни — чаще в выходные или в дни религиозных праздников — эти группы организовывали протесты против советской власти и против условий содержания заключенных. К 30-м годам таких сплоченных групп более не существовало, и тем не менее ББЛг и другие лагеря все еще препятствовали выходу заключенных на работу в эти дни, и в период праздников действовали более строгие меры безопасности³. Ни на каком этапе заключенные не представляли какой-либо реальной угрозы для ББЛага, что не мешало чрезмерно усердным органам безопасности «раскрывать» злостные заговоры. В 1933 г. ОГПУ «разоблачило» «контрреволюционную повстанческую организацию заключенных», которая замышляла отделить Карельскую АССР от Советского Союза и передать ее вместе с Беломорским каналом Финляндии (!)⁴.

Помимо спонтанных единичных инцидентов, большинство из которых являлось результатом употребления алкоголя, наиболее серьезной формой беспорядков являлись попытки побегов, которые обычно были чреваты нежелательным вовлечением других органов, в частности, если сбежавший заключенный совершал преступления в дальнейшем. Несмотря на то, что охрана вокруг мно-

¹ Плохие условия, которые приходилось терпеть вольнонаемным охранникам, нередко приводили к моральному разложению, пьянству и даже самоубийствам. Об этом см.: ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 136; ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 1. Д. 1а. Л. 32—35.

² Там же. Док. № 103; ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 32. Св. 1. Д. 10. Л. 71—71об.; ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 32. Св. 3. Д. 27. Л. 2—16.

³ См., например: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 1. Д. 1. Л. 300; ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 3. Д. 9. Л. 296—311.

⁴ Чухин И.И. Каналармейцы. Петрозаводск, 1990. С. 193—200. Это обвинение по сути лишь привнесло дополнительный материал для кампании против этнических финнов, проживавших в Карелии.

гих лагерных территорий была на удивление слабой, как администрация, так и заключенные прекрасно понимали, что сбежать в малонаселенном регионе, наводненном работниками НКВД, было чрезвычайно сложно. Несмотря на то, что процент заключенных, совершавших побеги из ББЛага, был выше, нежели средний процент по ГУЛАГу, высокая доля пойманных беглецов означала, что лишь немногие бежавшие заключенные оставались на свободе¹. Тем не менее ББЛag подвергался критике за плохую систему охраны, которую так и не удалось существенно улучшить, несмотря на утверждения Тимофеева об обратном². На местном уровне чиновники ББЛага закрывали глаза на проблемы охраны заключенных ради обеспечения непрерывного производственного процесса. Центральные власти лагерей не приветствовали отвлечение ограниченных ресурсов на усиление безопасности, особенно если это ставило под угрозу выполнение хозяйственных плановых заданий.

Запуск Беломорского проекта сопровождался широкой рекламой прогрессивного характера советской пенитенциарной системы и использования трудового процесса как средства исправления заключенных. Процесс перевоспитания правонарушителей, известный как *перековка*, был поручен культурно-воспитательному отделу (КВО), который должен был постепенно прививать увлеченное отношение к труду, поддерживаемое культурной и образовательной деятельностью. Эта работа носила выраженный политический характер и требовала значительного количества партийных работников. Тем не менее должности в КВО считались чрезвычайно непривлекательными, и отдел испытывал существенную нехватку персонала даже во время приоритетного строительства канала. Следовательно, для того, чтобы заполнить множество вакантных должностей, некоторые местные чиновники были вынуждены использовать заключенных. В четвертом лаготделении СЛАГа (Соловецкого лагеря) в 1931 г. было заполнено только 97 из 129 должностей КВО. 25 из этих работников были заключенными, осужденными за «контрреволюционные» преступления и не имевшими права заниматься политическим перевоспитанием других заключенных³.

По завершении строительства канала многие партийные работники, служившие в ББЛаге перешли на строительство канала Москва—Волга, оставив позади служебный персонал сомнительного качества. Пенитенциарная система ГУЛАГа все сильнее покрывалась пеленой секретности по мере того как внимание советской пропаганды сосредотачивалось на фашистской Германии и ее концентрационных лагерях. На местном уровне большинство работников КВО создавали видимость преданности политическим доктринам, в то время как отдел в основном занимался вопросами увеличения производительности труда или обеспечением культур-

¹ См. таблицы в: Joyce. The Gulag 1930—1960. P. 130.

² Указ НКВД № 001408 от 6 ноября 1940 г. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1).

³ ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 8.

но-массовых мероприятий. В отличие от других лагерных систем, ББЛag обеспечивал своих заключенных широким спектром культурных мероприятий, множество из которых он унаследовал от богатой культурной и научной деятельности Соловецких островов 20-х годов. Близость Карелии к Ленинграду обеспечивала наличие среди его заключенных интеллектуалов и артистов, которые давали высококачественные представления для заключенных и местного населения. В ББЛаге даже имелся театр, находившийся в Медвежьегорске, в котором работало 338 человек, большинство из которых были заключенными¹. Тем не менее, в 1939 г. была сделана попытка усилить безопасность и сократить количество занятых в театре заключенных; все они были тогда отстранены от исполнения ролей, хотя им все также разрешалось играть в оркестре, работать художниками-декораторами и костюмерами². Были сделаны попытки улучшить образование заключенных посредством кампаний по борьбе с безграмотностью, но постоянный перевод заключенных из лагеря в лагерь существенно подрывал эту работу.

В основе принципа перековки лежало условие, что заключенные должны были быть обеспечены условиями жизни, соответствовавшими установленным нормам, которые обеспечивали бы их основные потребности, позволяя им сконцентрироваться на собственном перевоспитании. Если реальные условия были ниже нормы, это считалось вредным для перевоспитания заключенных. И тем не менее, даже во время строительства Беломорканала начальник ГУЛАГа, Л.И. Коган был вынужден напоминать руководству ББЛага, что люди (заключенные) и условия их жизни столь же важны, как и обязательное выполнение производственной программы. Как это ни удивительно, но этот приказ и другие упоминания о плохих условиях существования заключенных часто встречались в известной книге (под редакцией М. Горького) о Беломорканале, и остается неясным, была ли эта ситуация когда-либо исправлена. В 1933 г. замначальника ОГПУ, Ягода, издал аналогичный указ, несмотря на то, что в этот раз акцент делался на обеспечении жизненных условий, которые поддерживали бы производительность труда заключенных, а не для обеспечения условий, благоприятствующих перевоспитанию³.

Условия существования заключенных постепенно ухудшались по всему ГУЛАGu и достигли своей низшей точки в период чисток. После того как Берия занял пост наркома внутренних дел, были предприняты попытки улучшения условий жизни заключенных. Тем не менее, соответствующие указы по улучшению условий

¹ Подробнее о театре ББК см.: Театр ГУЛАГа / Под ред. М.М. Коралова. М.: Мемориал, 1995.

² ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 2. Д. 4. Л. 37. Театр ББЛага был разрушен финскими военными силами во время Великой Отечественной войны.

³ ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 72.

жизни, которые издавались центральным руководством ГУЛАГа, были нереалистичны и редко сопровождались дополнительным финансированием. В 1939 г. Тимофеев жаловался Берии, что если бы он выполнял установленные нормы по зимней одежде, не менее пятнадцати тысяч заключенных должны были бы оставаться в бараках. В ответ на это Берия потребовал создать мастерские, где заключенные могли бы чинить свою одежду, но поскольку его приказ не был подкреплён соответствующим финансированием, лишь немногие лагеря обратили внимание на это требование¹. Тимофеев неоднократно подавал прошения о необходимости выделения капитальных вложений для развития материально-технической базы. Из 150 лагерных поселков только 30 имели отдельные столовые, а в остальных заключенным приходилось принимать пищу в переполненных бараках².

Медицинский персонал ГУЛАГа должен был обеспечить наибольшее количество заключенных, годных для использования на основном производстве. Компетентность этого персонала оценивалась при помощи показателей смертности и заболеваемости, количеству неработающих и нетрудоспособных заключенных и т.д. Каждая система лагерей могла иметь определенный процент заключенных, освобожденных от работы по болезни. Тем не менее, сочетание плохих жизненных условий и тяжелой физической работы приводило к тому, что количество больных заключенных постоянно превышало допустимую норму. В 1936 г., ББК предложил создать специальные группы из слабых заключенных, которые будут получать улучшенный рацион и условия проживания и будут постепенно включаться в работу под надзором медперсонала³. На протяжении всего периода 30-х годов количество инвалидов и физически слабых заключенных среди населения ББЛага возрастало. Тимофеев пытался ставить их на работу, которая не требовала напряженного физического труда, такую как работа на фабричном производстве или обслуживание лагерных поселков, но эти физически менее напряженные работы хотели выполнять практически все заключенные, независимо от состояния их здоровья. В 1938 г. было обнаружено, что из 7350 заключенных, занятых в содержании лагерей в ББЛаге, только 1260 в самом деле были инвалидами. Остальные, большинство из которых получили свои должности при помощи взяток и знакомств, были признаны пригодными к физическому труду⁴.

¹ Указ НКВД № 74 от 3 марта 1939 г.: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 1. Д. 2а. Л. 16–18 об.

² ГУЛАГ в Карелии, 1930–1941 гг. Док. № 130. 30 октября 1940 г. в седьмой транзитной колонии ББЛага ряд коек (на втором ярусе) был настолько перегружен, что он рухнул, насмерть раздавив одного из заключенных. Указ НКВД № 00297 от 18 марта 1941 г.: ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 3. Д. 14.

³ ГУЛАГ в Карелии, 1930–1941 гг. Док. № 100.

⁴ Там же. Док. № 133.

В 1940 г. Тимофеев, который потерял большое количество своих работоспособных заключенных, взятых на более важные объекты ГУЛАГа в других частях региона, попросил центральные власти пересмотреть плановые задания, — с учетом чрезмерного количества инвалидов среди рабочей силы ББЛага¹. Он также просил разрешения увеличить долю заключенных, которые могли занимать больничные койки. В первой половине 1940-х гг. власти дали ББЛагу разрешение на содержание 2041 больничных коек, что вмещало 3,34% населения лагерей, но ослабленное здоровье рабочей силы и перебои с питанием и медикаментами, вызванные Зимней войной, привели к увеличению ежедневного количества больных, которые нуждались в госпитализации, до 2220².

Таблица 1

Динамика уровня смертности в ГУЛАГе

Год/показатель смертности (%)	Лагеря ОГПУ/НКВД	ББЛag
1931	2,9	2,2
1932	4,8	2,1
1933	15,0	10,5
1934	4,3	2,4
1935	3,6	1,7
1936	2,5	1,7
1937	2,8	3,3
1938	7,8	4,8
1939	3,8	3,0
1940	3,3	2,9

Источник: Joyce. The Gulag 1930—1960: Karelia and the Soviet System of Forced Labor. P. 150.

Даже такие неопровержимые данные редко могли убедить центральные власти изменить плановые задания, и единственный случай, когда медперсонал мог непосредственно повлиять на производство, был, когда инфекционные заболевания угрожали достичь масштабов эпидемии. В марте 1939 г. пятое лаготделение ББЛага прекратило работу, и весь состав был отправлен на карантин, до тех пор пока медперсонал не объявил, что эпидемия миновала³. Тем не менее, местный медперсонал, многие работники которого были заключенными, постоянно находился под давлением

¹ ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 36. Св. 3. Д. 24. Л. 8. Не совсем понятно, добился ли Тимофеев успеха, поскольку вскоре он был переведен на более высокую должность.

² Там же. Оп. 36. Св. 3. Д. 24. Л. 53—54.

³ Там же. Оп. 35. Св. 1. Д. 4. Л. 35.

со стороны лагерного начальства требовавшего не допустить каких-либо остановок производства, и поэтому серьезные заболевания, такие как венерические болезни, игнорировались до тех пор, пока уровень инфицированности резко не возрастал¹.

Обеспечение продовольствием и медикаментами в ГУЛАГе зависело от непредсказуемой советской плановой экономики. Заключенные находились в самом низу советской цепи снабжения, и таким образом дефициты, которые ощущались на всех уровнях советского общества, были особо ощутимыми в ГУЛАГе. В период голода 1933 г. показатель смертности в лагерях ОГПУ, в том числе и в приоритетном ББЛаге достиг тревожных размеров (см. Таблицу 1).

На протяжении 30-х годов (за исключением 1937 г.) показатель смертности в ББЛаге был ниже, чем в среднем по ГУЛАГу благодаря большому значению объектов ББЛага, наличию у него собственной материально-технической базы и путей подвоза снабжения, которые существовали еще до стремительного расширения пенитенциарной системы. Уровень смертности ББЛага превысил средний по ГУЛАГу уровень смертности лишь в 1937 г., и вполне вероятно, что эти цифры включают в себя значительное число заключенных Соловецких островов, которые были расстреляны.

Спецпоселенцы

Эффект, оказанный спецпоселенцами на Карелию, был ограничен из-за присутствия влиятельного ББЛага и оппозиции увеличению количества «антисоветского» элемента в республике со стороны правительства Карелии. Во время строительства канала председателю правительства Карелии, Е. Гюллингу, удалось перенаправить тысячи поселенцев, которые должны были прибыть в Карелию, в Мурманск, где они помогали создавать большие городские промышленные центры в Кировске и Апатитах². Тысячи поселенцев направлялись в ББЛаж начиная с 1933 г., когда лагерь и комбинату было поручено создание основного постоянного населения в регионе для обеспечения различных предприятий рабочими-строителями. Тем не менее, вскоре стало очевидно, что местная лагерная администрация не заботилась о поселенцах, концентрируя свое внимание на лагпунктах и выполнении планов. Поселенцы воспринимались как трата местных ресурсов, поскольку проходило несколько лет, прежде чем они становились финансово-независимыми и начинали вносить свой вклад в работу комбината³. Несмотря на приказы начальника ББЛага Д.В. Успенского, ситуа-

¹ ЦГАРК. Ф. 865. Оп. 35. Св. 1. Д. 1. Л. 37.

² В 1935 г. в районе Мурманска находилось тридцать пять тысяч поселенцев. С 1931 по 1935 г. поселенцы составляли 55—72% населения этого региона. См.: Joyce. The Gulag 1930—1960. P. 130.

³ ГУЛАГ в Карелии, 1930—1941 гг. Док. № 92.

ция не улучшалась; но по мере того как спецпоселенцы были восстановлены в гражданских правах, ответственность за них все больше ложилась на плечи карельских властей, к немалому облегчению местного руководства ГУЛАГа.

Выводы

До открытия архивов ОГПУ—НКВД—МВД информация о деятельности ГУЛАГа в Карелии в основном ограничивалась разрозненными свидетельствами из мемуаров и книги (под ред. Горького) о Беломорканале. Любой из этих источников мог дать не более чем мимолетное впечатление о деятельности ГУЛАГа в Карелии. Официальное видение жизни в ГУЛАГе, переданное в архивных свидетельствах, не противоречит материалам мемуаров, а демонстрирует комплексность ГУЛАГа и постоянное противоречивое давление, под которым ему приходилось функционировать. Исследование ГУЛАГа в Карелии высветило экспериментальное значение принудительного труда в этом регионе и показало, что методы работы, разработанные в ББЛаге и ББК, вскоре распространились по всему Советскому Союзу. Вплоть до середины 50-х многие ведущие фигуры ГУЛАГа продолжали работать в Карелии¹. Во время Великой Отечественной войны структуры ГУЛАГа были практически полностью вывезены из Карелии, и только несколько лагерей под управлением местных органов НКВД продолжали свою работу. В послевоенном мире Карелия более не играла роли в определении направления развития советского ГУЛАГа, но она продолжала служить знаменем советских достижений в применении карательной политики.

¹ Joyce. The Gulag 1930—1960. Приложение № 21.

Л.И. Бородин, С. Эрци

Глава VII

НИКЕЛЬ В ЗАПОЛЯРЬЕ: ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ НОРИЛЬЛАГА

О принудительном труде миллионов заключенных в системе исправительно-трудовых лагерей ОГПУ—НКВД—МВД сказано уже немало, но научному анализу этого важнейшего аспекта функционирования лагерной системы посвящено немного публикаций. Существует, правда, ряд обзорных работ, освещающих этапы становления лагерной сети и ее административные структуры, а также трактующих юридические аспекты применения принудительного труда в советских лагерях¹. Однако, конкретные способы организации и использования труда заключенных, механизмы управления им (включая методы мотивации и наказания), сочетания труда заключенных и вольнонаемных работников практически еще не являлись предметами отдельного изучения. Можно сказать, что исследование этих вопросов велось в основном с позиций институционального подхода, на макроуровне. Думается, что этот подход должен сочетаться с микроанализом данных об использовании принудительного труда на отдельных объектах лагерной экономики.

В данной статье в качестве такого конкретного примера рассматривается Норильский исправительно-трудовой лагерь (Норильлаг). Этот лагерь, ставший после Второй мировой войны одним из крупнейших лагерных комплексов НКВД/МВД, имел ряд особенностей и не являлся «усредненным», типичным лагерем. Он отличался особым значением своей экономической функции, с одной стороны, и сравнительно широким производственным профилем, с другой. Эти особенности необходимо иметь в виду при попытке обобщить полученные на этом примере выводы на всю систему. В то же время они позволяют более отчетливо выделить черты всей системы, которые проявляются и в других ее частях,

¹ См., например: Джекобсон М., Смирнов М.Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917—1930 гг. // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. М., 1998. С. 10—24; Смирнов М.Б., Сигаев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929—1960 гг. // Там же. С. 25—74; Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР, 1929—1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73—84; Кокурин А., Морук Ю. ГУЛАГ: Структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 109—128; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998.

однако в менее выраженной форме. Притом разумеется, что более полную картину принудительного труда в СССР 30-х — 50-х годов можно будет создать только при проведении серии подобных исследований.

Существенно, что в 1990-х гг. исследователям стал доступен большой массив рассекреченных архивных материалов как текстового, так и статистического характера, вскрывающих как основные принципы, так и детали практики регулирования принудительного труда в советских лагерях. Наряду с этой ведомственной документацией НКВД—МВД и ГУЛАГа, хранящейся преимущественно в фондах ГА РФ, мы используем также воспоминания бывших заключенных Норильлага.

В первом разделе статьи дается краткая характеристика Норильского никелевого комбината. Второй раздел посвящен анализу динамики и структуры рабочей силы в Норильлаге (с учетом контингентов заключенных и «вольнонаемных» работников). В третьем разделе рассмотрены методы стимулирования труда заключенных Норильлага.

1. Норильский никелевый комбинат и Норильлаг

Норильский исправительно-трудовой лагерь (Норильлаг) существовал с 1935 по 1956 г. Его основной задачей было обеспечение рабочей силой разработок богатейших медно-никелевых руд Норильского района, строительства и обслуживания крупного горно-металлургического комбината, строительства «с нуля» города Норильска, а также освоения всего Норильского промышленного района. Административной структурой, в рамках которой должны были проводиться все эти работы, являлся комбинат. К моменту принятия решения о создании Норильлага вопрос о том, способен ли ГУЛАГ технически к самостоятельному осуществлению подобных сложных хозяйственных задач, практически был решен. В 1935 г. был пройден уже этап становления административной структуры системы лагерей и определения экономических функций последних¹. Соответственно, в Норильске применялась уже неоднократно испытанная до этого момента модель крупных лагерных комплексов, создаваемых для обеспечения рабочей силой заключенных масштабных строительных и производственных проектов. Эта модель масштабного и целенаправленного использования принудительного труда, сформировавшаяся в первой половине 1930-х гг., в последующие годы и вплоть до смерти Сталина не подвергалась существенным изменениям².

¹ См., к примеру, главу К. Джойса в данном издании. Подробнее про историю создания Норильского лагеря и комбината см. в работе: Эртц С. Строительство Норильского комбината с 1935 по 1938 г.: Становление крупного объекта экономической системы ГУЛАГа // Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003.

² См. главу С. Эртца в данной книге.

Специфика Норильского лагеря определялась во многом стратегическим значением связанного с ним производства. К началу 1930-х гг. советская экономика должна была удовлетворять свои нужды в никеле практически полностью за счет импорта. Открытие в СССР крупных месторождений этого ценного металла, имеющего большое значение для тяжелой и в особенности военной промышленности создавало возможности для кардинального изменения сложившегося положения. Не удивительно, что руководство СССР к середине 1930-х гг. стало уделять особое внимание развитию никелевой промышленности в стране. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1935 г. было принято решение «в целях развития в максимально короткий срок советской никелевой промышленности» приступить к форсированному строительству двух никелевых заводов мощностью по 10000 т никеля в год с пуском их в эксплуатацию в 1938 г. — одного в Орске (назван позже «Ютуралникель»), другого в Монча-Тундре («Североникель»)¹. Практически одновременно было решено построить в Норильске третий никелевый комбинат такой же мощности и также с предусматриваемым пуском в 1938 г. Однако, в отличие от двух остальных объектов, это строительство было с самого начала возложено на ГУЛАГ НКВД, что означало, что на нем в основном должна была быть использована рабочая сила заключенных². Таким образом, Норильский комбинат был предусмотрен как один из трех крупных производителей никеля в СССР. Однако все три запланированных в 1935 г. крупных никелевых комбината достигли своей проектной мощности не в 1938 г., а (по различным причинам) гораздо позже. Свою роль здесь играли, особенно в случае Норильска, значительные проблемы и затяжки при разворачивании производственной деятельности³, а также ход событий Второй мировой войны — так, например, комбинат «Североникель» в начале войны эвакуировался, а восстановлен был только в 1943 г.⁴ В силу этих обстоятельств в годы войны Норильский комбинат из-за своего расположения в глубоком тылу приобрел особо приоритетный статус, и были приняты большие усилия, чтобы расширить в Норильске начинавшийся в 1942 г. выпуск никеля. Хотя намеченные показатели производительности были достигнуты с большим опозданием по сравнению с планом, Норильский комбинат уже в 1940-е гг. занимал центральное место в никелевой промышленности страны и в дальнейшем стремительно расширял объемы своей продукции. Его доля в выпуске никеля в стране была весьма существенной; так, в 1954 г. — сразу после передачи Норильского комбината из МВД в зону ответственности гражданского ведомства

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 963. Л. 15.

² Постановление СНК СССР № 1275-198сс. от 23-го июня 1935 г.

³ См.: Эртц С. Указ. соч.

⁴ Позняков В.Я. Североникель. Страницы истории комбината «Североникель». М., 1999. С. 84—93.

«Главникелькобальта» Министерства цветной металлургии СССР, но еще перед ликвидацией Норильлага (1956 г.) — Норильский комбинат произвел 15950 т никеля, т.е. почти треть от общесоюзного производства¹.

Но Норильский комбинат имел намного большее значение для советской никелевой промышленности, нежели другие (например, уральский и мончегорский заводы): уже в середине 1930-х гг. стало известно, что норильские никелевые месторождения являются чрезвычайно богатыми. По данным 1939 г., выявленные запасы никеля в рудах в тот момент составляли 1436 тыс. т (около половины запаса СССР). Это означало, что открытием норильских запасов никеля на долгий срок обеспечивалось снабжение советской промышленности этим металлом. «Мировое значение»² придавалось также запасам других редких металлов, которые, как правило, содержатся в никелевых рудах, в т.ч. меди, кобальта, а также платиноидов.

Таким образом, экономическое значение норильского промышленного района заключалось прежде всего в наличии там богатейших, стратегически важных запасов полезных ископаемых, открывавших долгосрочные перспективы для их эксплуатации — правда, при экстремальных климато-географических условиях Заполярья. Понятно, что в силу этих причин Норильский ИТЛ, которому выпала задача обеспечения комбината большей частью рабочей силы на протяжении первых 20 лет его строительства и существования, с самого момента его создания принадлежал к приоритетным лагерям в системе ГУЛАГа НКВД—МВД. Это отражалось, например, в особом ведомственном подчинении Норильлага (в 1935 г. он был создан как один из немногих лагерей центрального подчинения начальнику ГУЛАГа и только в 1941 г. был подчинен новому производственному главку НКВД: ГУЛГМП — Главному Управлению лагерей горно-металлургических предприятий³), а также в ряде конкретных показателей, которыми Норильлаг отличался от других лагерей, как будет показано ниже.

Отметим, что кроме Норильлага, в Норильске с 1948 по 1953 г. существовал еще один лагерный комплекс: Особый Лагерь МВД № 2 или «Горный Лагерь» (Горлаг). Он был организован на базе пяти лагерных отделений Норильлага и входил в состав Особых лагерей МВД, созданных на базе приказа № 00219 МВД от 28 февраля 1948 г. Хотя заключенные Горного лагеря также работали для Норильского комбината и тем самым тоже представляли собой составную часть его трудового ресурса, этот лагерь имел свой собственный административный статус и свою характеристи-

¹ РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 1. Д. 1703. Л. 1 об., 112.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 29. Л. 52.

³ О возникновении и роли производственных лагерных главков НКВД—МВД см. главу С. Эрца в данном издании.

ку, присущую всем Особым лагерям — например, более строгие условия режима и трудовое использование заключенных преимущественно на тяжелых физических работах. Поэтому, хотя в данной работе специфика труда в Горном лагере специально не рассматривается, мы будем — там, где это представляется возможным — привлекать данные о Горлаге для характеристики принудительного труда на Норильском комбинате.

Динамика и структура рабочей силы в Норильлаге

Численность

Архивные фонды ГУЛАГа и ГУЛГМП содержат большие массивы статистического материала, который позволяет восстановить в деталях структуру и динамику рабочей силы Норильлага¹. Точнее, мы имеем статистические данные двух категорий. Во-первых, это многочисленные, разнообразные показатели, собранные учетно-распределительным, а также санитарным отделами ГУЛАГа по контингентам заключенных во всех лагерях, в т.ч. и в Норильском. Во-вторых, это отчеты самого Норильского комбината о наличии и использовании его контингентов рабочей силы — заключенных и вольнонаемных работников. Хотя эти отчеты имеются не для всего периода существования Норильлага (они охватывают 1936—1938 и 1941—1949 гг.), их содержание отчасти имеет даже большую ценность для раскрытия нашей темы.

Рассмотрим вначале динамику численности заключенных Норильлага за весь период его существования (см. рис. 1, построенный по данным УРО).

Отметим два эффекта, отраженных в этой статистике. Во-первых, как следует из рис. 1, динамика численности заключенных, находившихся в Норильске, подвержена сезонным колебаниям — увеличение их числа происходило всегда в летний период, когда осуществлялся привоз новых заключенных², а в остальное время года имело место уменьшение контингента (за счет освобождения, смертности, перевода в другие места заключения и т.д.). Во-вторых, что более существенно, численность заключенных вплоть до конца 1950 г. практически постоянно и стремительно возрастала. Есть только два года, 1937 и 1944, в течение которых этот показатель не повышался, а слегка снизился, — что не помешало, впрочем, постепенному превращению Норильлага в один из крупнейших лагерных комплексов НКВД—МВД. Абсолютный пик числа узников был достигнут к началу 1951 г., когда Норильлаг содержал почти 73000 заключенных в 24 лагерных отделениях, 23 отдельных

¹ ГА РФ. Ф. 9414 (ГУЛАГ); 8361 (ГУЛГМП).

² В основном, заключенные доставлялись в Норильск вниз по Енисею из Красноярска, где с 1941 г. находилось специальное транзитное лагерное отделение Норильлага.

и обыкновенных лагерных пунктах и 6 прочих подразделениях¹. Кроме того, еще 19000 заключенных находились в это время в Горном лагере.

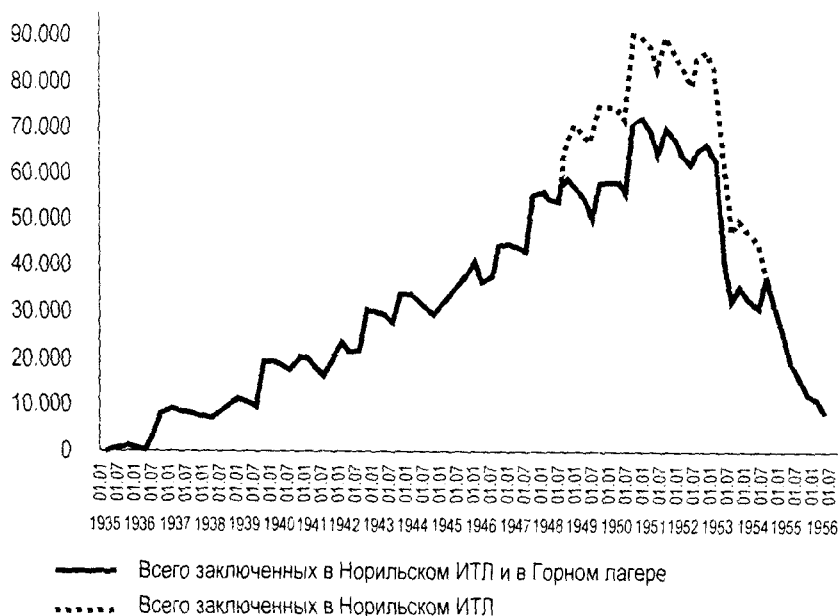

Рисунок 1

Численность заключенных в Норильском
и в Горном лагерях, 1935—1956 гг.,

(списочный состав на 1-е число первого месяца каждого квартала)

Источники: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 174. Л. 7; Д. 1155. Л. 20, 54 об., 55; Д. 1160. Л. 4; Д. 2784. Л. 18; Оп. 1д. Д. 358. Л. 1, 17, 29, 55; Д. 364. Л. 2, 19, 37, 54; Д. 370. Л. 24, 60; Д. 371. Л. 2, 29, 54, 70; Д. 379. Л. 15, 92 об.; Д. 390. Л. 2, 47, 85, 129; Д. 424. Л. 8, 58, 114, 165; Д. 442. Л. 1, 45, 88, 130; Д. 455. Л. 8; Д. 466. Л. 10, 57 об., 103 об., 146 об.; Д. 472. Л. 2 об., 17 об., 18 об., 42 об., 64 об.; Д. 479. Л. 3 об., 27 об., 51 об., 75 об.; Д. 485. Л. 3 об., 21 об., 25 об., 40 об., 58 об., 78; Д. 495. Л. 2 об., 21 об., 39 об., 57 об.; Д. 500. Л. 2 об., 31 об., 46 об., 58 об.; Д. 502. Л. 1, 4, 7, 10; Д. 506. Л. 15 об., 47 об., 48 об., 73 об., 74 об., 110 об.; Д. 508. Л. 4; Д. 511. Л. 8 об., 67 об., 124 об., 150 об.; Д. 513. Л. 3 об., 39 об., 70 об.

Следует отметить, что описанная динамика численности заключенных в Норильске имеет существенные отличия в сравнении с динамикой того же показателя по системе лагерей и колоний в целом, испытывавшей значительные колебания, связанные с влия-

¹ Данные на 1 октября 1951 г.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 461. Л. 53.

нием различных факторов¹. Ростом числа узников сопровождались, например, массовые репрессии в конце 1930-х гг., ужесточение пенитенциарной политики к середине 1947 г., а также появление новых категорий заключенных в результате Второй мировой войны. Причинами уменьшения лагерных контингентов стали досрочные освобождения некоторых групп заключенных и их отправка на фронт во время войны, исключительно высокая смертность заключенных из-за недостаточного снабжения продуктами и более интенсивной работы в тот же период, а также амнистии, например в 1945 и 1953 гг. В контексте данной работы важно, что в то время как результирующая указанных разнонаправленных процессов в той или иной мере отражалась в динамике численности рабочей силы большинства исправительно-трудовых лагерей, Норильлаг отличался устойчивым ростом численности контингента, отчасти независимым от соответствующей «конъюнктуры» лагерной системы в целом. Поэтому можно констатировать, что Норильский лагерь — и тем самым комбинат — были обеспечены рабочей силой заключенных в первую очередь соответственно их потребности в ней². Этот фактор, видимо, преобладал над общими тенденциями и сдвигами в динамике контингента всей лагерной системы, подчеркивая особую значимость экономической функции Норильлага. При этом доли «политических» и уголовников/бытовиков в общем контингенте заключенных Норильлага менялись в соответствии с указанными выше причинами, приближаясь в среднем к соотношению 50:50. Так, на 1.10.1949 среди з/к, работавших на комбинате, политзаключенные составляли 53%³.

Смертность среди заключенных

При оценке статуса и особенностей Норильлага по сравнению с другими лагерями НКВД, важнейшую роль играет вопрос об условиях жизни и труда заключенных, напрямую связанный с экономической функцией лагеря, ибо в этом вопросе отражается отношение ответственных административных структур к важнейше-

¹ Эта статистика представлена в главе С. Эртца в данном издании.

² Некоторым исключением в этом плане являлись лишь 1942—1943 гг., когда реальное обеспечение комбината рабочей силой заключенных значительно отставало от предусмотренных планами цифр — см. ниже, рис. 4.

³ Биргер В.С. Обзор структуры квартальных отчетов о составе заключенных Норильлага и Горлага на 1.10.49 г. // Норильская Голгофа. Красноярск, 2002. С. 145. По мнению автора, в целом через норильские лагерь прошло больше «неполитических» заключенных, нежели политических, т.к. сроки осуждения у первых были обычно меньше, «оборачиваемость» выше. Всего же за период существования Норильлага с 1935 по 1957 г. через него прошли более 275 тыс. (по некоторым оценкам — более 300 тыс.) заключенных. См. статьи А.С. Ильина и В.К. Зберовского в сборнике: Норильская Голгофа. Красноярск, 2002.

му ресурсу, имевшемуся в их распоряжении: к рабочей силе¹. Одним из наиболее наглядных индикаторов состояния этого вопроса является уровень смертности среди заключенных. Для адекватной его оценки необходимо привлечь соответствующие сравнительные данные. Безусловно, такими в наших целях могут являться только данные по смертности заключенных всей лагерной системы². Рис. 2 содержит динамику среднегодовых показателей смертности в Норильлаге, а также в лагерях с подобным производственным профилем, которые были объединены в уже упомянутом производственном главке НКВД—МВД (ГУЛГМП), и, наконец, во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД—МВД. Источником этих данных является статистика заболеваемости и смертности заключенных, которую собирал санитарный отдел ГУЛАГа.

Как следует из сопоставления графиков динамики на рис. 2, в Норильлаге уровень смертности почти на всем рассматриваемом периоде был значительно ниже, чем в среднем во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД—МВД³, а также чем в других лагерях «профильного» главка ГУЛГМП. Проблемы военного времени, когда, прежде всего в силу резкого ухудшения снабжения заключенных продуктами и падения уровня медицинских и санитарных служб в лагерях, наблюдался катастрофический рост смертности заключенных в лагерной системе, проявились в Норильлаге в сравнительно умеренной форме. В 1942—1943 гг., когда уровень смертности по всем лагерям и колониям составил, соответственно, 24,9% и 22,4% — что означает, что в течение года умирала почти четвертая часть всего лагерного населения (!) — этот показатель в Норильске был в несколько раз ниже (4,2% и 7,2%, соответственно).

Эти цифры имеют выраженный экономический аспект. Относительно низкая смертность заключенных свидетельствует об относительно хорошем их физическом состоянии, в поддержке которого администрация была заинтересована в целях выполнения плановых заданий. Об этом говорит и предусмотренная официальными документами практика регулирования использования труда заключенных в зависимости от состояния их здоровья⁴.

¹ Очевидное возражение — «если рабочая сила практически ничего не стоит, зачем о ней заботиться» — в данном случае вряд ли можно считать оправданным; достаточно принять во внимание хотя бы трудности транспортировки заключенных в район Норильска и острую потребность оборонной промышленности в продукции комбината.

² Сравнение уровня смертности в Норильлаге с показателем смертности по всей стране не было бы адекватным, т.к. заключенные представляли собой «демографически смешенную» группу населения. Так, мало представлены среди них были пожилые люди (группа с повышенным уровнем смертности).

³ Аналогичная картина получается, если рассмотреть этот показатель только по лагерям, т.к. динамика средней смертности в колониях в целом соответствовала среднему уровню смертности, наблюдаемому в лагерях.

⁴ См., например: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. Л. 26—27.

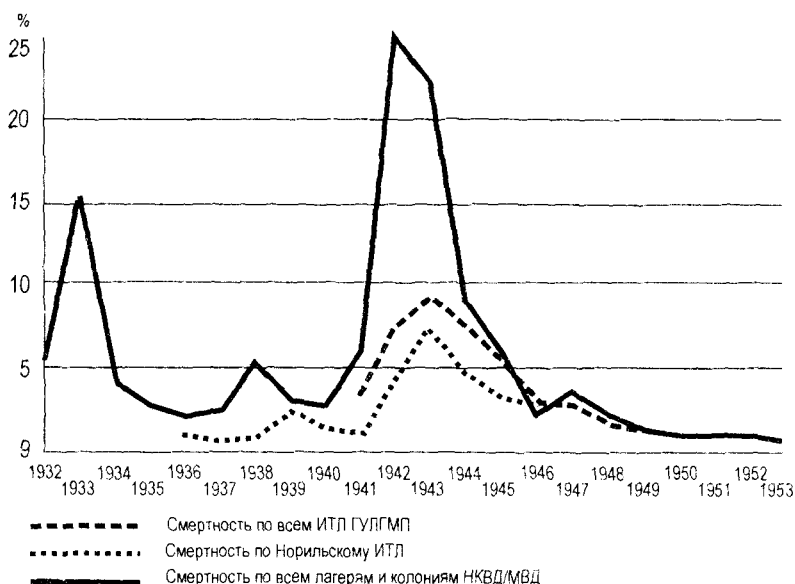

Рисунок 2

Сопоставление динамики смертности среди заключенных по всем лагерям и колониям НКВД/МВД, по лагерям ГУЛГМП и по Норильлагу (% умерших от среднегодового состава)

Источники: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Л. 2740. Л. 34, 43, 49, 62, 85; Д. 2784. Л. 7—10, 26; Д. 2788. Л. 3, 6, 9, 11, 15, 17, 19, 24, 27, 30, 33, 34; Д. 2796. Л. 97, 102 об.—103, 114 об., 128, 141, 247; Д. 2804. Л. 2 об.—3, 39; Д. 2817. Л. 2, 11, 21, 30, 39, 48; Д. 2821. Л. 31 об., 118 об.; Д. 2822. Л. 61 об.—62, 126 об.—127; Д. 2883. Л. 114, 116.

Примечания:

* Данные по смертности за 1948 г. и последующие годы для Норильлага — собственные расчеты на базе абсолютных данных по смертности и по численности заключенных. Данные по всем ИТЛ ГУЛГМП имеются только до 1947 г.

** Смертность в Норильлаге с середины 1945 г. уменьшалась не настолько быстро, как в среднем во всех лагерях, в силу того, что с этого момента в Норильлаге появились каторжане. Их доля среди всего контингента заключенных составляла: в среднем за 1945 год 6%, за 1946 г.: 18%, за 1947 г. 23%. Таким образом, эта доля в 1946—1947 гг. была существенно выше, чем в других лагерях. Смертность среди каторжан в Норильлаге, которые, в соответствии с инструкциями МВД, содержались на усиленном режиме, получали уменьшенный паек и использовались преимущественно на тяжелых физических работах¹, значительно превышала смертность среди большинства остальных заключенных, которые находились в лагерных отделениях общего режима. Она составляла в 1945 г. 14,9%, в 1946 г.

¹ См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. Л. 55—56.

7,8% и в 1947 г. 5,6%, тем самым приводя к повышению общего показателя смертности заключенных Норильлага. См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2804. Л. 42; Д. 2817. Л. 8 об., 17, 27, 36, 45, 54; Д. 2821. Л. 31 об., 118 об.; Д. 2822. Л. 61 об.—62, 126 об.—127.

*** Показатель смертности по лагерям ГУЛГМП включает, соответственно, и данные по Норильлагу.

Отметим в связи с этим, что ввиду экстремальных климатических условий Заполярья, медицинский осмотр и отбор заключенных, подлежащих отправке в Норильск, производились не после прибытия в лагерь, а до того, в местах их отправления. При этом отправке не подлежали те узники, которые оценивались как неспособные к длительному пребыванию и труду за полярным кругом, в соответствии с инструкцией «для медицинского отбора и направления заключенных в Норильлаг из ОИТК и лагерей в 1941 году», утвержденной начальником Комбината и лагеря ст. лейт. ГБ А.А. Панюковым и составленной на основе приказа НКВД СССР № 0203 от 22 мая 1940 г. с учетом основных условий работы на Крайнем Севере. По инструкции направлению в Норильлаг подлежали «заключенные годные к тяжелому и среднему физическому труду и заключенные специалисты из административного техперсонала годные к легкому физическому труду», в возрасте от 20 до 50 лет. Инструкция содержала список из 44 болезней, наличие которых препятствовало отправке з/к в Норильлаг. О процедуре медосмотра при отправке в Норильлаг имеются свидетельства в воспоминаниях бывших заключенных¹. Из сравнительных данных о физическом состоянии заключенных Норильлага следует, что заключенные, способные только к легкому физическому труду, а также инвалиды, в Норильлаге находились действительно в незначительном количестве. При этом доля этих групп в общем контингенте заключенных в лагерях и колониях НКВД—МВД всегда была достаточно велика — в 1942 г., например, она составляла около одной трети всего контингента².

Однако есть сильные индикаторы того, что отбор здоровых заключенных не был единственной причиной более низкого, по сравнению с другими лагерями, уровня смертности среди заключенных Норильлага. Учитывая, что климатические условия в Норильске были исключительно суровыми — и, очевидно, более суровыми, нежели в большинстве других лагерей (что должно было

¹ См., например: Торбин С.С. Воспоминания, 1993 г. // Архив Московского Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (далее: Московский Архив «Мемориал»). Ф. 2. Оп. 2. Д. 92. Л. 90; Семaкин Н. Воспоминания оставшегося живым невольника, 1996. Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 58. — Н. Семaкин был осмотрен, но не отправлен в Норильск по медицинским причинам: Ассанов И. Жизнь и судьба Митрофана Петровича Рубеко // «Норильский Мемориал». Вып. 4. Октябрь 1998 г. Б.м. С. 11.

² См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 370. Л. 90.

отрицательно сказаться на состоянии здоровья человека¹) — можно задаться вопросом, как обстояло дело с остальными условиями, в которых узники находились в течение своего (как правило, долгого) срока в лагере. Ясно, что они также имели ключевое влияние на предполагаемую продолжительность их жизни. В этом контексте следует отметить, что многочисленные личные свидетельства бывших заключенных Норильлага отмечают, что эти условия в Норильлаге были, естественно, крайне тяжелыми, но все-таки в определенных планах (преимущественно это касается питания) несколько лучше, чем в большинстве других исправительно-трудовых лагерей НКВД—МВД².

Однако, это не означает, что в Норильских лагерях не было периодов крайне высокой смертности. Так, А.А. Гаевский, описывая вспышку дизентерии в жилых бараках Норильлага осенью 1939 г. (этим фактором объясняется относительно высокая по сравнению с предыдущими годами смертность в Норильлаге в 1939 г., см. рис. 2), пишет: «С наступлением холодов умирать стали как мухи. Покойников не успевали вывозить, гробов не хватало. Трупы складывали штабелем возле торца больничного барака, как дрова. Это было ежедневным зрелищем, которое перестало волновать. Единственное желание — как бы не попасть в эту компанию»³.

Общая структура трудовых ресурсов Норильского комбината и их использование (вольнонаемные и заключенные)

Рассмотрим структуру рабочей силы Норильского комбината в конце 30-х — начале 50-х годов. Как и другие подобные объекты, Норильский комбинат и исправительно-трудовой лагерь представляли собой смешанную административную структуру. Начальник комбината одновременно являлся и начальником лагеря, и хотя лагерь в 1938 г. был выделен из тогдашнего строительства на самостоятельный баланс⁴, он получил свой собственный бюджет только в 1950 г.⁵ Фактически в 1930-е и 1940-е гг., рассмотренном кото-

¹ Об этом врачи больницы комбината писали в научных трудах уже в 1940-е гг. См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 2. Д. 170. Л. 18—27.

² См., например: Рубинштейн С.И. Из воспоминаний // Книга памяти / Ред. В.М. Кириллов (изд. Нижнетагильским об-вом «Мемориал»). Екатеринбург, 1994. С. 188; Керсновская Е. Сколько стоит человек. Т. IV. М., 2001. С. 219; Куц В. Поединок с судьбой. Издание II, дополненное. М., 1999. С. 149; Торбин С.С. Указ. соч. Л. 124; Одолинская Н.Ф. «Советские каторжники» [воспоминания, 1991 г.] // Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 66. Л. 30; Антипова А. Национальность: заключенный // «Норильский Мемориал». Выпуск 3. Октябрь 1996 г. Б.м. С. 14.

³ См. воспоминания А.А. Гаевского [без названия, без года], размещенные на сайте красноярского Общества «Мемориал» (<http://memoial.krsk.ru/memuar/mgaew.htm>).

⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 1118. Л. 6, 20.

⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2693. Л. 177.

рых мы в этой части работы из-за отсутствия статистического материала для последующих лет будем ограничиваться. Норильский лагерь можно считать составной частью комбината. Мало того, что о деятельности Норильлага в отчетах комбината докладывается в том же порядке, как и о различных секторах производственной деятельности последнего (добыча руды, металлургия и т.п.); рабочая сила заключенных лагеря фигурирует там практически как собственный ресурс комбината.

Для заключенных каждого лагеря НКВД—МВД существовала стандартная система учета узников по признаку их трудового использования, введенная в 1935 г.¹ Все работающие заключенные делились на две группы. Основной трудовой контингент, который выполнял производственные, строительные или прочие задачи данного лагеря, составлял группу «А». Помимо него, определенная группа заключенных всегда была занята работами, возникающими внутри лагеря или лагерной администрации. Этот, в основном административно-управленческий и обслуживающий персонал, причислялся к группе «Б». Неработающие заключенные также делились на две категории: группа «В» включала в себя тех, кто не работал по причине болезни, а все остальные неработающие, соответственно, объединялись в группу «Г». Данная группа представлялась самой неоднородной: часть этих заключенных только временно не работали по внешним обстоятельствам — из-за их нахождения на этапе или в карантине, из-за непредоставления работы со стороны лагерной администрации, из-за внутрилагерной переброски рабочей силы и т.п., — но к ней также следовало причислять «отказчиков» и узников, содержащихся в изоляторах и карцерах.

Само собой разумеется, что с чисто экономической, производственной точки зрения пользу приносили только заключенные группы «А». Поэтому, если исходить из того, что и центральный аппарат ГУЛАГа, и отдельные лагерные администрации в определенной мере действовали, руководствуясь экономической целесообразностью, необходимостью выполнения плановых заданий, можно допустить у них заинтересованность в максимизации численности группы «А», и, соответственно, минимизации всех остальных групп. Мы далеки от того, чтобы утверждать, что реально проводившаяся политика ГУЛАГа по трудовому использованию узников соответствовала такой рационально-экономической модели. Реалии обращения с заключенными — плохое снабжение и содержание, крайне изнурительный труд, а также нередко неумелое управление работами — широко известны. Поэтому не удивляет, что по всей лагерной системе число больных, неработающих заключенных (группа «В») постоянно находилось на весьма высоком уровне, а доля группы «А», наоборот, редко достигала больше 70—75% всего лагерного контингента. Однако такие данные сводного

¹ Директива № 664871 начальника ГУЛАГа от 11 марта 1935 г. См.: Кокурин А.И., Петров Н.В., Моруков Ю. Указ. соч. С. 116—117.

типа не отражают значительных различий в соотношении долей указанных групп между отдельными лагерями. Так, из таблицы 1 следует, что в течение 1940-х гг. доля заключенных Норильлага, отнесенных к группе «А», составляла свыше 80%, а численность больных, неработающих заключенных — за исключением 1942—1943 гг., трудных военных лет, — не превышала 10%. Относительно низкая численность группы «А» в 1936—1937 гг. объясняется, как видно, не повышенной заболеваемостью, а сравнительно большой частью узников, которые работали в лагерных структурах (группа «Б»). Это наблюдение объясняется прежде всего невысокой общей численностью заключенных в Норильске в те годы, а также начальной стадией, в которой тогда находилось строительство комбината.

Таблица 1

Трудовое использование заключенных Норильлага в 1936—1949 гг.
(за весь год в % от общей суммы чел./дней всего контингента)

Группы	1936	1937	1938	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
«А»	76,6	75,0	82,2	83,6	81,2	80,6	80,6	85,5	84,6	83,8	80,7	80,7
«Б»	12,8	14,9	10,2	7,2	7,0	7,0	7,5	6,3	8,0	7,9	8,4	8,9
«В»	4,3	6,7	3,8	6,8	8,5	11,3	11,2	7,5	6,8	7,4	9,1	8,4
«Г»	6,3	3,4	3,8	2,4	3,3	1,1	0,7	0,7	0,6	0,9	1,8	2,0

Источники: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д; Д. 854. Л. 55—57; Д. 968. Л. 83; Д. 969. Л. 10, 93; Д. 1118. Л. 83—85; Ф. 8361. Д. 11. Л. 31; Д. 40. Л. 79; Д. 56. Л. 69; Д. 71. Л. 55; Д. 95. Л. 19; Д. 101. Л. 35; Д. 125, Л. 152; Д. 155. Л. 135; Д. 174. Л. 97.

Примечание: Данные за 1939—1940 гг. не выявлены.

Среди перечисленных выше групп заключенных, нас в дальнейшем будет интересовать прежде всего группа «А», поскольку именно она включала заключенных, непосредственно использовавшихся в качестве рабочей силы на экономическом объекте, обслуживаемом Норильлагом. Более того, по характеру труда именно эту группу можно сопоставить с вольнонаемными работниками, которые тоже в немалом количестве были заняты на Норильском комбинате. Соотношение между ними и заключенными-работниками группы «А» в 1940-е гг. представлено на рис. 3.

Из динамики рис. 3 видно, что количество вольнонаемных (в/н) работников росло одновременно с ростом числа заключенных (з/к), работающих на объекте, причем темп роста числа в/н был выше: если в 1941 г. на комбинате работали 3734 вольнонаемных и 16532 заключенных, что соответствует отношению численности этих групп 1:4,4, то к 1949 г. этот показатель уменьшился (в пользу вольнонаемных) до 1: 2,1 (20930 в/н и 44897 з/к).

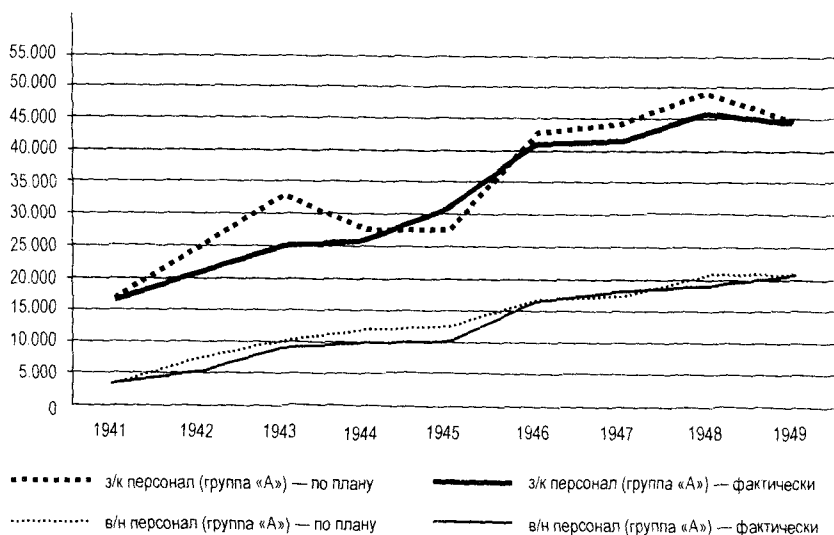

Рисунок 3

Трудовой фонд комбината — численность вольнонаемного персонала и заключенных, работающих по группе «А» (среднесписочный годовой состав)

Источники: ГА РФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 10. Л. 11; Д. 11. Л. 11, 27, 32; Д. 40. Л. 26; Д. 56. Л. 44—45; Д. 71. Л. 30; Д. 95. Л. 109; Д. 101. Л. 124—125; Д. 125. Л. 158; Д. 143. Л. 54; Д. 155. Л. 145; Д. 174. Л. 102.

На первый взгляд, из этого можно делать вывод, что «вольный» труд на Норильском комбинате в течение 40-х годов стал играть более важную роль. Однако, его относительность становится очевидной при рассмотрении структуры контингента вольнонаемных работников в Норильске. Дело в том, что в самом начале строительства комбината число вольнонаемных было минимальным. В 1936 г., они во всех секторах (включая не только группу «А», но и управление, охрану, санитарную службу и т.п.) составляли 223 человек против 4552 заключенных, а в 1937 г. соответственно — 384 против 8658¹. Постепенный рост числа вольнонаемных в последующие годы в Норильске в основном происходил за счет освобожденных заключенных — причем разными путями. В 1940-е гг. широко применялось прикрепление заключенных к комбинату даже после номинального отбытия их срока. В воспоминаниях бывших заключенных мы находим многократные описания такой практики: многих освобожденных заключенных, причем особенно политических, направили на «спецпоселение», так что они оказа-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 854. Л. 78, 81; Д. 969. Л. 59—62.

лись на положении ссыльных. Им вручался паспорт или другой документ с указанием ограничения места жительства, а зачастую с запретом покинуть даже границы города Норильска¹. Продлить пребывание в зоне Норильска могли еще и по-другому: бывали случаи, когда заключенному, незадолго до окончания его срока, практически без всяких разъяснений сообщалось о «втором сроке»².

Мотивом принятия подобных мер, безусловно, являлась высокая и постоянная потребность комбината в рабочей силе, особенно в годы войны, когда скорейшему налаживанию производства никеля придавалось огромное значение. На вольнонаемных работников комбината распространялась бронь, освобождающая их от призыва в Красную Армию³. Естественно, что и в ходатайствах заключенных о направлении на фронт, как правило, отказывали⁴. Наоборот, администрация Норильского комбината добилась того, что в качестве заключенных на производстве оставались даже те лица, которые по постановлению Верховного Совета СССР подлежали досрочному освобождению с отправкой на фронт⁵. Более того, она активно выступала за то, чтобы в Норильске были закреплены также заключенные, которых следовало освободить и отправить в военкоматы по окончании их срока или по решениям судебных органов. Этот вопрос — правда, уже к концу войны — решением ГОКО от 19 января 1945 г. также был решен в пользу комбината, причем эта категория работников была освобождена из-под стражи с закреплением в Норильском комбинате по вольному найму⁶. В первой половине 1946 г. абсолютное число бывших заключенных, закрепленных в Норильске в порядке специ-

¹ См., например: Винтенс Ф.И. Записки на память [воспоминания, 1992 г.] // Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 11. Л. 37, 41; Старовойтов А.Е. Это было правда [воспоминания, 1988 г.] // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 43; Керсновская Е. Указ. соч. С. 58, 220; Нумеров Н.В. Золотая звезда ГУЛАГа. М., 1999. С. 403; Сетко-Сеткевич Э. Боже, спаси душу мою // Воспоминания сибиряков. Варшава, 1990 (цитируется по: «Норильский Мемориал». Вып. 3. Октябрь 1996 г. Б.м. (перевод Биргер Б.С.). С. 11.

² Нумеров Н.В. Указ. соч. С. 402—403. Отметим, что это единственный наличный источник, который говорит о применении такой практики в Норильске. В любом случае, ее жертвы, в отличие от освободившихся, но прикрепленных к комбинату узников, так и оставались фигурировать как заключенные и в статистике.

³ Керсновская Е. Указ. соч. С. 220.

⁴ Сагоян П.О.: 1937 год в моей жизни [воспоминания, 1989 г.] // Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 23; Ассанов И. Указ. соч. С. 12.

⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1188. 11 об. См. также: Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 24.

⁶ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1188. Ход этой дискуссии можно проследить на листах: 11, 13, 24, 37—39.

ального постановления ГОКО, в среднем составляло еще свыше 12000 человек. Судя по статистике, они, начиная со второй половины 1946 г., постепенно были переведены на статус обыкновенных вольнонаемных¹. Остается, однако, весьма сомнительным, что это означало для них получение полных прав, в том числе права на выезд из Норильска.

Экономическое положение двух категорий вольнонаемных — бывших з/к и приехавших в Норильск без предыдущего пребывания в лагере — различалось существенно. В отличие от второй категории, первая лишалась всех льгот и привилегий, установленных для работы в условиях Крайнего Севера и значительно улучшавших материальное положение тех, кто их получал. Так, во второй половине 1940-х гг., вольнонаемные, которые приезжали в Норильск и заключали трудовые договоры на три года, «[...] получали 100% северной надбавки и 10% за каждый месяц². Через два с половиной года им давали полугодовой оплачиваемый отпуск плюс месяц на дорогу и бесплатный билет туда, куда они хотят поехать. А кто подписал договор на следующие три года, имел те же условия, но еще мог получить путевку в санаторий на все время отпуска³. Можно, наверное, согласиться с оценкой, что «освобожденные работяги» Норильского комбината, лишенные такого рода льгот, образовали в конце 40-х годов слой «людей второго сорта»⁴. Комбинат же таким путем мог повышать показатели рентабельности на основе дешевой рабочей силы заключенных даже после их освобождения.

Следует отметить еще один источник пополнения рабочей силы Норильского комбината. В 1945 г. в Норильск прибыл большой «спецконтингент» (свыше 10000 человек), состоявший из бывших советских военнопленных, а также из власовцев. Их поселили на правах ссыльных — они получали работу и даже северные льготы, но выезд из Норильска им не разрешался. Однако Особый отдел лагеря вскоре приступил к их «фильтрации», вследствие чего многие из «спецконтингента» были осуждены к большим срокам

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 447. Л. 1 об., 2, 14 об., 15, 22 об., 23, 38 об., 39; Д. 457. Л. 2 об., 3.

² В этом пункте автор, видимо, ошибается. Так, Андрей Чебуркин, который в 1940-е гг. работал надзирателем в Норильске, сообщает, что он получал, помимо достаточно высокой исходной зарплаты, 10% процентов надбавки каждые *шесть* месяцев (цит. по: Applebaum Anne. *Gulag. A History*, New York: Doubleday, 2003. С. 266). Об аналогичной практике пишет и Варлам Шаламов по отношению к вольнонаемным работникам Дальстроя в одном из своих рассказов (цит. по немецкому изданию: Warlam Schalanow[!]. «Artikel 58»: Aufzeichnungen des Häftlings Schalanow. Köln: Friedrich Middelhaue, 1967. S. 140). Эта информация характерна и для Норильска, поскольку в апреле 1939 г. Норильстрой по зарплате был приравнен к Дальстрою (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1008. Л. 96).

³ Сетко-Сеткевич Э. Указ. соч. С. 9.

⁴ Торбин С.С. Указ. соч. Л. 129.

лишения свободы, в основном по статье 58—16 (измена Родине военнослужащим)¹.

В целом «вольнонаемные» работники Норильска представляли собой в огромном большинстве группу, имевшую лагерное прошлое и в силу этого обделенную в материальном плане. Структура вольнонаемной рабочей силы комбината в послевоенные годы наглядно представлена в докладе начальника Норильлага В.С. Зверева о состоянии и работе ИТЛ за 1950 г.: «[...] на производственных объектах Комбината из числа 25000 вольнонаемных работают: бывших судимых 15000 человек, спецпереселенцев 3997 и ссыльных 1000 человек [...]»².

Распределение заключенных и вольнонаемных по различным сферам труда

Рассмотрим специфику использования труда заключенных и вольнонаемных на Норильском комбинате. В ежегодных бухгалтерских отчетах комбината имеются подробные данные по распределению персонала обеих групп. Опираясь на этот материал, можно получить более конкретное представление о том, в каких сферах труда работала основная масса работников обоих контингентов в 40-х годах.

Что касается заключенных, то до 1949 г. около половины, а то и больше, работали на строительстве, между тем как в этой сфере вольнонаемные работники трудились в сравнительно незначительном количестве. Это соответствует распространенному представлению, что труд заключенных преимущественно использовался на трудоемких строительных объектах и что сложные и крупные строительные проекты в период существования сталинских лагерей были реализованы практически исключительно за счет труда узников. Но, с другой стороны, использование их труда отнюдь не ограничивалось строительными работами. Широко применялся принудительный труд также в производственной сфере, т.е. в шахтах и цехах комбината, на подсобных и вспомогательных работах. При этом в течение 40-х гг. практически одинаковым образом росла численность и з/к, и в/н в категориях производственного персонала, как промышленного, так и непромышленного. В связи с этим следует отметить, что с начала и до конца 40-х годов. Норильский комбинат претерпел значительные изменения в структуре своего производственного профиля. В то время как добыча угля и руды была начата уже в 30-х годах и в дальнейшем последовательно расширялась, продукция основных отраслей комбината, связанных с

¹ Торбин С.С. Указ. соч. Л. 131. — Автор датирует появление «спецконтингента» августом 1946 г., в чем он, видимо, ошибается, поскольку архивные документы говорят о том, что эти люди доставлялись в Норильск, начиная с августа 1945 г. См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 430. Л. 26 об., 27, 30, 33 об., 34; Д. 447. Л. 1 об., 2, 14 об., 15, 22 об., 23, 38 об., 39.

² Там же. Д. 151. Л. 33.

производством никеля, платиноидов, меди и кобальта берет свое начало в 1941—1942 гг., а больших объемов она достигла только к середине 40-х годов (что касается никеля) или даже ко второй половине (черновая медь), а то и к концу 1940-х гг. (платиноиды, электролитная медь). Это развитие, естественно, было связано с постепенным вводом в эксплуатацию все новых цехов и заводов комбината, а также с расширением производственной мощности существующих. Если сопоставить производственные группы обеих категорий работников (рис. 4), то становится ясно, что, несмотря на сдвиги в структуре производства Норильского комбината на протяжении 40-х годов, доля использования труда заключенных в ключевых секторах существенным изменениям не подвергалась: хотя к 1946 г. доли з/к и в/н в производственном персонале комбината почти уравнились, к концу 40-х годов, в связи с большим приростом числа заключенных в Норильлаге, их доля опять приблизилась к 2/3.

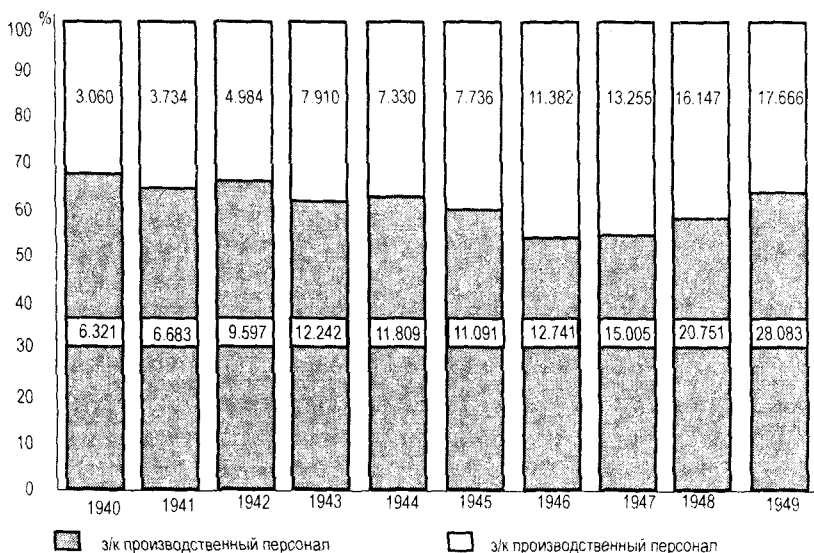

Рисунок 4

Соотношение заключенных и вольнонаемных работников среди производственного персонала комбината

Источники: см. источники к рисунку 3.

Если заключенные уже в производственной сфере на протяжении всех 40-х годов составляли большинство работников, то в другом центральном секторе экономической деятельности Норильского комбината — в капитальном строительстве, они доминиро-

вали. Но помимо этих секторов, существовали еще другие, где, наоборот, вольнонаемные по численности преобладали над заключенными. Таким исключением являлся, например, сельскохозяйственный сектор. С начала 40-х годов для обеспечения комбината и лагеря продуктами, в составе комбината были организованы совхозы, главный из которых находился в поселке Курейка на Енисее, в 400 км на юг от Норильска. Там же был организован лагерьный пункт Норильлага, но, тем не менее, количество вольнонаемных работников в сельском хозяйстве комбината всегда превышало число заключенных (к примеру: 1943 г.: 1044 в/н — 752 з/к; 1946 г. 3180 — 1176; 1949 г. 2126 — 1102, соответственно¹). Большой была также доля вольнонаемных, работавших в торговой сети комбината, в тех хозяйственных отделах, которые отвечали за обслуживание вольнонаемного состава и в прочих подсобных и вспомогательных структурах. Соотношение численности занятых в этой сфере за отдельные годы было следующим: 1944 г. 2807 в/н — 1427 з/к; 1946 г., соответственно — 3873 и 1170; 1948 г. — 4289 и 1941².

Однако в то время как в этих (вспомогательных) секторах существенную часть работников составляли все же заключенные, на строительных работах, наоборот, труд вольнонаемных находил применение в крайне ограниченных объемах³. Таким образом, самые трудоемкие и изнурительные работы, очевидно, были предусмотрены исключительно для заключенных, тогда как все остальные виды работ могли быть выполнены и в/н, и з/к. Поэтому можно утверждать, что заключенные для Норильского комбината представляли собой поистине универсальный и, ввиду численного доминирования, основной трудовой ресурс: они использовались во всех секторах и строительства, и производства.

Профессиональная структура

Другой аспект использования рабочей силы на Норильском комбинате связан с распределением работников не только по сферам работы, но и по профессиональным группам, по их месту в производстве. В воспоминаниях бывших заключенных имеется много свидетельств о том, что в Норильлаге многие заключенные,

¹ ГА РФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 56. Л. 44; Д. 101. Л. 124—125; Д. 174. Л. 102.

² Там же. Д. 71. Л. 30; Д. 101. Л. 124—125; Д. 155. Л. 145. — Данные имеются только с 1944 г. Причем, вольнонаемные работники этой категории не причисляются к группе «А», поскольку они работали на обслуживании собственного контингента, а не на производстве. Заключенные, работавшие в этой группе, наоборот учитывались как работники внелагерных структур, а потому и относились к группе «А». Зато туда, в свою очередь, не были включены те несколько тысяч заключенных, которые работали на «лагхозобслуге», т.е. на обслуживании заключенного контингента.

³ См. ниже Таблицу 3.

имевшие подходящую профессиональную подготовку¹, использовались по их специальности на соответствующих должностях². Причем в таких источниках практика внимательного отношения к специалистам из числа заключенных часто связывается с личностью А.П. Завенягина, знаменитого второго начальника комбината (в честь которого тот позже был назван), занимавшего этот пост с апреля 1938 г. по март 1941 г.³ Приводим в этом контексте цитату из приказа Л.П. Берии 1940 г.: «приказываю: [...]. Полностью использовать всех специалистов из заключенных на (Норильском. — *Авт.*) комбинате из 1200 специалистов используется по специальности только 623), преимущественно на производстве, наиболее квалифицированных из них — в качестве технических руководителей»⁴. Очевидно, что использование квалифицированных специалистов-заключенных на ответственных должностях в Норильске не являлось самостоятельной инициативой Завенягина, а соответствовало политике ГУЛАГа и НКВД, проводимой в условиях недостатка специалистов на срочном строительстве в сложных условиях⁵. Однако, получив работу по специальности, заключенный не всегда мог быть уверен в том, будет ли он на ней постоянно работать. С началом войны, к примеру, начальство лагеря стало снимать заключенных с должностей, близких к руководству — то ли из соображений безопасности⁶, то ли вследствие притока партийных функционеров в Норильск, избегавших таким образом при-

¹ В Норильске это, прежде всего, означало: инженеры и специалисты, окончившие геологические, горные, горно-металлургические, химические или прочие технические институты. Но, разумеется, что и другие специальности, как бухгалтеры, экономисты, врачи и пр. могли оказаться полезными.

² См. например: Чебурекин П.В. Воспоминания (без названия) // Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 15—16; Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 28; Торбин С.С. Указ. соч. Л. 124; Старовойтов А.Е. Указ. соч. // Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 40; Нумеров Н.В. Указ. соч. С. 402.

³ См. например: Равдель З.И. Капля океана [воспоминания, 1960] // Московский Архив «Мемориал». Ф. 2. Оп. 1. Д. 100. Л. 133—135; Соколов А.П. Мне повезло: я по спецнаряду // Возвращение памяти. Историко-архивный альманах. Новосибирск, 1997. С. 266—273, здесь: С. 267. — Автору цитируемого произведения работа была предложена самим Завенягиным.

⁴ Приказ НКВД № 0424 от 27-го сентября 1940 г. «О мероприятиях по улучшению работы Норильского комбината».

⁵ Такая гипотеза подтверждается случаем вышеуказанного бывшего заключенного Соколова, который, будучи металлургом и находясь в другом лагере на положении рядового заключенного, написал заявление в ГУЛАГ с просьбой о получении работы по специальности, в результате чего он был отправлен в Норильск, где и стал работать в химической лаборатории комбината. См.: Соколов А.П. Указ. соч. С. 266—267.

⁶ Так предполагает Ф.И. Винтенс (Указ. соч. Л. 35).

зыва на фронт¹. Правда, с 1943 г., когда положение Красной Армии на фронтах войны резко улучшилось, многим заключенным (причем даже политическим) опять представилась возможность работать по специальностям. Как бы то ни было, те заключенные, которым предоставлялась возможность получить более квалифицированную (и, как правило, более удобную) работу, всегда составляли лишь маленькую часть всего лагерного населения. Насколько она была маленькой — можно узнать только из статистических материалов Норильлага, объем которых слишком велик: поэтому мы ограничимся данными по тем двум секторам, в которых работало наибольшее количество людей — промышленно-производственному сектору и капитальному строительству.

Таблица 2

**Распределение промышленно-производственного персонала
Норильского комбината по месту в производстве**

	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	961	2.728	1.246	2.783	2.364	5.227	3.758	6.817	4.256	7.221
из них:										
Рабочих	639	2.375	895	2.498	1.545	4.798	2.329	6.106	3.096	6.436
ИТР*	198	199	221	186	376	275	591	392	714	462
Служащих	97	124	100	83	195	118	269	235	336	153
МОП**	19	30	18	15	248	36	544	65	89	64
Учеников	8	—	12	1	—	—	25	19	21	106

	1945 г.		1946 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	5.043	7.432	7.074	7.806	7.796	8.278	8.418	11.539	8.578	14.386
из них:										
Рабочих	3.964	6.779	5.554	7.096	6.022	7.615	5.612	10.532	5.406	13.305
ИТР*	747	453	1.102	481	1.310	442	1.441	512	1.786	496
Служащих	233	125	283	143	339	140	368	185	425	216
МОП**	55	73	71	73	65	62	74	71	53	81
Учеников	44	2	64	13	60	19	—	50	14	20

Источники: см. источники к рисунку 3.

Примечания:

* ИТР — инженерно-технические работники.

** МОП — младший обслуживающий персонал.

¹ См.: Керсновская Е. Указ. соч. С. 220.

**Распределение персонала капитального строительства
Норильского комбината по месту в производстве**

	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	1.550	9.446	1.360	10.490	1.857	10.732	2.745	11.253	2.644	12.875
из них:										
Рабочих	809	8.722	665	9.701	1.067	9.863	1.728	10.401	1.728	12.009
ИТР	346	470	373	520	525	623	634	610	738	653
Служащих	327	222	250	240	223	222	281	213	153	192
МОП	—	—	70	29	42	24	102	29	25	21
Учеников	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—

	1946 г.		1947 г.*		1948 г.		1949 г.	
	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к	в/н	з/к
Всего:	3.789	18.831	—	—	2.512	21.514	2.020	19.315
из них:								
Рабочих	2.477	17.735	—	—	1.297	20.574	946	18.485
ИТР	1.032	795	—	—	925	691	806	616
Служащих	248	281	—	—	239	234	206	206
МОП	32	20	—	—	51	15	62	8
Учеников	—	—	—	—	—	—	—	—

Источники: ГА РФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 10. Л. 11; Д. 41. Л. 4; Д. 57. Л. 22—23; Д. 69. Л. 73; Д. 96. Л. 54—55; Д. 102. Л. 62; Д. 144; Д. 174. Л. 107—108.

Примечание: * За 1947 г. данные не выявлены.

Данные Таблиц 2 и 3 не вызывают удивления: в среднем в обоих рассматриваемых секторах около 90%, а к концу периода даже около 95% всех заключенных работали в качестве простых рабочих. Возможность иметь более квалифицированную (и, как правило, более безопасную) работу, в частности, в качестве инженерно-технического персонала (ИТР) предоставлялась только очень ограниченному контингенту заключенных. Для них такая работа означала не только физически менее тяжелый труд, но и включала несколько улучшенный паек и прочие льготы¹. Однако их доля в группе всех заключенных была несравнимо меньше доли ИТР среди вольнонаемного персонала: в капитальном строительстве, например, за весь период около 3—5% заключенных работали на инженерно-технических должностях, в то время как соответствующий показатель в группе вольнонаемных достигал в среднем за весь период 29%, а к 1949 г. даже 40%. В результате этого, несмотря на то, что абсолютная цифра вольнонаемных работников в капитальном строительстве в течение всего периода в несколько

¹ Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 33.

раз уступала числу заключенных, с 1944 г. вольнонаемных среди ИТР оказалось значительно больше, чем заключенных. Данные Таблицы 2 показывают, что для промышленно-производственного персонала ситуация была практически такой же. Впрочем, анализ Таблиц 2 и 3 позволяет сделать такие же выводы и для других категорий служащих, МОП (младшего обслуживающего персонала), и, с некоторыми ограничениями, для учеников. И только для категории «рабочие» картина была диаметрально противоположной.

Некоторое преобладание заключенных среди ИТР в капитальном строительстве в начале 40-х годов (см. Табл. 3) дает основание обратиться к данным за еще более ранний период строительства комбината: в 1938 г., к примеру, на строительно-монтажных работах было занято 2499 заключенных и только 109 вольнонаемных. При этом 198 заключенных (или 6,6% от общего их числа) работали в качестве ИТР, а из вольнонаемных на должностях ИТР находились 56 чел. (или 51,4% от их общего числа)¹. Эти данные свидетельствуют о том, что назначение заключенных на посты инженеров и специалистов, особенно в начальном периоде работы строительства и комбината, было неизбежным по той простой причине, что число вольнонаемных работников было недостаточным. Когда эта ситуация стала меняться, вольнонаемные постепенно начали заменять заключенных на их постах. Это не обязательно говорит о процессе вытеснения — нередко заключенным, работавшим на постах специалистов, руководителей цехов или производственных участков, после их освобождения предлагалось оставаться на той же или на близкой по специальности должности уже по вольному найму — правда, без северных льгот, установленных для обыкновенных вольных работников². Такая политика закрепления бывших заключенных-специалистов с многолетним опытом работы на комбинате, безусловно, способствовала более эффективной и бесперебойной его работе. Однако не все решения по Норильскому комбинату принимались исключительно по мотивам экономической целесообразности: в 1950 г. было принято постановление о снятии с работы и высылке из Норильска (где многие из них до этого должны были оставаться против своей воли!) всех бывших политических заключенных, занимавших административные должности³, — притом, что как раз доля политзаключенных среди этой группы была непропорционально высока.

Резюмируя результаты анализа распределения заключенных и вольнонаемных по их месту в производстве, мы можем утверждать, что абсолютное большинство заключенных Норильлага, как и следовало ожидать, использовались в качестве простых рабочих, усло-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 1118. Л. 67—68.

² См.: Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 41; Торбин С.С. Указ. соч. Л. 129, 134; Старовойтов А.Е. Указ. соч. С. 43; Керсновская Е. Указ. соч. С. 220—221; Асанов И. Указ. соч. С. 14.

³ Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 41—42.

вия труда которых были очень тяжелыми. Работа в качестве специалистов, на ответственных должностях выпадала только малой части всех заключенных. Причем работа узников в качестве ИТР была больше распространена в начальный период существования комбината, когда количество вольнонаемных работников было недостаточным. Позже, в условиях наличия большего контингента вольнонаемных в Норильске, они стали преимущественно назначаться на административные и технические должности, а доля заключенных, занимавших эти позиции, соответственно, стала сокращаться.

3. Методы стимулирования труда заключенных Норильлага

Принято считать, что системы стимулирования производительного труда включают три основных составляющих: вознаграждение, побуждение и принуждение. В нормальных условиях производства ведущую роль играет, как правило, вознаграждение. Естественно ожидать, что стимулирование труда в условиях лагеря производилось исключительно принудительными мерами. Однако так ли это было в Норильлаге?

Принуждение

Начнем с того, что принудительный труд в сталинских лагерях регулировался строгими, а нередко и жесткими наказаниями. Так, в соответствии с «Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», введенной приказом НКВД от 2 августа 1939 г., заключенные, отказывающиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а «злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере», привлекались к уголовной ответственности. За нарушения трудовой дисциплины на заключенных налагались взыскания. В зависимости от характера таких нарушений, могли быть наложены следующие взыскания: а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; б) перевод на общие работы; в) перевод на штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев; г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; д) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т.п.).

С другой стороны, известно, что администрация любого лагеря и любой колонии НКВД—МВД постоянно вела борьбу с «туфтой», скрытой формой отказа от работы или ее имитацией¹. Если же

¹ Не удивительно, что об этом феномене источников имеется весьма мало. Для Норильска см., к примеру: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 854. Л. 12; См. также: Супруненко Н. Не искажая историю // Норильский Мемориал. Выпуск 1. Апрель 1990. С. 4—7. (Текст был написан в 1977 г. для газеты «Красноярский Комсомолец», но не был опубликован.)

принять во внимание, что важнейшей функцией начальства каждого лагеря являлось обеспечение выполнения производственного плана, то использование одних лишь репрессивных мер означало бы сужение спектра возможных воздействий на повышение трудовой дисциплины и производительности труда заключенных. На самом деле в лагерной системе применялась многосторонняя и довольно своеобразная система стимулов к работе¹. С одной стороны, она включала трудовые стимулы, применявшиеся в то время на советских предприятиях; с другой стороны, лагерная экономика вносила и здесь свою специфику. Норильский комбинат является подходящим объектом для изучения этой системы, так как речь идет о промышленном объекте всесоюзного значения, для которого заинтересованность в максимально эффективном использовании труда заключенных должна была быть особенно высокой.

Нормы и стимулы

Оценка производительности труда на экономических объектах НКВД—МВД, так же, как и в целом в централизованной планово-командной экономике, была основана на выполнении установленных производственных норм. Соответственно, любая система премирования должна была ориентироваться на их выполнение. В принципе, в лагерях применялись единые нормы, действовавшие в соответствующих отраслях экономики страны. Так было и в Норильлаге, по крайней мере, в первые годы строительства комбината, несмотря на расположение лагеря за Полярным кругом. Начальство Норильстроя критиковало эту практику, подчеркивая, что «несоответствие единых общесоюзных норм условиям Заполярья общепризнанно» и что их применение приводит к неизбежному снижению сметных расценок работ². В то же время, правда, применялись и уменьшенные нормы, но они были рассчитаны, прежде всего, «на освоение новых типов работ и восстановление физических сил (работников. — *Авт.*)»³. Действительно, для слабосильных рабочих нормы выработки могли быть снижены до 50% по сравнению со стандартными⁴.

Надо отметить, что, хотя нормы были установлены для самых разнообразных видов работ и регулировали труд заключенных почти во всех сферах производства, существовали и такие производственные участки и секторы, труд на которых не поддавался строгому нормированию. С одной стороны, это касалось деятельности большей части инженерно-технического и обслуживающего

¹ Некоторые аспекты этой проблемы затронуты в статьях ряда авторов данного издания.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 д. Д. 968. Л. 45.

³ Там же. Д. 854. Л. 2 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 8361. Оп. 1 д. Д. 69. Л. 22.

персонала, но с другой — и некоторых видов работ, выполняемых рабочими¹.

Там, где производственные нормы были установлены, универсальная система стимулирования заключалась в том, что от их выполнения зависели основные вопросы жизни заключенных. Как известно, выполнение норм менее чем на 100% немедленно влекло за собой сокращение пайка². Применение такого рода «стимулов», разумеется, нередко вызывало обратный эффект, инициируя своего рода заколдованный круг: сокращение пайка вследствие невыполнения нормы приводило к утрате сил заключенного, в силу чего он тем более не мог выполнять нормы. Долгосрочными результатами этого процесса являлись атрофия и, наряду с этим, такие заболевания, как дизентерия и туберкулез. Немало заключенных, измученных таким образом, умирали, что нередко приходилось наблюдать и в Норильлаге³. С другой стороны, заключенным, которые могли перевыполнять нормы, улучшенное питание и прочие льготные условия немного облегчали лагерную жизнь. Расширению эффективности такой системы стимулирования способствовало ее применение на уровне бригад, в которых, как правило, были организованы работающие узники. Это означало, что результаты работы каждого отдельного заключенного непосредственно сказывались на коллективном результате бригады, от которого опять-таки зависело получение пайка для каждого ее члена. Таким образом, внутри бригад зачастую срабатывали механизмы поддержания необходимой трудовой дисциплины, заставлявшие напряженно работать и самых слабых заключенных — или путем оказания взаимопомощи, или в виде группового давления — а чаще всего с помощью и того, и другого⁴. Следует отметить, что важную роль в этом процессе играли бригадиры. Они назначались из числа «наиболее дисциплинированных и добросовестно проявивших себя на работе заключенных», отвечали за выполнение производственного задания и качество работы как бригады в целом, так и каждого заключенного — члена бригады, а также за сохранность инструмента и соблюдение бригадой правил внутреннего распорядка⁵.

¹ Практически невозможно, к примеру, было нормирование работ на снегоуборке. См.: Одолинская Н.Ф. Указ. соч. С. 133—134.

² Так как вопросы питания и снабжения продовольствием в лагерях должны быть предметом отдельного исследования, здесь лишь указывается на приказ № 00943 НКВД от 14 августа 1939 г., в соответствии с которым установились подробные схемы норм питания и вещевого довольствия для заключенных лагерей и колоний, включая увеличенные и уменьшенные нормы.

³ Керсновская Е. Указ. соч. С. 237.

⁴ Наглядные описания таких механизмов см.: Равдель З.И. Указ. соч. С. 154; Одолинская Н.Ф. Указ. соч. С. 104.

⁵ Инструкция по режиму содержания заключенных в ИТЛ и колониях МВД 1947 г. См. также: Равдель З.И. Указ. соч. С. 110.

Побудительные стимулы

Помимо описанной стандартной системы стимулирования, которая охватывала практически всех заключенных, в лагерях — как и во всей экономике страны того времени — были распространены различные индивидуальные программы повышения производительности труда, включая наиболее известную — стахановское движение.

Принципиально в отношении заключенных, соблюдавших режим, хорошо проявивших себя на производстве и перевыполнявших установленную норму, могли применяться следующие меры поощрения со стороны лагерного руководства: а) объявление благодарности перед строем или в приказе с занесением в личное дело; б) выдача премии (денежной или натуральной); в) предоставление внеочередного свидания; г) предоставление права получения посылок и передач без ограничения; д) предоставление права перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 100 руб. в месяц; е) перевод на более квалифицированную работу. Кроме того, десятник в отношении хорошо работавшего заключенного мог ходатайствовать перед прорабом или начальником лагпункта о предоставлении заключенному льгот, предусмотренных для стахановцев.

Заключенным, работавшим «стахановскими методами труда»¹, предоставлялся целый ряд специальных, дополнительных льгот, в частности: а) проживание в более благоустроенных бараках, оборудованных топчанами или кроватями и обеспеченных постельными принадлежностями, культуголкой и радио; б) специальный улучшенный паек; в) отдельная столовая или отдельные столы в общей столовой с первоочередным обслуживанием; г) вещевое довольствие в первую очередь; д) преимущественное право пользования лагерным ларьком; е) первоочередное получение книг, газет и журналов из библиотеки лагеря; ж) постоянный клубный билет на занятие лучшего места для просмотра кинокартин, художественных постановок и литературных вечеров; з) командирование на курсы внутри лагеря для получения или повышения соответствующей квалификации (шофера, тракториста, машиниста и т.д.)².

Численность заключенных Норильлага, работавших «стахановскими методами», естественно, постоянно варьировалась, и сведения об этом пока имеются только по отдельным периодам времени и секторам работ. К примеру, можно привести данные за 1943 г., когда 17,5% из 9863 заключенных и 31,5% из 1067 вольнонаемных рабочих по капитальному строительству считались ста-

¹ Так как заключенных официально не следовало считать «полноценными» стахановцами, для них специально было введено выражение «работавшие стахановскими методами труда». Однако, похоже, не все сотрудники в администрации лагерей соблюдали эту языковую норму, ибо в отчетах Норильского комбината говорится о «стахановцах» как по отношению к вольнонаемным, так и к заключенным.

² Приказ № 00889 НКВД от 02 августа 1939 г.

хановцами¹, так что уровень вовлеченности узников в это движение был достаточно значительным. Сходные меры поощрения были приняты и для заключенных, имевших звание ударников.

Оценка эффективности такого рода стимулов, напрямую связывавших условия жизни заключенных с производительностью их труда, практически невозможна. С одной стороны, поощрение передовиков, создание условий, имевших для них жизненное значение и потому являвшихся мощными стимулами, повышало производительность труда определенной части заключенных (для администрации же лагеря это означало весьма незначительные дополнительные расходы на премирование). Об этом свидетельствуют, например, воспоминания бывшего заключенного З.И. Равделя. С 1939 г. ему и его бригаде (он сам был бригадиром) пришлось работать в штольнях Норильского комбината в весьма тяжелых условиях (летом туда поступало много воды, что приводило к многочисленным простудам), при недостаточных мерах безопасности². Однако при этом он с подъемом говорит о производственных достижениях бригады: «Мы все время были на красной доске, получали дополнительное питание, лучшее обмундирование, право на покупку продуктов в ларьке, право на получение писем и пользовались рядом других льгот, установленных для лучших бригад»³. В 1941 г. З.И. Равдель даже отказался от возможности устроиться на более квалифицированную и менее тяжелую работу в лагере, поскольку работа бригадиром ему «импонировала», а также из-за хороших отношений со своим коллективом⁴.

С другой стороны, потери рабочей силы, вызванные лагерной системой стимулирования среди той части контингента, которая не смогла приспособиваться к тяжелым условиям труда и жизни в лагере⁵, являются достаточной причиной — даже без учета ее очевидных моральных издержек — серьезно сомневаться в экономической эффективности рассматриваемой системы стимулов в целом.

«Зачеты» рабочих дней

Наряду с данной системой стимулирования существовали и другие, которые состояли только из компонентов, поощрявших высокую производительность труда заключенного (и не имевших «наказательного» компонента). Одна из них связана с практикой засчитывать заключенному один отработанный с перевыполнением установленной нормы рабочий день за полтора, два (или еще

¹ ГА РФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 57. Л. 22—23, 38 об.

² Равдель З.И. Указ. соч. С. 117—119.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Так, по словам бывшего заключенного Норильлага, Ф.И. Винтенса, многие из членов его бригады не были приспособлены к тяжелому физическому труду в условиях Заполярья, что привело к неэффективности работ и к потере людей. См.: Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 32.

больше) дня его срока заключения. Результатом такой практики являлось досрочное освобождение заключенных, положительно проявивших себя на работе. Такая система в исправительно-трудовых лагерях, а также в колониях и даже в тюрьмах практиковалась еще в 1930-е гг., однако приказ Берии летом 1939 г. упразднил систему «зачетов» по всем местам заключения НКВД и отменил все зачеты рабочих дней, накопленные заключенными на тот момент. При этом аргументация сводилась к тому, что существовавшая практика зачетов означала во многих случаях, что осужденные фактически отбывали лишь половину или даже треть своего срока, а это шло вразрез с принципом максимального использования лагерной рабочей силы. Данный документ, правда, не совсем исключал сокращение срока заключения как способа поощрения: для отдельных заключенных, дающих в течение длительного времени высокие показатели производительности труда, возможность условно-досрочного освобождения сохранялась. В таких случаях решение принимала Коллегия или Особое совещание НКВД по специальному ходатайству начальника лагеря и начальника политотдела. Излишне добавлять, что такую возможность следовало считать крайним исключением. Относительно основной массы заключенных, в приказе выдвигались другие варианты поощрения, в частности: улучшенное снабжение и питание, денежное премирование, свидания с близкими родственниками, общее улучшение бытового положения и т.п. В целом же данный приказ был написан в духе общего ужесточения режима и трудовых условий в лагерях, он содержит также требования о значительно более суровом обращении с «отказчиками».

Свидетельства бывших заключенных Норильлага лишь частично соответствуют положениям этого официального регулирования. Действительно, они подтверждают, что в 40-х годах в Норильске не было системы зачетов рабочих дней, а существовал только тот вариант поощрения, в соответствии с которым «по ходатайству комбината перед правительством, специальным решением за отличную работу могли снизить срок наказания»¹. Однако, эта информация относится только к «политзаключенным», в то время как заключенным, осужденным по бытовым статьям, зачеты (по свидетельству бывших узников) по-прежнему производились². В силу отсутствия прочих официальных документов, нельзя выяснить, был ли запрет системы зачетов, принятый в 1939 г., позже частично снят в пользу «бытовиков» или речь идет об инициативе местной лагерной администрации. К концу 40-х годов, однако, и официальные документы, и мемуары заключенных единогласно

¹ Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 40—41. Притом самому автору, работавшему на ответственной должности в химической лаборатории, за многочисленные достижения в области совершенствования технологии дважды был сокращен оставшийся срок осуждения — первый раз на полгода, а второй раз на целый год.

² Равдель З.И. Указ. соч. С. 154, 224; Винтенс Ф.И. Указ. соч. Л. 40.

свидетельствуют о повороте в политике зачетов рабочих дней. Совместным приказом МВД и Генеральной Прокуратуры СССР в июле 1948 г. была введена в действие инструкция о зачете рабочих дней для заключенных, содержащихся в лагерях Дальстроя¹. Существенным моментом в этом документе являлось положение о том, что право на зачеты рабочих дней предоставлялось всем работающим заключенным, в том числе осужденным на каторжные работы, независимо от установленного для них срока наказания, статьи осуждения и времени пребывания в лагере. При этом необходимыми и достаточными условиями для получения зачетов были достижение заключенными соответствующих производственных показателей и соблюдение установленного в лагере режима. Размеры зачетов за один отработанный день зависели от размера перевыполнения производственной нормы. На основных объектах, к примеру, они охватывали спектр от 1,5 дня при выполнении норм выработки на 100—110% до 3-х дней за день в случае выполнения норм на 151% и выше. Практически такая же инструкция к концу 1948 г. была введена на объектах Главпромстроя МВД СССР постановлением Совета Министров СССР № 4630-1808сс от 17 декабря 1948 г. Обе эти инструкции в дальнейшем постепенно распространились на значительное количество других лагерей. Однако, для большинства заключенных лагерей и колоний МВД эти стимулы вступили в действие лишь после смерти Сталина². По отношению к заключенным Норильлага инструкция, действовавшая по Дальстрою, была введена в действие в мае 1950 г.³ Правда, на ее базе в там было принято специальное решение, о чем сохранилась полная документация в архивных фондах ГА РФ. Уже через три недели после введения в Норильске системы зачетов рабочих дней начальство Норильлага обратилось к ГУЛГМП с просьбой об изменении применяемых шкал зачетов для отдельных групп работников комбината. Аргументация заключалась в том, что в ключевых цехах комбината рабочие-металлурги в тяжелых и вредных условиях работали на агрегатных нормах, перевыполнение которых достигалось только ценой сверхусилий и за все время существования комбината никогда не превышало 115%. В результате применения шкалы по зачетам рабочих дней, установленной для Дальстроя, работники этих цехов могли бы получать максимум 0,75 дополнительного дня зачета за один отработанный день. То же самое касалось горных работ, где больше 90% работников входили в состав комплексных бригад, из которых самые лучшие практически не могли выполнять нормы на более чем 125—130%, и, соответст-

¹ Приказ МВД/Генпрокурора СССР № 00683/150сс от 21 июля 1948 г. во исполнение постановления Совета Министров СССР № 1723-688сс от 22 мая 1948 г. См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 151. Л. 281.

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 369. Л. 45; Д. 507. Л. 54; Д. 202. Л. 24, 78.

³ Постановление Совета Министров СССР № 1547-590сс от 13 апреля 1950 г. и приказ МВД № 00287 от 04 мая 1950 г. См.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 151. Л. 281.

венно, в крайнем случае не получали бы больше 1,0 дня зачетов. Инженерно-технические работники металлургических цехов комбината не могли бы получать больше чем 0,5 дня зачета, поскольку, в силу отсутствия для них индивидуальных норм, их премирование зачетами по данной шкале зависело бы от выполнения плана по выпуску никеля, установленного для всего комбината. Однако к тому времени выпуск никеля за всю историю комбината еще никогда не составлял больше 4% сверх плана. В связи с этим В.С. Зверев, начальник Норильского лагеря и комбината, обращал внимание на то, что в соответствии с предложенной к применению в Норильлаге шкалой, работники более простых профессиональных групп, занятых в подсобных и вспомогательных хозяйствах, вполне реально могли бы рассчитывать на 2 дня зачета. По его мнению, горная и металлургическая отрасли промышленности имели решающее значение для Норильского комбината «и поэтому будет совершенно неправильным оставлять их в одной рубрике со многими другими (строители, энергетики, механики и др.)»¹. Исходя из этого руководство лагеря и комбината разработало альтернативные шкалы для упомянутых выше трех категорий заключенных — работников комбината. Предлагалось зачислять²:

Заключенным, работающим в металлургических и обогатительных предприятиях на агрегатных нормах:

При выполнении месячной нормы

от 100% до 105%	1,5 дня
от 106% до 110%	1,75
от 111% до 115%	2
от 116% до 120%	2,5
от 121% и выше	3

Инженерно-техническим работникам, работающим непосредственно в металлургических и обогатительных цехах, от которых зависит выполнение производственных планов руководимыми участками (сменой, пределом, цехом и т.п.):

При выполнении плана руководимым участком
на 100%

до 2 дней

При перевыполнении плана и выполнении всех техно-экономических показателей (себестоимость, производительность, расходные коэффициенты, травматизм и др.)

до 3 дней

Заключенным, работающим в горных предприятиях:

При выполнении месячной нормы

от 100% до 105%	1,5 дня
от 106% до 115%	1,75

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 151. Л. 285—286, 289.

² Там же. Л. 286—287, 290.

от 116% до 125%	2
от 126% до 135%	2,5
от 135% и выше	3

Это предложение нашло одобрение как ГУЛГМП, так и ГУЛАГа. Впоследствии ГУЛАГом и Генеральной прокуратурой СССР совместно был разработан проект распоряжения, которое должно было узаконить эти предложения. Его текст был готов и согласован уже к августу 1950 г.¹, но сам документ был принят только осенью следующего, 1951 г.² Правда, эта задержка фактически не играла существенной роли, поскольку Зверев уже в июне 1950 г. сообщил, что предложенные им три раздела шкалы зачетов рабочих дней были введены в практику Норильлага еще до утверждения упомянутого проекта³. Эта деталь весьма любопытна, ибо она свидетельствует об определенной свободе действий, которой начальник крупного лагеря обладал при решении вопросов организации труда заключенных. При этом начальство Норильлага, очевидно, действовало, руководствуясь собственной заинтересованностью в создании более эффективного стимулирования труда заключенных.

Остается добавить, что, по воспоминаниям бывших заключенных, система зачетов рабочих дней с начала 50-х годов действительно нашла широкое применение в Норильлаге. Имеются сведения не только об ее существовании, но и о различных шкалах для отдельных производственных участков⁴.

Вознаграждение: «денежное поощрение»

Третья система стимулирования труда в лагерях заключалась в дифференцированной выплате заключенным денег за выполненную ими работу. Эти деньги в административных документах изначально и вплоть до конца 1940-х гг. обозначались терминами «денежное поощрение» или «денежное премиальное вознаграждение». Понятие «зарплата» тоже иногда употреблялось, но официально такое название было введено только в 1950 году.

Что касается практики выплаты денежных вознаграждений, то ведомственные документы НКВД—МВД говорят по этому поводу следующее. В соответствии с «Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях» от 1939 г., премиальное вознаграждение обязательно зачислялось на личный счет заключенного. В течение каждого месяца работающим заключенным деньги выдавались в сумме, не превышающей месячного премиального вознаграждения. Кроме премвознаграждения, заключенным, в зависимости от поведения их на производ-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 151. Л. 297—298.

² Там же. Л. 299—300.

³ Там же. Л. 290.

⁴ Рубинштейн С.И. Указ. соч. С. 188—189; Нумеров Н.В. Указ. соч. С. 402.

стве и в быту, могли быть выданы с разрешения начальника лагерного подразделения и личные деньги в сумме не более 100 руб. в месяц. Выдачу премвознаграждения и личных денег предписывалось производить «разновременно по частям с таким расчетом, чтобы **на руках** у заключенного сумма денег не превышала 50 руб.»¹. Примерно такие же положения содержит инструкция 1947 г. по режиму содержания заключенных лагерей и колоний МВД. Здесь уточнялось, что денежное поощрение выплачивалось только в тех случаях, когда заключенные выполняли или перевыполняли производственные нормы.

Чтобы получить представление о том, в каких размерах денежные поощрения выплачивались заключенным Норильлага, нужно обратиться к отчетам о расходах по содержанию заключенных. Цифры, которые в этих документах даются по всему фонду денежного поощрения и по его использованию, представлены на графике рис. 5. Они выражают среднюю сумму денежного поощрения, которая была потрачена на один отработанный человеко-день.

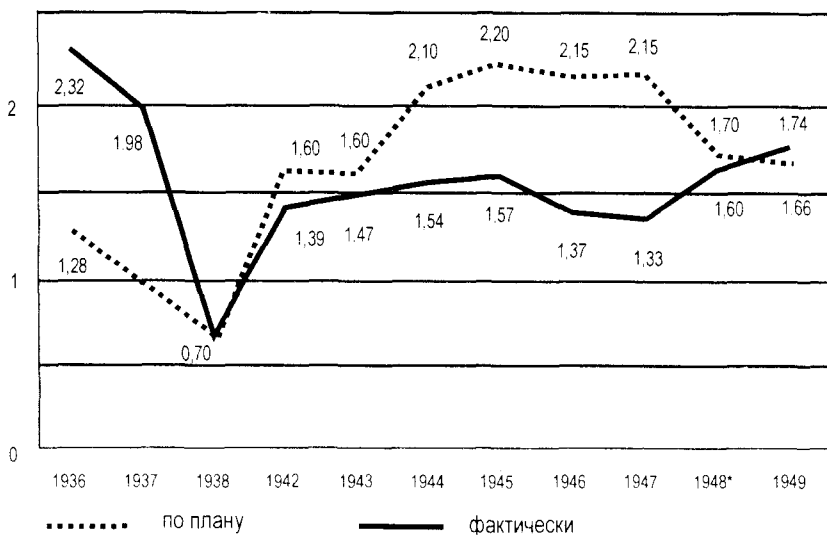

Рисунок 5

Фонд денежного поощрения Норильского комбината и его использование (денежное поощрение на одного з/к работника в среднем за один отработанный день, руб.)

Источники: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 854. Л. 57, 80; Д. 968. Л. 24—26; Д. 969. Л. 10; Д. 1118. Л. 24; Ф. 8361. Оп. 1. Д. 40. Л. 42 об.; Д. 56. Л. 40;

¹ Приказ № 00889 НКВД от 02 августа 1939 г. Выделение жирным шрифтом — в оригинале.

Д. 71. Л. 56; Д. 95. Л. 101; Д. 101. Л. 156; Д. 125. Л. 152 об.; Д. 155. Л. 140; Д. 174. Л. 98.

Примечания:

* Из отчета за 1948 г. видно, что денежное поощрение, установленное планом на этот год, сначала составляло 2,15 руб., затем было снижено до 2,10 руб., и, наконец, до 1,70 руб. за один отработанный день.

** За 1939—1941 гг. данных пока нет.

Отметим, что эти показатели являются усредненными, т.е. они охватывают всех заключенных работников комбината. Поэтому сумма, полученная заключенным за один отработанный день, могла быть несколько выше той, что показана на графике рис. 5, в то время как другие заключенные, не выполнявшие нормы или вообще не работавшие, не получали никаких денег. Однако важнее даже другое. Во-первых, из приведенных данных становится очевидной скудость денежного вознаграждения, получаемого заключенными за их изнурительный труд в тяжелых климатических условиях¹. Во-вторых, можно заметить, что в 1936—1937 гг. средний размер денежного вознаграждения был несколько выше, чем в последующие годы. Некоторые комментарии по этому поводу можно найти в объяснительных записках комбината за указанные годы. По этим документам, значительный перерасход размера премвознаграждений по сравнению с планом в 1936 г. происходил «главным образом за счет нормальной перевыработки, причем частично наблюдается совершенно закономерное повышение среднего премвознаграждения для квалифицированных групп рабочих [...] и частично по отдельным работам допускалось искусственное увеличение премвознаграждения с целью форсирования работ, носящих крайне срочный характер»². Правда, упоминались и случаи «искусственного завышения объемов исполненной работы»³, что влекло за собой также и повышенную выплату поощрений. Цитата о повышенном премировании квалифицированных рабочих наглядно показывает, что первое начальство Норильского комбината⁴ в тот момент активно и целенаправленно пользовалось денежными поощрениями как способом стимулирования. В 1937 г., эта картина немного изменилась: перерасход фонда денежного поощрения теперь уже воспринимался как проблема, с которой нужно было бороться. В тот момент практика вознаграждения была следующая: из суммы оплаты труда заключенным исчислялась стои-

¹ Средний размер денежного вознаграждения заключенного за один отработанный день был в 10—20 раз ниже средней дневной зарплаты рабочего на предприятиях страны (правда, здесь следует учесть расходы на содержание заключенного — так, в конце 30-х годов эта сумма достигала 4-х руб.).

² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 854. Л. 12.

³ Там же.

⁴ Первый начальник Норильского строительства и Норильлага В.З. Матвеев был арестован и заменен А.П. Завенягиным в апреле 1938 г.

мость их содержания, а остальная денежная часть выплачивалась как денежное поощрение. При этом «даже незначительное перевыполнение норм выработки отдельными группами рабочих» могло вызвать большой рост фактически выплачиваемой суммы, что, в свою очередь, могло привести к непропорциональному развитию фонда премвознаграждения по отношению к выполнению плана капитальных работ¹. Меры, принятые начальством комбината «с целью снизить рост премвознаграждения при перевыполнении норм», заключались в разработке и применении с сентября 1937 г. уменьшенной тарифной сетки, а также во введении так называемого «премхлеба». Замысел этого шага заключался в том, что определенное количество хлеба (400 гр.) было «из основного котла переведено в премхлеб, выдаваемый за счет денежной части (премвознаграждения. — *Авт.*)»². Действительно, этими мерами быстро было достигнуто значительное снижение расходов на денежные поощрения для заключенных³. Можно предположить, что такая политика реального сокращения предусмотренных для премирования средств неблагоприятно сказывалась на трудовой мотивации заключенных. Однако мы даже не знаем, насколько эффективно система денежного поощрения в Норильске работала до этого решения. В отчете комбината за 1937 г. дается и следующая информация, которая вызывает некоторое сомнение насчет надежности управления денежными средствами внутри лагерных структур: «Счет депонентов з/к з/к в 1937 г. велся по подразделениям, что вызывало многочисленные злоупотребления, как со стороны рабочих, так и со стороны счетных работников»⁴.

Показательно, что в воспоминаниях бывших заключенных денежные поощрения не занимают заметного места. Если относительно раннего периода Норильлага иногда еще упоминаются такого рода вознаграждения⁵, то в воспоминаниях о 40-х годах редкие высказывания по этому поводу носят откровенно скептический характер: «Официально за работу осужденным шла по ведомости заработная плата, которая, впрочем, до них не доходила и оседала в карманах лагерного начальства. Лишь с 1945 года стали выплачивать какие-то гроши»⁶. По всей видимости, система де-

¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 968. Л. 24—25. Изложенная практика расчета суммы денежного поощрения, очевидно, в 40-х годах реально не применялась, ибо в этот период практически каждый год расходы на содержание заключенных были ниже плановых цифр, что касалось, как видно из рис. 6, и премиальных вознаграждений. В таком случае, при наличии имевшейся на 1937 г. связи между этими показателями, последние фактически должны были быть, наоборот, выше запланированных цифр.

² Там же. Л. 25.

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 969. Л. 10.

⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 968. Л. 9.

⁵ См.: Равдель З.И. Указ. соч. С. 115.

⁶ Ассанов И. Указ. соч. С. 11—12.

нежного поощрения в этот период не играла существенной роли в плане стимулирования труда заключенных. Это относилось и к поощрениям за рацпредложения, поданные заключенными-специалистами. Так, в воспоминаниях бывшего заключенного А.А. Гаевского читаем: «В мае 1942 г. за мое рацпредложение, давшее экономический эффект в сумме 185100 рублей, я был поощрен. Привожу выписку из распоряжения № 74 по Норильскому комбинату НКВД СССР: "За проявленную инициативу выдать инженеру Гаевскому премию в размере 100 рублей с занесением в личное дело и ИТР-питание с 1 июня"¹. Последнее, надо полагать, было значительно более существенным, чем разовая премия в 100 рублей.

Порядок оплаты труда заключенных существенно изменился только к концу 1940-х гг., когда в соответствии с постановлениями Совета Министров СССР № 4293-1703сс от 20 ноября 1948 г. заключенные лагерей Дальстроя за свой труд стали получать заработную плату. Постановлением СМ СССР № 1065-376сс от 13 марта 1950 и последовательным приказом МВД, изданным в апреле 1950 г., зарплата была введена и во всех остальных лагерях (за исключением Особых лагерей) и колониях МВД.

В соответствии с этими документами, переводу на заработную плату подлежали все работающие заключенные, занятые в производстве, строительстве и других секторах, а также заключенные, занятые на внутрилагерных работах. Условия оплаты труда заключенных должны были устанавливаться на основе тарифных сеток и ставок, должностных окладов и поощрительных систем, действовавших для вольнонаемных работников данного сектора экономики, причем с соответствующим понижением этих ставок и окладов. Для тех случаев, когда установленные оклады для вольнонаемных работников отсутствовали, предусматривалось применение тарифных сеток, ставок и окладов, действующих для работников соответствующих предприятий гражданских министерств. Правда, из своей заработной платы заключенные на руки получали только небольшую часть. Из общей суммы сначала удерживались средняя по лагерю стоимость расходов на гарантированное питание², на выдаваемую одежду и обувь, а также подоходный налог. Однако, при всех этих формах удержания, сумма, выдаваемая работающим заключенным на руки, не должна была быть меньше 10% их общего (исходного) заработка.

Система определения условий оплаты труда для заключенных разрабатывалась в индивидуальном порядке. Это означало, что зарплата, формально начисляемая заключенным (т.е. до вычетов), по отношению к соответствующей зарплате вольнонаемных работников снижалась на основе не фиксированного, а переменного ко-

¹ См.: Гаевский А.А. Указ. соч.

² Это означает, что надбавки, которые получали отдельные группы работников, при этом не учитывались.

эффициента. Например, в случаях, когда месячная ставка заключенных, полученная в результате процедуры расчета на базе ставки вольнонаемных, оказывалась ниже суммы обязательных удержаний и установленной минимальной выдачи заработной платы на руки (10% заработка), то тарифная ставка заключенных устанавливалась на уровне месячной ставки вольнонаемных рабочих, т.е. без снижения. Однако ни в коем случае не допускалось, чтобы исходные ставки заключенных превышали ставки вольнонаемных работников. Прогрессивно-сдельные и другие премиальные системы оплаты труда, которые на предприятиях МВД применялись для вольнонаемных рабочих, полагалось применять также к труду заключенных работников, однако с прогрессивным возрастанием за перевыполненную часть нормы расценок, установленных для заключенных. Наконец, для заключенных из административно-хозяйственного персонала, служащих и МОП, а также инженерно-технических работников должностные оклады устанавливались в размерах от 50% до 70% окладов вольнонаемных работников по соответствующим должностям.

В соответствии с упомянутым приказом, при установлении тарифных сеток и ставок для заключенных следовало исходить из того, чтобы заключенные максимально стимулировались к перевыполнению норм выработки. Кроме того, сохранялись принципы дифференциации оплаты труда, действовавшие на предприятиях страны. В частности, это касалось повышенной оплаты труда в отраслях и производствах, считавшихся ведущими (угольная, золотая и оловодобывающая промышленность, металлургия и т.д.) в сравнении с другими отраслями и производствами (в лагерной экономике это прежде всего легкая промышленность, деревообработка и т.д.). Аналогично, на предприятиях уровень оплаты рабочих основного производства должен был быть выше уровня оплаты рабочих подсобно-вспомогательных производств, а соответственно, уровень оплаты труда рабочих более высокой квалификации должен был быть более высоким.

Заключенным, временно освобожденным от работы по болезни и другим причинам, за время освобождения от работы заработная плата не начислялась, зато стоимость гарантированного питания и вещевого довольствия с них тоже не удерживалась. Активированным инвалидам, используемым на сдельных работах, оплата труда производилась по установленным для заключенных сдельным расценкам за фактически выполненный ими объем работ.

Обратимся к вопросу: какой эффект вызвало введение заработной платы для заключенных в Норильлаге? Во-первых, введение зарплаты поставило не только Норильлаг, но и все лагеря ГУЛГМП (можно даже предполагать, что это в той или иной мере касалось всех лагерей МВД перед непростой проблемой, ибо в соответствии с приказом МВД, размер заработной платы, подлежащей к выдаче заключенным на руки, должен был быть установлен в пределах общих ассигнований, утвержденных на содержание лагерей на 1950 г. Другими словами, на эти дополнительные

расходы лагерям в этом году не выделялось дополнительных средств. Отчеты ГУЛГМП по этому поводу докладывали, что возникли «неизбежные трудности в работе лагерей в этот переходный период» и значительные отклонения «между утвержденной сметой доходов и расходов ИТЛ и фактическими данными»¹. Весьма показателен тот факт, что по лагерям ГУЛГМП были предприняты попытки решить эту проблему путем снижения «питания и вещдoвольствия против сметы». Правда, даже применение таких мер «не компенсировало увеличенной выплаты зарплаты, так как в ряде лагерей из-за перевыполнения норм выработки зарплата контингента выплачивалась в увеличенном размере»². Зато оно свидетельствует о том, что руководители лагерей в этой ситуации сокращали расходы на заключенных по одной статье, чтобы финансировать предписанное им увеличение расходов на заключенных по другой статье.

Тем не менее, есть документы, свидетельствующие о положительных следствиях введения зарплаты. К примеру, в одном из актов проверок Норильлага в 1952 г. отмечалось: «Перевод заключенных на зарплату явился для основной массы заключенных большим стимулом к поднятию производительности труда»³. Примерно такого же мнения придерживался и заместитель начальника Норильского ИТЛ и Горного лагеря, Черняк, который в письме от 05.06.1952 г. подчеркивал, что отдельные группы заключенных, особенно в квалифицированных профессиях, в связи с введением зарплаты стали работать гораздо эффективнее⁴.

Остается вопрос, в каких размерах заключенным Норильлага действительно начислялась зарплата после ее введения. Обратимся к данным за 1952 г. по всему контингенту работающих заключенных Норильлага (см. рис. 6).

Среднемесячная заработная плата одного работающего, начисленная к выдаче на руки, составляла около 225 руб.⁵ Можно ожидать, что в силу повышенного уровня оплаты труда в металлургической промышленности уровень заработной платы в Норильлаге мог оказаться выше, нежели в других лагерях. С другой стороны, имеющиеся конкретные данные о суммах, которые выплачивались заключенным на руки, должны корректироваться с учетом той

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2693. Л. 177.

² Там же. Л. 178.

³ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 642. Л. 80.

⁴ ГА РФ. Ф. 8361. Оп. 1. Д. 305. Л. 10.

⁵ Учитывая заключенных, лишенных заработной платы. Однако данные не позволяют точного исчисления среднего показателя, так что следует исходить из возможности ошибки данного расчета порядка 5–10%. Отметим, что среднемесячная зарплата квалифицированных рабочих в «нелагерной» экономике в начале 1953 г. составляла в угольной промышленности 1465 руб., в цветной металлургии — 1343 руб. швейной и обувной — 651 руб. См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.—Тамбов, 2000. С. 65.

части денег, которую заключенные тратили во внутрилагерной торговой сети. Следует принимать во внимание также, что средняя зарплата не является исчерпывающей характеристикой выплат заключенным, т.к. диаграмма рис. 6 показывает заметный разброс данных: в то время как почти 5000 заключенных получали свыше 500 руб. в месяц, больше 8000 получали менее 75 руб.¹ Очевидно, такая существенная дифференциация заработной платы говорит в пользу того, что она в реальности могла быть действенным средством стимулирования производительного труда.

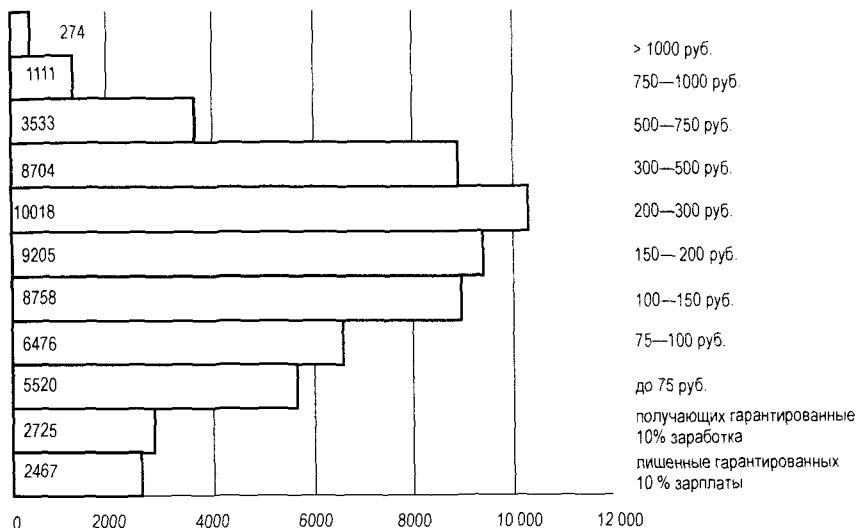

Рисунок 6

Средняя численность контингента по размерам среднемесячной зарплаты, начисленной в 1952 г. к выдаче на руки (чел.)

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 174. Л. 34 об.

Имеющиеся в нашем распоряжении воспоминания бывших заключенных Норильлага (из них только часть охватывает период до начала 1950-х гг.) почти не содержат сведений о введении зарплаты. Единственный источник, который дает существенную информацию по этому поводу, датирует введение зарплаты в Норильском лагере 1947-м годом. Учитывая свидетельства приведенных выше архивных документов, которые говорят в пользу того, что зарплата и в Норильске была введена только к 1950 г., мы склон-

¹ Мы исходим из того, что заключенные, получавшие гарантированные 10% от начисленной зарплаты, тоже относились к этой категории (заключенные, которые вообще были лишены зарплаты, не учтены).

ны думать, что более ранняя датировка ошибочна; однако приходится считать этот вопрос еще не полностью решенным. Наиболее информативной в этом плане является цитата из воспоминаний бывшего заключенного Норильлага Чебурекина, который, отмечая, что для заключенных ввели заработную плату, добавил: «По ставкам северным, но на 30% меньше, чем вольнонаемным. Удерживали только за "стол" и "квартиру", а остальное шло на текущий счет. Мог себе на расходы взять до 250 руб. в месяц. [...] Я получал 1200 рублей в месяц, после всяких вычетов кое-что оставалось, накапливаясь на счете. Некоторые шоферы-профессионалы [...] зарабатывали по 5 тысяч в месяц!»¹ Главное в данном контексте то, что описанный принцип начисления зарплаты и удержаний из нее соответствует тому, как он представляется в упомянутых выше официальных документах.

Заключение

Вопрос о механизмах организации труда заключенных на крупных промышленных объектах в период сталинизма пока нельзя считать исчерпанным. Предстоит еще изучить многие аспекты, такие, как роль приписок, «туфты» и подобных явлений, характер индивидуального труда заключенных, организацию производственных процессов и т.п. Тем не менее, проведенный в данной статье анализ источников по организации принудительного труда на Норильском комбинате привел к ряду предварительных выводов. Некоторые из них можно считать очевидными, ожидаемыми. Так, в Норильске заключенные представляли собой ключевой, универсальный трудовой ресурс, использовавшийся во всех секторах и сферах производства. При этом абсолютное большинство узников, как и следовало ожидать, использовались в качестве простых рабочих, условия труда которых были в Заполярье очень тяжелыми. Более квалифицированные работы выполнялись, как правило, «вольнонаемными» работниками — в той мере, в какой они имелись на объекте. Однако, как оказалось, огромное большинство этих «вольнонаемных» были на самом деле бывшими заключенными, которым приходилось оставаться в Норильске после освобождения, — зачастую против своей воли. Таким образом, можно сказать, что Норильский комбинат в первые два десятилетия своего строительства и функционирования был основан практически исключительно на принудительном труде.

Данная работа также выявила некоторые особенности Норильского лагеря, отличавшие его от массы остальных лагерей. Во-первых, сравнительно устойчивая динамика численности заключенных, а также установленный порядок специального отбора более здоровых заключенных свидетельствуют о том, что в Норильлаг заключенные отправлялись в той мере, в которой комбинат в них

¹ Чебурекин П.В. Указ. соч. Л. 21.

нуждался. Во-вторых, сравнительные данные по смертности и по трудоустройству заключенных, а также информация из воспоминаний бывших узников говорят в пользу того, что руководство ГУЛАГа (после 1941 г. — ГУЛГМП), а в определенной мере — и начальство самого лагеря и комбината, обращали больше внимания (по сравнению с большинством других лагерей) на поддержание работоспособности заключенных в Норильске. В результате таких усилий трудоустройство заключенных в Норильске было более интенсивным (т.е. процент заключенных, работающих на основных работах, был более высоким), и потери рабочей силы были, хотя и значительными, но при этом заметно меньше, чем в среднем во всех лагерях. Предполагается, что такие наблюдения — которые можно интерпретировать как применение в Норильске *относительно* более рационального подхода к использованию труда заключенных, чем во многих других советских лагерях — были связаны с особой приоритетностью объекта. Есть основания считать, что именно этими факторами объясняются отмеченные тенденции более целесообразного использования того ресурса, необходимого для производственного процесса, который заключенные представляли собой в глазах руководителей как всей лагерной системы, так и Норильского лагеря. Однако само собой разумеется, что это отнюдь не означало, что условия, в которых им приходилось трудиться, не были крайне тяжелыми.

Третий основной результат данного исследования может показаться менее ожидаемым. Выявлен целый спектр малоизученных механизмов стимулирования и принуждения, практиковавшихся в сталинских лагерях в 30-х — 50-х годах. Эта своеобразная система стимулирования интенсивного труда включала и стимулы, применявшиеся в то время на советских предприятиях, хотя лагерная экономика вносила и здесь свою специфику. Так, от выполнения производственных норм зависели основные вопросы жизни заключенных. Расширению эффективности такой системы стимулирования способствовало ее применение на уровне бригад, в которых, как правило, состояли занятые на основных работах узники. Заключенным, работавшим «стахановскими методами труда», предоставлялся целый ряд специальных, дополнительных льгот, в частности, улучшенные условия жизни, спецпак и т.д.

Весьма значимый метод стимулирования был связан с системой «зачетов» рабочих дней, которые позволяли заключенным существенно сократить срок своего пребывания в лагере взамен на более продуктивный труд. Еще одна система стимулирования труда в лагерях заключалась в выплате заключенным денег за выполненную ими работу. Однако, последние две системы действовали в лагерной экономике не постоянно и, когда они применялись, не всегда охватывали ее целиком: «зачеты» полностью отменены в 1939 г., а опять были введены лишь к концу 1940-х гг. в лагерях, имевших в экономическом плане наиболее высокий приоритет. Более того, судя по некоторым источникам, они отнюдь не всегда применялись по отношению к «политическим» заключен-

ным. Заработная плата же была установлена для всех заключенных лагерей не раньше 1950 г. До этого момента полагалось выплачивать узникам за их труд лишь «премвознаграждения» крайне незначительного размера, и те не всегда до них доходили.

В Норильском лагере применялись все упомянутые системы стимулирования принудительного труда, что дает возможности для изучения их эффективности. Так, вследствие перехода к системе заработной платы в 1950 г. суммы, которые выплачивались заключенным на руки, возросли в несколько раз. В результате большая часть заключенных Норильлага впервые стала получать существенные суммы (которые оставались, правда, значительно ниже среднего уровня зарплаты «на воле»), дифференцированные по отраслям, профессиям и сферам работ, что по лагерю в целом привело не только к существенному приросту числа работающих узников, но и к повышению производительности их труда. Зачеты рабочих дней в ходе повторного их введения в 1950 г. были распространены и на Норильский лагерь, что в лишний раз указывает на приоритетность этого объекта. Более того, на норильском примере удалось показать, что руководство крупного предприятия МВД, которое лоббировало более выгодные для узников условия получения зачетов, принимало эту систему всерьез, тем самым выражая свою заинтересованность в применении эффективных стимулов труда заключенных.

Изучение практики применения этих разнообразных стимулов принудительного труда привело к ряду выводов, касающихся как Норильского лагеря, так и всей лагерной системы. Стало очевидно, что, с одной стороны, даже в тех предельных условиях принуждения, какие существовали в сталинских лагерях, организация сколько-нибудь эффективного труда заключенных требовала введения своеобразной системы стимулирования. С другой стороны, должно было пройти достаточно долгое время для осознания этой проблемы администрацией лагерной системы и высшим политическим руководством.

Глава VIII

**МАГАДАН И СТАНОВЛЕНИЕ
ЭКОНОМИКИ ДАЛЬСТРОЯ В 1930-е гг.**

История ГУЛАГа ставит перед исследователем ряд взаимосвязанных вопросов политического и экономического характера, которые обращаются к сущности сталинской индустриализации 1930-х гг. Прежде всего возникает вопрос: были ли трудовые лагеря созданы главным образом как база для содержания (в жестком режиме принудительного труда) «врагов», жертв политических репрессий или их основной целью было решение ряда сложных задач экономического развития Советского Союза. Другими словами, были ли темпы и масштабы арестов подчинены потребностям форсированной индустриализации или они просто служили политическим интересам сталинского руководства? Вопрос экономической эффективности использования принудительного труда также важен, поскольку он связан с более общим вопросом об эффективности механизмов экономики сталинизма. Анализ феномена Дальстроя, центром которого был дальневосточный Магадан, способствует пониманию приливов и отливов в истории индустриализации этого важного региона, а также относительного баланса политических и экономических решений в 1930-е годы.

Однако, прежде чем начать такой анализ, необходимо сделать краткое введение в экономическую историю Дальстроя. Эта структура ГУЛАГа была одной из самых важных в системе трудовых лагерей. Дальстрой — таким было официальное название Главного управления строительством Дальнего Севера НКВД СССР, безжалостной организации, чей широкий спектр функций превратил ее в повелительницу северо-востока Советского Союза. Расположенный между Тихим и Северным Ледовитым океанами, Дальстрой управлял более чем 130 лагерями на территории, охватывающей почти 3 млн кв. км и простирающейся до Берингова пролива. Включающий реки Лена, Индигирка и Колыма, Чукотский полуостров и части северной Камчатки, этот регион объединил территорию, которая по размеру превышает Западную Европу. Дальстрой был любимым детищем НКВД, что позволяло этому главку обладать многочисленными ресурсами для выполнения сложных масштабных задач экономического характера¹.

¹ Для краткого обзора истории становления ГУЛАГа в данном регионе страны см.: Козлов А. Магадан: Конспект Прошлого. Магадан: Магаданское Книжное Издательство, 1989.

Основная ценность Дальстроя для СССР заключалась в освоении запасов золота. Поскольку этот редкий металл обеспечивал советское правительство незаменимым источником иностранной валюты, необходимой для экономического развития страны, Магадан представлял особую важность для Кремля. В развитие Дальстроя делались огромные инвестиции, при этом планировались постоянно растущие объемы производства на протяжении всей сталинской индустриализации. В результате эта структура ГУЛАГа сыграла существенную, но скрытую роль в государственной экономике. С точки зрения Кремля, население лагерей было орудием для достижения рекордов по добыче ценных ископаемых. Партийная пропаганда требовала от заключенных ГУЛАГа отправлять в кремлевскую казну все больше золота. Лозунг, провозглашенный руководством Дальстроя, нес четкую идею: «Мы должны дать партии вдвое больше металла, чем в прошлом году»¹.

В 30-х годах советская экономика извлекала огромную прибыль от деятельности Дальстроя. В то время как производительность принудительного труда была невысокой, отчетная статистика главка удовлетворяла сталинское руководство — пополнялись небольшие запасы твердой валюты СССР. Принимая во внимание стоимость золота, добывавшегося Дальстроем в больших количествах в середине 1930-х гг., становится понятным, почему доходы этого главка намного превышали запланированные, что служило финансовым благом для сталинского руководства и окупало инвестиционные расходы лагерей Дальстроя.

Однако экономический успех имел свою цену — лагерные начальники часто должны были бороться с дефицитом оборудования, с некомпетентным и изнуренным контингентом лагерей. Такой была ситуация и во времена первого директора Дальстроя Е.П. Берзина. Но, тем не менее, плановые задания по добыче золота увеличивались вдвое каждый год в период с 1932 по 1936 г., что вызывало одобрение официальных лиц и похвалы от Кремля, а также способствовало дальнейшему увеличению капиталовложений на объектах Дальстроя. Прибыль, полученная в 1936 г., так порадовала А.П. Серебровского, зам. наркома тяжелой промышленности, что он допустил опрометчивое высказывание, заявив, что никогда, даже в самые «пиковые» годы золотой лихорадки в капиталистических странах, даже включая весь металл, добытый на Аляске, земля не давала так много золота, как в этом году на новых территориях колымского края².

На заре сталинской эпохи — в 30-е годы — именно экономические, а не политические потребности развития страны являлись приоритетом, тем самым определяя судьбу заключенных Даль-

¹ ГАМО (Государственный архив Магаданской Области). Ф. р-23. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

² См.: Козлов А. Первый Директор // Политическая Агитация. № 18. Сентябрь 1988.

строю. Советские власти в начале 30-х еще не подвергали остракизму и унижению узников лагерей, так как ГУЛАГ уделял особое внимание промышленным объектам. Данные по горнодобыче показывали эффективность применения рабочей силы ГУЛАГа на Дальнем Востоке: между 1932 и 1934 гг. Дальстрой повысил ежегодные показатели с 511 до 5515 кг чистого золота¹. Хотя эти объемы не были достаточными, более чем десятикратное увеличение было многообещающим, существенным для сталинских программ индустриализации, так как продажа золота на международном рынке стала одним из главных средств увеличения запасов иностранной валюты, служившей важным источником финансирования форсированной индустриализации Советского Союза. Финансовые стимулы давали импульс развитию Дальстроя, это была сила мотивации, которой не будет равных до тех пор, пока политические соображения не начнут доминировать в конце 30-х.

Но государственные приоритеты во времена Берзина и в начале 30-х были сосредоточены на эксплуатации труда заключенных, а не на их политическом уничтожении. Чтобы выполнить свои промышленные планы в регионе, Дальстрой начал перебрасывать из других лагерей все больше и больше заключенных на свои объекты. В июне 1932 г. корабли «Каширстрой» и «Днепрострой» с заключенными прибыли из Владивостока с первыми большими партиями в бухту Нагаева. К концу этого года ГУЛАГ в Магадане принял 9928 заключенных для работы на различных лагерных промышленных предприятиях². Уже состав этих первых партий заключенных свидетельствовал, о том, что исходной и наиболее значимой целью Сталина была в данном случае концентрация всех усилий на экономическом развитии этого района. Подавляющее большинство первых жителей лагерей составляли не политические заключенные, а уголовные преступники, и лишь небольшую часть составляли раскулаченные³. Труд политических заключенных был менее производительным, и поэтому они составляли лишь небольшую долю от магаданского контингента до начала «большой чистки».

Поскольку общее количество заключенных возрастало, Дальстрой распределял заключенных по горным и промышленным участкам на всей территории своих владений. Хотя сначала лагеря были построены вдоль береговой линии Охотского моря, а затем вдоль Колымы, со временем они распростерлись на запад к берегам Лены и на восток к Чукотскому полуострову — на самый край страны. Однако в 1932 г. начальство Дальстроя сконцентрировало заключенных в Магадане и вокруг него, так как большинство работ были сосредоточены на строительстве города и системы

¹ ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 5. Л. 14—20.

² ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

³ Козлов А. Они были первыми // Рекламная Газета. 14 марта 1989. № 4.

дорог, ведущих к местам добычи золота. Корабли с заключенными регулярно курсировали в течение лета и осени от Владивостока до порта Нагаево, откуда заключенных перевозили на транзитный пункт для регистрации и отправки к местам назначения. Для того чтобы обеспечить рабочей силой наиболее важные и крупные объекты, Берзин установил лагерные зоны по всему новому метрополису и его окрестностям, заложив тем самым основу ГУЛАГа на северных берегах Тихого океана. К 1934 г. Дальстрой развернул лагерь на богатых минералами месторождениях севернее Магадана — для расширения добычи золота¹.

Советское правительство обеспечивало Дальстрой всем, что требовалось для выполнения его миссии, включая постоянно возрастающий контингент заключенных, который очень скоро стал преобладающей рабочей силой на всех объектах главка. Статистика отражает этот процесс. Вольнонаемные составляли в среднем только 15% от общей рабочей силы, в то время как остальные 85% были заключенными. С 1932 по 1934 г. суммарное количество вольнонаемных работников и заключенных увеличилось почти в три раза — с 13053 до 35995. Что касается количества заключенных, то оно в те же годы увеличилось с 9928 до 32304, временами составляя около 90% всей рабочей силы². Это соотношение слегка изменялось в течение 30-х годов, высвечивая необычные проблемы в создании жизнеспособной рабочей силы для Магадана. Без «человеческих ресурсов», которые обеспечивались ГУЛАГом, промышленное развитие этого региона не было бы возможным. Опыт Дальстроя позволил обобщить более раннюю дискуссию в Политбюро, Совнарком и Наркомтруде о потенциально опасной нехватке трудовых ресурсов во всем регионе, — проблема, решение которой Сталин обозначил постановлением Политбюро «Об использовании труда уголовных арестантов» в 1929 г.³ Магадан может рассматриваться в этом аспекте в качестве хрестоматийного примера, демонстрирующего экономические причины широкомасштабной эксплуатации узников лагерей во времена Сталина⁴.

Следует отметить, что Дальстрой перевыполнил почти все плановые задания, установленные советским правительством в рамках второго пятилетнего плана (1933—1937 гг.). Рост объема продукции опережал рост «человеческого капитала» и оборудования, которые направлялись на объекты Дальстроя. Динамика численности заключенных в эти годы была такова: 32304 заключенных в 1934 г.,

¹ Козлов А. Золотой юбилей // Политическая Агитация. Июнь 1989. № 21—25.

² ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746. Л. 11 (протоколы Политбюро).

⁴ Материалы по экономической профилизации трудовых ресурсов ГУЛАГа в регионе, см.: Мельников С.М. Дальстрой: Страницы истории // Колыма. № 9—10. 1993: 46.

44601 — в 1935 г. и 62703 — в 1936 г.¹ Добыча золота на Колыме в годы первой пятилетки повышалась экспоненциально в течение каждого года. Начиная с 5515 кг химически чистого золота, добытого в 1934 г., Берзин в следующем году повысил объем производства более чем в 2,5 раза, достигнув отметки 14458 кг в 1935 г., а затем вновь повысил добычу в 2,3 раза, достигнув 33360 кг в 1935 г.² Отметим для полноты картины, что в 1927 и 1928 гг. Советский Союз добыл 13215 кг золота. Более того, одна только добыча золота заключенными Дальстроя к середине 1930-х гг. почти достигала объема добычи золота во всей Российской Империи в годы, предшествовавшие Первой мировой войне³.

В ответ на экономические достижения ГУЛАГа в Магадане, Сталин и Молотов посылали ежегодно похвальные телеграммы; например, в 1936 г. текст такой телеграммы гласил: «Поздравляем рабочих и руководство Дальстроя с выполнением плана по добыче золота и шлем большевистские приветствия»⁴. Берзин получил высокую правительственную награду за предыдущий год, когда ему вручили в Кремле Орден Ленина — за отличную службу и перевыполнение планов по добыче золота. Этим же орденом были награждены его заместители З.А. Алмазов и А.Н. Пемов⁵. Еще несколько подчиненных Берзина были упомянуты на первой странице газеты «Правда». Наиболее интригующим было упоминание о горстке заключенных Дальстроя, которые получили досрочное освобождение за их участие в достижении головокружительных результатов. С точки зрения центральной власти, будущее для местных должностных лиц, находящихся «в авангарде социалистического труда», казалось светлым и многообещающим⁶.

Несмотря на все почести, Берзин и его помощники знали, что их карьеры и, может быть, даже жизни зависели от обеспечения непрерывности разработки выявленных месторождений. Поскольку успехи Дальстроя, так же как и других подразделений ГУЛАГа, зиждились на поту заключенных, администрация лагерей стала

¹ О суммарной годовой численности заключенных Дальстроя в эти годы см.: ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

² О годовых показателях добычи золота по Дальстрою в это время см.: ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 5. Л. 14—20.

³ Для сравнительной статистики о суммарном количестве добытого золота по более ранним дореволюционному и советскому периодам см.: Мельников С.М. Дальстрой: Страницы истории. С. 44—47.

⁴ ГАМО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 26, Л. 26—27.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 961. Л. 44—46.

⁶ Информацию об общесоюзном признании этих наград, см.: Правда. 23 марта 1935. Больше о стахановском движении и кампаниям, связанным с ним, см.: Sigelbaum Lewis. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity. New York: Cambridge University Press, 1985. Для анализа использования таких условий и их роли в экономике лагерей, см.: Иванова Г.М. ГУЛАГ в Системе Тоталитарного Государства. Москва: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 92—93.

уделять внимание мотивации труда заключенных — с целью подъема производительности их труда. Однако в отличие от гражданских руководителей лагерное начальство не могло использовать «обычные» поощрения в их основных формах. Они могли вознаградить заключенного за высокие показатели увеличенным продовольственным пайком или небольшими материальными вознаграждениями, но имели ограниченные возможности в обоих случаях. Понятно, что в этой ситуации Берзин и другие руководители ГУЛАГа обратились к идеологическим кампаниям, чтобы вдохновить узников лагерей, вселить трудовой энтузиазм. Если в первые годы Дальстроя акцент делался на героических усилиях, необходимых для «открытия Крайнего Севера», в середине 30-х годов риторика партии изменилась и на первый план были выдвинуты новые лозунги, которые пересматривали цели общественной жизни в Магадане. Все более активно Берзин искал возможности вдохновить рабочую силу Дальстроя, используя девизы «социалистического соревнования» и «ударничества», которые призывали к рекордной производительности путем честного трудового соперничества на пользу страны и ради досрочного освобождения заключенных. К осени 1935 г. эти попытки были усилены проведением кампании стахановского движения, которое охватило и Магадан, способствуя дальнейшему подъему норм выработки. Испытывая недостаток общей конкуренции, действовавшей в экономике капиталистического Запада, советские и гулаговские учреждения вынуждены были прибегать к подобным кампаниям и лозунгам как средству повышения производительности труда заключенных.

Однако Сталин и в этих ситуациях оставался мастером циничного прагматизма. На фоне противоречивых процессов в советском обществе руководитель Кремля был поглощен вопросами экономической эффективности и политического контроля. Отражая свой интерес к советской индустриализации, Сталин неофициально называл Магадан административной столицей лагерей всего региона добычи золота. Как он, так и его помощники говорили о «производительности труда заключенных», «нормах» и «выработке», но *никогда* — о предполагаемых преимуществах «открытия Крайнего Севера» для цивилизации или о спасительной мощи кампаний по повышению трудового энтузиазма в лагерях¹. С точки зрения Кремля, Магадан существовал как центр отечественной колонии, основанной на рабском труде. Постоянно донимая Берзина вопросами об индустриальных планах и надлежащем использовании заключенных ГУЛАГа, ни Сталин, ни Молотов никогда не писали руководителю Дальстроя о неосязаемых целях марксизма-ленинизма, который пронизывал местные газеты. В одной из своих корреспонденций Сталин послал Берзину резо-

¹ Об одной из иллюстраций такого практического интереса Кремля, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 888. Л. 38—46.

люцию Совета Народных Комиссаров, подписанную Молотовым, в которой была информация для Берзина об объемах инвестиций Дальстроя и текущих цен на золото¹.

Под прикрытием пропагандистской кампании, в Магадане все чаще начали проявляться эти практические интересы. Первоначальный состав заключенных отражал утилитарные интересы страны. Дальнейшие партии заключенных были переполнены кулаками и «вредителями», знавшими крестьянский труд или обладавшими инженерными знаниями, в которых так нуждалась администрация лагерей. В частности, десять заключенных, прибывших с Берзиным, были заводскими специалистами, которые предоставили Дальстрою свой опыт и важные профессиональные знания для налажки производства. За «Шахтинским делом» и процессом над «Промпартией» (1928—1930 гг.), которые обозначили начало нападок партии на специалистов, с обвинениями их в саботаже и измене СССР, последовали репрессии многих научных работников². Арестованные по обвинению во «вредительской деятельности» (самое распространенное обвинение против инженеров в конце 20-х — начале 30-х годов), эти специалисты сыграли важную роль в развитии технической базы ГУЛАГа³.

Анализ состава специалистов, которые были посланы первыми на объекты Дальстроя, выявил, что первые показательные суды были направлены на осуждение специалистов, в которых сильно нуждались отдаленные регионы СССР, но которые никогда не поехали бы туда добровольно. Семь из этих первых заключенных в Магадане имели большой опыт в горнодобывающей промышленности, двое были специалистами по организации труда и один работал много лет инженером по гидравлике. Дальстрою срочно требовались такие специалисты (так же как и другим подразделениям ГУЛАГа по всему СССР), и эта потребность, без сомнения, влияла на структуру арестов того периода. В то же время, характер занятости специалистов в трудовых лагерях в начале 1930-х гг. также раскрыл и другие реальности советской карательной системы, которые отличают этот период от трагедий, произошедших во время сталинского террора, достигшего пика в 1937 и 1938 годах⁴.

Вызванная политическими соображениями, «большая чистка» в Магадане — так же как и везде в СССР — имела негативные пос-

¹ ГАМО. Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 1. Л. 186.

² Анализ «Шахтинского дела» см. в: Hiroaki Kuromiya. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928—1932*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 12—17. Подробнее о первых показательных процессах над деятелями промышленности см.: Kenall Bales. *Technology and Society under Lenin and Stalin*. Princeton: Princeton University Press, 1978. Ch. 3.

³ Технические специалисты, арестованные как «злоумышленники», жили в относительно открытых зонах лагеря и имели, по крайней мере, свободу передвижения, невиданную в более поздние годы. См.: Козлов А. У истоков Севвостлага // Колыма. 1992. № 12. С. 27—32.

⁴ Козлов А. Они были первыми. С. 4.

ледствия. Берзин был арестован в конце 1937 г. и заменен новым и намного более жестким руководителем, К.А. Павловым. Была арестована и большая часть подчиненных Берзина. Вскоре после этого экономическое развитие региона начало замедляться, что сказалось и на показателях роста — они начали снижаться. Так как в годы сталинского террора в магаданские лагеря поступило огромное количество заключенных, спад добычи, вероятно, оказался неожиданным для советских руководителей, которые ожидали противоположного. К концу 30-х годов, когда Дальстрой достиг, наконец, адекватного для выполнения плановых заданий количества заключенных, только в лагерях северо-восточного региона содержалось более 163 тыс. узников. Однако заключение в тюрьму или расстрел многих специалистов, которые приобрели опыт, годами работая в ГУЛАГе, приносили серьезные потери, тем более, что новички часто не обладали соответствующими навыками. «Кадровая чехарда» вызывала опустошение, делая все более невозможным выполнение пятилетнего плана¹.

К концу сентября 1938 г. даже местные начальники ГУЛАГа начали понимать негативность текучки кадров. Потеряв много специалистов за предыдущие девять месяцев, Дальстрой пытался найти замену «костяку» своей квалифицированной рабочей силы. Политические императивы того времени затмили рациональные потребности советского государства, создав неустойчивость, которую следовало преодолеть из-за возникшей угрозы экономическому росту. 28 сентября заместитель начальника ГУЛАГа в Магадане, А.А. Ходырев, утвердил решение о создании горного техникума, который должен был готовить новое поколение геологов и инженеров для замены погибших во время чистки. Размышляя о том, как глубоко «большой террор» затронул этот край, истребляя талантливые кадры, должностные лица подчеркивали потребность искать будущих студентов не только среди заслуживавших доверия вольнонаемных работников, но и среди демобилизованных солдат Красной Армии, охранников и даже среди местного населения². Кремль заплатил высокую цену за организованный им поиск «шпионов» и «саботажников» в 1937 и 1938 гг., так как производственная мощность таких организаций как Дальстрой начала падать, сопровождаясь потерей их «человеческого капитала».

Самые большие показатели спада производства в Магаданской области того времени отражены в статистике добычи золота и чис-

¹ В экономическом плане, события в Магадане в ходе «большой чистки» поддерживали полемику Алека Нюва об отрицательном влиянии сталинского террора на выпуск промышленной продукции и выполнение государственных планов, вызванном репрессиями против технических кадров. См.: Alec Nove. *An Economic History of the USSR, 1917—1991*. London: Penguin Books, 1992. См. также: Medvedev R. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism* / Ed. and trans. George Shriver. NY: Columbia University Press, 1989. P. 456.

² ГАМО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 37. Л. 71.

ленности заключенных. Если при Берзине прибыль от золота росла экспоненциально, превышая по темпам роста приток заключенных, при Павлове началось сокращение темпов производства — и это в условиях значительного роста численности заключенных, поступавших в его распоряжение. Обратимся к цифрам. В 1936 г. 62703 заключенных добыли 33360 килограммов химически чистого золота. В среднем менее двух заключенных, таким образом, требовалось для того, чтобы произвести один килограмм золота. В 1939 г. 163475 заключенных добыли 66314 килограммов чистого золота. В те годы Дальстрой требовал рабочую силу из расчета 2,5 заключенных для производства одного килограмма золота. Список заключенных увеличился за год очень заметно — почти на 70 тыс. между 1938 и 1939 гг. (с 93978 до 163475). Однако количество добытого золота увеличилось всего на 4 тонны (с 62008 до 66314 кг). Таким образом, в разгар сталинского террора в Магадане огромный приток заключенных приводил только к одному дополнительному килограмму золота на каждых 17 новых заключенных. Такая низкая итоговая производительность с одной стороны, показывает, что неистовство политической чистки подорвало первоначальную экономическую направленность ГУЛАГа, а с другой — может объяснить, почему террор прекратился довольно быстро — не прошло и двух лет. К 1939 г. СССР не мог больше позволить себе такое «кровопускание»¹.

Противодействуя этим отрицательным тенденциям, Кремль накачивал Дальстрой дополнительными ресурсами, финансированием — для того, чтобы выполнить план. Оба руководителя НКВД — Николай Ежов и сменивший его Лаврентий Берия — оказывали давление на многочисленные организации для обеспечения отправки нового оборудования и запчастей в Магадан, где администрация лагерей продолжала бороться с дефицитом материалов. Незадолго до снятия со своей должности в 1938 г. Ежов требовал, чтобы Совнарком вынудил Госбанк выделять больше фондов для модернизации устаревшего оборудования Дальстроя, дабы закрыть растущий недостаток по добыче². Кроме того, Москва согласилась выделить почти 2 млн руб., чтобы восстановить два магаданских транспортных судна, использовавшихся для доставки заключенных («Дальстрой» и «Джурма») и сильно поврежденных льдом в Охотском море³. В декабре 1938 г. Совнарком даже издал указ, который обеспечил Дальстрою верхний предел финансирования при необходимости вплоть до 1 июля 1939 г.⁴ Несмотря на недовольство в руководстве страны по поводу неумелых действий НКВД, ставших источником проблем лагерной экономики в этом регионе, быстрые действия Кремля отражали и понимание безотлагательности

¹ ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 61, Л. 7—8.

³ Там же. Д. 92. Л. 11—17.

⁴ Там же. Д. 178. Л. 1.

мер по преодолению экономических неудач Дальстроя в 1937 и 1938 гг., и потребность переориентировать главк на более эффективную работу. Однако вплоть до окончания «большого террора» предшествующие темпы рост не были достигнуты, и Магадан оставался во власти политического хаоса.

Хотя выявление действительных причин начала и конца «большой чистки» может быть вне пределов научного обоснования, экономическое положение Дальстроя привело к завершению этого периода в середине 1939 г. Сталинский террор искалечил производственный организм северо-восточного главка. Хотя промышленная деятельность Дальстроя пала жертвой политических установок, Кремль мог пожирать плоды созданной ситуации, эта неосозаемая выгода не позволяла в целом игнорировать пагубное влияние «большого террора» на экономические дела. Впечатляющие производственные успехи, достигнутые Дальстроем при Берзине, «испарились» в 1938 и 1939 гг. Экспоненциальный рост добычи первых шести лет не мог быть поддержан администрацией главка при преемнике Берзина, который не мог остановить стремительного снижения добычи золота и других полезных ископаемых. По уровню промышленного производства Магадан не смог восстановить прежних показателей вплоть до конца 40-х годов, будучи не в состоянии оправиться от двойного воздействия сталинского террора и Второй мировой войны. Даже после этого он никогда не приблизился к уровню добычи, достигнутого при Берзине, который, как оказалось в ретроспективе, был самым способным руководителем в истории Дальстроя. Хотя Сталин, возможно, и желал смещения таких должностных лиц как Берзин по причине политической ненадежности, со временем он оценил значение возникающих при этом потерь в уровне административной и экономической компетентности лагерной администрации. Как показал опыт Магадана, «большая чистка» во второй половине 1939 г. стоила Кремлю слишком дорого.

Тем временем продолжал существовать порочный круг, в котором риторика и репрессии приводили к экономическому спаду, усиливавшемуся с каждым уменьшением объема производства. Сталин быстро принял меры, чтобы остановить нисходящую экономическую спираль Дальстроя, создав новую администрацию главка, начальником которого стал И.Ф. Никишов. Сталин, очевидно, понял, что политические методы, приносящие пользу во время террора, не будут полезными в восстановлении производства. Так же как и в случае с отстранением Берзина, это смещение акцентов привело к обновлению штата администрации Дальстроя. При назначении нового руководства в Магадане Сталин укрепил значение промышленной миссии Дальстроя, благодаря которой он возник осенью 1931 г. В результате жестокость «большой чистки» в Магадане к концу 1939 г. ослабела, и Дальстрой возвратился к своей изначальной задаче увеличения золотодобычи для ненасытной казны Кремля. Напуганный политической жестокостью времен «гаранинщины» (местное название «большого террора» в Ма-

гадане, носящее имя печально известного начальника лагерной администрации, С.Н. Гаранина), Магадан никогда уже не смог возвратиться к тому, что в ретроспективе оказалось безмятежными днями эры Берзина.

Но в экономическом плане новая администрация Дальстроя при Никишове сосредоточилась на задаче достижения того уровня производства, которым характеризовался период правления Берзина. В начале 40-х возврат к приоритету объемов добычи подразумевал, что работа должностных лиц Дальстроя будет снова подвергаться тщательной проверке — с акцентом на достигнутые финансовые показатели, а не исходя из политических соображений. Угроза войны, которая привела к многочисленным изменениям в деятельности ГУЛАГа, способствовала и оживлению экономической деятельности в Магадане¹. Как во времена Берзина, награды и благодарности Кремля основывались на рекордных показателях по добыче золота или олова и на других производственных достижениях. Реагируя на такие стимулы сверху, руководство Дальстроя смогло вывести добычу золота на уровень начала и середины 1930-х годов².

В соответствии с практическими целями Дальстроя и в контексте достижения производственных показателей времен Берзина, Никишов стал получать больше материальной помощи и людских ресурсов для восстановления лагерной экономики. Кроме увеличения финансирования и поставок оборудования, Дальстрой получал дополнительно партии заключенных вплоть до начала войны в июне 1941 г. К концу 1940 г. Севвостлаг (подчинявшийся Дальстрою) содержал 176685 заключенных, число которых упало до 148301 к концу 1941 г. из-за массовых освобождений и перевода заключенных в армию после немецкого вторжения. Но производство продукции Дальстроя тем не менее соответствовало централизованным вложениям, и ежегодные итоги производственной деятельности горной промышленности Дальстроя опять приблизились к уровню «эры Берзина». Дальстрой произвел 80028 кг химически чистого золота в 1940 г. и 75770 кг — в 1941 г. По олову объем добычи Дальстроя достиг 1917 т в 1940 г. и 3226 т — в 1941 году³.

Исходя из полученных результатов, Никишов приказал провести ревизию дел заключенных и выпустил по общей амнистии многих заключенных, особенно из тех специалистов, которые попали

¹ В то же время, Москва продолжала финансировать капитальные вложения и посылать дополнительные материалы и оборудование в Магадан, чтобы Дальстрой мог выполнить план. См.: ГА РФ Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 184. Л. 66—69.

² Краеугольным камнем этого промышленного восстановления явились награды, которые распределялись на всех уровнях Дальстроя при Никишове. См.: Советская Колыма. 4 октября 1940. №. 1.

³ ГАМО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 5. Л. 14—20, 55.

в лагеря недавно (преимущественно в 1937—1938 гг.)¹. Аналогичные действия лагерной администрации по всей системе ГУЛАГа привели к освобождению заключенных — технических специалистов, чьи дела были сфабрикованы в ходе недавних кампаний; тысячи таких специалистов были выпущены из лагерей в начале 40-х годов и возвратились к прежним местам работы. Широко распространенная отмена приговоров времен «большой чистки» пополнила специалистами предприятия, на которых они работали до ареста; это были специалисты, которые во многом обеспечивали успехи Дальстроя периода Берзина².

Еще более важно, что Никишов установил более рациональное использование рабочей силы, которая была подорвана гарантированной. Вслед за устранением Берзина в 1937 г. объемы производства Дальстроя упали — отчасти из-за того, что многие из числа арестованных специалистов больше не занимались своим профессиональным делом. Немало заключенных — геологов и инженеров были поставлены на тяжелую неквалифицированную работу (С.П. Королев, известный ученый-ракетчик, — лишь один из примеров такого рода, характерных для Дальстроя). Неэффективное использование опыта и способностей специалистов, сохранявшееся в лагерях даже при Никишове, происходило во многом из укоренившейся привычки унижать политических заключенных. Новый руководитель Дальстроя, тем не менее, попробовал изменить эту ситуацию, так как было ясно, что такие отношения подрывали производственный потенциал ГУЛАГа в этом важном регионе. Кроме того, Никишов отменил ряд нерациональных ограничений, которые применялись к бывшим заключенным³.

Пытаясь восстановить былые темпы экономического роста Дальстроя, Никишов — с молчаливого согласия Москвы — возродил некоторые начинания Берзина. Речь идет прежде всего о материальных поощрениях заключенных и вольнонаемных работников за перевыполнение норм выработки. Хотя Павлов тоже использовал ступенчатую шкалу продовольственных пайков и премвознаграждений, зависящих от производственных показателей заключенных, он, однако, настолько исказил ряд исходных категорий в системе Берзина, что фактически подорвал их эффективность в стимулировании производительности труда лагерной рабочей силы. Никишов убрал ряд пунктов программы Павлова, направленных на усиление принудительных мер, и подал прошение в Кремль о досрочном освобождении заключенных, отличившихся

¹ См.: Ефимов. Начальник Дальстроя И.Ф. Никишов // Колыма. № 11. 1991.

² Там же.

³ Приказы Никишова в общем отражали более рациональную цель руководства лагерей в начале 1940-х. Например, см.: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 63. Л. 35.

высокими производственными показателями. В условиях, когда такая практика фактически прекратилась в 1937—1938 гг., эти ходоатайства Никишова продолжили еще одну линию деятельности Берзина в стимулировании труда заключенных. В этом же направлении действовал и такой стимул как зачеты рабочих дней для узников, перевыполнивших производственные нормы в первые годы существования Дальстроя; зачеты могли существенно (до половины) сократить срок заключения¹.

Справедливости ради отметим, что указанные меры стимулирования не исчезли полностью при Павлове. Но, хотя он и придавал значение поощрению заключенных и при случае раздавал награды лично, они оказались неэффективными во время репрессивного натиска «большой чистки». В 1937—1938 гг. политика Дальстроя имела настолько карательный характер по отношению к заключенным, арестованным по 58-й статье, что существовавшие материальные стимулы казались бессмысленными. Из шести павловских категорий заключенных, чьи продовольственные пайки базировались на выполнении норм, только две высшие категории обеспечивали приемлемые уровни питания. Нормы калорийности пайков упали настолько низко, что только «ударники» и «стахановцы» имели шанс избежать недоедания². Хотя политика властей была направлена на устранение заключенных, осужденных по ст. 58, обрекая их на истощение, это способствовало ослаблению производственного потенциала ГУЛАГа. Масштаб и формы «большого террора» заслонили эту проблему, не замеченную Павловым и другими начальниками лагерной системы, — даже при том, что это вредило экономической эффективности подразделений ГУЛАГа. Но Дальстрой не мог долго продолжать политику элиминирования политзаключенных, которые составляли уже высокий процент от общего числа узников. Напротив, Никишов стремился вернуть к жизни хорошо зарекомендовавшие себя подходы к стимулированию труда заключенных, прошедших апробацию в годы руководства Берзина³.

Кроме проблем, вызванных «большой чисткой», Никишов должен был бороться с проявлениями закоренелой российской неэффективности. В то время как промышленное производство Дальстроя уменьшилось в 1937 и 1938 гг. в силу масштаба репрессивных мер, бюрократическая некомпетентность и халатное отношение к работе оставались столь же мучительными. Кроме того, постоянное пьянство лагерной охраны часто приводило к плохой организации работы заключенных, неправильному распределению

¹ См.: Ефимов. Начальник Дальстроя И.Ф. Никишов. С. 35.

² ГАМО. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 34. Л. 47—48.

³ В то же время условия в лагерях были улучшены после «гаранинщины». Но хотя некоторые характеризовали их как «относительно гуманные», они оставались ужасными. См.: Комарова Л. Лихолетье // Магаданская Правда. 6 декабря 1988.

рабочей силы на объектах¹. Администраторы Дальстроя, все еще ограниченные идеологическими шорами, которые заставляли их настаивать на усилении «бдительности» для устранения подобных недостатков, на деле часто оказывались неспособными сделать это. Однако, в отличие от Павлова, Никишов принял ряд практических мер, нацеленных не только против «врагов», но и против работников низовой лагерной администрации, проявлявших служебную некомпетентность, не соответствовавших занимаемой должности. Некоторые из этих мер были элементарными — типа требования от должностных лиц лагерей передавать списки заключенных в пересыльные пункты, для того, чтобы администрация лагеря могла проследить передвижения своих заключенных в любое время².

Никишов также надеялся, что возрождение действенных программ стимулирования, применявшихся Берзиным, поможет преодолеть некомпетентность лагерной администрации и будет содействовать экономическому росту. Вольнонаемные работники, многие из которых притеснялись (если не арестовывались) в период «гаранинщины», могли теперь вновь рассчитывать на получение премий, — также как и заключенные. Внедрявшееся ранее социалистическое соревнование вернулось в полной мере в начале 40-х годов. Администрация Никишова даже превзошла Берзина в распространении этой инициативы. Почетные звания и общественное признание опять ждали победителей этих соревнований, наряду с возможностями материального вознаграждения. Вольнонаемные получали денежные премии или другие материальные ценности (например, золотые часы), в то время как заключенные чаще получали более калорийные пайки или даже досрочное освобождение. В соответствии с советскими традициями, Никишов посвящал новые этапы соцсоревнования тем или иным политическим событиям. Так, в декабре 1940 г. соцсоревнования между шахтерами прошли в честь XVIII партсъезда. С помощью таких мер администрация лагерей стремилась создать трудовую атмосферу, которая поднимала бы производительность труда в лагерях. Часто соцсоревнования в Дальстрое организовывались в декабре, чтобы выполнить все производственные планы к концу года³.

Кроме повышения эффективности лагерной экономики, эти кампании представляли возможность проводить пропагандистскую работу внутри лагерей. В силу серьезного ограничения информации в ГУЛАГе, организация социалистического соревнования сопровождалось механическим повторением недавних решений партии, которые допускались к распространению среди заключенных только в аккуратно сформулированном виде — в соот-

¹ Например, см.: ЦХСДМО (Центр хранения современных документов Магаданской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 163. Л. 1—3.

² ОСФ ИЦ УВД (Отделение специальных фондов, информационный центр Управления внутренних дел). Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2.

³ Советская Колыма. 26 декабря 1940.

ветствии с идеологическими предписаниями. Однако, несмотря на отсутствие информации о советской жизни за колючей проволокой, передовые работники из заключенных, как говорили, «тепло принимали решения Центрального Комитета XVIII партсъезда и выражали любовь и преданность партии и правительству, включая вождя народа, товарища Сталина»¹. Даже при том, что большинство заключенных принимали все лагерные кампании с глубоким цинизмом, они им подыгрывали для получения материальных поощрений. Во времена Никишова идеологическая работа среди заключенных оставалась на втором плане по отношению к производственным заданиям. В основном только те цели пропаганды, которые помогали повышать производительность труда, дожили до конца 30-х годов. Как результат, руководители Дальстроя повторно прибегли к стахановскому движению как методу стимулирования производительного труда. Во всех отраслях производства Дальстроя во времена Никишова стахановцы-заключенные были выявлены и отмечены вознаграждениями; они снова стали любимцами пропаганды и готовым (если к тому времени не затасканным) символом ударного труда. Как и во время Берзина, такие заключенные получали почетные звания, льготы и премии, которые должны были стимулировать других заключенных. В честь пятой годовщины стахановского движения Дальстрой отмечал успехи заключенных Верхне-Уряхского лагеря, выполнивших годовой план по добыче к 30 августа 1940 г. Наивысшей наградой, впрочем, типичной для того времени в Магадане, был спектакль труппы театра им. Горького, которую Никишов, в соответствии с его претенциозностью в области культуры, послал в город для выступления перед награжденными заключенными².

В отличие от возрожденных им программ поощрения, Никишов не уделял особого внимания нереальным целям Берзина по перевоспитанию заключенных. Возвышенная риторика ранних лет Дальстроя, включающая понятие «перевоспитания трудом», продолжала терять свое значение на протяжении 40-х годов³. Это отражало политический водораздел между «старыми большевиками», в ряды которых входил Берзин, и поколением бюрократов, представленным Никишовым, который отражал настроения позднего сталинизма. Находясь под влиянием «большой чистки» и жесткой политической линии Сталина, новая генерация партийной элиты обладала более циничной системой ценностей, формировавшей их карьеры. Хотя редко используемая терминология о перевоспитании заключенных еще оставалась в их политическом словаре, это

¹ Советская Колыма. 26 декабря 1940.

² Там же. 31 августа 1940.

³ В этом отношении оба — и Никишов, и Павлов находились в прямой оппозиции утописту Берзину. См.: Широков А.И. и Этлис М.М. Советский период истории Северо-Востока России. Магадан: Международный педагогический институт, 1993. С. 8.

не сочеталось с мировосприятием НКВД, созданным Сталиным и «большим террором». Даже если заключенные больше не устранились в массовом масштабе, администрация лагерей рассматривала их как эквивалент материальных капиталовложений или других ресурсов, т.е. в качестве инструмента для достижения целей государственной экономической политики. Незаинтересованный в развитии более гуманного подхода периода Берзина, новый начальник Дальстроя концентрировался на достижении экономических показателей, исходивших из Кремля. «Идеалистические» взгляды предшественников воспринимались Никишовым и его помощниками (функционерами, посланными в Магадан с целью быстрого восстановления Дальстроя как промышленного комплекса) как простая говорильня.

Однако новые меры стимулирования производства часто не срабатывали. Дальстрой был способен достичь объемов производства, существовавших до «большой чистки», но только в относительных величинах. Лагерь были важной частью сталинской индустриализации, когда различные ведомства привыкали к использованию труда многочисленной и дешевой армии заключенных. Но по ряду причин неэффективность и некомпетентность рабочей силы ГУЛАГа означали, что стандарты принудительного труда оставались низкими. Кроме собственных недостатков пенитенциарных предприятий, ГУЛАГ столкнулся со сложностями, характерными для советского общества, которые только усложняли эту ситуацию. Дальстрой производил большое количество золота и других полезных ископаемых, но с невысокой производительностью, частично из-за ограничивающего характера политических репрессий, таких как террор 1937 и 1938 гг., который уменьшал экономическую эффективность спорадическими волнами. Поддерживая индустриализацию и модернизацию как долгосрочные цели государства, сталинское руководство никогда не было способно преодолеть склонность к политическим репрессиям, которые последовательно подрывали его собственную экономику.

Глава IX

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД НА УРАЛЕ
(КОНЕЦ 1920-х — НАЧАЛО 1950-х гг.):
ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ**

Проблема эффективности принудительного труда в СССР в сталинскую эпоху чрезвычайно значима для определения характера сталинской политики в целом. Все историки сходятся на том, что принудительный труд стал значимой и неотъемлемой частью экономики страны. Однако исследования проблемы его эффективности либо грешат поверхностностью и упрощенчеством, либо носят постановочный характер¹.

Определимся с рабочей терминологией. Существуют десятки определений понятия «принудительный труд». Не претендуя на первородство и единственно верный подход к определению термина, обозначим то, с чем, по-видимому, согласится большинство исследователей. Принудительный труд — это такой труд, главным стимулом которого является насилие. Если говорить о том, кто принуждался к труду в СССР, в первую очередь приходят на ум заключенные, спецпоселенцы, трудармейцы, военнопленные, интернированные, узники проверочно-фильтрационных лагерей. То есть те, кого в документации НКВД—МВД относили к «спецконтингенту» — категории населения, подконтрольной НКВД, в большей или меньшей степени ограниченной в правах и, как правило, принуждаемой к труду. Однако, по большому счету, труд остальной части населения трудно назвать «вольнонаемным». Вряд ли повернется язык назвать вольным труд колхозника, почти ничего не получавшего за свои трудодни и не имевшего права покинуть колхоз, или труд заводского рабочего, фактически прикрепленного к предприятию Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 г. По большому счету, вольного труда в СССР не существовало, имелись лишь разные градации труда принудительного. Поэтому, сравнивая принудительный труд с вольнонаемным в СССР, мы должны понимать, что сравниваем не с действительно вольным трудом (как в ряде стран того времени), а с трудом, в сущности, принудительным, но все же имеющим дополнительные степени свободы, по сравнению с подневольным трудом заключенных. Тем не менее,

¹ Объем главы не позволяет сделать подробный историографический обзор. Краткий анализ историографии содержится в монографии автора «Спецконтингент в Пермской области (1929—1953). Екатеринбург—Пермь, 2003», подробный анализ — в докторской диссертации по той же проблеме.

чтобы добиться инструментальной точности в данном исследовании, будем использовать термин «принудительный труд» в узком смысле слова — применительно к «спецконтингенту», а труд работников, неподконтрольных НКВД, будем условно называть «вольнонаемным».

Многие исследователи, рассматривая вопрос о производительности подневольного труда, обращают внимание только на одну сторону: на деятельность принуждаемых к труду, которые, вследствие плохих условий труда и слабой заинтересованности в его результатах, работают непроизводительно. Деятельность другой стороны, тех, кто организует производство, часто остается в тени, несмотря на то, что малая результативность принудительного труда во многом порождалась его организацией.

Один из врожденных пороков организации труда в ГУЛАГе — незаинтересованное отношение руководства лагерей в эффективном использовании рабочей силы. Наиболее заметным следствием этого становились простои. К примеру, в заключении по годовому отчету Молотовского¹ УИТЛК за 1948 г. заместитель начальника ГУЛАГа Щекин обращает внимание на значительные потери рабочего времени по неуважительным причинам. Заметим, что простои из-за отказов составили лишь 4 тыс. человеко-дней, в то время как вследствие необеспеченности вещдовольствием — 115 тыс. человеко-дней, из-за непредоставления работ — 343 тыс., отсутствия конвоя — 59 тыс. человеко-дней².

На объекты «Молотовстроя» «в течение 11 месяцев 1952 г. ежедневно не выводилось в среднем на производство из-за отсутствия фронта работ 319 чел.». Выводившиеся на работы использовались неполностью. Например, заключенные 1-го лаготделения «30% рабочего времени просиживали из-за отсутствия строительных материалов (кирпича, шлакоблоков, лесоматериалов, инструментов и др.)». Заключенные 2-го лаготделения 17 ноября 1952 г. из-за отсутствия инструмента «просидели» 740 часов. 20 ноября из-за отсутствия фронта работ простаивали 320 чел. и т.д.³ Начальник КВО управления ИТЛ «Молотовстроя» МВД майор Коковихин сетовал на трудности выполнения распоряжений начальства: «В таких условиях нам, работникам КВО и КВЧ, очень трудно среди заключенных организовывать трудовое соревнование... говорят: дайте нам фронт работ, мы любое обязательство выполним, причем у заключенных одни и те же вопросы и просьбы: дать им фронт работ и возможность зарабатывать зачеты»⁴.

Таким образом, очевидно, что принудительный труд часто был неэффективен не потому, что подневольные работники не желали

¹ Молотовская область в основном занимала ту же территорию, что и современный Пермский край.

² Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 86а. Л. 160.

³ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

⁴ Там же.

работать, а потому, что «вольные» организаторы работ не могли наладить управление производством! И, по всей видимости, не стремились: стимулирование управленческой эффективности только за счет административных мер воздействия (благодарности и выговоры, должностное повышение или понижение и т.п.), а также за счет незначительных премий вряд ли могло обеспечить значительный результат.

Последнее подтверждает следующий пример. В декабре 1952 г. на «Молотовстрое» проводилась проверка трудового использования и быта рабочих в Главной лесной конторе, выявившая грубейшие нарушения трудовых договоров начальством по отношению к закрепленным рабочим, бездушное отношение к ним. «В результате отвратительного трудоиспользования, среднее выполнение производственных заданий на одного рабочего за октябрь месяц составляет 31%», — отмечалось в приказе начальника управления строительства «Молотовстроя» от 6 декабря 1952 г. Помещения общежитий «непригодны для эксплуатации в зимних условиях», печи-временки дымят, не хватает постельных принадлежностей, продукты хранятся под койками, поскольку отсутствуют тумбочки, магазин работает с перебоями и ассортимент продуктов и промтоваров в нем не обеспечивает минимальные потребности, в общежитиях на лесобирже отсутствуют зимние рамы, нет кипяченой воды, нет сушилки, не хватает посуды — констатировалось там же¹. Обвинения, предъявленные руководству Главной лесной конторы, казалось бы, более, чем серьезны. Трудовая и производственная дисциплина «доведена до грани развала», «из 37 человек рабочих лесобиржи работает 19 человек, а остальные не работают и причиной невыхода никто не интересуется, объясняя нежеланием работать самих рабочих»². Однако наказания ограничились тем, что начальники получили выговоры и предписания устранить недостатки. Выговор становился ценой многомесячного нерадения, получивший его оставался на руководящей должности и продолжал получать зарплату.

Приведем еще один показательный пример. 24 января 1953 г. начальник лаготделения № 16 майор Куталов докладывал начальнику Молотовского УИТЛК полковнику Дикому о проведенном служебном расследовании по факту простоя рабочей силы из-за отсутствия конvoja. Следствием стали потери 29944 человеко-дней за 1952 г.³ Причин в докладной записке называлось много. Однако сам факт свидетельствует об откровенной бесхозяйственности, о наплевательском отношении руководства к конечному результату, о неспособности системы к саморегулированию. По существу, прошел год — и только тогда о наведении порядка задумались всерьез.

¹ Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 37. Л. 137.

² Там же. Л. 136.

³ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 142. Л. 312.

Рассматривая вопрос об эффективности применения принудительного труда в ГУЛАГе заметим, что для исторического исследования часто важнее даже не выяснение соотношения результата с затратами, что собственно и соответствует определению эффективности в рамках экономической теории. Более всего нас занимает сравнительная сторона дела: был ли принудительный труд эффективнее (т.е., по существу, производительнее), чем труд вольнонаемных работников.

Отметим, что сам этот вопрос рассматривался историками и публицистами неоднократно. Ответ обычно находят в следующем. Многие подходят к решению проблемы абстрактно, отмечая, что в экономической теории давно доказано преимущество вольного труда перед принудительным. Доказывая то же самое, некоторые пытаются оттолкнуться от эмпирики, используя многочисленные воспоминания бывших эзков, свидетельствующие (и правдиво!) о низкой производительности труда в лагерях, туфте и т.д. И то и другое нельзя не признать поверхностным, поскольку не используются конкретные экономические показатели. Более того, из всего этого зачастую выводятся политизированные оценки исторических личностей, сводящиеся к осуждению их экономического невежества и деспотизма.

Зачастую выводы о низкой эффективности принудительного труда опираются на умозрительные рассуждения о значительности расходов на охрану, инфраструктуру лагерей и т.п. Однако такое объяснение представляется слишком простым. Даже элементарный пример — сопоставление доходов и расходов в бюджете ГУЛАГа за 1940 г. — заставляет усомниться в истинности подобных рассуждений. Автор отчета ГУЛАГа, заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР А.П. Лепилов, опираясь на цифры, смело утверждал, что «содержание бюджета ГУЛАГа подтверждает, что ГУЛАГ, создавая в процессе своей производственно-хозяйственной деятельности товарные и материальные ценности, получает из государственного бюджета только такие ассигнования, какие получает от него любая государственная хозяйственная организация»¹.

Анализ статистической информации по отдельным категориям спецконтингента, отраслям производства, периодам показывает, что в ряде случаев использование принудительного труда приносило государству убытки, а в ряде случаев доходы. В этом отношении весьма показательны анализ использования труда военнопленных.

В 1942—1945 гг. добиться эффективного использования труда военнопленных, как правило, не удавалось по разным причинам (физическое состояние, сложности обустройства, снабжения и т.п.). В послевоенные годы использование труда военнопленных было относительно эффективно (сводные данные об итогах производственно-финансовой деятельности лагерей МВД для военнопленных за 1943—1949 гг. см. в Таблице 1).

¹ Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 30-е годы: Сб. документов. М., 1998. С. 154.

Таблица 1

**Справка об итогах производственно-финансовой деятельности
лагерей МВД для военнопленных за 1943—1949 гг.**

	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Ср/спис. состав в/п в лагерях	32497	159198	1030300	1710809	1372443	812054	340537
Выводилось на работы	13196	72336	615000	<u>1140537</u> 22112	<u>862282</u> 19296	<u>598176</u> 12654	<u>265919</u> 3823
% к списоч. составу	40,6	45,5	59,7	68,1	64,2	75,2	79,2
Внутрилаг. работы и лагобслуга	3183	11164	119985	174378	137047	71817	24419
% к списоч. составу	9,8	7,0	11,6	10,2	10,0	8,8	7,2
Не работало по разл. причинам	2846	19166	97630	92343	78219	56803	13898
% к списоч. составу	7,6	12,0	9,5	5,4	5,7	7,0	4,1
Итого трудфонд	18865	102666	832615	1432307	1096844	739450	306059
% к списоч. составу	58,0	64,5	80,8	83,7	79,9	91,0	90,5
Нетруд. фонд	13632	56532	197685	278439	275599	72604	32478
% к списоч. составу	42,0	35,5	19,2	16,3	20,1	9,0	9,5
Кол-во отраб. чел.- дней, тыс.	1770,2	20866,0	189603,0	343594,0	263114,0	177175,0	81046,0
Ср. зарплата на 1 чел.-д., руб.	7,25	8,75	11,57	13,95	17,11	18,77	21,75
Вал. сумма заработка, тыс. руб.	11519	131582	2193980	4791825	4502555	3326440	1762951
Израсходи- вано на со- держание в/п	58500	384000	2866980	5122359	6182450	4424496	2101677
Превышение расходов названной суммы	46981	252418	67272	330534	1679895	1098056	338726
Ср. произв. труда, %	91,3	92,0	98,0	108,5	112,0	117,1	127,6
Выполняю- щих и перевып. нормы, %	43,6	53,9	54,0	66,8	71,0	75,0	92,4

Источник: РГВА. Ф. 1/п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 183.

Перелом происходит в 1946 г. Ему способствовали принятые меры по оздоровлению военнопленных, завершение, в основном, обустройства лагерей военнопленных, накопленный лагерями и предприятиями опыт по организации труда военнопленных, акклиматизация военнопленных и освоение ими рабочих специальностей, а также отправка на родину больных и инвалидов. По данным министра внутренних дел С.Н. Круглова, общая стоимость содержания лагерей военнопленных в 1 квартале 1946 г. составила 1056 млн руб., в то время как от лагерей получено только 877 млн руб. Второй квартал уже приносит доход государству. На содержание лагерей ушло 1124 млн руб., а общий доход лагерей составил 1156 млн руб., т.е. на 22 млн руб. больше. В третьем квартале в доход государства ушло уже 33 млн руб.¹ Всего за 1946 г. выработка военнопленных составила 4791825000 руб. против 2193980000 руб. в 1945 г. Средний дневной заработок военнопленных вырос с 11,57 руб. в 1945 г. до 13,95 руб. в 1946 г. Дотация на содержание военнопленных уменьшилась с 672,8 млн руб. в 1945 г. до 330,6 млн руб. в 1946 г.; степень самоокупаемости в 1946 г. составила 93,5% против 76,5% в 1945 году².

Рассмотрим в качестве примера производственные показатели лагеря № 207 (Молотовская обл.) за 1946 г. Валовая сумма выработки за год составила 18155566 руб., что на 1256431 руб. превысило сумму расходов по содержанию военнопленных. В бюджет было возмещено 107,4% расходов. Любопытно, что план трудоустройства этого не предусматривал. Хорошей работой было бы признано равновесие доходов и расходов. Все запланированные показатели трудоустройства (трудовой фонд, выход на работу к хозорганам, количество отработанных человеко-дней, выработка на человеко-день и т.п.) были превышены, в то время как их выполнение означало бы именно равновесие доходов и расходов³.

Таким образом, в 1946 г. для системы главными факторами использования труда военнопленных были возмещение объективно необходимых расходов на содержание военнопленных и обеспечение рабочей силой предприятий, страдающих от ее дефицита.

В последующие годы прослеживается тенденция роста эффективности труда военнопленных, хотя нельзя сказать, что эта динамика была абсолютно устойчивой. В 1949 г., несмотря на начавшуюся массовую репатриацию, лагерям военнопленных удалось добиться лучших производственно-финансовых показателей, чем в предшествующие годы. Большинство производственных лагерей стали рентабельными и создали значительные накопления. В 1949 г. на работы выходило 78,5% списочного состава против 75,2% в 1948 г.; средний заработок военнопленного составлял 21,81 руб. (в 1948 г. — 18,97 руб.), средняя производительность

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 107—108, 420.

² РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6и. Д. 4. Л. 1.

³ Там же. Оп. 15а. Д. 284. Л. 100—104.

труда поднялась со 117% плановой в 1948 г. до 124% в 1949 г.; доля военнопленных, выполнявших нормы, возросла от 75 до 88%. В 1948 г. военнопленные заработали 3326,4 млн руб., а в 1949 г. — 1765,3 (53,1%), в то время как в 1949 г. в лагерях содержалось только 42% военнопленных от уровня 1948 года¹.

Краснокамскому лагерю № 207 в 1949 г. также удалось достичь неплохих показателей. На оплачиваемых работах использовалось 74% среднесписочного состава военнопленных (4542 чел.). Выработка на один отработанный человеко-день составила 28,20 руб. против 25,63 руб. в 1948 г. Валовая выработка за 1949 г. составила 40 002 800 руб. (105,6% к плану). Нормы выработки выполнялись в среднем на 114,3%, выполняли и перевыполняли нормы 76,9% сдельщиков. Несмотря на значительные расходы на репатриацию, лагерь сдал в доход государства 10,14 млн руб., против 8,9 млн руб. в 1948 году².

Но вряд ли стоит оценивать эффективность использования труда военнопленных лишь на основании соотношения доходов и расходов лагерей, как это, к примеру, делает В.А. Иванов. Он суммирует валовую выработку лагерей УПВИ³ Ленинградской области с октября 1946 г. по ноябрь 1949 г. и сопоставляет с расходами на содержание лагерей в совокупности с выплаченным военнопленным премвознаграждением, после чего делает вывод — государство несло нетерпимые для него убытки⁴.

Таблица 2

Сводные данные о выполнении лагерями и лаготделениями УПВИ УМВД Ленинградской области финансового плана 1946—1949 гг.

Основные показатели	Окт. 1946 — янв. 1947	1947	1948	Янв. 1949 — нояб. 1949	Всего
Доходы, тыс. руб.					
Валовая выработка в/плен. на оплат. работах у финорганов	55866	183858	144101	81785	465610
Получено дотаций из госбюджета	3644	12475	9273	—	25392
Итого	59510	196333	153374	81785	491002
Расходы, тыс. руб.					
Содержание лагерей, л/о и УПВИ (все расходы по содержанию офицеров, вольнонаем. состава и в/плен.)	39662	192950	137316	55013	424941

¹ РГВА. Ф. 9401. Оп. 10и. Д. 1. Л. 38—41.

² Там же. Д. 10. Л. 57—59.

³ УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных. — *Прим. ред.*

⁴ См.: Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20—40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР): Дис... д-ра ист. наук. СПб., 1998. С. 474.

Основные показатели	Окт. 1946 — январь 1947	1947	1948	Январь 1949 — ноябрь 1949	Всего
Внесено в госбюджет	18209	—	9273	20000	47482
Выплачено в/плен. премвознаграждения	11050	7226	10866	12689	41831
Итого	68921	200176	157455	87702	514254

Источник: Иванов В.А. Механизм массовых репрессий... С. 473.

Если проанализировать составленную Ивановым сводную таблицу выполнения финплана лагерями УПВИ УМВД Ленинградской области (см. Таблицу 2), можно заметить, что убыток в 1 млн руб. за 3 года не столь велик в сравнении с доходами в 465 млн руб. Кроме того, если сравнивать в динамике, видно, что доходы в 1948—1949 гг. уже явно превышали расходы. Более того, лагеря военнопленных начали перечислять заработанные средства в госбюджет¹. Существенно, что, используя труд военнопленных, государство решало важную для него проблему дефицита кадров.

Доля военнопленных в общем балансе рабочей силы ведущих министерств была в послевоенные годы весьма значительной. На стройках Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии военнопленные составляли 20,1% общего количества рабочих, на строительстве в авиационной промышленности — 31%, на предприятиях Министерства электростанций — 16,8%, Министерства черной металлургии — 5,9%, Министерства промышленности стройматериалов — 24,1%, в угольной промышленности от 8,0% до 12,1%². Оценивая роль труда военнопленных в восстановлении народного хозяйства СССР после окончания войны, С. Карнер пишет: «Удалось доказать, что на долю военнопленных приходится до 8% объема продукции валового производства в период первой послевоенной пятилетки»³.

Оценивая использование труда военнопленных, следует учитывать мобилизационный фактор. Их часто эксплуатировали на малорентабельных, низкооплачиваемых работах, поскольку распределение по предприятиям производилось, прежде всего, из соображений государственной необходимости, а не получения максимальной прибыли от их использования. Характерно высказывание начальника управления упомянутого лагеря № 207, отмечавшего в мае 1948 г., что лагерные отделения, обслуживающие тресты «Кизелжилстрой» и «Кизелшахтстрой», нерентабельны и для лагеря невыгодны, «но, тем не менее, вывод контингента на эти объекты работ необходим, исходя из общегосударственных задач,

¹ Как следует из Табл. 2, за три года было внесено в госбюджет 47,842 млн руб., а получено дотаций из госбюджета на сумму 25,392 млн руб. — *Прим. ред.*

² РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5н. Д. 14. Л. 22—23.

³ Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернированные в Советском Союзе: 1941—1956. М., 2002. С. 268.

стоящих перед Минтопстроем»¹. Сокрушаться между тем было о чем. На строительных работах этих трестов выработка на один человеко-день составляла 14—16 руб., в то время как на подземных работах максимальная выработка достигала 45—47 рублей².

Сегодняшняя открытость ранее сверхсекретных гулаговских документов создает иллюзию легкости приобщения к ранее скрытой мистической тайне. Обильное цитирование документов, бывает, подменяет доказательства.

Любопытно, что в последние годы появились работы, в которых анализ фактов подменяется прямым заимствованием оценок гулаговских хозяйственников, демонстрирующих с помощью ведомственной цифири большие масштабы и, следовательно, значимость гулаговского сектора экономики, преимущества принудительного труда, по сравнению с вольнонаемным и т.п.³

Иногда исследователи забывают о необходимости сопоставления принудительного труда с вольнонаемным. К примеру, на чем базируется вывод В.А. Бердинских о том, что «КПД зековского труда крайне низок»?⁴ Исключительно на документах бухгалтерии Вятского ИТЛ. Но что нам даст вычисление соотношения расходов на содержание рабочей силы и доходов от ее использования, даже если мы сможем точно это вычленить? Что нам даст знание того, что сельское хозяйство Вятлага постоянно несло убытки? Сопоставления с соседними колхозами не приводятся, не приводятся и результаты анализа доходности-убыточности снабжения лагеря продовольствием по другой модели (например, организация закупок продовольствия и доставка его в лагерь). Чего стоит критика таких черт лагерного производства, как постоянные авралы, штурмовщина и неритмичность работы, когда мы знаем, что «на воле» было то же самое?

Цифры из ранее секретных документов иногда завораживают даже серьезных исследователей. К примеру, в книге Г.М. Ивановой⁵ «ГУЛАГ в системе тоталитарного государства», внесшей зна-

¹ РГВА. Ф. 1/п. Оп. 19а. Д. 20. Л. 28.

² Там же.

³ См.: Гвоздкова Л.П. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997; Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х — начале 50-х гг. Автореферат... канд. дис. Екатеринбург, 1998.

⁴ Бердинских В.А. История одного лагеря. М., 2001. С. 94.

⁵ Хотелось бы подчеркнуть, что полемика с Г.М. Ивановой в этой статье вызвана именно глубиной и фундаментальностью ее исследования, что позволяет вести научную дискуссию. Ее книга выгодно отличается от некоторых работ, страдающих описательностью и компилятивностью. Вряд ли возможна содержательная полемика с Н.А. Морозовым, в монографии которого «ГУЛАГ в Коми крае. 1929—1956 гг.» (Сыктывкар, 1997) содержится описание развития лагерей Коми края по отраслям народного хозяйства, составленное на основе компиляции лагерных и гулаговских отчетов. Но же можно сказать и о монографии Л.И. Гвоздковой (История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997), страдающей описательностью, несмотря на обилие фактографического материала.

чимый вклад в изучение проблемы, содержится утверждение, что «подневольный принудительный труд был значительно менее эффективен по сравнению с аналогичным трудом вольнонаемных рабочих»¹, опирающееся на сведения начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина. Согласно этим данным, выработка в день на строительно-монтажных работах составляла в январе 1941 г. по ГУЛАГу 23,5 руб., а по союзным наркоматам 44,98 руб., в феврале соответственно 24,8 руб. и 49,67 руб. Выработка на один человеко-день в ГУЛЖДС была ниже, чем в НКПС, на 64%, в Главпромстрое ниже, чем в Наркомстрое, на 55%, в Главгидрострое НКВД ниже, чем в Главгидроспецстрое Наркомата строительства, на 39%². Аргументы серьезные. Однако вряд ли на основании приведенных данных можно делать однозначный вывод. Во-первых, потому что на предприятиях союзных наркоматов, наряду с вольнонаемными, работали заключенные и спецпоселенцы. Во-вторых, в корректности сравнения нельзя быть уверенным, поскольку мы не знаем в одинаковых ли условиях (климатических и т.п.) трудились работники гражданских ведомств и ГУЛАГа, одинаковые ли производственные задания они выполняли. Более того, мы знаем, что обычно заключенные работали в более суровых условиях. Поэтому сравнения в столь укрупненном масштабе, при всей их значимости, всегда будут оставлять сомнения. Можно сделать вывод, что проблема на макроуровне не решается. Не обойтись без исследований на микроуровне, без сравнения эффективности производства каких-либо конкретных видов продукции, которое осуществлялось в сходных территориальных, климатических, производственных и т.п. условиях.

Другое дело — проведенный Г.М. Ивановой сравнительный анализ себестоимости некоторых видов продукции — с одной стороны в Енисейстрое, с другой стороны — в местной промышленности Красноярского края на 1952 г. Так, сметная стоимость тысячи штук кирпича в Енисейстрое составляла 250 руб., себестоимость такого же количества кирпича в крайместпроме была 210,49 руб. Сметная стоимость тонны извести в Енисейстрое — 85 руб., себестоимость по местной промышленности — 93,48 руб.³ Любопытно, что автор этими данными старается подтвердить тезис о том, что «себестоимость гулаговской продукции, несмотря на бесплатность труда заключенных, значительно превышала себестоимость аналогичной продукции, изготавливаемой местной промышленностью»⁴. Приведенные выше данные отнюдь не однозначны: в первом случае себестоимость гулаговской продукции выше, а во втором — ниже.

¹ Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 102.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же.

Г.М. Иванова также пишет, что «экономическая деятельность МВД была столь нерациональна и неэффективна, что даже такой, казалось бы, выгодный вид коммерческой деятельности, как сдача заключенных «в аренду», не приносил министерству прибыли. В качестве обоснования используется ссылка на сводный баланс доходов и расходов МВД за 1949 г., демонстрирующая факт, что «поступления за рабсилу, предоставляемую на сторону», составили в 1948 г. 6,8 млрд руб., тогда как «затраты на содержание рабсилы, предоставляемой на сторону», превысили 8,5 млрд руб.¹ Представляется, что суть дела здесь отнюдь не в неумении руководства ГУЛАГа пристроить подневольную рабочую силу с выгодой для ведомства. МВД не во всем могло действовать самостоятельно, в том числе и в распределении «своих» заключенных. Не МВД, а политическое руководство страны определяло стратегию распределения рабочей силы, стремясь как можно полнее использовать мобилизационные возможности ГУЛАГа. Подсчет прибылей и убытков МВД при этом осуществлялся не в первую очередь. МВД ничего не оставалось делать, оно могло только просить компенсировать убытки из союзного бюджета.

Важно отметить, что в оценках различных инстанций, проверявших лагерный сектор экономики, многое зависело от политической конъюнктуры. К примеру, в докладной записке Л.П. Берии И.В. Сталину и В.М. Молотову от 27 января 1945 г. сообщалось, что «все лагеря, исправительно-трудовые колонии и предприятия НКВД находились на полной самоокупаемости, не получая никакой дотации из государственного бюджета», в результате производственно-хозяйственной деятельности лагерей, колоний и предприятий наркомата в 1944 г. были получены накопления 1630 млн руб.² Это было в то время, когда руководству НКВД было важно показать эффективность своего ведомства. Когда тот же Берия не был заинтересован в демонстрации результативности лагерной экономики, оценки были уже другими. Так, во второй половине 1953 г. по инициативе ЦК КПСС проводился ряд проверок ГУЛАГа. Свою задачу они выполнили. Если ранее в различных отчетах МВД данные свидетельствовали об экономической ценности ГУЛАГа, то теперь — наоборот, о его ущербности. Заместитель начальника финансового отдела ГУЛАГа Рубанов теперь подчеркивал, что содержание лагерей и колоний в течение ряда лет не окупалось доходами от трудового использования заключенных³.

Интересно, что в историографии появилась еще одна точка зрения, сводящаяся к тому, что сравнения принудительного и вольнонаемного труда в СССР во второй половине 30-х — начале 50-х годов невозможны вследствие отсутствия адекватных источ-

¹ Иванова Г.М. Указ. соч. С. 115.

² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 247.

³ Иванова Г.М. Указ. соч. С. 145.

ников. Наиболее рельефно обозначил эту позицию М.И. Хлусов во введении к сборнику документов «Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 30-е годы». Он считает неправомерными рассуждения о малой эффективности использования труда заключенных по сравнению с рабочими государственной промышленности, поскольку, с одной стороны, уже в конце 1929 г. лагеря ГУЛАГа были переведены на самокупаемость и, с другой стороны, так как советское правительство позаботилось о невозможности подобных сопоставлений, приняв 20 августа 1936 г. постановление «О порядке учета труда и зарплаты спецпереселенцев и заключенных исправительно-трудовых колоний, работающих на предприятиях»¹. Действительно, инструкция ЦУНХУ Госплана СССР, утвержденная данным постановлением, требующая во все формы отчетности предприятий по труду и зарплате включать все категории рабочей силы, не подразделяя «спецрабсилу» и вольнонаемных работников, в основном, закрывает возможности для сравнения². Однако не все так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, если нам удастся найти среднесписочное количество спецконтингента, работавшего на предприятии, то, применяя описанные в инструкции формулы, все необходимые показатели можно рассчитать. Хотя составители инструкции сделали все возможное, чтобы «исключить возможность путем сопоставления данных, содержащихся в различных разделах карточек (и сводок), определить численность спецрабсилы, работающей на данном предприятии или в данной отрасли труда»³, искомое среднесписочное количество заключенных или других подневольных работников иногда можно найти в документации предприятий, а иногда в документации лагерей и колоний, предоставлявших рабочую силу. При этом, конечно, следует убедиться, что подсчеты касаются одних и тех же работников. Во-вторых, несмотря на то, что отчетность, которая велась в соответствии в указанной инструкцией, сделала почти невозможным валовый подход к сравнению производительности труда вольнонаемных работников и принуждаемых к труду, возможности анализа по отдельным видам продукции остаются. Мы вполне можем сравнить эффективность производства какого-либо вида продукции (например, гвоздей или молока), если точно знаем, что в одном случае производством занимались заключенные, а в другом вольнонаемные. Но еще раз следует подчеркнуть, что при этом необходимы исследования на микроуровне.

В этих исследованиях наибольшие методологические трудности вызывает определение сравнимых показателей для лагерного и гражданского производства. Исследования привели к использова-

¹ Хлусов М.И. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 30-е годы. С. 12.

² См.: Там же. С. 46—53.

³ Там же. С. 50.

нию в качестве таких показателей для промышленного производства — годового выпуска продукции на одного работника и стоимости единицы этой продукции; для сельского хозяйства — урожайности, продуктивности и т.п. С источниковедческой точки зрения, наибольшую трудность вызывает поиск заданных показателей в отчетности лагерей и гражданских предприятий: формы отчетности по многим параметрам не совпадают, по многим годам данные отсутствуют и т.д.

Заметим, что в данной статье не ставилась задача полномасштабного и всестороннего анализа проблемы сравнительной экономической эффективности, включающего сравнение всех аналогичных производств по всем предприятиям, за все годы существования ГУЛАГа, по всем регионам. Это может быть задачей специального исследования. Задача ставилась же: на конкретном историческом материале показать реальную возможность такого анализа, сформулировать гипотезы о сравнительной эффективности принудительного труда в СССР.

* * *

Начнем со сравнения сельскохозяйственного производства в лагерях и колониях, подведомственных УИТЛК Молотовской области, и колхозах и совхозах той же области. Для удобства сравнения качественные показатели эффективности сельскохозяйственного производства сгруппируем и представим в виде ряда таблиц (см. Табл. 3—7).

Таблица 3

**Продуктивность с/х производства в колхозе им. Ленина
Сретенского с/с Ильинского р-на (1945—1952 гг.)**

Показатель	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Урожайность, ц/га								
Рожь озим.	5,75	7,6	12,45	7,68	14,6	10,0	12,48	9,5
Пшеница яр.	7,44	3,81	6,17	5,27	13,2	5,6	10,91	8,4
Ячмень яр.	10,5	6,8	10,0	11,24	8,2	5,9	8,8	9,0
Овес	5,23	5,06	11,03	11,03	9,0	6,5	9,6	6,43
Гречиха	—	—	—	—	—	—	—	—
Картофель	70	35	17	96	28	18	42	62
Год. удой на 1 фуражную корову, л	1335	1454	1294	1356	1293	1255	1170	858
Яйценоскость на 1 несушку в год, шт.	75	74	60	64	46	29	41	30

Составлено по: ГАПО. Ф. р-1557. Оп. 1. Д. 7. Л. 21, 39, 47—49, 61, 75, 78, 120, 123, 154, 157, 172, 175.

Таблица 4

**Продуктивность с/х производства в колхозе им. 8-го марта
Ст.-Чадовского с/с Бардымского р-на (1945—1952 гг.)**

Показатель	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951*	1952*
Урожайность, ц/га								
Рожь озим.	6,38	3,46	5,07	26,98	4,44	8,23	8,23	6,57
Пшеница яр.	8,78	7,5	7,55	4,22	5,8	7,28	7,63	7,96
Ячмень яр.	—	—	—	—	4,8	—	4,04	—
Овес	3,77	4,6	3,57	4,63	2,1	6,73	7,81	9,32
Гречиха	4,07	1,5	1,44	6,34	2,22	0,82	2,76	1,48
Картофель	36	19	27	21	42	27	40	61
Год. удой на 1 фуражную корову, л	545	666	752	870	763	510	613	872
Яйценоскость на 1 несушку в год, шт.	—	—	—	—	41	33	39	42

Составлено по: ГАПО. Ф. Р-1277. Оп. 1. Д. 11. Л. 3, 4, 10, 21, 22, 34, 35, 53, 55, 81, 83; Д. 218. Л. 3, 11, 57, 60.

Примечание: В 1951 г. колхоз им. 8-го марта был объединен с колхозом им. Кирова и стал называться колхозом им. Чкалова; данные на 1951—1952 г. приводятся по колхозу им. Чкалова.

Таблица 5

**Продуктивность с/х производства в колхозе им. Нариманова
Бичуринского с/с Бардымского р-на (1945—1952 гг.)**

Показатель	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Урожайность, ц/га								
Рожь озим.	5,48	5,25	4,88	3,8	6,43	10,97	11,18	6,55
Пшеница яр.	5,24	5,17	7,57	6,4	5,56	8,21	7,12	7,20
Ячмень яр.	2,6	8,8	10,7	8,0	1,26	10,3	5,6	5,50
Овес	3,95	3,54	5,23	8,5	4,15	7,84	9,06	7,50
Гречиха	3,26	2,83	3,4	5,46	3,5	1,36	2,5	0,85
Картофель	148	16	49	65	40	22	13	39
Год. удой на 1 фуражную корову, л	571	652	695	916	859	1231	721	987
Яйценоскость на 1 несушку в год, шт.	26	35	47	36	27	36	37	26

Составлено по: ГАПО. Ф. Р-1277. Оп. 1. Д. 193. Л. 2, 5, 37, 39, 49, 57, 59, 66, 73; Д. 195. Л. 135—138, 152, 154.

Таблица 6

**Продуктивность сельскохозяйственного производства в лагерях
и колониях УИТЛК Молотовской области (1945—1952 гг.)**

Показатель	1945*	1946	1947	1948	1949*	1950	1951*	1952
Урожайность, ц/га Рожь озим.	5,0	нет д.	6,4		нет д.	10,8	20,4	
Пшеница яр.	2,9	нет д.	Яро- вые 5,9		нет д.	9,1	13,2	
Ячмень яр.	5,5	нет д.			нет д.	10,7	12,8	
Овес	5,5	нет д.			нет д.	9,3	13,5	
Гречиха	—	—	—		нет д.	5,6	—	
Картофель	44	64	53		121	70	60	
Год. удой на 1 фуражную корову, л	1425	1420	1103		2719	1869	2728	
Яйценоскость на 1 несушку в год, шт.	62	62	37		74	71	59	

Составлено по: Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 20—21; Д. 78. Л. 50—51; Д. 83. Л. 74—75; Д. 101. Л. 149, 152; Д. 109. Л. 121, 124; Д. 124. Л. 292—293.

Примечания:

1945 г. — данные по сельскохозяйственной ИТК № 3 УИТЛК (г. Оханск)

1949 г. — данные по Кунгурскому подсобному хозяйству ХОЗО УВД

1951 г. — данные по Л/О № 18 УИТЛК.

Таблица 7

**Продуктивность скота в колхозах и лагерях и колониях УИТЛК
Молотовской области (1945—1950 гг.)**

Показатель	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Год. удой на 1 фуражную корову, л	1425 805	1420 816	1103 785	нет д. 964	2719 943	1869 845
Яйценоскость на 1 несушку в год, шт.	62 30	62 45	37 40	нет д. 45	74 47	71 36

Составлено по: ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 17. Д. 176. Л. 36; Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 20—21; Д. 78. Л. 50—51; Д. 83. Л. 74—75; Д. 101. Л. 149, 152; Д. 109. Л. 121, 124; Д. 124. Л. 292—293.

Примечания: Числитель — УИТЛК, знаменатель — колхозы.

Как видно из таблиц, урожайность зерновых в колхозах не намного отличалась от урожайности в хозяйствах лагерного сектора. Если же говорить об урожайности картофеля, то в УИТЛК она была значительно больше колхозной¹. То же касается производст-

¹ Правда, следует заметить, что урожайность в совхозах была выше, чем в колхозах. Например, в 1950 г. в совхозах убрали 76 ц картофеля с гектара, а в колхозах только 34 (См.: Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Стат. сб. Пермь, 1967. С. 97).

ва яиц и удоев, полученных на одну фуражную корову. Для большей наглядности можно сравнить наиболее значимые показатели за один год. Возьмем в качестве примера 1950 г. (см. Табл. 8).

Таблица 8

**Продуктивность с/х производства в лагерях и колониях УИТЛК
и в колхозах и совхозах Молотовской области за 1950 г.**

Показатели/структура	УИТЛК	К/х и с/х
Урожайность (ц/га) Рожь озим.	10,8	8,1
Пшеница яр.	9,1	8,1
Картофель	70	76
Год. удой на 1 фуражную корову (л)	1869	913
Яйценоскость на 1 несушку в год (шт.)	71	36*

Составлено по: Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 101. Л. 149; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Стат. сб. Пермь, 1967. С. 97.

Примечание: В колхозах (без совхозов).

Сравнение показателей лесозаготовительных работ в подразделениях министерства лесной промышленности и МВД не дает почвы для значимых выводов. Можно заметить, что, к примеру, в 1949 г. среднегодовая выработка на 1 работающего в сфере лесоэксплуатации в Молотовском УИТЛК составила 1075 руб.¹, а в тресте «Уралзападолес» — 1432 руб.² Кроме того, можно обратить внимание на то, что по уровню механизации предприятия минлеспрома мало отличались от подразделений МВД. К примеру, в 1940 г. трестами минлеспрома (Молотовбумлес, Комипермлес и Уралзападолес) механизмами было вывезено 1272 тыс. куб. м древесины из 3114 тыс. куб. м, а в 1946 г. 863 из 2593. Подразделениями МВД (Усольлаг и Ныроблаг) в 1940 г. механизмами вывезено 1169 тыс. куб. м из 2667 тыс. куб. м всей вывезенной древесины; а в 1946 г. 1166 из 2040 тыс. куб. м³. Также можно заметить, что, например, в 1948 г. заготовка фестметра деловой древесины силами заключенных УИТЛК стоила примерно вдвое дешевле, чем аналогичная работа в трестах «Уралзападолес» и «Комипермлес», однако заготовка фестметра дров стоила вдвое дороже, при приблизительно одинаковой стоимости вывозки древесины (см. Табл. 9).

¹ См.: Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 94. Л. 264.

² ГАПО. Ф. р-1074. Оп. 1. Д. 93. Л. 41—42.

³ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 15. Д. 143. Л. 145.

**Сравнительная стоимость лесозаготовительных работ в УИТЛК
и трестах «Уралзападолес» и «Комипермлес» в 1948 г.
(в неизменных ценах 1926 г.), руб. за ф/м**

	УИТЛК	«Уралзападолес»	«Комипермлес»
Заготовка деловой древесины	1,62	3,59	3,6
Вывозка деловой древесины	6,75	5,86	5,04
Заготовка дров	3,3	1,63	1,63
Вывозка дров	2,78	2,94	2,71

Составлено по: Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 86а. Л. 48; ГАПО. Ф. р-1074. Оп. 1. Д. 82. Л. 31—32; Д. 83. Л. 36—37.

Однако, как бы нам ни хотелось сравнить результативность труда принуждаемых к труду и вольнонаемных в лесной отрасли, где была занята большая часть заключенных Прикамья, на корректность выводов рассчитывать не приходится. Дело в том, что в леспромхозах трестов Наркомлеса (Минлеспрома) большую часть рабочей силы составляли спецпоселенцы. Кроме того, в тех же леспромхозах трудилась некоторая часть заключенных, передаваемая им для трудоустройства некоторыми лагерями. Показатели их труда ложились в основу отчетности леспромхозов и лесных трестов; вычленив собственно принудительный труд в этой отчетности практически невозможно. Поэтому данные по лесной отрасли не могут быть показательными для нашего сравнительного анализа.

Данные, характеризующие добычу каменного угля, также не столь показательны, поскольку на шахтах работало немало спецпоселенцев и узников ПФЛ. Однако некоторые сопоставления могут быть полезны. Например, себестоимость тонны угля, добытой заключенными УИТЛК, в 1950 г. составляла 46,29 руб. (оптовая цена — 71,50 руб.)¹, в то время, как коммерческая себестоимость тонны угля, добытой трестом «Кизелуголь», была 92,97 руб. Если учесть, что в этой себестоимости 54,86 руб. — доля зарплаты², может показаться, что без учета зарплатной составляющей заключенные на угледобыче работали не столь эффективно. Но, с другой стороны, в себестоимость продукции УИТЛК включались средства, идущие на содержание заключенных. «Вольнонаемные» должны были сами себя содержать за счет зарплаты. Поэтому получается, что использование заключенных, не получающих зарплату, на добыче угля дает существенный экономический эффект: себестоимость «эзковской» тонны угля вдвое ниже.

Данные о производстве гвоздей и кровельной черепицы (в отличие от сведений о лесозаготовках, добыче угля и т.д.) в подраз-

¹ Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 101. Л. 101.

² ГАПО. Ф. р-1322. Оп. 1. Д. 382. Л. 97.

делениях УИТЛК и на гражданских заводах наглядно демонстрируют сравнительную эффективность работы заключенных и вольнонаемных. Как удалось выяснить, в 1946—1949 гг. на этом участке производства на Чермозском и Добрянском металлургических заводах, взятых для сравнения, труд заключенных не использовался¹. Поэтому сравнение будет «чистым». Обратимся к данным, для удобства сгруппированным в таблицы 10, 11 и 12. Из сравнения можно сделать вывод, что в 1946—1947 гг. коммерческая себестоимость гвоздей и черепицы, выпущенных на предприятиях УИТЛК была немного ниже, чем на Чермозском и Добрянском заводах. В 1948—1949 гг. ситуация изменилась. Себестоимость той же продукции, выпущенной УИТЛК, была уже значительно больше, чем на заводах. Причем, если на предприятиях УИТЛК себестоимость гвоздей и черепицы в данный период в основном росла, то на Добрянском и Чермозском заводах она в основном снижалась.

Таблица 10

**Выработка продукции в натуральном и стоимостном выражении
в 1946—1949 гг. на предприятиях УИТЛК Молотовской области**

Наименование изделий	Факт	Стоим. ед. в отпуск. ценах	Коммерч. с/стоим. ед., руб.
В частности			
Черепица металлическая (т. шт.)			
1947 г.	3529		220
1948 г.	1359		195
1949 г.	338		328
Гвозди до 25 мм (т)			
1946 г.	—		—
1947 г.	34		4551
1948 г.	57		5611
1949 г.	61		8640
Гвозди резные 25—65 мм (т)			
1946 г.	160	2500	1302
1947 г.	129		1683,29
1948 г.	113		2196
1949 г.	254		2106
Гвозди резные 65—95 мм (т)			
1946 г.	174	1750	939
1947 г.	—		—
1948 г.	331		1024
1949 г.	305		1265

¹ См.: ГАПО. Ф. р-75. Оп. 3. Д. 168. Л. 14—15.

Наименование изделий	Факт	Стоим. ед. в отпуск. ценах	Коммерч. с/стоим. ед., руб.
Гвозди резные свыше 100 мм (т)			
1946 г.	390	1250	684
1947 г.	390		708
1948 г.	310		949
1949 г.	368		1133

Составлено по: Архив УВД Пермской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 78. Л. 34; Д. 83. Л. 51; Д. 86а. Л. 48; Д. 94. Л. 30.

Таблица 11

**Выработка продукции в натуральном и стоимостном выражении
на Добрянском металлургическом заводе в 1946—1948 гг.**

Наименование изделий	Факт	Стоим. ед. в отпуск. ценах	Коммерч. с/стоим. ед., руб.
В частности			
Гвозди резные до 25 мм (т)			
1946 г.	0,5	1714	—*
1947 г.	1	3946	Нет д.
1948 г.	1	Нет д.	Нет д.
1949 г.	Производство прекращено		
Гвозди резные 25—60 мм			
1946 г.	77,5	1714	2323
1947 г.	125,7	1853	Нет д.
1948 г.	138,8	1428**	1499**
1949 г.	Производство прекращено		
Гвозди резные свыше 60 мм			
1946 г.	275	1714	2323
1947 г.	488,7	1669	Нет д.
1948 г.	376,4	1428**	1499**
1949 г.	Производство прекращено		

Составлено по: ГАПО. Ф. 1227. Оп. 1. Д. 164. Л. 20, 145, 251—253; Д. 166. Л. 91об.; Д. 168. Л. 32, 135—137.

Примечания:

* Вся продукция использована на внутризаводские нужды.

** Средняя для гвоздей всех размеров.

**Выработка продукции в натуральном и стоимостном выражении
в 1946—1949 гг. на Чермо́зском металлургическом заводе**

Наименование изделий	Факт	Стоим. ед. в отпуск. ценах	Коммерч. с/стоим. ед., руб..
В частности			
Черепица металлическая (т. шт.)			
1948 г.	829	480	297
1949 г.	1252	220	250
Гвозди 25 мм (т)			
1946 г.	1,4	16000	8553
1947 г.	1,2	16000	7020
1948 г.	1,8	7290	6529
1949 г.	Производство прекращено		
Гвозди резные 25—65 мм (т)			
1946 г.	2	1557	679
1947 г.	10	1639	795
1948 г.	6,4	1483	783
1949 г.	Производство прекращено		
Гвозди резные 95 мм (т)			
1946 г.	417	1572	1100
1947 г.	513,7	1638	978
1948 г.	492,4	2415	950
1949 г.	60	1720	1028
Гвозди резные 150 мм (т)			
1946 г.	11	1153	703
1947 г.	47,1	1225	728
1948 г.	12	2018	648
1949 г.	Производство прекращено		

Составлено по: ГАПО. Ф. р-75. Оп. 3. Д. 165. Л. 133—135; Д. 170. Л. 131—134; Д. 172. Л. 61—63; Д. 176. Л. 158—159.

Приведенными примерами вряд ли можно подтвердить преимущества в эффективности какого-либо сектора советской экономики; они скорее свидетельствуют о близости показателей экономической эффективности принудительного и вольнонаемного труда. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что понятие «вольнонаемного» труда для сталинского Советского Союза, в сущности, было эвфемизмом, скрывающим принудительный труд спецпоселенцев, маскирующим несвободу труда колхозников и рабочих.

Все сказанное подводит к следующим выводам, основанным на региональных данных. Во-первых, использование труда заключенных и спецпоселенцев, по крайней мере, не влекло за собой той катастрофической потери эффективности производства, о которой много говорят сторонники умозрительных теорий.

Во-вторых, недостаточная производительность подневольного труда обуславливалась слабой заинтересованностью в результате не только непосредственных производителей, но и организаторов производства.

В-третьих, и это — главное, центр тяжести вопроса об эффективности принудительного труда, по всей видимости, следует перенести в иную плоскость: вести разговор в первую очередь не об эффективности в чисто экономическом понимании этого термина, а о том, что понималось под эффективностью политическим руководством страны.

Если взглянуть на проблему под этим углом зрения, всякие разговоры об экономическом невежестве и управленческой беспомощности советских руководителей отходят на задний план. Становится ясно, что решая ряд экономических проблем, далеко не самым лучшим для развития экономики образом, вожди имели в виду прежде всего некие политические приоритеты. В частности, в подходе советских руководителей к решению вопроса о целесообразности широкомасштабного применения принудительного труда, прослеживается их желание использовать в первую очередь мобилизационные возможности принудительного труда. Эффективность производства рассматривалась вождями не как отношение затрат к результату производства, а как возможность быстрого решения политико-экономических проблем. Так, для индустриализации по советскому образцу требовалось быстро построить ряд крупных объектов там, где не было инфраструктуры, освоить огромные необжитые территории. Привлечение работников для решения этих задач обычным путем потребовало бы значительных средств и, самое главное, потребовались бы долгие годы. Принудительная мобилизация рабочей силы представлялась политическому руководству более эффективным способом решения проблемы.

Подходящая мобилизационная модель была найдена не сразу. Хотя путь от апробации концепции колонизации спецконтингентом труднодоступных территорий к концентрации в одних руках производственного и иного управления подневольными людскими ресурсами был пройден исключительно быстро, в конце 20-х — начале 30-х годов.

Заметим, что первые мобилизационные эксперименты в большинстве своем не были удачными, что в первую очередь можно объяснить распылением рабочей силы и другими просчетами в организации труда. М.Б. Смирнов, С.П. Сигаев и Д.В. Шкапов приводят веские аргументы в обоснование того, что попытки освоить крупные районы «штурмом» путем строительства сравнительно

небольших объектов, дорог и лесозаготовок силами заключенных в Казахстане, на Дальнем Востоке, в районе Северной Двины, в Коми крае и т.д. фактически провалились¹. Однако указанные авторы не замечают успешного (если можно называть успешными эксперименты по использованию рабского труда) опыта ударного строительства Вишерского ЦБК. Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат стал первым промышленным объектом, возведенным трудом заключенных. За его строительство в рекордный 15-месячный срок Э.П. Берзин был награжден орденом Ленина. Концентрация сравнительно большого спецконтингента на его объектах наряду с использованием новой управленческой модели позволили получить в короткий срок положительный результат. Управленческим новшеством стало то, что ОГПУ и подведомственные ему лагеря превращаются из поставщика рабочей силы в организатора крупномасштабных работ. В данном случае Берзин, как начальник специально созданного отдела ВИШХИМЗа при ГУЛАГе ОГПУ, сконцентрировал в одних руках управление как строительством, так и лагерями. Подобная модель была затем использована при организации управления строительством Беломоро-Балтийского канала и других крупных объектов.

Изменение приоритетов социально-экономической политики в начале 30-х годов оказывает непосредственное влияние на пенитенциарные концепции и структуры. Экономическое поведение государства теряет рациональность: главным требованием к предприятиям и целым отраслям становится не достижение рентабельности, а выполнение планов в кратчайшие сроки при ограниченном количестве ресурсов. В рамках такой модели эффективными становятся хозяйственные структуры, способные быстро сконцентрировать ресурсы на определенных объектах. Утверждение таких основ социально-экономической политики способствовало превращению в хозяйственное ведомство ОГПУ, распоряжавшееся огромными подневольными, а следовательно, мобильными людскими ресурсами.

Удачный вишерский опыт пришелся как нельзя кстати. После него эксперименты с использованием труда заключенных становятся все более и более масштабными. Грандиозное строительство Беломорканала в 1931—1933 гг. наглядно продемонстрировало мобилизационные возможности и преимущества ОГПУ по сравнению с любым гражданским ведомством². С 1932 г. начинается работа с новыми гигантскими объектами: каналом Волга—Москва и Байкало-Амурской магистралью. Процесс пошел...

В течение 30-х годов советская экономика приобретает мобилизационный характер. В особенности, это касалось строительства

¹ См.: Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929—1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справочник. М., 1998. С. 28—29.

² См.: ГУЛАГ в Карелии. Петрозаводск, 1992.

новых объектов и обеспечения рабочей силой предприятий, испытывавших в ней потребность. Мобилизация подневольных работников на такие объекты становится управленческим стандартом.

Вот только один пример мобилизаций крупных отрядов заключенных с целью решения хозяйственных задач в рамках только одного из лагуправлений Молотовской области — УИТЛК в течение 1942 г. 9 апреля приказами начальника УНКВД по Молотовской области организуются ИТК-8 для временной работы одной тысячи заключенных в тресте «Андреевуголь», ИТК-4 для временной работы 500 заключенных в тресте «Кизелуголь», ИТК-6 для работы 800 заключенных в КРП)¹. Приказ от 21 мая предусматривал реорганизацию ИТК-4 и ИТК-8 в ИТК-11, заключенные которых передавались тресту «Кизелшахтстрой»². 15 июня в систему УИТЛК УНКВД принимается завод № 806, на его базе сразу же организуется Промколония № 3 (г. Кунгур)³. Приказами начальника УНКВД по Молотовской области от 23 сентября организуются сразу три колонии. Приказы четко определяют цель создания новых структурных единиц — обеспечение рабочей силой конкретные предприятия. ИТК-14 в г. Молотове предназначалась для предоставления 1000 заключенных для обслуживания строительства завода № 260, лаготделение № 4 УИТЛК УНКВД — 6000 заключенных для работы на строительстве азотно-тукового завода в г. Губаха, ИТК-15 — 1000 заключенных для работы на строительстве фенольного завода в г. Березники⁴. Приказом от 23 ноября из ИТК-11 выделяется самостоятельная лесопромышленная ИТК-6 на ст. Селянка (450 заключенных) «для лучшей организации лесоэксплуатации»⁵. Приказом от 26 ноября из ИТК-3 выделяется самостоятельная промышленная ИТК-5 «для улучшения организации производства кожетехнических изделий»⁶. Приказом от 24 декабря ликвидирована ИТК-14 при строительстве завода № 260 «в связи с невыполнением договорных обязательств ОСМЧ-29»⁷, т.е. отпадает хозяйственная необходимость в существовании лагподразделения (в данном случае предприятие не смогло обеспечить эксплуатацию спецконтингента согласно договору) — его расформировывают, заключенных используют на иных объектах.

Если говорить о стиле управления 30-х — начала 50-х годов, то в качестве его важной черты можно отметить стремление к решению всех вопросов администрированием. Для такого стиля управления характерно требование немедленного выполнения приказов.

¹ Архив УВД Пермской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 11—113.

² Там же. Л. 176.

³ Там же. Д. 25. Л. 306.

⁴ Там же. Л. 373—375.

⁵ Там же. Л. 436.

⁶ Там же. Л. 441.

⁷ Там же. Л. 462.

Это касалось и сложнейших социальных проблем, в том числе набора больших групп работников. Быстрота решения кадровых проблем зачастую ассоциировалось с эффективностью. Мобилизации рабочей силы, переброски больших масс рабочих с места на место (при часто не готовой инфраструктуре) идеально соответствовали этому управленческому стилю. Поэтому, говоря о проблеме эффективности принудительного труда, в первую очередь следует вести разговор о мобилизационных возможностях этого сектора экономики¹. Именно на эти возможности и обращали внимание советские руководители в первую очередь.

Таким образом, мобилизация рабочей силы на решение как стратегических, так и сиюминутных экономических проблем стала неотъемлемой чертой советской социально-экономической политики 30-х — начала 50-х годов. Без понимания мобилизационного характера экономики этой эпохи вряд ли можно корректно исследовать проблему эффективности принудительного труда. Кроме того, для осмысления проблемы требуется провести сравнительные исследования эффективности производства в секторах принудительного и «вольнонаемного» труда в ряде регионов страны.

¹ Автор солидарен с замечаниями М.И. Хлусова, который одним из первых обратил внимание на то, что форсированная индустриализация в условиях экономической отсталости потребовала мобилизации всех ресурсов, рассредоточенных по огромной территории. «Появление ГУЛАГа в этих условиях стало той сказочной палочкой-выручалочкой, которая только и могла спасти положение, — пишет он. — Узники ГУЛАГа должны были делать все, даже в самых экстремальных условиях. Их не спрашивали, хотят ли они ехать и куда. Они были самым мобильным видом рабочей силы... И когда речь идет о роли ГУЛАГа в развитии нашей страны, то именно эту сторону его деятельности, прежде всего, следует иметь в виду» (см.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 30-е годы. С. 10—11).

Глава X

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ,
СПЕЦАРТЕЛИ И СПЕЦОРГАНЫ: МЕХАНИЗМЫ
И РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕЦКОЛОНИЗАЦИИ
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-е гг.**

Обсуждение российскими обществоведами комплекса проблем, связанных с причинами, генезисом и эволюцией принудительного труда в постреволюционном обществе, начавшееся в 1990-е гг., представляет собой вялотекущую дискуссию, ведущуюся в двух измерениях — морально-этическом и политико-экономическом. Первое измерение отражает позицию с точки зрения общечеловеческих ценностей, когда всякое насилие и принуждение является однозначно осуждаемым и ведущим к деградации личности, государства, общественного устройства в целом. Исследование предполагает априорный вывод: «Исследовать для того, чтобы осудить». Другой подход предполагает исследование для осмысления и понимания происшедшего со страной, обществом и властью в сталинскую эпоху. Осуждение и отрицание принуждения к труду здесь также, как правило, имплицитно присутствуют, но не в качестве априорного суждения, а как логический поисковый результат.

Установим несколько положений методического характера. Первый из них касается характера труда и трудовых отношений в тоталитарном обществе, каковым являлся сталинский СССР. Труд как таковой был огосударствлен, принимая мобилизационные, распределительные, несвободные формы. Понятие «вольнонаемный работник» — не более чем эвфемизм. Он неприменим ни к специалистам (интеллигенции), ни к крестьянам, ни к рабочим, прикрепление которых к производству завершилось Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 г., ни тем более к номенклатуре (служащим). Структурно труд был, по нашему мнению, представлен в сталинскую эпоху трудом служебным (для номенклатуры и специалистов), наемным (но не вольным, а определяемым государством как всеобщим работодателем), квазидобровольным (для колхозников) и принудительным (для т.н. спецконтингентов).

Мы разделяем высказанную уральским историком А.Б. Сусловым позицию о том, что вопрос об эффективности одной разновидности труда по отношению к другой требует выработки критериев такого рода соотношения. Здесь трудно оперировать понятиями экономической теории, где эффективность выявляется через соотношение результатов с затратами, поскольку и затраты и результаты были искажены советской «лукавой» статистикой. Кроме того, для сталинской системы эффективность ассоциировалась с быстротой достижения тех или иных целей, желаемых результатов,

невзирая на средства, затраченные на это. Ценность системы принудительного труда в глазах сталинского руководства во многом измерялась ее мобилизационными возможностями, переброской значительных масс рабочей силы с места на место при минимальных вложениях в социально-бытовую инфраструктуру¹.

Нам методически близок и другой тезис данного автора о том, что сопоставлять следует однопорядковые явления. Рассуждения о неэффективности принудительного труда «вообще», на макроуровне, недостаточны. Необходимы исследования на мезо- и микроуровнях, позволяющих сравнивать деятельность хозяйственных систем «в сходных территориальных, климатических, производственных условиях»².

Мы исходим из того, что подобным условиям вполне отвечает поставленная в данной статье задача — показать условия и результаты производственной деятельности того сегмента системы принудительного труда, который базировался на использовании труда крестьян-спецпереселенцев, продолжавших после депортации работать в традиционной для себя сельскохозяйственной сфере, сравнив эти показатели с экономическим положением местных колхозов. Для сопоставления экономики неуставных артелей (термин тех лет, которым мы далее будем пользоваться) и колхозов нами взята территория Нарымского округа севера Западной Сибири (территория нынешней Томской области), где в 1930-е гг. был сформирован громадный территориально-производственный комплекс, основанный на труде спецпереселенцев (около 200 тыс. чел. на осень 1931 г. и почти 100 тыс. чел. на начало 1938 г.). На 1 января 1938 г. здесь размещались 448 уставных артелей (колхозов), объединявших 15290 хозяйств местных жителей и 346 неуставных артелей, объединявших 13809 хозяйств спецпереселенцев. Доля обобществленных хозяйств в комендатурах (около 87%) была даже чуть выше, чем в старожильческих поселках округа³. Ниже рассмотрим, основные условия и результаты хозяйственной деятельности спецпереселенческих артелей в сопоставлении с местной колхозной системой. Исходной точкой анализа следует считать материалы партийно-советской комиссии, созданной по заданию Новосибирского обкома партии для обследования организационно-хозяйственного состояния колхозов и неуставных артелей Нарымского округа (август—сентябрь 1938 г.)⁴. Отдавая отчет в предвзятости подходов местных функционеров к деятельности спецпереселенческого сектора, мы использовали также и подготовленные к началу 1938 г. отчетные материалы о хозяйственной деятельнос-

¹ Сулов А.Б. Проблема эффективности принудительного труда в СССР. 1929—1953 гг. (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2001. С. 85, 86, 96.

² Там же. С. 87.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 149.

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 23—40.

ти Отдела трудовых поселений (спецпоселения формально стали называться так после реорганизации в 1933 г., и в нашей работе данные термины использованы как синонимы)¹. Необходимое место в работе отведено рассмотрению эволюции приоритетов партийно-государственного руководства страны и органов ОГПУ—НКВД в отношении экономики спец(труд)поселений на протяжении 1930-х гг. (использованы материалы делопроизводства СНК СССР, ОГПУ—НКВД, ГУЛАГ).

Неуставные артели и колхозы — две стороны одной системы

Неуставные сельскохозяйственные и промысловые артели явились такими же квазидобровольными производственными структурами, что и уставные, легитимные артели. В отличие от последних, инструкция по организации и деятельности неуставных артелей, разрабатывалась спецорганами (ГУЛАГ) и утверждалась по согласованию с Наркомземом. Организуясь «исключительно на добровольных началах», неуставные артели свою деятельность должны были осуществлять «под непосредственным руководством комендатур», работы членов артели производились «согласно правил внутреннего распорядка, утвержденных комендатурой» и «по годовому производственному плану, утвержденному комендатурой». Управление делами артели вел уполномоченный артели из числа спецпереселенцев, утверждаемый (фактически назначаемый) комендантом. Общие собрания артели созывались только с разрешения поселковой комендатуры. Из стоимости реализуемой продукции 85% средств должно было поступать в распоряжение артели, а 15% — в распоряжение комендатур². Доля спецпереселенческих хозяйств, охваченных производственным кооперированием, изменялась скачкообразно. Для Нарымского округа Западной Сибири, о котором преимущественно идет речь в данной публикации, динамика кооперирования хозяйств спецпереселенцев по годам такова: 1932 г. — 38%, 1933 г. — 55, 1934 г. — 67, 1935 г. — 80, 1936 г. — 85,4, 1937 г. — 86,8%³. Быстрый прирост обобществивших свое хозяйство спецпереселенцев после 1934 г. был связан с действиями двух факторов — административного (с 1934 г. спецпереселенцы стали привлекаться к госпоставкам продукции и налогам, существенно более обременительным для единоличников по сравнению с артелями, равно как и наказание за невыполнение обязательств для единоличников было более жестким) и поведенческого (деятельность в неуставных артелях была скорейшим путем восстановления в гражданских правах; кроме того, артели, пережив период

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 1—72.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 11. Л. 11—17; Д. 17. Л. 39—44.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 18.

своего организационного становления, начинали становиться доходными).

Кроме того, артельное и единоличное сельское хозяйство вели в качестве подсобного и спецпереселенцы, занятые в различных отраслях промышленности и транспорта. Эти неуставные артели имели ряд функциональных и статусных отличий от типовых неуставных артелей. Их производственная задача состояла в удовлетворении потребительских нужд спецпоселков, работавших для нужд промышленности и транспорта. Как отмечало руководство НКВД в письме от 21 сентября в правительство, «сельское хозяйство этой категории является чисто потребительским. Сбор урожая текущего года после засыпки семенных и других обязательных фондов не обеспечивает потребности животноводства трудпоселенцев и зернофуража, а члены артелей получают по трудодням всего лишь от 0,5 до 1 центнера зерна на год»¹. В силу данного обстоятельства эти хозяйства постановлением правительства освобождались от налогов, сборов и госпоставок. Одновременно в промышленных комендатурах директивно лимитировалось число занятых сельскохозяйственным трудом. Согласно совместному письму от 26 мая 1936 г. руководства Наркомлеса СССР и ГУЛАГа устанавливалось, что «на постоянных работах в неуставных сельско-хозяйственных артелях разрешается использовать не более 10% трудоспособных трудпоселенцев из числа переданных на работы в лесную промышленность». На членов этих неуставных артелей не распространялись льготы и преимущества, которыми могли пользоваться спецпереселенцы, работавшие в леспромахозах как «постоянные кадры рабочих лесной промышленности»².

В 1930—1937 гг. нарымские комендатуры являли собой замкнутый анклав, основанный на административной (режимные спецпоселки) и экономической (неуставные артели осуществляли хозяйственную деятельность под эгидой ОСП/ОТП ГУЛАГ) экстерриториальности. Поскольку он располагался на территории районов Нарымского округа и соприкасался с местным старожильским, «правовым» населением, объединенным в уставные сельхозартели (колхозы), то появилась возможность реконструкции условий и результатов хозяйствования двух секторов аграрной экономики региона — спецпереселенческого, основанного на принудительном труде, и колхозного.

К 1938 г. обнаружили два основания для серьезного аналитического сопоставления потенциалов двух систем хозяйствования, созданных на схожих основаниях (администрирование и принуждение), но считавшихся идеологически разными и даже антиподами. Одно из них — осенью 1937 г. началась санкционированная «сверху» передача функций хозяйственной деятельности трудпоселений из ведения НКВД местным советским и хозяйственным ор-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 70.

² Там же. Д. 33. Л. 11.

ганам, другое — в 1937 г. истекли первые два года из четырех лет, отведенных на выполнение директивного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1936 г. «О мероприятиях по организации и хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края», которое предусматривало почти удвоение посевных площадей, для чего на этой территории требовалось расчистить и раскорчевать до 400 тыс. га новых земель (в 1935 г. посевная площадь в северных районах составляла 739 тыс. га)¹. За 1931—1935 гг. спецпереселенцами было раскорчевано и освоено 116 тыс. га². Региональные руководители решили выяснить, как шло исполнение директивы в Нарыме трудпоселенческими артелями и колхозами. 23 июля 1938 г. секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев созвал в Новосибирске совещание с участием руководства Нарымского окр., сосредоточившее внимание на обсуждении условий и результатов деятельности неуставных артелей. Тон обсуждению задал сам Алексеев, снискавший печальную известность «искоренением врагов народа» и повсюду усматривавший вредительство:

«Мы были в неуставной артели, где насчитывается большое количество хозяйств, примерно около 100 хозяйств. Эта неуставная артель имеет неплохое хозяйство, в частности молочно-товарную ферму, имеющую около 240 г[о]лов рогатого скота, кроме того эта артель имеет свиноферму, овцеферму и конеферму, тоже с хорошими лошадьми, эта артель имеет прекрасную мельницу, хорошо об[о]рудованную, эта артель имеет прекрасную зерносушилку, прекрасные выстроенные амбары, хорошую маслобойку, эта артель имеет прекрасную выстроенную школу, клуб, ясли и т.д. На трудодень они в прошлом году получили 5,5 или 6,5 килограмм хлеба, 1 руб. 01 коп. деньгами, 6 грамм шерсти, меду и мяса энное количество. Окружающие уставные артели, вот в частности «15 лет октябр[я],» они получили 3 килограмма на трудодень и больше ничего.

[...] Я искал недостатков в этих неуставных артелях, трудно очень найти, у них и организация и выход на работу прекрасный[,] и с уборкой сена и с прополкой провели огромную работу, а наши уставные артели, конечно[,] этому способствовали вредители, чтобы наши уставные артели влачили свое жалкое существование.

Возник вопрос, не за счет ли государства эти неуставные артели имеют такое преимущество, да на все эти постройки им отпускались средства по линии наших политических органов, но на вопрос[,] сколько вы должны государству? Они заявили, что в прошлом году уплатили 70 с лишним тысяч рублей, осталось 9 тысяч, уплотим и мы в расчете с государством. Значит и маслобойка и мельница, все это принадлежит артели. Действительно ли они

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

рас[с]читались с тем, что вложено сначала? На этот вопрос ответа получить нам не удалось на месте[,] и наше отношение и руководство[,] конечно[,] было неправильное. Если бы мы пошли на ущемление этих артелей, в наших интересах сделать все для того, чтобы больше получить государству хлеба из этих артелей, но все вы понимаете, что эти артели находятся в преимущественном положении, правильно ли это с точки зрения политической? Об этом надо здесь сказать. К нашему сожалению с этой обстановкой смирились, что эта рядом уставная артель «15 лет октября», где есть парторг Обкома партии, так у него такое настроение, что никакой Америки нет, что неуставная артель живет и получает в два раза больше[,] чем уставная артель, это у него не вызывает тревоги»¹.

По решению обкома ВКП(б) для рассмотрения дел в Нарымском окр. была создана комиссия (бригада) из шести человек, в которую вошли представители партийных, советских, финансовых организаций, включая и начальника ОТП Корниенко, сменившего назначенного в Краслаг И.И. Долгих. Результатом деятельности этой бригады стала «Докладная записка об организационно-хозяйственном укреплении колхозов Нарымского округа», направленная в обком 15 сентября 1938 года.

Члены комиссии составили характеристики условий и результатов хозяйственной деятельности колхозов и неуставных артелей. По их оценкам, землеустройство в колхозах округа «было проведено вредительски», «ни в одном колхозе округа не проведено внутри-колхозное землеустройство»², «совершенно другую картину представляют собой землепользования неуставных спецпереселенческих артелей округа» (здесь и далее выделено в документе. — *Авт.*). Всех неуставных артелей в округе имеется 294 и 43 неуставных промартели. Вселение кулачества на трудоустройство в северные районы округа шло на редко залесенных землях или массивах гари, на высокоплодородные почвы, так называемые "таежный чернозем". (В Парабельском районе Пудинская комендатура — 48 артелей, Бокчарский р-н, Галкинская и Парбикская — 36 артелей, Чаинский район, Тоинская комендатура — 42 артели). В КОЛПАШЕВСКОМ и БАКЧАРСКОМ районах спецпереселенческие артели были организованы на территории бывших совхозов ОТП. Все это создало благоприятные условия для быстрого освоения площадей, получение высоких урожаев в спецпереселенческих артелях, при огромных затратах государства путем выдачи безвозмездных ссуд на землеустройство спецпереселенцев. Землеустройство по этим артелям проходило с 1932 по 1937 год. За эти годы на землеустройство артелей затрачено бюджетных средств государства около одного миллиона рублей, артели не несли расходов по их землеустройству.

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 5—7.

² Там же. Л. 24.

Во всех спецпереселенческих артелях общие грани землепользования установлены. В 108 артелях проведено внутриартельное землеустройство, с полной инструментальной съемкой и разбивкой полей на севообороты, что обеспечило переход 25 артелей на севооборот и поставило спецпереселенческие артели в лучшие условия землепользования, чем колхозы коренного сектора округа [...]»¹.

Раскорчевка, по мнению бригады, также велась «по-вредительски», колхозам спускались завышенные планы, тогда как неуставные артели даже плановые задания хронически не выполняли. «[...] По неуставным артелям, — отмечали проверяющие, — за 3 года (35, 36 и 37) раскорчевано 22897 га, т.е. меньше[,] чем колхозами коренного населения, несмотря на то, что эти артели в основном раскорчевывали гари, получили большую государственную помощь кредитами, тяглом и корчевальными машинами, имея к этому излишки рабочих рук, планы же раскорчевки ими ежегодно не выполнялись.

По КАРГАСОКСКОМУ и ПАРАБЕЛЬСКОМУ районам за эти три года на 1 хозяйство в с/хоз. артелях раскорчевано 1,3 га, так же всего лишь 1,3 га раскорчевано и в неуставных артелях, хотя эти артели, не имея обобществленного животноводства, будучи освобождены от лесопоставок[,] имели большую к этому возможность. Вместо раскорчевки они свободную рабочую силу использовали на выгодных для себя промыслах (деготь, смола, клепка и пихтовое масло).

Это второй раз подтверждает, что руководство ОТП УНКВД по Запсибкраю проводило вражескую линию, занижая планы раскорчевки и освоения новых земель по спецпереселенческим артелям, делая основной упор на увеличение личных доходов членов артели от подсобных предприятий [...]»².

Бригада рассмотрела динамику посевных площадей в Нарымском окр. в колхозах и неуставных артелях. Основной показатель, по которому было сделано сравнение (средний размер посевной площади на одно хозяйство и одного трудоспособного), также оказался «в пользу» спецпереселенцев, несших меньшую посевную нагрузку. В «Докладной записке...» говорилось: «[...] По ЧАЙНСКОМУ району в 1937 году в колхозах нагрузка посева на 1 хозяйство составляла в среднем 7,17 га и на 1 трудоспособного 4,5 га. По неуставным артелям в этом же году нагрузка на 1 хозяйство составляла 5,17 га и на трудоспособного — 4,35 га.

Анализ нагрузки по районам показывает, что спецпереселенческий сектор в развитии посевных площадей из года в год имел заниженный план сева. Паровой клин в округе оставался для посева яровых культур только в спецпереселенческих артелях. Вражеское руководство ОТП Управления НКВД Новосибирской об-

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 25.

² Там же. Л. 26—27.

ласти проводило линию льготирования спецпереселенческого сектора, давая полную возможность заниженными планами раскорчевки и посева развивать личное хозяйство членов спецпереселенческих артелей, в силу чего спецпереселенческие артели, используя огромные государственные кредиты, экономически стоят выше, чем колхозы коренного сектора [...]¹.

При характеристике животноводства в округе бригада обкома отмечала неравенство в условиях хозяйствования коренного населения и «спецсектора»: «[...] Количество обобществленного крупного рогатого скота в колхозах в три с половиной раза больше, чем в неуставных спецпереселенческих артелях.

В развитии животноводства была проведена вражеская линия в планировании и росте стада поголовья, создавшая в отдельных колхозах чрезмерную перегрузку ферм без наличия кормовой базы, а в отдельных колхозах необеспеченность скотными дворами и обслуживание этого скота рабочей силой.

В спецпереселенческих артелях, при наличии обеспечения скотными дворами, кормами и рабочей силой рост поголовья был резко занижен. Развитие же стада поголовья было направлено по линии индивидуального пользования [...]»².

Описывая состояние кустарного промысла в округе, бригада отмечала еще более «вопиющий» разрыв в результатах деятельности двух секторов: «В Нарымском округе имеются неограниченные возможности развития кустарных промыслов, как то: выгонка пихтового масла, спиртопорошка, дегтя, смолы, скипидара, выделка кустарных изделий из местных лесов (деревообработка) и т.п., но кустарный промысел развит слабо, особенно лесохимобработка.

Работающие в округе кустарные предприятия (пихто-заводы, спирто-порошковые и смоло-дегтекурные заводы) находятся главным образом у спецпереселенческих артелей. У уставных же колхозов этот вид промысла, дающий хорошие заработки, развит чрезвычайно слабо. Это видно из доходов, полученных в 1937 г. от этих промыслов.

Согласно данным годовых отчетов, спецпереселенческие артели в 1937 году получили дохода от промпредприятий 5566603 рубля, а колхозы 1726381 рубль.

Особенно ярким показателем является доходность от лесохимической обработки (пихтовое масло, смолокурение и дегтекурение), валовой доход от этой продукции составил в неуставных артелях 3257000 руб., тогда как в колхозах этот доход составил 364000 рублей.

До 1936—1937 г. неуставные артели, не участвуя в лесозаготовках, все свое внимание сосредотачивали на развитии своих подсобных предприятий, как наиболее доходного вида производства [...]»³.

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 26—27.

² Там же. Л. 32—34.

³ Там же. Л. 35.

Наконец, в разделе «Капиталовложения и ссуды» документа, составленного комиссией обкома, приводились данные и оценки, которые должны были окончательно прояснить вопрос о последствиях действия «вражеской линии» в округе: «[...] Отделом Трудпоселений УНКВД по Новосибирской области с 1930 по 1937 г. было произведено безвозвратных затрат на трудоустройство кулачества (336 поселкам в Нарымском округе, 88 поселкам других районов области) — 105115000 рублей.

Характер этих затрат:

1. Сельхозустройство	4749600 руб.
2. Землеустройство	922600
3. Культобслуживание	16499600
4. Медобслуживание	13619200

и т.д.

Помимо безвозвратных затрат с 1930 г. по 1936 год артелям, членам артелей, единоличникам были выданы долгосрочные кредиты с началом погашения через пять лет на сумму — 35198000 руб., из которых в 1936 году было списано безнадежной задолженности только по артелям Нарымского округа 4769000 руб.

На 1/1—37 г. задолженность неуставных

спецпереселенческих артелей Нарымского округа

С/Х БАНКУ составляла 10935000 руб.

Задолженность колхозов 1275000 руб.

В течение 1937 г. неуставными

спецпереселенческими артелями погашено 425000 руб.

Колхозами 502000 руб.

На 1/IX—1938 г. задолженность неуставных

с/п артелей составляет 10140000 руб.

Колхозов 1750000 руб.

Просроченн. ссуд по неупл. с/п артелей 3700000 руб.

По колхозам 260000 руб.

По данным годовых отчетов по состоянию на 1/1—1938 года долги колхозников колхозам составляли 219603 рублей, тогда как задолженность членов неуставных артелей своим артелям составляла 4439000 руб.

Это показывает, что со стороны СЕЛЬХОЗБАНКА и ГОСБАНКА была проведена вражеская линия в отношении контроля и своевременного взыскания долгов по ссудам, разрешив неуставным с/х. артелям производить все расчеты вне Банка.

В ПАРАБЕЛЬСКОМ районе из 108 неуставных артелей счета в Госбанке открыты только — 20 артелям. В КОЛПАШЕВСКОМ районе из 46 неуставных артелей до сих пор не открыли счета в Госбанке 18 артелей. Такое же состояние и в других районах Нарымского округа. Капиталовложения и затраты, произведенные по обслуживанию спецпереселенцев сетью школ, медицинским и культурным обслуживанием, в несколько раз больше, чем в коренном населении Нарымского округа.

Во всех крупных поселках выстроены медучастки, магазины, СельПО, мельницы (теперь куплены артелями с большой уценкой,

или формально числятся за Райисполкомами, а фактически работают безконтрольно и обслуживают в первую голову спецпереселенческий сектор — Пудино).

Спецпереселенцы и артели получили миллионные кредиты на личное устройство (строительство домов, покупка породистого скота, птицы, семена, машины и т.д.), которые должны были гасить с 1936 г., но вражеское руководство ОТП УНКВД и С/Х БАНКА создавали все возможности бывшему кулачеству развивать в широких возможностях личное хозяйство за счет государственного кредита, из года в год пролонгируя взятые ссуды спецпереселенческими артелями [...]»¹.

Предложения комиссии Новосибирского обкома ВКП(б) соответствовали взятому курсу на новое «раскулачивание», только с применением налогового пресса: «[...] 1. Поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством о привлечении в 1939 году к хлебопоставкам неуставные сельскохозяйственные артели и колхозы ПАРABELЬСКОГО, КОЛПАШЕВСКОГО и КАРГАСОКСКОГО районов, одновременно просить пересмотреть размеры зернопоставок, установив для неуставных спецпереселенческих артелей более повышенные нормы зернопоставок, чем колхозам коренного населения.

2. Поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством об увеличении норм сдачи мяса, молока и шерсти по хозяйствам неуставных спецпереселенческих артелей в более повышенных размерах, чем хозяйствам колхозников.

3. Просить ЦК ВКП(б) и правительство применить к неуставным спецпереселенческим артелям, обслуживаемым МТС, повышенные ставки натуроплаты в сравнении с колхозами коренного сектора.

4. Просить ЦК ВКП(б) и СНК для погашения 10 миллионов задолженности в неуставных спецпереселенческих артелях произвести денежные и натуральные отчисления из доходов 1938—1939 гг. в размерах, необходимых для обеспечения погашения просроченных и срочных платежей по кредитам С/Х БАНКУ.

5. Предложить Нарымскому Окрисполкому провести в неуставных спецпереселенческих артелях полное погашение из доходов членов артелей в 1938 г. по дебиторской задолженности артелям [...]

10. Предложить ОБЛИСПОЛКОМУ и НАРЫМСКОМУ ОКРИСПОЛКОМУ в плане 1939 г. и последующих лет, при размещении посева и раскорчевки устранить недопустимый разрыв в освоении новых земель и расширении посевных площадей между колхозами и неуставными спецпереселенческими артелями, доведя раскорчевку и расширение посевных площадей в неуставных спецпереселенческих артелях не менее чем в колхозах коренного населения.

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 36—37.

11. Довести в 1938—1939 гг. количество обобщественного скота в неуставных спецпереселенческих артелях не менее обобщественного стада колхозов за счет увеличения выходного поголовья скота, контрактации скота у членов артелей и покупку скота, обеспечив к 1/1—1939 г. организацию не менее одной фермы в каждой артели [...]»¹

Обвинительная антиспецпереселенческая направленность содержания и выводов бригады обкома ВКП(б) очевидна. Очевидно также и стремление создателей документа ревизовать, подвергнуть сомнению освоенческую политику предшествующих лет. И хотя делалось это по возможности осторожно (во «вредительстве» обвинялись отдельные функционеры регионального уровня из ОТП УНКВД, крайземуправления, крайисполкома и т.д., которые к тому времени уже были репрессированы), под сомнение ставились директивные указания Центра, проводниками которых выступали региональные и местные органы. В противовес этому руководители ОТП доказывали, что последовательно воплощали в жизнь партийные и правительственные решения. Единственным членом бригады, чья подпись отсутствовала под итоговым документом, был представитель ОТП Корниенко, выразив тем самым особую позицию своего ведомства в данном вопросе.

Несколько ранее, в подписанном 5 февраля 1938 г. «Докладе о передаче хозяйственной деятельности Отдела трудовых поселений УНКВД по НСО» Долгих в преамбуле указывал, что «только под руководством нашей коммунистической партии (большевиков) и непосредственном руководстве и помощи со стороны Западно-Сибирского Краевого Комитета партии работники органов НКВД выполнили задание партии в деле освоения северных районов области... Государственные средства, затраченные на капиталовложения, вселение и первоначальное устройство трудпоселенцев уже возвращены с большей эффективностью, — созданием ценностей, значительно обогатившим народно-хозяйственный баланс Нарыма»². Завершался «Доклад...» следующим выводом: «Все вышеизложенное дает полную возможность сказать, что постановление СНК СССР от 28 декабря 1931 г. за № 292 сс "О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае" выполнено полностью»³.

Если отбросить очевидно присутствующую в аргументации двух конфликтовавших сторон (новых региональных партийно-советских функционеров, пришедших на смену репрессированных и руководства ОТП УНКВД) политическую риторику, то спор шел вокруг итогов хозяйственного развития Нарымского Севера в 1930-е гг. и стратегии освоения региона на перспективу. Не отрицая факт форсированного освоения новых территорий прежде всего руками спецпереселенцев, региональные функционеры «но-

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 38—39.

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 1.

³ Там же. Л. 71.

вого призыва» считали, что вложенные в трудпоселения громадные государственные средства использовались «вредительски», давая спецпереселенцам массу льгот и привилегий, лишив ресурсов развития местные колхозы. В будущем предлагалось такое распределение средств, чтобы сделать ключевым сектором экономики уставные артели. Руководители ОТП, в свою очередь, уверяли в том, что вложенные в трудпоселения государственные средства не растрачены, а «возвращены с большей эффективностью».

Действительно, на территории Нарымского края на протяжении 1930-х гг. сложилось и функционировало два комплекса хозяйствования — уставные и неуставные артели. Однако стартовые условия жизнедеятельности спецпереселенцев и коренных жителей края разительно отличались. Громадные вложения государственных средств, значительная часть которых изначально определялась как «безвозвратные затраты», ушедшие на становление и развитие спецпоселений, оказывались в сложившихся условиях неизбежными. Направленность указанных затрат также жестко детерминировалась характером принудительного переселения в неосвоенные районы: четверть средств ушло на административно-управленческие расходы, треть поглотило создание социальной инфраструктуры (культурные и медицинские учреждения), остальные средства были потрачены на создание производственной сферы, строительство дорог и т.д. Источниками финансирования примерно на две трети являлись средства из бюджета, остальными были, по утверждению Долгих, «собственные средства ОТП», то есть результаты производственной деятельности самой системы спецпоселений¹. О такого же масштаба безвозвратных вложениях в местные колхозы не могло быть и речи. Однако действительно ли спецпереселенцы оказывались в лучших условиях производственной деятельности в сравнении с коренным населением?

Важнейшим условием ведения сельскохозяйственной деятельности на начальном этапе выступали землеустройство и землепользование. Массовое вселение спецпереселенцев в 1930—1931 гг. на территорию Нарымского края сопровождалось коллизиями, которых не происходило в обычных условиях. Вселение шло не только на высокоплодородные почвы («таежный чернозем»), но сплошь и рядом на территории, непригодные ни для проживания, ни для ведения земледелия. Переселения внутри коммандатур, сопровождавшиеся значительными материальными издержками и человеческими потерями, активно проводились всю первую половину 1930-х гг. В этот период принимались решения, чтобы поставить в разные условия при отводе земель спецпереселенцев и местное население. В постановлении президиума Запсибкрайисполкома от 30 октября 1931 г. специальным пунктом крайземуправление обязывалось «при проведении землеустройства положить в основу принцип равномерности в отводе удобных вод-

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 69.

ных, земельных угодий из числа освоенных и подлежащих освоению как для местного населения, так и для спецпереселенцев»¹. Работавшая в северных комендатурах в начале 1932 г. комиссия крайисполкома вынуждена была вмешиваться в конфликтные ситуации. В Шерстобитовской комендатуре «на земли, где расселены спецпереселенцы РИК намерен был переселить вновь образовавшийся колхоз, а спецпереселенцев числом 400 семей намеревался снова переселить на другие места. Комиссия на месте урегулировала сложившееся положение, и РИК от своего намерения отказался»². Сказанное свидетельствует о том, что землеотвод и землеустройство земельных фондов для спецпереселенцев требовали весьма значительных как средств, так и организационных согласований на разных уровнях. Что же касается вложения централизованных средств «на улучшение земфондов» для спецпереселенцев, то последние отпускались директивным путем (существовала отдельная строка в упомянутом выше постановлении СНК СССР от 28 декабря 1931 г.)³.

Другой существенный пункт разногласий касался динамики раскорчевки новых площадей неуставными и уставными артелями. В докладе бригады обкома утверждалось, что за период 1935—1937 гг. членами неуставных артелей было раскорчевано около 23 тыс. га, что уступало соответствующему показателю работы местных колхозов. Долгих в своем «Докладе...» приводил данные, согласно которым пик раскорчевки спецпереселенцами приходился на 1932—1934 гг. В 1934 г. была расчищена территория в 32,7 тыс. га, далее последовало значительное снижение объемов работ: в 1935 г. — 14,8 тыс. га, в 1936 г. — 15,6 тыс. га, в 1937 г. — 8,4 тыс. га (хотя и в этом случае суммарная цифра последних трех лет составила 38,8 тыс. га, а не 23 тыс. га). Комментарий начальника ОТП к приведенным цифрам состоял в следующем: «Первоначальное освоение производилось на наиболее легких участках. Затем, с каждым годом, в освоение входили массивы все более трудные для раскорчевки»⁴. В снижении объемов корчевальных работ была и логика землепользования: вслед за экстенсивной фазой освоения территорий наступала стадия углубленного землеустройства, проведения т.н. организации территории, улучшения землепользования. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что корчевальные работы лишь в небольшой степени подвергались механизации, здесь преобладал тяжелый физический труд, тогда как демографический потенциал населения спецпоселков в первой половине 1930-х гг. не способствовал росту категории трудоспособных.

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. Новосибирск, 1994. С. 123.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 24—25.

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 15.

Состояние животноводства в спецпоселках давало повод местным функционерам для утверждения в том, что в неуставных артелях сложился перекося в пользу разведения скота для личного хозяйства в ущерб развитию общественного животноводства. По данным бригады обкома на начало 1938 г. обобществленный крупный рогатый скот в колхозах коренного населения Нарыма составлял 23,980 голов (1,8 гол. в расчете на одно хозяйство), тогда как в неуставных артелях поголовье крупного рогатого скота насчитывало 6,987 голов (0,5 гол. на хозяйство). По показателям содержания скота в личном пользовании цифры отличались не столь значительно: 1,8 гол. у колхозников и 1,6 гол. у спецпереселенцев¹. Однако в своих расчетах партийные функционеры предпочли не учитывать того обстоятельства, животноводство в спецпоселках начинало развиваться в чрезвычайных условиях. Спецпереселенцы практически не имели к моменту расселения личного скота. На 50 тыс. хозяйств, размещенных в северных, нарымских комендатурах в начале 1932 г. приходилось чуть более 13 тыс. лошадей и 4,611 коров (одна корова на 11 хозяйств). Ввезенный скот в первые годы погибал в значительном количестве из-за бескормицы и плохих условий содержания. И если поголовье крупного рогатого скота за период с 1932 по 1937 г. выросло до 42,352 гол., то поголовье лошадей почти не изменилось (13,553 гол.). Долгих отмечал в своем «Докладе...»: «Конское поголовье завезенное при вселении трудпоселенцев (т.н. натурфонд) состояло из старых истощенных лошадей. При напряженной работе начального периода освоения приплод не возмещал своей убыли. Стадо лошадей до 1936 г. не увеличивалось»². К 1937 г. в спецпоселках оставалась еще не решенная задача обеспечения коровами всех хозяйств: 3512 хозяйств оставались «бескоровными». Между тем наличие скота в личном пользовании, прежде всего коров, являлось одним из важнейших условий «прочного оседания» спецпереселенцев на Севере, и в этом интересы последних и руководства ОТП в определенной мере совпадали. В значительно худшем положении по сравнению с местными колхозами неуставные артели оказывались по обеспечению лошадьми — основной тягловой силы в сельском хозяйстве. В 1938 г. в среднем на колхоз приходилось до 5 лошадей, на неуставную артель — 3,3, что не могло не отражаться на трудовом потенциале артелей.

Неуставные артели внутри сталинской налогово-податной системы

Центральным же пунктом в объяснении сибирскими партийными функционерами причин «лучшего положения» неуставных артелей в сравнении с колхозами было особое положение первых в

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 359. Л. 32.

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 69. Л. 21.

системе советского налогово-податного обложения. Сельское население в 1930-е гг. облагалось значительным количеством прямых и косвенных, денежных и натуральных налогов, сборов и податей. Правительственными постановлениями для спецпереселенцев устанавливался особый порядок получения и возврата ссуд и взимания налогов. Так, постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. затраты на хозяйственное устройство спецпереселенцев делились на возвратные ссуды и безвозвратные затраты. Возвратные ссуды предусматривалось вернуть в бюджет в течение двух лет. Также в течение двухлетнего срока спецпереселенцы освобождались от всех налогов, сборов и заготовок сельхозпродуктов¹. В постановлении СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае» на сельхозустройство спецпереселенцев отводилось 12,764 тыс. руб., из которых 11,644 тыс. руб. выделялись как долгосрочные ссудные кредиты без указания сроков возврата². На начальном этапе существования спецпоселений финансовую ответственность за расходование средств несли те наркоматы и ведомства, в которых использовался труд спецпереселенцев. После реорганизации системы спецпоселений в 1933 г. на ОГПУ была возложена вся полнота ответственности за развитие трудпоселений в Нарымском округе Западной Сибири и Северном Казахстане, включая и отпуск и расходование денежных средств. Особое положение органов ОГПУ—НКВД в государственной системе давало им весомые преимущества в вопросах, касающихся получения дополнительных финансов, безвозвратных ассигнований, пролонгации сроков возврата выданных спецпереселенцам ссуд, получения льгот по налогам и сборам, списания части долгов.

В начале 1934 г. истекал определенный правительственным постановлением от 16 августа 1931 г. срок освобождения депортированных в 1930—1931 гг. спецпереселенческих хозяйств от сельхозналогов, сборов и заготовок. Однако реальные условия и результаты хозяйственной деятельности в комендатурах оказались далеки от плановых наметок директивных органов. В январе 1934 г. зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягода направил докладную записку председателю СНК СССР В.М. Молотову с аргументацией в пользу некоторого продления срока льгот для спецпереселенцев: к 1934 г. ни неуставные сельхозартели, ни подсобные хозяйства спецпереселенцев, в основной своей массе не производили излишков продукции. В условиях явно недостаточного продовольственного обеспечения спецпоселков урожай артелей и подсобных хозяйств целиком уходил на удовлетворение потребительских нужд самих спецпереселенцев и работников комендатур³. 24 февраля

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1931 гг. С. 17.

² Там же. С. 25.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 326. Л. 6.

1934 г. постановлением СНК СССР на один год было продлено освобождение от всех налогов и сборов спецпереселенцев, занятых в сельском хозяйстве в Северном Казахстане (в Западной Сибири артели и единоличники с этого года начали налоговые выплаты). Этим же постановлением неуставные сельхозартели спецпереселенцев в Нарымском округе освобождались в 1934 и 1935 гг. от сдачи государству продукции животноводства¹.

С 1934 г. спецпереселенцы начали ощущать на себе мощь сталинской налогово-податной системы по выполнению обязательных госпоставок зерна и картофеля. 1 октября 1934 г. президиум Запсибкрайисполкома принял постановление «О наложении взыскания за злостную не сдачу зерна государству трудпоселенцами», согласно которому на последних распространялись все нормы и сроки зернопоставок, действовавшие для колхозов, равно как и штрафы и уголовная ответственность для единоличных хозяйств². Груз податного обложения отягощался и тем обстоятельством, что осенью 1934 г. заморозки уничтожили значительную часть посевов зерновых в Нарымском и Тарском округах Западной Сибири. Специальным постановлением СТО СССР от 27 февраля 1935 г. спецпереселенцам этих округов была отпущена семенная ссуда с возвратом из урожая 1935 г.³ В это же самое время начальник УНКВД по Запсибкраю В.А. Каруцкий по своим служебным каналам направил наркомму Ягоде докладную записку, в которой обосновывал необходимость полного освобождения в 1935 г. трудпоселенцев Нарымского округа от сельхозналога и госпоставок зерна и картофеля. Каруцкий отмечал что по итогам заготовительной кампании 1934 г. трудпоселенцами было сдано в качестве госпоставок, натуроплаты МТС и отчислений на погашение задолженности по ссудам 13,5 тыс. т зерна. Сельхозналог и обязательные денежные сборы были выплачены неуставными артелями на 57%, следовательно, возникла задолженность государству. По расчетам ОТП в 1935 г. неуставные артели должны были бы сдать государству более 14 тыс. т зерна и уплатить в гораздо большем объеме сельхозналог. Каруцкий полагал, что в таком объеме выполнение гособязательств подорвет неокрепшее хозяйство неуставных артелей. Руководство ГУЛАГа посчитало возможным поддержать ходатайство Каруцкого, но не в полном объеме: оно обратилось в СНК СССР с просьбой об освобождении нарымских трудпоселенцев в 1935 г. от уплаты сельхозналога и от госпоставок картофеля⁴. В итоге 20 сентября 1935 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О помощи артелям трудпоселенцев Западно-Сибирского края» было принято компромиссное решение: часть задолженностей (по семенной ссуде) была списана, неуставные артели осво-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 29. Л. 131.

² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2163. Л. 297.

³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1318. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 7—8.

бождались в 1935 г. от госпоставок с погибших от заморозков посевов в 1934 г. и с посевов на раскорчеванных за последние два года новых площадях¹.

Аналогичные трудности испытывали спецпереселенцы и в других районах массового принудительного расселения. Так, 6 июля 1935 г. руководство Северного края обратилось в СНК СССР с ходатайством о списании неуставным артелям ссудной задолженности в сумме около 4 млн руб.² Поддерживая ходатайство региональных лидеров, Ягода в письме на имя зам. председателя СНК СССР В.Я. Чубаря привел дополнительные аргументы того, чем чревата выплата такой задолженности недостаточно окрепшими хозяйствами: «По некоторым районам ссылки таковая достигает по 1000 рублей на одно хозяйство неуставной сельско-хозяйственной артели (Няндомский и др. районы). Погасить в положенные сроки означенную задолженность государству по ссудам без окончательного подрыва экономической мощи артели невозможно, так как для уплаты таковой потребовалось бы продать 50% скота, имеющегося в наличии в неуставных артелях...»³ Однако, в отличие от регионалов, Ягода предлагал списать с этих артелей лишь около 1 млн руб., а остальные ссуды обязать погашать с рассрочкой до конца 1939 г., что и было одобрено правительством.

Данный эпизод, равно как и другие, иллюстрирует действие механизма межведомственного бюрократического «торга». Региональные руководители, на чьей территории располагались неуставные артели, выступали здесь в качестве максималистов, добиваясь ликвидации всей суммы ссудной задолженности спецпереселенцев. Спецорганы, в чьем непосредственном ведении находились спецпоселки, предлагали некоторое компромиссное решение ликвидации упомянутой задолженности, которое на деле означало нахождение реальной меры уступки, приемлемой для правительства.

Следующий 1936 год оказался не менее сложным для ведения хозяйственной деятельности трудпоселениями региона. В этот год истек срок освобождения от всех налогов и сборов другого территориального «куста» комендатур, расположенного в Тарском округе Омской области. В связи с этим руководство области обратилось в СНК СССР с привычной просьбой об освобождении трудпоселений округа еще на один год от госпоставок сельхозпродукции и о списании накопившихся задолженностей по ссудам. Просьба мотивировалась тяжелым положением спецпоселков: «В 1933 г. в Тарском округе Омской области органами НКВД расселено 2900 семей, выселенных главным образом из районов и областей Кавказа (черкесы, кабардинцы и др.) и деклассированных элементов из Москвы, ранее никогда не занимавшихся сельским хозяйством... 1933 г. для трудпоселенцев Тарского округа оказался

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 25. Л. 16.

² Там же. Д. 29. Л. 66.

³ Там же. Л. 65.

годом расселения, а 1934 г. оказался годом, когда почти полностью погибли от заморозков их посевы, поэтому нельзя считать сколько-нибудь экономически окрепшими неуставные артели этих трудпоселенцев»¹. Аргументы омских руководителей были восприняты Центром достаточно сдержанно. 11 августа 1936 г. постановлением СНК СССР неуставные артели обязывались осуществить (хотя и в половинном размере) госпоставки сельхозпродуктов. На просьбу о полном списании задолженностей неуставных артелей Тарского округа Сельхозбанку правительство предложило просроченную задолженность отсрочить погашением в течение 1938—1940 годов².

Признаки слабости и неустойчивости системы хозяйствования в спецпоселениях давали о себе знать по всему географическому периметру ГУЛАГа. Несколько ранее, 25 мая 1936 г. с озабоченностью положением в трудпоселках, осуществлявших колонизацию и хозяйственное освоение территорий Беломоро-Балтийского комбината НКВД в СНК СССР обратился СНК Карелии. Здесь с 1934 г. трудились 23 неуставные артели (около 3,5 тыс. семей и 0,5 тыс. одиночек). Финансирование хозяйственного освоения осуществлялось здесь по общепринятой схеме. Безвозвратные бюджетные ассигнования шли на создание социально-бытовой инфраструктуры, а возвратные ссуды выдавались Сельхозбанком на жилищное строительство и организацию сельхозпроизводства (приобретение рабочего скота, фуража, семян, удобрений, инвентаря и т.д.). Указанные ссуды были выданы трудпоселенцам Карелии на условиях погашения их за четыре года с первым платежом на втором году, то есть с декабря 1935 г. Первая же выплата показала, что хотя неуставные артели и произвели причитавшиеся платежи, но сделали это не за счет своих накоплений, а за счет ссуд на оборотные средства. Единоличники же никаких погашений не произвели. Тем самым образовалась задолженность спецпереселенцев государству примерно в полмиллиона рублей. Карельские руководители вполне резонно отмечали, что в первые годы освоения новых территорий требуемых накоплений от спецпереселенцев не приходится ожидать: труд «по освоению территорий и на строительстве поселков едва оправдывал стоимость натурпайка, выдававшегося в этот период трудпоселенцам. С другой стороны, не могут быть не учтены и такие обстоятельства, отражающиеся на платежеспособности трудпоселенцев, как, например, отсутствие у трудпоселенцев трудоспособных членов семьи, случай смерти главы семьи или осуждение главы семьи в лагерь при оставлении на месте поселения остальных членов семьи и т.д.»³. Поскольку график выплат в 1936 г. предусматривал не только погашение долга за 1935 г., но и погашение ссуд на сумму, вдвое превышавшую выплаты 1935 г., то

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 295. Л. 5.

² Там же. Оп. 1. Д. 119. Л. 318.

³ Там же. Оп. 18а. Д. 635. Л. 3.

становилось очевидным, что неуставным артелям вновь приходилось обращаться для погашения ссуд к своим оборотным средствам, ставя тем самым под удар перспективу своего хозяйственного развития. Чтобы выйти из кризиса, руководство Карелии просило СНК СССР установить для трудпоселенцев ББК 8-летние сроки погашения ссуд с внесением сумм платежей начиная с 3-го года освоения¹.

Попав на рассмотрение в Наркомфин СССР карельское ходатайство вызвало достаточно прохладную реакцию финансистов. 4 августа 1936 г. зам. наркома Р.Я. Левин направил в СНК СССР ответ: «Учитывая, что трудности хозяйственного освоения трудпоселенцами в условиях Карельской АССР в основном преодолены, НКФ СССР не может согласиться с предложением Правительства КАССР об установлении 8-ми летнего кредита...» Минимальная уступка НКФ в данном вопросе сводилась к согласию увеличить срок уплаты кредита с четырех до пяти лет, что и было оформлено распоряжением СНК СССР от 9 августа 1936 года².

Ссудные задолженности спецпоселений чем дальше, тем больше становились предметом межведомственных разногласий финансовых и репрессивных органов. 31 июля 1936 г. зам. наркома финансов СССР Р. Левин обратился в СНК СССР с письмом, в котором в резкой форме ставил вопрос о задолженности ОТП УНКВД по Запсибкраю Сельхозбанку, достигшей за пять лет (1931—1935 гг.) 31 млн руб. В частности, отмечалась невозможность взыскать задолженность обычным порядком, поскольку «органами НКВД отделения банка не допускаются до неуставных артелей, и потому банк лишен возможности воздействовать на неуставные артели в смысле взимания с них задолженности. Даже полученные органами НКВД средства с этих артелей в погашение ссуд Сельхозбанку до сих пор банку не внесены в сумме 2255100 руб. и незаконно задержаны в обороте ОТП НКВД Западной Сибири»³. В письме содержалась просьба к правительству обязать НКВД погасить задолженность и своевременно вносить срочные платежи. Далее НКФ предлагал «представить Сельхозбанку возможность проверки как местных органов НКВД, так и неуставных артелей в части своевременного погашения ими задолженностей банку. Для этой цели: а) предоставить банку право обследовать положение отдельных артелей и в соответствующих случаях применять меры принудительного взыскания, б) передать банку все обязательства неуставных артелей по сельхозссудам, как дополнительное обеспечение долга органов НКВД перед Сельхозбанком»⁴.

Со своей стороны в тот же день, 31 июля 1936 г. нарком внутренних дел Ягода также обратился в СНК СССР, но уже с прось-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 635. Л. 4.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Д. 390. Л. 3—3 об.

⁴ Там же. Л. 3 об.

бой об оказании государственной помощи трудпоселенцам Нарымского округа. Нарком признал наличие громадной задолженности перед Сельхозбанком по ссудам, выданным банком на хозяйственное устройство спецпереселенцам в 1931—1935 гг., однако определял ее размеры суммой не в 31 млн руб., а вдвое меньшей — 14299700 руб. Кроме того, Ягода указывал на наличие «безнадежной» задолженности за умершими, бежавшими и переданными в инвалидные дома спецпереселенцами в размере примерно 7 млн руб. Далее Ягода указывал веские причины того, почему задолженности не могут быть погашены в течение 1937 г., как того требовал Наркомфин: «Свое сельское хозяйство трудпоселенцы ведут исключительно в болотно-таежных районах, где окупаемость капиталовложений более медленная, чем в других районах Западной Сибири. Освоенная ими в течение пяти лет посевная и сенокосная площадь в размере 116800 га является результатом лесосводки, раскорчевки и осушения тайги. На июль месяц с.г. под посевом трудпоселенцев имеется 82640 га, что на одну семью составляет в среднем 2,8 га посева. Урожай с этой площади после выполнения обязательных хлебопоставок и натуроплаты МТС дает незначительный товарный излишек, а в ряде наиболее северных районов Нарыма (Александрово-Ваховском, Каргасокском по реке Васюгану), где по климатическим условиям сельское хозяйство развито слабо, трудпоселенцы пользуются завозным хлебом из других трудовых поселений.

Животноводство трудпоселенцев Нарыма и других северных районов, хотя и возрастает ежегодно, но пока еще носит чисто потребительский характер и удовлетворяет лишь нужды детского населения и больничных учреждений трудпоселков... Низкая обеспеченность скотом и необходимость произвести значительные затраты в течение ближайших двух лет на завоз племенных производителей вызывает необходимость оказать трудпоселенцам помощь путем отпуска кредита и освобождения на два года от госпоставок мясо-молочных продуктов.

В связи с этим прошу пролонгировать погашение ссуд трудпоселенцам до 1938 г. и освободить животноводство неуставных артелей и индивидуальный скот членов артелей от госпоставок мясо-молочных продуктов и шерсти в 1936 и 1937 гг.». Далее нарком просил также о списании «безнадежной задолженности» в сумме 7 млн руб. и освобождении трудпоселенцев на два года от попенной платы за древесину, употребляемую для жилищного и сельскохозяйственного строительства¹.

15 августа 1936 г. зам. наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев направил в СНК РСФСР и НКФ СССР на согласование проект правительственного постановления о формах и сроках ликвидации ссудной задолженности спецпереселенцев Нарымских комендатур государству, где приводил ряд дополнительных доводов в пользу

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 35. Л. 61—63.

дальнейших вложений в развитие неуставных артелей и продолжения политики пролонгирования платежей по ссудам. Прокофьев, в частности, отмечал: «На 1 семью приходится в среднем: крупного рогатого скота включая молодняк — 1,1 головы, в том числе коров — 0,48 головы, свиней и коз — 0,60, свиней и поросят — 0,37... Для выполнения предложения НКФина СССР и Сельхозбанка о погашении ссудной задолженности в 1936 и 1937 году потребовалось бы распродать скот, семенные запасы и другие средства производства и этим подорвать сельское хозяйство трудпоселенцев (подчеркнуто в тексте. — *Авт.*). Учитывая экономическое положение неуставных с/х артелей трудпоселенцев, считаю необходимым пролонгировать платежи по ссудам до 1941 г.»¹ Все это по строю аргументации повторяло упоминавшееся выше письмо Ягоды Чубарю летом 1935 г. о решении проблемы задолженности неуставных артелей Северного края государству.

Знакомство с аргументацией карательного ведомства вызвало у финансистов неоднозначную реакцию: они готовы были пойти на некоторые уступки, давая при этом понять пределы компромиссов, поскольку финансы являлись «зоной» их ответственности. Управляющий Сельхозбанком СССР М.В. Выносов в письме на имя Р.Я. Левина писал: «Как видно из представленного проекта и докладной записки НКВД СССР ставит вопрос о пролонгации ссудной задолженности, числящейся за трудпоселенцами до 1941 г., мотивируя трудности освоения с. х. площадей, медленной окупаемостью капвложений и отсутствием товарных излишков продуктов полеводства и животноводства. Сельхозбанк не считает возможным согласиться на пролонгацию ссуд до 1941 г., исходя из тех соображений, что неуставные артели трудпоселенцев работают на уже освоенных землях и имеют доходность от сельского хозяйства». Выносов предлагал окончательный срок погашения задолженностей установить на конец 1939 года.

Финансист не возражал против передачи Сельхозбанку ссудных задолженностей Нарымских трудпоселенцев, однако при выполнении НКВД ряда условий: «Средства для кредитования трудпоселенцев с 1933 г. выделялись ОТП УНКВД (Отделу трудпоселений Управления НКВД по Запсибкраю. — *Авт.*), коим и оформлялась задолженность на конечных заемщиков (отдельных трудпоселенцев или артели. — *Авт.*). Ссудный портфель по этим операциям находился в явно неблагополучном состоянии и требует значительной расчистки. Кроме того Сельхозбанк не имеет своих учреждений в массе районов трудпоселений и таким образом лишен возможности практически осуществлять приемку ссудного портфеля на местах... Поэтому Сельхозбанк в данный момент не может согласиться на принятие ссудного портфеля от ОТП УНКВД и согласен лишь принять все обязательства неуставных

¹ РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 2. Д. 13. Л. 193.

артелей по с. х. ссудам, как дополнительное обеспечение долга органов НКВД перед Сельхозбанком»¹.

В ходе почти двухмесячных межведомственных согласований сторонам удалось достичь компромисса. 2 октября 1936 г. постановлением СТО СССР Сельхозбанк обязывался списать с трудпоселенцев т.н. безнадежную задолженность, «числящуюся за умершими, бежавшими и переданными в инвалидные дома трудпоселенцами северных районов Зап. Сибири». Ссудную задолженность перед Банком, определенную правительством в размере 11,4 млн руб. трудпоселенцы должны были погасить до конца 1939 г. Сельхозбанку передавалась работа по взысканию сельскохозяйственных ссуд с неуставных артелей².

Последняя из перечисленных директив потребовала от Сельхозбанка и его краевых и областных отделений весьма значительных организационных усилий для того, чтобы провести проверку финансовой (фактически и производственной) деятельности неуставных артелей. Благодаря этому в делопроизводстве финансового органа оказалось значительное количество источников, содержащих информацию о функционировании экономики комендатурно-производственного комплекса, достоверность которых несомненна уже в силу того, что банковской структуре в данном случае были необходимы объективные сведения. Весной—летом 1936 г. в Нарымских комендатурах с инспекционной поездкой побывал ответственный работник Сельхозбанка Портнянский, подробные служебные письма которого руководству банка являются одними из редких сохранившихся свидетельств современников о функционировании комендатур извне.

Первое впечатление от комендатур, явно противоречащее своим ожиданиям, Портнянский выразил в преамбуле своего письма-отчета от 26 мая 1936 г. в эмоциональной форме: «Среди дикой тайги Нарыма... созданы прекрасные хозяйства, которые могут служить образцом для всех виденных мною колхозов и совхозов». Далее излагалась «проза», но глазами уже непредвзятого человека: «Край этот весьма богатых перспектив и отсюда понятно. Какое государственное значение имеет закрепление трудпоселенцев на постоянное жительство в новых хозяйствах. В первые годы организации трудпоселенческих артелей все внимание было сосредоточено на создании обобщественного хозяйства, в ущерб личным интересам трудпоселенцев. С 1935 года началось улучшение материального положения самих трудпоселенцев путем повышения стоимости трудодня.

Трудпоселенцы в настоящее время восстанавливаются в гражданских правах. Есть уже целые артели, полностью восстановленные. Если не будет создано условий для добровольного прикрепления основной массы жителей Нарыма — трудпоселенцев, может

¹ РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 2. Д. 13. Л. 197—197 об.

² ГА РФ. Ф. Р-5674. Оп. 3. Д. 35. Л. 231—231 об.

вызвать стремление последних уехать из Нарыма и многомиллионные государственные средства, вложенные в хорошо организованное новое хозяйство, как и все богатство округа, останутся неиспользованными»¹.

Далее финансист приводил данные об экономическом состоянии трех обследованных им неуставных артелей Колпашевской участковой комендатуры («Новая жизнь», «Колос» и «Объединение»). Из множества сведений приведем те, что характеризовали в динамике результаты хозяйствования артелей в 1935 и первом квартале 1936 г., позволявшие прогнозировать результаты 1936 г. в целом. В артели «Новая жизнь» на один трудодень приходилось денег 30 коп., зерна 4,2 кг. В 1936 г. предусматривалось удвоить эти цифры. Артель имела ссудные задолженности перед государством на сумму в 50 тыс. руб. Инспектор предлагал пролонгировать выплату задолженностей, а также произвести аккумуляцию некоторых средств путем определенного сокращения выдачи денег на трудодень по итогам 1936 г., но с тем, чтобы данная выдача была выше, чем в 1935 году.

В артели «Колос» спецпереселенцы получили в 1935 г. на трудодень 14 коп. и 3,67 кг зерна. При этом финансист приводил также данные и о том, как изменялся валовый доход на одно хозяйство (в 1934 г. — 251 руб., в 1935 г. — 739 руб.), в т.ч. на одного трудоспособного (116 и 332 руб. соответственно). Здесь долговая сумма составляла 56,2 тыс. руб., и Портнянский считал возможным также осуществить отсрочку ликвидации задолженности на 2—3 года.

В артели «Объединение», образованной в 1934 г. спецпереселенцы получили в 1935 г. на трудодень 54 коп., но всего 0,7 кг зерна и 1,6 кг картофеля. Валовый доход на одно хозяйство составил в 1935 г. 782 руб., на одного трудоспособного — 464 руб. Способ покрытия задолженности Сельхозбанку в 42,2 тыс. руб. Портнянский предлагал тот же, что и для других неуставных артелей. По его мнению, задолженность «может быть покрыта с учетом значительных доходов артели от подсобных предприятий и возможности развития животноводства в течение двух—трех лет, не приостанавливая значительный рост обобщественного хозяйства артели и стоимости трудодня»².

Как следует из переписки инспектора с руководством банка, Портнянский исходил из реалистической оценки состояния и перспектив развития экономики неуставных артелей, считая, что финансирование артелей должно содействовать их росту, а не разорению путем жестокого взыскания задолженностей. В своих последующих письмах он прямо писал о том, в росте задолженностей нередко виновны работники местных филиалов Банка в силу низкого профессионализма, бездеятельности или бесконтрольности.

¹ РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 2. Д. 13. Л. 126.

² Там же. Л. 125—126.

Вместо деловой работы по «расчистке» задолженности, начальник местной конторы Банка «подписывал написанные ОГПУ письма с жалобой на неплатежеспособность артелей»¹. Кроме того, финансист считал необходимым решать проблему задолженностей артелей Банку дифференцированно: «...Отдельным артелям с наиболее крупной задолженностью или очень слабым придется давать отсрочку и на более длительный срок»².

НКВД как «щит» спецпоселений

Острота конфликтов между репрессивными и финансовыми структурами вокруг регулирования финансовых потоков, направлявшихся в систему спецпоселений, отнюдь не случайно пришлась на 1936 г. До этого времени органы ОГПУ—НКВД безраздельно определяли стратегию экономической деятельности и состояние производственной и непроизводственной инфраструктуры спецпоселений сельскохозяйственной и промысловой специализации в ряде регионов, где сформировались своего рода спецпоселенческие анклавы (Нарымский и Тарский округа Западной Сибири, Северный Казахстан, колонизируемая зона Беломоро-Балтийского канала). Между тем, еще с середины 1935 г. приоритеты руководства НКВД в данной области стали трансформироваться в направлении поэтапного освобождения ведомства от весьма обременительных и «непрофильных» усилий по развитию сельского хозяйства и промыслов в спецпоселениях, включая и ответственность за формирование социально-культурной и бытовой инфраструктуры комендатур. К этому времени система спецпоселений данного типа охватывала значительную часть регионов страны (территориальное размещение неуставных артелей и показатели обеспеченности хозяйств спецпереселенцев на осень 1935 г. характеризуются данными Таблиц 1 и 2 (см. Приложение)). На первоначальном, освоительском этапе создания спецпоселений на колонизируемых территориях задача руководства ОГПУ—НКВД сводилась к «выбиванию» максимума материальных ресурсов и финансовых средств, благодаря своему особому статусу и экстраординарности массовых репрессий (получали, как правило, столько, сколько запрашивали). Финансирование массовых депортаций 1930—1933 гг., равно как и последующих локальных, включая и хозяйственное обустройство репрессированных спецпереселенцев на новых территориях осуществлялось, как правило, из резервного фонда СНК СССР. Деление ассигнований на безвозвратные затраты и возвратные ссуды хотя и оговаривалось правительственными постановлениями, но сроки возврата ссудных кредитов должны были начать действовать только через несколько лет. Действовавший одновременно с финансовым механизм отсрочек от несения спецпереселенцами на-

¹ РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 2. Д. 13. Л. 124 об.

² Там же. Л. 123 об.

логово-податного бремени на два—три года также исчерпывал себя, как это было показано выше, в 1935—1936 гг. И это обстоятельство не могло не учитываться руководством спецорганов. Соединение в одном ведомстве функций освоения средств и контроля за их расходованием (финансовые структуры существовали в региональных отделах по спецпереселенцам, они отчитывались перед ГУЛАГом, а сводные финансовые отчеты последнего по финансированию спецпоселений рассматривались и утверждались финотделом НКВД) делало закрытой и непрозрачной финансовую систему спецпоселений ГУЛАГа от контрольных государственных органов, но долго так не могло продолжаться, в том числе и потому, что наступило время возврата долгосрочных кредитных займов, контроль за которыми был прерогативой финансовых структур.

Первую по времени попытку освободиться от своих непрофильных функций применительно к спецпоселениям руководство НКВД предприняло летом 1935 г. 9 июля 1935 г. зам. наркома Г.Е. Прокофьев направил на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова письмо, которое рельефно отразило намерение спецорганов поэтапно переложить ответственность за будущее сельскохозяйственных спецпоселений на гражданские органы. В преамбуле он обозначил основные достижения и проблемы в функционировании спецпоселений: «К началу весеннего сева 1935 г. в кулацких поселениях имеется 1271 неуставных сельхозартелей, объединяющих 445000 чел. Посевная площадь в этих районах в 1935 году составляет 368000 га, из которых 161000 га освоена в результате раскорчевки и осушения таежно-болотных массивов в Северных окраинах (подчеркнуто в тексте документа. — Авт.)»; высланные в 1930—1932 гг. крестьяне уже прочно освоились в местах нового расселения, обеспечивая себя хлебом, фуражом и семенами и начинают нести госповинности наравне с местным населением. Тем не менее для дальнейшего развития земледелия и животноводства в спецпоселках требуются еще значительные капиталовложения. Наряду с этим требуется по-прежнему применение к данным хозяйствам стимулирующих льгот и продление сроков погашения выданных им ссуд. Прокофьев не скрывал, что «из-за медленного восстановления капиталовложений в Северных окраинах и степных районах сельхозартели не смогут выплатить в короткие сроки выданные на постройку жилищ и сельхозосвоение ссуды — по Нарыму 10000000 рублей, по Казахстану до 18000000 рублей». Однако главный аргумент, почему НКВД «сдает» свои полномочия в управлении спецпоселками, за исключением режимной функции, зам. наркома изложил в завершающем письме абзаце: «Учитывая, что в 1935/1936 гг. значительная часть трудпоселенцев, находящихся в трудпоселках с 1930/1931 гг.[,] подлежит в соответствии с постановлением ЦИК Союза ССР от 27 мая 1934 г. восстановлению в гражданских правах[,] и что в результате мероприятий НКВД по освоению районов, отведенных для поселения кулаков их хозяйственное устройство закончено, считаю необходимым

дальнейшее необходимое административно-хозяйственное обслуживание трудпоселений к 1-му января 1936 года передать соответствующим СНК Союзных и Автономных республик, Краевым и Областным Исполнительным Комитетам»¹.

В прилагаемом к письму проекту постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) предлагалось обязать госорганы принять от НКВД в трудпоселениях «административное обслуживание, медико-санитарную сеть, детясли, школьную сеть, детдома, торговую сеть, курортные промыслы, сельхозобслуживание и все операции по ссудам, выданным с 1931 по 1935 год». Далее следовало перечисление стимулирующих льгот для неуставных артелей (освобождение артелей еще на несколько лет от госпоставок сельхозпродуктов, освобождать инвалидов и «малотрудоспособных» трудпоселенцев на три года от всех налогов, сборов и обязательных госпоставок сельхозпродуктов, а также полностью списать с них ссудные задолженности прошлых лет). Сроки погашения ссуд для неуставных артелей предлагалось ввести дифференцированные: для выданных в 1931—1932 гг. продлить сроки погашения до декабря 1937 г., а для выданных в 1933—1934 гг. — до конца 1939 г. Наконец, предлагалось «средства госбюджета, затраченные Наркомвнуделом на медицинское, культурно-воспитательное и коммунальное строительство в трудпоселениях, спецколониях и колониях для беспризорных за время с 1930 по 1935 год считать безвозвратными ассигнованиями»².

По поручению В.М. Молотова проект НКВД был передан на рассмотрение правительственной комиссии под председательством зам. председателя СНК РСФСР Д.З. Лебеда. Комиссия не только признала целесообразными предложения НКВД, но даже и расширила трактовку «безвозвратных ассигнований», включив туда «также затраты, произведенные на снабжение продовольствием и промтоварами беспризорных, инвалидов, бежавших и ныне умерших трудпоселенцев»³.

Однако данный проект так и не стал ожидаемой НКВД в конце 1935 г. партийно-государственной директивой. Сработал весьма редкий для сталинской системы механизм торможения проектировки могущественного спецоргана региональной элитой Западной Сибири. Перспектива утраты единого руководителя производственно-хозяйственной деятельностью комендатур в лице аппарата НКВД и переложения этих функций на слабые местные советские и хозяйственные органы, и возможные при этой передаче издержки межвластия показали секретарю Запсибкрайкома партии Р.И. Эйхе и предкрайисполкома Ф.П. Грядинскому настолько серьезными, что последние предприняли успешные бюрократические шаги по блокированию инициативы НКВД.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 18а. Д. 620. Л. 16—18.

² Там же. Л. 19—21.

³ Там же. Л. 72—73.

Именно в этот период, осенью—зимой 1935 г. завершалась подготовка к принятию постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации и хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края». Интересы репрессивного ведомства и региональных властей совпадали здесь в нескольких моментах. Во-первых, те и другие стремились «продвинуть» постановление, в котором намечались дополнительные льготы и ресурсы для хозяйств северных территорий, во-вторых, использовать дополнительные механизмы стимулирования труда спецпереселенцев, побуждающие их к «прочному хозяйственному оседанию» в спецпоселках. Не случайно в указанном постановлении целый раздел был посвящен «упорядочению гражданского быта трудпоселенцев», в котором директивные органы «предлагали» НКВД и Запсибкрайисполкому ускорить восстановление в правах части трудпоселенцев, особенно молодежи, разрешить восстановленным в гражданских правах трудпоселенцам свободное передвижение в пределах Нарымского округа, восстанавливать в правах детей трудпоселенцев по достижении ими совершеннолетия и т.д.

Вместе с тем, Эйхе и Грядинский сумели путем прямого письменного обращения к Сталину и Молотову доказать необходимость сохранения в трудпоселениях сложившегося порядка управления. Отметив, что «у работников НКВД очень сильны тенденции начать передачу управления трудпоселков местным советам и райисполкомам, а хозяйственное обслуживание трудпоселенцев — в ведение органов Наркомзема», руководители региона резюмировали: «Мы считаем, что в данный момент это мероприятие несвоевременно и может отрицательно отразиться на всем процессе хозяйственного освоения трудпоселенцами Севера и укрепления хозяйств трудпоселенцев. Проведение этого мероприятия надо отложить, пока окончательно не завершится процесс трудового устройства трудпоселенцев и укрепления неуставных артелей»¹. Результатом конфликта интересов явилось включение в данное постановление последним пунктом формулировки, перечеркнувшей на некоторое время замыслы НКВД: «СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают несвоевременной в настоящий момент передачу обслуживания трудпоселенческого населения органам Наркомзема и предлагают сохранить существующий порядок»².

Атмосферу бюрократической коллизии вокруг данного вопроса передал в своей докладной записке от 19 декабря 1935 г. на имя руководства НКВД тогдашний начальник УНКВД по Запсибкраю Каруцкий, вынужденный фактически оправдываться за то, что не отстоял позицию своего ведомства: «Я принимал участие в работе Комиссии Крайкома по вопросам севера. Работа этой комиссии началась еще в сентябре этого года, после поездки т. Эйхе и моей

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 35. Л. 23.

² Там же. Д. 32. Л. 4.

в Нарым. Тогда я уже был информирован ГУЛАГом о том, что с 1 января 1936 г. предполагается передача обслуживания трудпоселенцев из ГУЛАГа в систему Наркомзема и местных органов власти.

Исходя из этого, а также из тех впечатлений, которые я вынес от поездки по северу (положительные результаты сельско-хозяйственного освоения трудпоселенцев и обеспеченность их своим хлебом, семенами и фуражом; достижения в деле животноводства; значительно улучшившееся материально-бытовое положение; почти полное завершение жилищного и культурно-бытового строительства и в общем удовлетворительное культурное и санитарное обслуживание трудпоселенцев; резкое сокращение смертности и повышение рождаемости; сокращение побегов), я в Краевом Комитете проводил достаточно решительную линию на то, чтобы передачу обслуживания трудпоселенцев произвести к 1 января 1936 года. [...] При окончательном рассмотрении в Краевом Комитете предложений по этому вопросу, Р.И. Эйхе предлагал, чтобы управление трудпоселками осталось за нами не на один, а на два года»¹. Фактический ход событий оказался именно таким. От ответственности за экономику неуставных артелей, равно и инфраструктуру спецпоселений этого профиля НКВД освободился только к 1938 г. Численность и состав неуставных артелей в СССР к этому времени характеризуются данными Таблицы 3 (см. Приложение).

С принятием Конституции 1936 г. руководство НКВД приняло ряд инициатив, направленных на то, чтобы освободиться от обременительной для ведомства ответственности за хозяйственную деятельность неуставных артелей. Не позднее февраля 1937 г. вновь назначенный наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежов совместно с прокурором СССР А.Я. Вышинским обратились в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) с письмом, где, помимо прочих содержались и предложения, связанные с продлением еще на некоторое время для спецпереселенцев части льгот: «В целях стимулирования трудпоселенцев к дальнейшему хозяйственному освоению в местах поселения установить следующие льготы: а) сложить с трудпоселенцев всю их задолженность по ссудам, б) освободить хозяйства трудпоселенцев (артельное и единоличное) от мясо- и молокопоставок в течение 1937, 1938 и 1939 гг... в) освободить от госпоставок, всех налогов и сборов подсобное сельское хозяйство трудпоселенцев, работающих в промышленности»². Речь шла, безусловно, не о проявлении заботы о спецпереселенцах, а об отстаивании собственных ведомственных интересов, прежде всего. Ведомственный протекционизм, скрывавший экономическую несостоятельность принудительного труда, невозможно было сохранять далее в нетронутном виде. Но и резко прерывать последний было

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

² Там же. Д. 54. Л. 1.

столь же неразумно. Вот почему был избран путь приведения в 1937 г. экономики трудпоселений в своеобразное «нулевое» состояние за счет очищения от налогово-податного бремени предшествующих лет, прежде чем передать хозяйственные функции ОТП государственным органам.

Однако время экономико-финансовых преференций для трудпоселений уже миновало. Предложения Ежова—Вышинского остались без рассмотрения. 9 сентября 1938 г. вышло постановление СНК СССР о переводе трудпоселенческих артелей на устав обычных артелей¹. 26 декабря 1938 г. местным управлениям НКВД за подписью зам. наркома Филаретова было разослано следующее разъяснение: «...Трудпоселенцы должны платить налоги, сборы и выполнять все обязанности перед государством наравне со всеми гражданами. Все ранее изданные директивы НКВД СССР об освобождении трудпоселенцев от налогов, сборов, ренты и т.п. отменяются»².

Существовавшую систему преференций для спецпереселенцев необходимо рассматривать в контексте функционирования всей советской экономики 1930-х гг. Для колхозов также практиковались получение беспроцентных финансовых и продовольственных ссуд. То же касалось и периодического снятия с колхозов отдельных территорий недоимок по зернопоставкам, задолженностей по натуроплате МТС и т.д. Вследствие неурожая 1934 г. ряд зернопроизводящих районов страны получил списание задолженностей по семенной, продовольственной и фуражной ссудам³. 23 декабря 1934 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было осуществлено списание в масштабах страны с колхозов задолженности по сельхозссудам, выданным до 1 января 1933 г.⁴ Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июня 1935 г. колхозы Западной Сибири получили освобождение от покрытия части задолженности по госпоставкам государству и рассрочку на два года при ликвидации задолженности по зерновой ссуде⁵. 2 сентября Политбюро своим решением списало с единоличников в Западной Сибири, вступивших в колхозы, недоимки⁶.

Разветвленная система льгот существовала для организуемых с начала 1930-х гг. в пограничных районах красноармейских колхозов. Так, постановлением Политбюро от 28 апреля 1935 г. для красноармейских колхозов Ленинградской области нормы госпоставок сельхозпродукции на следующие три года устанавливались в половинном размере от установленных для других колхозов региона норм. С красноармейских колхозов списывались имевшиеся

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 148. Л. 91.

² Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 473, 477.

⁴ Там же. С. 486.

⁵ Там же. С. 534.

⁶ Там же. С. 595.

недоимки по всем натуральным обязательствам перед государством, а также задолженности Сельхозбанку по выданным ранее ссудам. Для хозяйственного обзаведения каждой переселенческой красноармейской семье выдавалась ссуда в размере тысячи рублей сроком на 10 лет с началом первых погашений через три года с момента получения ссуды¹. Постановлением Политбюро от 5 сентября 1935 г. отмеченные льготы были распространены на все красноармейские колхозы страны².

Весьма ощутимыми льготами пользовались и обычные, плановые переселенцы. С переселяемых хозяйств снимались все виды недоимок. В течение трех лет с момента вселения на необжитые территории Восточной Сибири и Дальнего Востока переселенцы освобождались от уплаты сельхозналога, культсборов, страховых платежей, а на Дальнем Востоке и от госпоставок сельхозпродукции. За счет госбюджета производились землеотвод, землеустройство и дорожное строительство на вновь осваиваемых землях. Бесплатно за счет госбюджета создавалась социально-культурная инфраструктура. Выдавался долгосрочный (сроком на 10 лет) кредит с началом погашения после снятия первых двух урожаев³.

Все отмеченное выше свидетельствует о том, что практика режима хозяйствования и льгот для спецпереселенцев в 1930-е гг. вполне умещалась в существовавшие в тот период директивные и нормативные документы, снимая тем самым вопрос о «вредительской» линии руководства ОТП в масштабах страны и западносибирского региона при организации хозяйственной деятельности неуставных артелей. В иерархии полученных преференций неуставные артели действительно до 1936 г. находились чуть выше уставных артелей, но вровень с плановыми переселенцами и, безусловно, ниже красноармейских колхозов. Постепенное лишение трудпоселенческого сектора некоторых льгот после 1936 г. привело к выравниванию режима хозяйственной деятельности неуставных артелей с уставными к 1939 году.

«Рабсила»

Весьма важным компонентом функционирования сельскохозяйственно-промышленного сегмента Нарымских спецпоселений были структура и качество «человеческого фактора», трудового потенциала неуставных артелей — управленцев и управляемых. Что касается первых, то определяющим было то, что спец(труд)поселения входили составной частью в ГУЛАГ со всеми присущими данной «империи» сущностными чертами. Административный, производственный инфраструктурный аппараты формировались из

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4. С. 478—479.

² Там же. С. 579.

³ Там же. С. 609—611.

одного гулаговского кадрового «котла». Это касалось как управленческих структур, так и кадров специалистов. На начальном этапе создания системы спецпоселений (1930—1933 гг.) имела место громадная текучесть комендантского состава, которая пошла на убыль только во второй половине 1930-х гг. Сменяемость кадров комендантов и их помощников оставалась высокой и далее, но уцелевшие внутри карательной системы работники адаптировались к условиям и режиму спецпоселений с их спецификой обеспечения и сочетания функций охранительной и производственной.

Руководство ГУЛАГа и его региональные структуры (Сиблаг, в данном случае) оперативно реагировали на проблему насыщения сети комендатур специалистами разного профиля, прибегнув к испытанному средству использования находившегося в их подчинении «спецконтингента». В течение 1931—1932 гг. для организации в районах Нарымских комендатур производственного аппарата Сиблаг направил туда около 100 специалистов из числа заключенных и ссыльных, среди которых были инженеры — землеустроители, агрономы, ветеринары и т.д. В итоге этим «спецконтингентом» было укомплектовано две трети требуемого числа специалистов для работы в спецпоселках Нарымского округа.

Практически с первых лет существования спецпоселений для работы в аппаратах комендатур стала весьма широко привлекаться на низшие и средние исполнительские должности та часть спецпереселенцев, которая отвечала критериям политической лояльности режиму, деловыми качествами и общеобразовательной или специальной подготовкой, необходимой для выполнения названных выше исполнительских функций. Так, по данным на осень 1933 г. штаты северных, Нарымских комендатур были укомплектованы вольнонаемными служащими и спецпереселенцами приблизительно в равных долях (491 и 480 чел. соответственно)¹. С середины 1930-х гг. стала практиковаться «целевая» подготовка из числа спецпереселенческой молодежи кадров для аграрного производства: в ряде городов Западной Сибири (Колпашево, Томск, Барнаул, Новосибирск) средние специальные заведения и даже вузы обучали молодежь, которая по окончании обучения фактически обязывалась вернуться на работу в места спецпоселений. По данным Отдела трудпоселений УНКВД по Запсибкраю на октябрь 1936 г. 300 детей спецпереселенцев обучались в техникумах и училищах региона, а 20 выпускников средних школ впервые были приняты в открывшийся Новосибирский сельхозинститут. Естественную тягу молодежи к получению образования и надежной профессии чекисты не без успеха использовали для укрепления кадрового потенциала спецпоселений. Так складывался уродливый, но по-своему стабильно действовавший механизм самообеспечения комендатур кадрами управленцев и специалистов-производственников.

¹ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. Новосибирск, 1994. С. 244—245.

Динамика трудового потенциала неуставных артелей требует особого рассмотрения, лимитированного к тому же структурой источниковой базы, которой располагают современные исследователи: не сохранилось делопроизводство комендатур и артелей, а отчетный материал Отделов спец(труд)поселений содержит лишь агрегированные данные о «движении спецконтингентов» за определенный отрезок времени (квартальные, полугодовые или годовые сведения), о трудовом использовании, смертности, побегах, передаче в ведение других ведомств и т.д. Однако очевидны тенденции, действовавшие в данной сфере, которые были направлены на снижение масштабов мобильности спецпереселенцев (допускались только санкционированные специальными органами перемещения), на их «хозяйственное оседание» в спецпоселке. На это был направлен разветвленный комплекс режимных ограничений и запретов, чтобы свести к минимуму побеги и другие возможности официально покинуть поселение. Так называемая убыль спецпереселенцев первых нескольких лет становления сети комендатур к середине 1930-х гг. уравнивалась притоком спецконтингента по различным каналам, а сами масштабы «убыли» и «прибыли» резко сократились. Комендатурная система стабилизировалась, а вместе с ней стабилизировался и уродливый производственный комплекс спецпоселений, основанный на принудительном труде.

Важно отметить, что к минимуму была сведена «утечка» молодежи, частично получавшей, как отмечалось выше, компенсацию в виде возможности профессиональной и должностной карьеры внутри спецпоселений. Кроме того, с января 1935 г. режим перекрыл единственный легальный канал для выезда из спецпоселков, введя в законодательство поправку о том, что восстановление в гражданских правах не дает права выезда из мест поселений¹. Молодежь из числа спецпереселенцев призывного возраста не подлежала призыву не только в Красную Армию (что являлось главным каналом отъезда сельской, колхозной молодежи из деревни в сталинскую эпоху), но даже и в части тылового ополчения, служба в которых давала возможность (по ее окончании) восстановления в правах детям «лишенцев» в 1930—1936 годах.

Также к середине 1930-х гг. стали давать свои результаты весьма затратные по времени и ресурсам (финансовым и организационным) усилия спецорганов по воссоединению на спецпоселении разьединенных репрессиями 1930—1931 гг. семей, главы и взрослая молодежь которых оказывалась в тюрьмах а затем и в лагерях или в ссылке как «кулаки первой категории». Согласно репрессивной статистике квазисудебными органами («тройками ОГПУ») в стране было осуждено около 180 тыс. чел., в большинстве своем крестьян. Из этого числа около 19 тыс. чел. были приговорены к расстрелу, остальные были отправлены в места заключения и

¹ Собрание законов СССР. 1935. № 7. Ст. 57.

ссылку¹. Таким образом, более сотни тысяч крестьянских семей оказались на спецпоселении без основных трудоспособных членов, что поставило их на грань выживания. Оставим в стороне вопрос о приоритетах действий властей, которые, вначале решая сиюминутную конкретную репрессивную задачу по «изоляции кулацкого контрреволюционного актива», в последующем вынуждены были «исправлять» ситуацию, воссоединяя ими же разделенные семьи во имя теперь уже укрепления комендатурной экономики.

К проблеме регулирования трудового потенциала спецпоселений относится и аспект осуществления периодической «разгрузки» комендатур от нетрудоспособной части «спецконтингентов», к числу которых относились дети, инвалиды, старики, передаваемые на иждивение родственников. Содержание этих групп населения аппарат комендатур стремился вначале переложить на неуставные артели, когда последние в обязательном порядке должны были иметь специальный фонд для снабжения нетрудоспособной части спецпоселков. Но более прагматичный подход подсказывал чекистам путь передачи их с фактического социального обеспечения неуставных артелей на попечение родственников вне поселений, снижая тем самым нагрузку на экономику спецпоселений. Так, только осенью 1935 — весной 1936 г. местные чекисты «разгрузили» Нарымские комендатуры от почти 3 тыс. стариков и инвалидов².

Безусловно, что в тот же самый период сказывалось действие факторов противоположной направленности, тормозивших экономическую деятельность неуставных артелей. В неуставных артелях действовала более жесткая регламентация производственной и непроизводственной жизнедеятельности, чем в колхозах. Это касалось и меры административных взысканий и судебных репрессий за проступки и нарушения и запретов на передвижения за пределами комендатур. В спецпоселках, особенно в первой половине 1930-х гг. в катастрофических масштабах проявлялись заболеваемость и смертность, побегі спецпереселенцев, деструктивно влиявшие на трудовой потенциал спецпоселений. Однако, как отмечалось выше, действие компенсаторных механизмов постепенно начинало сказываться в направлении достижения неуставными артелями требуемой экономической стабильности.

Проделанный нами анализ основных направлений и результатов хозяйственной деятельности неуставных артелей Нарымского региона в 1930—1938 гг. не позволяет говорить о том, что хозяйственная система спецпоселений была более динамичной или «эффективной», нежели колхозная. В рамках существования сталинской мобилизационной экономической модели (правильнее, возможно, было бы говорить о внеэкономической модели) некоторые различия в условиях хозяйственной деятельности различных сек-

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 809.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 34. Л. 8.

торов носили эфемерный характер и легко нивелировались снятием льгот, отсрочек по налогам и платежам и т.д.

Колонизация в чекистском воплощении

С крестьянской ссылкой 1930-х гг. сталинское руководство связывало быстрое решение задачи колонизационного освоения необжитых, труднодоступных территорий, имевших богатые природные ресурсы. Создание в Нарымском регионе спецпоселений помогало решить сразу две проблемы — режимно-охранительную (из таких мест трудно было бежать) и экономическую (в местах нового освоения принудительно закреплялся контингент постоянных работников). Чекисты, ставшие хозяйственниками «по совместительству», не без основания полагали, что крестьянские семьи являются наиболее мобильным и способным адаптироваться к условиям колонизации трудовым ресурсом, пригодным для организации и развития всего спектра сельскохозяйственных, промысловых и лесозаготовительных работ.

Но верная в своей основе стратегическая посылка привела к противоположным результатам. До середины 1930-х гг. карательная система несла в Нарымском крае чистые убытки. Огромные по тем временам вложения (свыше 100 млн руб.) в создание практически на голом месте производственной и социально-культурной инфраструктуры в таежно-болотистой зоне в значительной своей части относились к безвозвратным. Достаточно сказать, что самая крупная расходная статья включала административно-управленческие расходы на содержание и функционирование аппаратов комендатур (четверть от суммы безвозвратных затрат). Из выданных спецпереселенцам возвратных средств (ссуд) на 35 млн руб. к 1938 г. было погашено едва 10,7 млн руб. Еще 10 млн руб. чекистам удалось списать по постановлениям правительства. Остаток ссудной задолженности спецпереселенцев Нарыма государству к 1938 г. (14,3 млн руб.) превышал стоимость всех товаров и продуктов заготовок (12,6 млн руб.), имевшихся на тот момент на балансе Отдела трудпоселений УНКВД Новосибирской области¹.

Для работы в сферах сельского хозяйства и промыслов были созданы т.н. неуставные артели, мало отличавшиеся по направлениям деятельности от уставных, но имевшие не «выборное», а комендантское руководство, режимные ограничения и отчислявшие из заработков значительные средства на содержание аппарата комендатур. В литературе новейшего времени (работы В.Я. Шашкова, Н.А. Ивницкого и др.)² отмечается: «...большинство неустав-

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. Новосибирск, 1994. С. 239—241.

² См.: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930—1954. Мурманск, 1996.

ных артелей добивались более высоких производственных результатов, чем соседние местные колхозы. В этом сказались хозяйственные навыки и мастерство бывших кулаков и зажиточных крестьян, а не трудовое перевоспитание, как это утверждалось в советской историографии...»¹ Сопоставление ряда показателей состояния и хозяйственной деятельности колхозов и неуставных артелей на 1937 г. иллюстрируется данными Таблицы 4 (см. Приложение).

В действительности же высокая результативность хозяйственной деятельности спецпереселенцев имела более сложную природу, чем представляется некоторым исследователям. Спецпереселенцы, сосредоточенные в Нарыме и других местах ссылки, не очень отличались по хозяйственным навыкам и мастерству от крестьян-старожилов. Но у них была повышенная мотивация к труду (в противном случае им грозила голодная смерть). Кроме того, от количества и качества труда («ударничества») зависели и перспективы восстановления их в гражданских правах. Следует также учитывать, что у местных колхозов не было мощного административного ресурса в виде карательных органов, заинтересованных в получении от государства дополнительных финансовых и материальных средств для вложения в экономику спецпоселений и способных получить требуемые средства. Помимо этого руководство ОГПУ—НКВД с 1933 по 1937 г. регулярно добивалось правительственных решений о льготном финансировании неуставных артелей, списании с них задолженностей, отсрочке ряда госпоставок и платежей. Наконец, отделы спец(труд)поселений вели самостоятельную ведомственную отчетность, не подконтрольную государственным, в частности, финансовым органам, что давало широкие возможности для манипулирования статистикой. Иначе говоря, неуставные артели отличались от колхозов по условиям ведения хозяйственной деятельности, а спецпереселенцы от колхозников — по мотивации трудовой деятельности. Эти условия хозяйствования и мотивация труда были искаженными, деформированными самой природой принудительного труда. Впрочем, и спецпереселенцы и колхозники являлись социальными жертвами двух разновидностей сталинской политики раскрестьянивания — принудительной и «добровольной», генетически близких друг другу. Не случайно, когда в 1938 г. карательные органы передали советским и хозяйственным органам Нарыма неуставные артели, последние сравнительно быстро оказались задавленными налогами и повинностями наравне с местными колхозами.

¹ Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 241.

Таблица 1

Неуставные сельхозартели трудоселенцев
(по состоянию на 20 ноября 1935 г.)

Районы	Число с/х артелей	Семейств в них	Людей в них	% членов арте- лей ко всему населению т/поселков
Зап. Сибирь	486	29900	83077	81,0
Сев. Казакстан	41	17000	49000	94,0
Южн. -"	11	1290	5162	20,0
Сев. Кав. край	40	13000	50675	100,0
Вост. Сибирь	74	7560	26896	46,0
Красноярский край	39	4204	17734	51,2
Свердловская обл.	269	27250	89050	52,0
Челябинская обл.	27	9762	35729	58,0
Омская обл.	79	7380	29168	78,1
Кировский край	6	1030	3754	68,6
ДВК	25	1053	3805	60,0
Куйбышев. край	7	1306	4648	89,3
Северный край	155	16082	49115	87,5
Башкирия	11	2632	10698	82,5
Оренбургск. край	3	—	347	14,0
УССР	1	460	1443	100,0
Узбекистан	1	230	407	100,0
Таджикистан	20	1399	4254	100,0
Ленинград. обл.	3	1451	3061	—
Белбалткомбинат	23	3500	14000	80,0
Якутская	2	76	33	—
ВСЕГО:	1323	134865	479354	—

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1275. Л. 51.

Исключительно сельским хозяйством занимаются в Нарыме Зап. Си-
бири 416 артелей, в Северном Казакстане 36 артелей, на Северном Кавка-
зе все 40 артелей, в Вост. Сибири 6, Омской обл. 13.

Остальные артели занимаются подсобным сельским хозяйством в про-
мышленных хозорганизациях, где главы семейств работают в промышленно-
сти, а члены семейств работают в артельном сельском хозяйстве. —
(Прим. док.)

Таблица 2

**Обеспеченность трудпоселенцев продуктивным скотом
по основным районам на 1 семью
(по состоянию на ноябрь 1935 г.)**

Район	Круп. рог. скот вместе с молодняком	Овцы и козы	Свиньи
Зап. Сибирь	1,2	0,56	0,49
Сев. Казакстан	0,25	0,34	0,30
Сев. Кавказ	0,91	4,2	0,35
Свердлов. обл.	0,35	0,28	0,09
Омская обл.	0,31	0,17	0,03
Краснояр. кр.	0,26	0,04	0,1
Вост. Сибирь	0,23	0,05	0,18
Челябинск. обл.	0,37	0,35	0,21
Белбалткомбинат	0,11	0,06	—

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1275. Л. 55.

Таблица 3

**Неуставные сельхозартели трудпоселенцев
(по состоянию на 1 января 1938 г.)**

Регион	Число сельхоз- артелей	Семей в них	Едоков в них	Средняя числен- ность на одну сельхозартель	
				Семей	Человек
Новосибирская обл.	354	16148	68952	46	195
Орджоникидзевский край	38	11439	42284	301	1113
Архангельская обл.	72	8432	33728	117	468
Вологодская -"	33	2025	6309	61	191
Коми АССР	37	5418	17833	146	482
Ленинградская обл.	1	25	105	25	105
Карельская АССР	2	367	1009	184	505
Белбалткомбинат НКВД	23	4789	16267	208	707
Иркутская обл. и Бурят-Монгольская АССР	29	3541	11849	122	409
ДВК и Читинская обл.	27	1400	6155	52	228
Красноярский край	47	3708	14249	79	303
Кировская обл.	7	1134	5270	162	753
Свердловская -"	126	13319	50524	106	401
Челябинская -"	17	1403	4896	83	288
Башкирская АССР	10	2499	10470	250	1047
Куйбышевская обл.	3	662	2186	221	729
Оренбургская -"	2	131	562	66	281
Омская -"	98	7327	30714	75	313

Регион	Число сельхоз- артелей	Семей в них	Едоков в них	Средняя числен- ность на одну сельхозартель	
				Семей	Человек
Якутская АССР	2	135	528	68	264
Сталинградская обл.	10	555	2618	56	262
Районы БАМа	7	745	3690	106	527
Ухтлечлаг НКВД	1	13	43	13	43
ИТОГО по РСФСР	946	85215	330241	90	349
Северный Казахстан (труд-поселенцы)	44	11757	40086	267	911
Северный Казахстан (высе- ленные в 1936 г. поляки)	37	9466	42105	256	1138
Южный Казахстан	8	1388	5868	174	733
Узбекская ССР	1	264	661	264	661
Киргизская ССР	1	227	1062	227	1062
Таджикская ССР	20	2847	9027	142	451
Украинская ССР	1	234	620	234	620
ИТОГО по другим союзным республикам	112	26183	99429	234	888
ВСЕГО по СССР	1058	111 398	429 670	105	406

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 16а.

Опубликовано: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930—1960. М., 2003. С. 52.

Таблица 4

**Развитие колхозов и неуставных сельхозартелей
(трудпоселенческих хозяйств) в 1937 г.**

Показатель	Колхозы	Неуставные артели	% неуставных артелей к колхозам
Сельхозартели	242500	1058	0,5
В них:			
семей	18500000	111400	0,6
тракторов, шт.	451000	1000	0,2
комбайнов, шт.	105000	100	0,1
автомашин, шт.	119000	200	0,15
Выращено:			
зерна, т	70000000	300000	0,3
картофеля, т	20000000	167800	0,8
крупного рогато- го скота, гол.	14800000	197000	1,2
овец и коз, гол.	22800000	224000	1,0

Составлена по: Историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 497; ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 16—20.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Introduction	10

ЧАСТЬ 1

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ: ЭКОНОМИКА СИСТЕМЫ

Глава I. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е — середина 1950-х гг. <i>Соколов А.К.</i>	17
Глава II. Экономика ОГПУ—НКВД—МВД СССР в 1930—1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. <i>Хлевнюк О.В.</i>	67
Глава III. Лагерная система в 1930-е — 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления. <i>Эртыц С.</i>	90
Глава IV. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием. <i>Бородкин Л.И.</i>	129
Глава V. Коррупция в ГУЛАГе: дилеммы чиновников и узников. <i>Хейнцен Дж.</i>	157

ЧАСТЬ 2

ЭКОНОМИКА ГУЛАГА В РЕГИОНАЛЬНЫХ И ОТРАСЛЕВЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Глава VI. ГУЛАГ в Карелии: 1929—1941 гг. <i>Дэжойс К.</i>	177
Глава VII. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага. <i>Бородкин Л.И., Эртыц С.</i>	197
Глава VIII. Магадан и становление экономики Дальстроя в 1930-е гг. <i>Норландер Д.</i>	239
Глава IX. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х — начало 1950-х гг): эффективность и производительность. <i>Суслов А.Б.</i>	255
Глава X. Спецпереселенцы, спецартели и спецорганы: механизмы и результаты спецколонизации севера Западной Сибири в 1930-е гг. <i>Красильников С.А.</i>	279

INTRODUCTION

Introduction	10

PART 1

ARCHIPELAGO GULAG: THE ECONOMY OF THE SYSTEM

Chapter I. Forced Labor in the Soviet Economy: 1930 — the Mid 1950s. <i>A.K. Sokolov</i>	17
Chapter II. The Economics of the OGPU—NKVD—MVD, 1930—1952: Scope, Structure, and Development. <i>O.V. Khlevnyuk</i> ..	67
Chapter III. The Camp System from 1930 to the 1950s: Evolution of Structure and Principles of Administration. <i>S. Ertz</i>	90
Chapter IV. Labor in the Gulag: Force versus Incentives. <i>L.I. Borodkin</i>	129
Chapter V. Corruption in the Gulag: Dilemmas of Administrators and Inmates. <i>J. Heinzen</i>	157

PART 2

THE ECONOMICS OF THE GULAG IN REGIONAL AND BRANCH PERSPECTIVES

Chapter VI. The Gulag in Karelia: 1929—1941. <i>C. Joyce</i>	177
Chapter VII. Polar Nickel: The Labor of the Inmates of Noril'sk Camp. <i>L.I. Borodkin and S. Ertz</i>	197
Chapter VIII. Magadan and the Creation of the Economic Structure of Dal'stroi in the 1930s. <i>D. Norlander</i>	239
Chapter IX. Forced Labor in the Urals (From the End of the 1920s to the Beginning of the 1950s: Efficiency and Productivity. <i>A.B. Suslov</i>	255
Chapter X. Special Settlers, Special Settlements and Special Organs of the North of Western Siberia in the 1930s. <i>S.A. Krasil'nikov</i> ..	279

Научное издание

История сталинизма

**ГУЛАГ: ЭКОНОМИКА
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА**

Художественный редактор *А.К.Сорокин*

Художественное оформление *П.П.Ефремов*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.08.2008.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,0. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1420

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.